

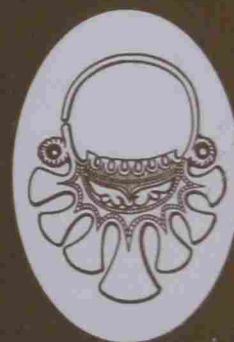
ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2003

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

МАИК “НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА”

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2003

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Макаров,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2003

К 75-летию Л.А. Гиндина

Фрако-троянское взаимодействие в III–II тыс. до н.э. <i>Н. Я. Мерперт</i>	5
Супонево: внежилищный участок. Структура поселения <i>В. Я. Сергин</i>	14
Древнейшие горные выработки каменного сырья в Приморье (по материалам поселения Устиновка-IV) <i>В. И. Дьяков</i>	28
Уникальные иконографические образы антропоморфной пластики культуры Триполье-Кукутень <i>Т. А. Попова</i>	39
Многофигурные композиции в искусстве пазырыкской культуры <i>И. В. Тришина</i>	44
Структура древнего землеустройства Таманского полуострова <i>Г. П. Гарбузов</i>	61
К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе <i>М. В. Любичев</i>	71
Епископский комплекс V–VI вв. в Нове (Свиштов) в Болгарии <i>А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клена</i>	82

Дискуссии

К вопросу о “долечной” технике <i>А. Е. Матюхин</i>	98
--	----

Публикации

Дигорские “пекторали” предскифского периода <i>С. Б. Вальчак, А. Ю. Скаков</i>	114
Курганы у полеска Колодня на Днепре <i>В. В. Енуков</i>	123
Китайский фарфор с Болгарского городища <i>М. Д. Полубояринова</i>	136
“Камень аспиден зелен”. Об одной группе древнерусских крестов из порфирита <i>А. Е. Мусин</i>	145

История науки

О Татьяне Сергеевне Пассек <i>А. А. Формозов</i>	156
Анне Епифановне Алиховой 100 лет <i>Р. Ф. Воронина</i>	166

Заметки

Новые сарматские тамги в Подонье <i>А. С. Скрипкин, В. В. Дворниченко</i>	169
О разграблении памятников археологии в Карачаево-Черкесии <i>М. Б. Рысин, А. В. Субботин, С. В. Красниенко</i>	172

Критика и библиография

Gorshenina S., Rapin Cl. De Kaboul á Samarcande. Les archéologues en Asie Centrale. Paris, Gallimard, 2001 <i>Г. А. Кошеленко</i>	176
Е.Г. Дэвлет “Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование”. М.: Научный мир, 2002 <i>Н. Я. Мерперт</i>	180

Хроника

Международная конференция “Современные проблемы археологии”, посвященная памяти Владимира Федоровича Генинга <i>Н. С. Абашина, С. П. Пачкова</i>	183
Конференция “Научное наследие А. Е. Алиховой и археология Восточно-Европейской лесостепи” <i>Г. Н. Белорыбкин, В. В. Ставицкий</i>	188
X Международный научный семинар “Интеграция археологических и этнографических исследований в Ханты-Мансийске” <i>С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов</i>	190
Коллектив авторов. К 75-летию профессора А.В. Циркина	192

Сдано в набор 10.04.2003 г.	Подписано к печати 10.06.2003 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈		
Офсетная печать	Усл. печ. л. 24.0	Усл. кр.-отт. 24.8 тыс.	Уч.-изд. л. 25.7	Бум. л. 12.0
	Тираж 1012 экз.	Зак. 7414		

Свидетельство о регистрации № 0110154 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 3, 2003

In commemoration of the 75th anniversary of L.A. Gindin

The Thraco-Trojan interaction in the 3 rd – the 2 nd millennia BC <i>N. Ya. Merpert</i>	5
Suponevo: The area beyond the dwelling, and the structure of the habitation site <i>V. Ya. Sergin</i>	14
The earliest stone quarries in Primorye <i>V. I. D'yakov</i>	28
Unique iconographic images in the anthropomorphic plastics of Tripolye-Cucuteni culture <i>T. A. Popova</i>	39
Multifigured compositions in art of Pazyryk culture <i>I. V. Trishina</i>	44
Ancient organisation of the use of land in the Taman Peninsula <i>G. P. Garbuzov</i>	61
Concerning the chronology of emergence of Chernyakhov culture sites in the Dnieper and Don watershed <i>M. V. Lyubichev</i>	71
Bishop complex of the 5 th – the 6 th cc. in Nova (Svishtov), in Bulgaria <i>A. B. Bernatsky, E. Yu. Klenina</i>	82

Discussions

On the problem of the “slicing” technique <i>A. E. Matyukhin</i>	98
---	----

Publications

The Digori pectorals of the pre-Scythian period <i>S. B. Valchak, A. Yu. Skakov</i>	114
The Burial Mounds near the Kolodnia Community on the Dnieper <i>V. V. Enukov</i>	123
The Chinese porcelain from the Bolgar fortified site <i>M. D. Poluboyarinova</i>	136
On certain group of ancient Russian crosses made of porphyry <i>A. E. Musin</i>	145

History of science

Concerning Tat'yana Sergeevna Passek <i>A. A. Formozov</i>	156
The hundredth anniversary of Anna Epifanovna Alikhova <i>R. F. Voronina</i>	166

Notes

New Sarmatian tamga-signs in the Don basin <i>A. S. Skripkin, V. V. Dvornichenko</i>	169
On plundering archaeological sites in Karachai-Circassia <i>M. B. Rysin, A. V. Subbotin, S. V. Krasnienko</i>	172

Critics and bibliography

Gorshenina S., Rapin Cl. De Kaboul a Samarcande. Les archeologues en Asie Centrale. Paris, 2001 <i>G. A. Koshelenko</i>	176
E.G. Devlet. Monuments of rock art: Studies, preservation, use. Moscow, 2002 <i>N. Ya. Merpert</i>	180

Chronicle

International conference "Modern problems of archaeology" in commemoration of Vladimir Fedorovich Gening <i>N. S. Abashina, S. P. Pachkova</i>	183
Conference "Scientific heritage of A. E. Alikhova and the archaeology of East European forest-steppe" <i>G. N. Belorybkin, V. V. Stavitsky</i>	188
X International scientific seminar "Integration of archaeological and ethnographic investigations in Khanty-Mansijsk" <i>S. F. Tataurov, S. S. Tikhonov</i>	190
Commemorating the 75 th anniversary of Professor A.V. Tsirkin	192

ФРАКО-ТРОЯНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В III–II ТЫС. ДО Н.Э.

© 2003 г. Н. Я. Мерперт

Институт археологии РАН, Москва

Проблемы древнейшей истории Балкано-Анатолийского региона – важнейшей контактной зоны на юге евразийского пограничья, сыгравшей особую роль в формировании, развитии и взаимодействии как языковых, так и общекультурных феноменов обоих континентов, всегда вызывали особый интерес как лингвистов, так и археологов. Хорошо известно, что неоднократно предпринимавшиеся попытки совместных археолого-лингвистических разработок, особенно касавшихся этнической идентификации культурных общностей отдаленных (а тем более дописьменных) периодов, достаточно редко приводили к выработке общего языка между представителями указанных наук, общей методики исследования, согласованных результатов. Вопросы соотношения языковых общностей с общностями культурными, а тех и других – с соматическими характеристиками населения по сей день остаются резко дискуссионными. “Сближение позиций” археологов и лингвистов происходит здесь чрезвычайно трудно, порой и мучительно. По сути дела, это касается большинства соответствующих проблем – от проблемы культуры и этноса шумерийцев до проблемы культур и этноса древних славян.

Что же касается Балкано-Анатолийского региона, то происходившие здесь в дописьменный и раннеписьменный периоды этнокультурные процессы отличаются особой динамикой, сложностью, многокомпонентностью, сменой источников и направлений, определяющих культурных воздействий. Это в еще большей мере усугубляет трудности отмеченных выше разработок, построенных на сочетании и корреляции лингво-филологических и археологических свидетельств. Увеличивается риск подмены подлинной корреляции искусственным включением свидетельств одной науки в систематику другой.

Хорошо понимая это, Л.А. Гиндин с предельной четкостью определил характер координации полученных в результате лингвистического анализа результатов “... как языковых, так частично и этногенетических, с данными археологии из интересующего нас ареала. При этом, – пишет он, – необходимо сделать, по крайней мере, одно предварительное замечание. В процессе обработки языковых фактов мы намеренно абстрагирова-

лись от археологической стороны вопроса, полагая, что для решения экстралингвистических проблем и особенно вопросов этногенеза дописьменного периода, сопоставимы могут быть только конечные выводы лингвистики и археологии, достигаемые совершенно независимым путем. Лишь соблюдение указанного условия предоставляет каждой из этих наук дополнительные критерии истинности, обеспечивая исследованию необходимое отсутствие предвзятости” (Гиндин, 1981. С. 184).

Тем самым формулируется основной принцип координации. Отмечу полное его соответствие приемам этногенетических построений, выделенных еще в 1959 г. в превосходной статье Г.С. Кнабе, посвященной соотношению археологических культур и этноса (Кнабе, 1959). Этим автором такие приемы сгруппированы по трем разделам. К первому отнесены методы, либо чисто лингвистические, либо чисто археологические, используемые без попыток их сопряжения и взаимодействия. Второй объединяет методы взаимной увязки и проверки конечных результатов, полученных обоими путями. В третий же раздел включены методы, “...при которых не только конечные результаты, полученные лингвистом и археологом, приводятся в связь, но и в самом ходе исследования данные языка и материальной культуры берутся в постоянной и органической обусловленности” (Кнабе, 1959. С. 245).

Отметим, что именно комплексность методики, постоянная корреляция данных анализа лингвистических и археологических свидетельств с определением форм их взаимообусловленности последовательно проводятся на основных этапах исследования и составляют наиболее сильную сторону обобщающих работ Л.А. Гиндина и дают наибольший результат (Гиндин, 1981; 1993; Гиндин, Цымбурский, 1996). С середины 1960-х годов Л.А. Гиндин, блестяще анализируя зачастую количественно весьма скудные, а интерпретационно предельно сложные рудименты палеобалканских языков, систематизируя и превращая в важнейший лингво-исторический источник данные гидро- и топонимии, а прежде всего ономастики, увязывая их с конкретными индоевропейскими слоями, закладывал лингвистический фундамент будущих своих обобщений (Гиндин, 1967; 1969; 1971; 1972а,б;

1973; 1976). Именно анализ собственно лингвистических феноменов позволил ему обосновать расчленение лингво-этнического пространства Балканского полуострова догреческого и прагреческого периодов на четыре региона: восток с доминантой фракийского языка и связанными с последним дакийским и дако-мизийским языками; запад с доминантой иллирийского языка, определявшей характер и судьбы языков далматинцев, паннонцев и пр.; центрально-южный район с языками древних македонцев, фригийцев, возможно наиболее ранних армянских и отдельных прагреческих групп; юг (включавший, наряду с соответствующими районами полуострова, Крит и Эгейю) с “пеласгским” языком (по мнению Л.А. Гиндина, генетически тождественным фракийскому), раннехетто-лувийскими диалектами, связанными, очевидно, с продвижением на запад анатолийских племен, наконец, как и в предшествующем регионе, с языком древнейших прагреческих групп (Гиндин, 1981. С. 14, 15).

При всей сложности этой картины, усугубленной языковыми и племенными смешениями и перемещениями, охватившими не только собственно Балканы и Эгейю, но и обширные районы Анатолии (откуда, в свою очередь, возможно движение отдельных этнических групп в обратном – западном – направлении), в ней четко выделяется особая роль фракийского языка, распространения его элементов, взаимодействия его с прочими крупными языковыми феноменами региона. Уже по собственно лингвистическим показателям постулируется наличие балканских (фракийских) компонентов в троянском племенном союзе, а далее и превалирующее их значение в составе населения гомеровской Трои. Именно с нарастающим их воздействием Л.А. Гиндин связывает оттеснение хеттоязычного населения с севера и центра Малой Азии к югу и востоку (Гиндин, 1981. С. 16). И совершенно закономерно представляется заключение его о том, что “...одной из самых важных представляется проблема фрако-хетто-лувийских лексико-ономастических отношений, входящая в более широкую тему балканско-анатолийских языковых связей. Ее значение прежде всего заключается в том важнейшем обстоятельстве, что посредством этнолингвистического анализа древнебалканской ономастики в сравнении с ранне- и позднехеттской, resp. анатолийской, может быть выявлен древнейший из доступных исследованию слой фракийской и, шире, балканской ономастики...” (Гиндин, 1981. С. 19).

В этой связи А. Гиндиным проведено обширное и предельно убедительное аналитическое исследование фактически во всех аспектах фракийской лингвистической проблемы от реконструкции языка в ареальном аспекте до исчерпывающего сравнительного изучения с одной стороны фрако-хетто-лувийских изоглосс (с соответствующим

сопоставлением фракийских топонимов с анатолийским ономастическим массивом), с другой – фрако-малоазийских (фрако-троянских) изоглосс (и, следовательно, фрако-троянских лексико-ономастических тождеств). При этом для первого пласта соответствий он видит возможные объяснения в ареальной близости языковых массивов на разных хронологических этапах и в рамках заметно меняющихся пространственных соотношений или же в прямом проникновении хетто-лувийской лексики в лингвистическое пространство древней Фракии. Для второго же – фрако-троянского пласта постулируется “обратное направление лексической траектории идентифицируемых ономастических фактов, что вполне укладывается в культурно-этнографический контекст, вскрываемый исторически и археологически для данного географического района на протяжении всех негреческих слоев Гисарлыка, начиная с Трои I и кончая Троей VIb2” (Гиндин, 1981. С. 118).

Уже здесь исследователь закономерно обращается к археологическим свидетельствам, прекрасно сознавая то, что только они могут обусловить хронологическую и территориальную конкретизацию его лингвистических постулатов. При этом недостаточна уже фиксация отдельных соответствий, подобных наличию языковых и археологических фракийских элементов в последовательных периодах развития Трои (хотя несомненное значение этого факта совершенно очевидно). Необходимо выявление системы подобных фактов, позволяющей очерчивать этнические ареалы с определением их изменений во времени и соотношении между собой. Это же, в свою очередь, потребовало ряда терминологических уточнений и, главное, выработки форм взаимодействия, взаимного контроля и обогащения лингво-филологических и археологических изысканий, т.е. в конечном счете выработки основных методик комплексных исследований. Опыт соответствующей разработки был предложен Л.А. Гиндиным и автором этих строк в 1984 г. (Гиндин, Мерперт, 1984). Сам термин “этногенез” мы толковали в широком его понимании, включавшем вопросы взаимодействия на определенных хронологических срезах всех языковых, археологических и литературных факторов, определявших образование отдельных этносов и этнических общностей. Среди методов комплексных исследований некоторые были выделены как наиболее конструктивные.

Первый из них – “локалистский” – заключается в использовании максимума показателей археологии и лингвистики для обоснования последовательности и преемственности развития конкретных культурных феноменов на определенной территории с сохранением единства основного комплекса. При подобной гомогенности отмеченного процесса, прослеженной по основным отмеченным показателям вплоть до исторически фиксирован-

ных этнических групп, можно определяющие характеристики последних, включая языковые, ретроспективно распространять на предшествующие ступени развития. В этой связи подчеркивалось, что ретроспекция “является неотъемлемой частью характеризованного метода и представляется фактически единственным путем его применения” (Гиндин, Мерперт, 1984. С. 7).

Вторым был выделен метод “этнизирующих” признаков. Он заключался в определении археологических показателей, в наименьшей мере связанных с потребностями производительной деятельности, закономерностями экономического развития и военными нуждами, что резко уменьшало возможность конвергентного возникновения их у двух различных этнических групп. Это прежде всего показатели, связанные с духовной жизнью – верованиями, ритуальной (в том числе погребальной) практикой, обрядами, орнаментацией и специфическими формами сосудов, произведениями искусства, украшениями. Их сочетание в едином комплексе, характерном для определенной территории, является достаточно четким свидетельством этнического единства, включающего, естественно, и единство языка.

К комплексным методам должен быть отнесен и массовый анализ топонимов и особенно гидронимов с составлением соответствующих карт и наложением их на карты археологических общностей, особенно отмеченных комплексами “этнизирующих” признаков. Этот метод особенно эффективен, если подобное наложение карт произведено для ряда последовательных периодов: с его помощью могут быть ориентировочно намечены границы этнокультурных общностей и изменения их на нескольких хронологических срезах. Последние же определяются по стратиграфическим показателям археологических памятников – прежде всего многослойных поселений с выделением конкретных строительных уровней и корреляцией их материалов с показателями отмеченных выше карт и, следовательно, с этно-лингвистическими группами, а также с данными антропологических, палеогеографических и прочих исследований.

Действенность отмеченных методических принципов опробована с наибольшей результативностью в последних работах Л.А. Гиндина, как собственных, так и написанных в соавторстве с В.Л. Цымбурским.

Уже в 1970-х – начале 1980-х годов, но еще в тезисной форме, им были определены основные направления комплексных археолого-лингвистических исследований на Балканах и в Северо-Западной Анатолии, а также гипотетически предложен тезис о протофракийской принадлежности значительных групп населения обоих регионов в III тыс. до н.э. (Гиндин, 1981. С. 188). А в 1990-х годах тезисы эти превращены в широкое, прочно

обоснованное построение, опирающееся на анализ огромных лингвистических и археологических материалов, сопряженных согласно кратко охарактеризованным выше методическим приемам (Гиндин, 1993; Гиндин, Цымбурский, 1996). Очень коротко остановлюсь на отдельных моментах этого построения, наиболее показательных в аспекте корреляции данных обеих наук. При этом в основном я буду касаться этнокультурной ситуации на Северо-Восточных Балканах и в отдаленной от них лишь узкой полоской проливов Северо-Западной Анатолии, т.е. фактически в едином Балкано-Анатолийском регионе. Ситуация эта с IV до рубежа II и I тыс. до н.э. была достаточно сложной, многообразной и переменчивой. И все же можно с определенными основаниями говорить, что доминирующие этнические процессы на протяжении этой длительной эпохи были связаны прежде всего с фракийским этносом – его формированием, развитием, выделением конкретных групп, их взаимодействием, расселением, внутренними и внешними связями. Проблема эта была стержневой и в исследованиях Л.А. Гиндина, но в целом они не ограничивались ею, охватывая и соответствующие вопросы ахейского, греческого, лувийского, хеттского этносов. Рассмотреть их в рамках краткой статьи невозможно. Поэтому ограничусь фракийской проблемой, тем более, что с ней связаны и мои более чем 30-летние полевые исследования в Верхне-Фракийской долине.

Для ретроспективной разработки отмеченной проблемы Л.А. Гиндиным и В.Л. Цымбурским (1996. С. 187 и сл.) исходным опорным пунктом была закономерно избрана гомеровская Троя, с которой связано достаточно значительное число как лингво-филологических, так и археологических свидетельств. Но для еще более четкого определения места “Трои Приама” в рассматриваемом процессе авторы начинают с более позднего периода – с основания греками в VIII в. до н.э. Трои VIII, что документируется всеми доступными видами источников. Также безусловно документируется прорыв с запада – из континентальной Фракии – позднефракийской племенной группы треров, а вслед за ними (на грани VII и VI вв. до н.э.) последней фракийской волны – стримонских племен вифинцев. Эти волны принесли “массу новых языковых и культурных элементов из Фракии. Гомеровский эпос при всей гетерогенности сообщаемых им фактов все-таки ясно позволяет обозначить те пласты троянской топонимики, которые должны были предшествовать инвазиям треров и вифинцев” (Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 187). Последнее надежно подтверждается и самой стратиграфией Трои, где Троя VIII и последующие за ней фракийские слои занимают строго определенное место, и свитой предшествующих слоев, отделены от “Приамовой Трои”. Из последних в ходе ретро-

спективного рассмотрения материалов выделяется так называемая Троя VПb2, относимая К. Блегеном к концу XII – началу XI в. до н.э. (Blegen, 1963. P. 169 f). Глубоко специфическая чернолощенная керамика с характерными полуконическими декоративными выпуклостями позволяет прочно связать Трою VПb2 с памятниками так называемого “фракийского гальштатта”. Последние достаточно хорошо известны на Северо-Восточных Балканах и имеют четко выраженную направленность определяющих связей с Юго-Восточной Европой (прежде всего, Подунавьем) и соответственно с раннекельтскими и иллирийскими этносами (Сісікова, 1972. P. 123 и сл.; Капчев, 1974. P. 65 и сл.). Особенно важен комплекс сосудов, абсолютно идентичных находкам в слое Трои VПb2, открытый близ Казанлыка в Верхне-Фракийской долине и имеющий здесь, по заключению акад. Д. Димитрова, как предшествующие прототипы, так и продолжение развития на последующих ступенях развития фракийской культуры (Dimitrov, 1971. P. 79).

Между тем Троя VПb2, знаменуя очередной период активизации западных связей (и, возможно, новый приток фракийского населения), непосредственно перекрывает слой небольшого поселка Троя VПb1, стоявшего на руинах “Приамовой Трои” и генетически с ней связанного. Тем самым стратиграфически определяется *terminus ante quem* для последней. Археологические данные ее (вне зависимости от принадлежности слою VII или концу слоя VI – здесь решающими будут результаты проводящихся ныне исследований М. Корфманна) достаточно определены и наличие в них фракийских элементов безусловно. Троянские же предания повествуют о правлении в Трое вплоть до гомеровского времени фракийской династии, возводившейся к древним царям Дардании. Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский имеют достаточные основания утверждать “что ко времени создания Илиады Троя четыре с лишним века была населена фракийцами, причем предшественниками этих фракийцев были известные здесь с конца XIV в. до н.э. дарданийцы или дарданцы” (Гиндин, Цимбульский, 1996. С. 218). Таким образом научное обоснование получило давнее предположение К. Шухардта (Schuchardt, 1940).

Между тем сами дарданцы, сформировавшиеся на стыке фракийского и иллирийского ареалов, включали несомненные фракийские элементы, наличие которых в Трое еще более углубляется. Они превосходно проанализированы Л.А. Гиндиным (1993. С. 14–42), превратившим лингво-филологические свидетельства, касающиеся их, в надежный исторический источник. При этом должным образом учитывается определенная гетерогенность развития населения Трои, участие в этом процессе греческих и хетто-лувийских этни-

ческих элементов, что не приводило, однако, к сколько-нибудь резкому перелому в этнокультурной истории города и Трояды в целом. В этом плане Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский солидаризируются с К. Биттелем, отрицавшим, вопреки К. Блегену, подобный перелом и доказавшим наличие в Трое VI как архитектуры, так и керамики более ранних, ставших уже традиционными форм, имеющих прямое продолжение в последующей – “Приамовой”, “фракийской” Трое (Bittel, 1956). “В таком случае, – пишут названные авторы, – население Трои предстало бы однородным с начала Трои I по конец Трои VПb1, когда в Трояду прибывают носители культуры “фракийского гальштатта”, т.е. на протяжении почти двух тысячелетий” (Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 223). И далее: “Есть все основания считать, что ко времени Троянской войны раннефракийские элементы преобладали в составе племенной общности тевкров, которые считались древнейшими обитателями Трояды” (там же). Корреляция данных анализа гомеровских сказаний и троянской ономастики позволяет доводить их до середины II тыс. до н.э. и далее – до XVIII в. до н.э. Подчеркну, что я говорю здесь о фракийцах, уже сформировавшихся и известных по нарративным источникам, или по крайней мере о непосредственных их предках – прафракийцах.

Отмечу еще два чрезвычайно убедительных доказательства принадлежности Трои к северо-балканскому миру, приведенных Л.А. Гиндиным и В.Л. Цымбурским.

Первое – превосходный анализ гомеровского текста, в котором бог троянской реки Ксанф, омонимичный фракийскому племени ксанфиев, воодушевляет северобалканских героев (пеонийцев), “...связанных узами родства со своей рекой, берущей истоки в “другой”, европейской Дардании, прячет их в своих глубинах и бьется вместе с ними” (Гиндин, Цимбульский. С. 205).

Второе – этимология самого наименования “Троя”. Переосмыслив и дополнив плодотворную гипотезу акад. Вл. Георгиева о названии северофракийского племени Trausoiu как связующем звене между троянским и иллирийским (личные имена Trosius, Trosia) ареалами, Л.А. Гиндин (1981) заключил, что “И греч. Trwilsa, и хет. T(a)ruila являются независимыми и разновременными передачами одного и того же туземного названия северобалканского происхождения с ближайшими соответствиями во Фракии.” И далее: “...перед нами не только этникон с древними северобалканскими связями, отражающими языковое родство ранних обитателей Трояды с носителями палеобалканских индоевропейских диалектов III–II тыс. до н.э., но этноним, исторически тождественный названию одной из наиболее мощных группировок протофракийских племен, которое превратилось в устах греков в обобщаю-

щий термин для всего фракийского мира... это, может быть, самое значительное подтверждение доминирующей роли ранних фракийцев в этногенезе Трои” (Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 214).

По лингвистическим показателям контакты греков с “травсийскими” (фракийскими) племенами начались не позже начала II тыс. до н.э. К этому времени Трояда уже выделилась из общего протофракийского ареала, на чем я остановлюсь несколько ниже. Ныне же отмечу положение Л.А. Гиндина, определяющее отношение ученого к основному нарративному источнику его исследования. “Гомеровский эпос, – пишет он, – отнюдь не историческая хроника, но поэтический феномен *par excellence*, преобразующий с опорой на определенный эпический канон историческую реальность в историю мыслимую, *спрессовывая при этом в единый временной и пространственный срез (в рамках эпического времени и пространства) колоссальный протяженности диахронический отрезок* (курсив мой – Н.М.), вмещающий в пунктирном виде напоминания практически обо всех слоях археологической Трои, сохраняя их последовательность и, возможно, этнически маркируя сознательно или, в соответствии с эпической традицией, посредством имен собственных”. И далее: “текст гомеровских поэм обладает двумя специфическими видами историзма – с одной стороны, фольклорным, позволяющим расширять рамки повествования вглубь веков, и, с другой стороны, авторски-личностным, синхронно совпадающим со временем создания поэм” (Гиндин, 1993. С. 8, 9).

Именно такой подход обусловил исследование и сюжетов, и лингвистических особенностей и ономастических показателей гомеровских поэм с учетом хронологической их протяженности при сохранении внутренней взаимосвязи и единства основного комплекса – т.е. в соответствии с “локалистским” методом. “В результате на актуально-эпической плоскости поэм как бы впрямую проецируются те древние конкретно-исторические импульсы, которые обусловили данную фольклорную традицию у ее истоков” (Гиндин, 1993. С. 9).

Все это позволяет утверждать, что теоретически, создав глубоко правильные предпосылки, и практически, используя все возможные направления анализа всех доступных источников, Л.А. Гиндин создал весьма прочную базу исследования фракийско-троянской проблемы, доведя ее до рубежа III и II тыс. до н.э. и обеспечив тем самым исходные позиции дальнейшей ретроспекции. И, достаточно смело вступая в бесписьменный период, он основывается прежде всего на гомогенности в целом как древнейших, весьма значительных слоев Трои, так и соответствующих – еще более значительных – слоев, “которые мы именуем “протофракийскими”, базируясь на

ареальной принадлежности их к территории будущей Фракии и на непрерывном эволюционном движении их к культуре исторических фракийцев” (Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 221).

Что касается Трои, то тщательное исследование всех показателей, общего и особенного в ее слоях позволило К. Блегену уже почти полвека назад прочно обосновать вывод о том, что на протяжении III тыс. до н.э. – т.е. в периоды Трои I–V – троянская культура “эволюционировала в едином русле... о прерывности в традициях, о смене культурной парадигмы, о полном замещении одного этноса другим говорить не приходится” (Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 222; Blegen, 1963). За пределы этого “единого русла” не выходят и некоторые внутренние культурные сдвиги, фиксируемые в ходе периода Трои II (что побудило Хр. Подцувайта в предложенной им новой схеме периодизации культурного слоя Трои этапы *a* и *b* указанного периода присоединить к Трою I, а с этапы Трои IIc начинать новый период (Podzuweit, 1979. *Beilage 2*). Полагаю, что сдвиги выразились прежде всего в появлении новых характеристик керамических форм (*depas amphikypellon* и др.) при сохранении общего характера массового материала и гомогенности развития в целом. Поэтому я не вижу принципиальных погрешностей в общепринятой периодизации К. Блегена. Но вместе с тем, начиная с этого периода, первоначальное единство древнейшей Трои и протофракийских групп Северо-Восточных Балкан сменилось постепенным расхождением “двух ветвей одного и того же ствола...” (Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 222). И здесь “локалистский” метод все более дополнялся определением ареальной специфики и ареальных контактов. Активность последних, то нарастая, то несколько снижаясь (как бы пульсируя), сохранялась на протяжении обоих рассматриваемых тысячелетий, являясь значительнейшим фактором развития как северо-восточнобалканского, так и северозападноанатолийского регионов. Пик же их падает на наиболее ранний период, документированный предтроянской сломом Кум-Тепе и Троей I в Анатолии и начальными горизонтами слоев раннего бронзового века, знаменовавших само появление последнего в Верхне-Фракийской долине и явившихся конечным пунктом всего ретроспективного построения.

“Если мы захотим продвинуться вглубь веков, – пишут Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский, – к более древним стадиям связей между Троей и Фракией, отправным пунктом должен стать тот фундаментальный вывод...”, который “...состоит в непрерывности линии культурного развития на фракийской земле на протяжении всей эпохи бронзы, начиная с самых ранних ее стадий и кончая позднейшими, к которым относятся уже культуры исторических фракийцев, в том числе и тех, что ос-

новали Трою VІb2” (Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 218).

В развитие этого основополагающего заключения Л.А. Гиндин в рамках рассматриваемого балкано-тройского взаимодействия выделил три “эпохи”, увязав их с процессом становления исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. В этой связи представлен весьма интересный и перспективный опыт идентификации ряда крупных археологических общностей, определения их на картах каждой эпохи с сопряжением данных археологии, гидронимии, ономастики, показаниями нарративных источников (естественно, хронологически углубленных в соответствии с ретроспективным методом). Составленные автором оригинальные карты (Гиндин, 1993. С. 206–208) имеют самостоятельное значение, прочно обоснованы в основных своих звеньях и, несомненно, достойны пристального внимания со стороны лингвистов, и археологов. Есть все основания считать, что они соответствуют уже отмечавшемуся третьему методическому разделу Г.С. Кнабе, согласно которому данные языка и материальной культуры рассматриваются в постоянной и органической обусловленности.

Не претендуя на разбор этого заключительно-го синтетического раздела ценнейшего исследования Л.А. Гиндина (тем более, что принципиальных расхождений у меня с ним нет), кратко остановлюсь на отдельных его положениях, уделяя, естественно, особое внимание археологическому их аспекту.

Первую – наиболее раннюю “эпоху” Л.А. Гиндин определяет как протоиндоевропейскую и относит ее к концу V – рубежу IV и III тыс. до н.э. Весьма важно, что уже для этого времени постулируется существование ряда групп протоиндоевропейцев, составлявших диалектно расчлененную область (мне представляется более правильным говорить о связанных нарастающим взаимодействием компонентах складывающейся общности). Группы эти автор локализует на весьма значительной территории, что представляется принципиально правильным. В состав этой территории он включает Балканы, примыкающую к ним с северо-востока область Причерноморских степей вплоть до предгорий Кавказа, а на юго-востоке распространяя ее на Троаду. Фактически очерчивается Циркумпонтийская зона, выделенная археологически (Мерперт, 1988; Черных, 1988) и отмеченная “контактной непрерывностью”, сыгравшей решающую роль в ареальных контактах и сложении так называемых “языковых союзов” (Ольдерогге, 1983. С. 201).

Подчеркивая свою солидарность с общим построением Л.А. Гиндина, хотел бы внести в него некоторые уточнения. В очерченную территорию должна быть включена Средняя Европа – области

Подунавья и к северу от него. Нео-энеолитические культуры их – от культуры линейно-ленточной керамики (Маккау, 1987. С. 165–184) до винчанской, лендельской, культуры воронковидных кубков (Сафронов, 1989) сыграли значительную роль в рассматриваемом процессе и прежде всего на наиболее раннем этапе протоиндоевропейской эпохи, предшествовавшем постулируемой Л.А. Гиндиным “пространственной диффузии”, охватившей в первую очередь север Балканского полуострова, занятый до того серией блестящих, взаимосвязанных, скорее всего неиндоевропейских (Титов, 1970. С. 40) энеолитических культур. Развитие последних было единовременным и резко пресечено.

Характер этого пресечения с предельной четкостью зафиксирован раскопками на севере и прежде всего на северо-востоке полуострова, где финальные энеолитические слои отмечены сплошными пожарищами и свидетельствами тотальных разгромов вплоть до поголовного уничтожения населения, зафиксированного в Юнаците (Мерперт, 1995) и подтвержденного в ряде других поселков (Хотница, Русе и др.). Вся северобалканская энеолитическая система фактически перестала существовать (что, вероятно, обусловлено и внутренним ее кризисом, связанным как с антропогенными, так и с природными факторами (Georgieva, 1990. P. 239–245) и была сменена иной, резко отличной системой средне- и восточноевропейские корни которой не вызывают сомнения (Мерперт, 1988. С. 26; Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 218). Они достаточно определенно представлены в болеразской и раннебаденской культурах, чьи элементы фиксируются в изначальных слоях поселений новой системы, охватившей Среднее и Нижнее Подунавье, Центральные Балканы, фактически всю Болгарию, Македонию, Фессалию. Формирование системы знаменует финал первой – протоиндоевропейской эпохи, выделенной Л.А. Гиндиным и формирование Циркумпонтийской зоны.

Система продолжала существовать с конца IV до середины III тыс. до н.э. (по традиционной хронологии и конвенционным радиоуглеродным датам). И именно в этот период фиксируется наибольшее сходство входящих в нее культурных феноменов. Достаточно указать на идентичность нижних горизонтов слоев раннего бронзового века Эзеро, Юнаците, Дикили-таш, Ситагри, Терми, Полиохни и многих других, включая и Трою I, которая, сложившись под сильным западным воздействием, достаточно скоро стала оказывать обратное – анатолийское воздействие на западные области отмеченной системы (Мерперт, 1966; Георгиев и др., 1979. С. 306 и сл., 511 и сл.). Внутри этой системы Л.А. Гиндин определяет и сложение прафракийского этноса, распространившегося наряду с прочими родственными этническими компонентами и на Трою I (Гиндин, 1993. С. 167). Я не касаюсь здесь вопросов этногенеза греков, которому посвя-

щено значительное число специальных исследований (см.: Гиндин, 1967; Sakellariou, 1980; Откупщиков, 1988; Сафронов, 1989 и др.), но, несомненно, и в их формировании и расселении на Балканах и в Анатолии указанная система сыграла заметную роль.

Определяя специфику этнокультурной ситуации первой “эпохи”, Л.А. Гиндин фиксирует и исходные факторы, давшие начало взаимодействию Фракии с Троей. Вторую “эпоху” он именует праиндоевропейской и относит ее к III тыс. до н.э. (мне, в свете последних данных, представляется точнее с III до начала II тыс. до н.э.). Основное содержание эпохи Л.А. Гиндин видит в ослаблении внутренней связи, языковой и культурной общности отмеченной системы, усилении и усложнении миграций, прежде всего пралувийцев, прагреков и хеттов. Система распадается, что находит полное подтверждение в археологических материалах. Начиная с Трои Пс, пути развития ее культуры и культуры балканской Фракии расходятся. Это уже два ответвления одного ствола. “Троя обретает свой неповторимый облик, она из части протофракийского мира становится его влиятельной и популярной соседкой” (Гиндин, Цымбурский, 1996. С. 222).

Новые культурные элементы, связанные с движением пралувийцев, наслаиваются на предшествующие прафракийские, видоизменяют культуру Трои II–IV и распространяются на юг и восток Анатолии, в Эгейю, на Киклады и в Грецию, что фиксируется как лингво-филологическими (Гиндин, 1993. С. 43–76, 86–91), так и археологическими индикаторами. Здесь достаточно вспомнить распространение знаменитых “Троянских кубков” – *deras amphikurellon*, известных по всей этой территории (Spanos, 1972). Но усиление гетерогенности Трои отнюдь не исключает связи ее с Фракией. В последней известны находки и тех же *deras amphikurellon*, причем к давно известным экземплярам из Баа-Дере (Димитров, 1942) добавлены новые шесть сосудов из Асары близ Симеоновграда – как импортных (круговых), так и местных (лепных). Типологический анализ позволил исследователю памятник К. Лещакову отнести последние к ранней группе, начало которой определяется Троей Пс, кубки же из Баа-Дере – к поздней, синхронной Трое IV–V. Таким образом, продолжающиеся троянско-фракийские связи фиксируются для двух хронологических срезов, охватывающих фактически всю вторую “эпоху” Л.А. Гиндина, который справедливо подчеркивает, что всей отмеченной ее специфике “Балкано-(Западно)Анатолийское единство” на ее протяжении еще более утверждается (Гиндин, 1993. С. 167). Еще одним подтверждением этого является распространение характерных остродонных кубков, названных в свое время В. Милойичем “чашами типа Юнаците” (Milošić, 1949. S. 56), также охватывающее как всю Верхне-Фракийскую Долину и прилегающие

к ней северные и центральные районы Балкан (Detev, 1981. С. 164) и Македонию (Ситагри Vb), так и Анатолию (Троя IV, Бейджесултан VIII–V и к востоку вплоть до Богазкея Ve).

К второй же “эпохе” Л.А. Гиндин относит начало продвижения в Анатолию прагреков, особенно активизировавшееся в третью “эпоху” (2000–1200 гг. до н.э.), когда часть их стала “...одним из основных строителей Трои VI (1880–1300 гг. до н.э.)” (Гиндин, 1993. С. 168), а основным археологическим индикатором этого явилась “серая минийская керамика”. Но этот сюжет уже выходит за рамки настоящей статьи, а фракийский аспект третьей “эпохи” рассмотрен выше как исходная позиция ретроспективного построения.

Следует лишь еще раз подчеркнуть, что на основной – северо-восточнобалканской – территории формирования и развития фракийского этноса гомогенность культурного развития выражена с предельной четкостью и последовательностью. Она документируется хорошо известными культурными слоями Эзеро, Михалича, Веселинова, Каранова VII, Разкопаницы, Новозагорского поселения, Юнаците и многих других памятников (Гиндин, 1993. Прим. 6), причем документируется комплексно, по всем основным показателям материальной культуры. Гомогенность эта сохраняется во всех трех выделенных Л.А. Гиндиным эпохах. И именно с этой территорией следует связывать распространение фракийских этнокультурных элементов в Анатолию.

В заключение коснусь некоторых теоретических предпосылок разработки Л.А. Гиндиным рассматриваемой проблемы.

Сама возможность установления соответствий между лингво-филологическими и археологическими свидетельствами, их корреляция, рассмотрение в органической обусловленности и использование для реставрации этнокультурного процесса как раннеписьменного, так и дописьменного периодов в Балкано-Анатолийском регионе обусловлена прежде всего исходной теоретической позицией Л.А. Гиндина. Он определяет ее с предельной четкостью, подчеркивая, что в отличие от исследователей, исходящих из гипотезы существования единой компактной прародины индоевропейцев, что соответствует столь долго господствовавшей в индоевропеистике теории родословного древа, он исходит из альтернативной теории “языковых союзов” и прежде всего из основополагающих идей ее создателя Н.С. Трубецкого. Особо выделяется Л.А. Гиндиным (1993. С. 172) утверждение последнего, что “понятие языкового семейства отнюдь не предполагает общего происхождения ряда языков от одного и того же праязыка” и что “языковое семейство может быть продуктом чисто дивергентного, или чисто конвергентного развития, или, на-

конец, продуктом сочетания обоих принципов развития” (Трубецкой, 1987. С. 45, 47). Справедливо подчеркивается восприятие этих идей и создание типологически близких лингвистических и этногенетических концепций О.Н. Трубачевым, Х. Бирнбаумом, Е. Форрером, В. Пизани, Б.В. Горнунгом (добавлю к ним С.П. Толстова, Г.Н. Церетели, Д.В. Бубриха, Д.А. Ольдерогге). Из отечественных археологов первым значение идей Н.С. Трубецкого для комплексных археолого-лингвистических разработок этногенетических проблем подчеркнул А.А. Формозов. “Все поиски праиндоевропейской археологической культуры, – писал он, – окончились ничем. Гораздо убедительнее выглядят попытки наметить зоны с группой близких по облику археологических культур, где могли складываться индоевропейские или финно-угорские языки” (Формозов, 1977. С. 135). Именно в рамках теории “языковых союзов” подлинная корреляция археологических свидетельств с лингвистическими становится действенной и перспективной. Глубоко убедительная разработка Л.А. Гиндиным сложнейшей проблемы этнической истории Балкано-Анатолийского региона на протяжении более трех тысячелетий дописьменных и раннеписьменных периодов – наилучшее тому доказательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Георгиев Г.И., Мерперт Н.Я., Катинчаров Р.В., Димитров Д.Г. Езеро. Раннебронзовото селище. София, 1979.
- Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967.
- Гиндин Л.А. К вопросу о протогреческом ареале на Балканском полуострове // IV конф. по классической филологии (Секция греческого и латинского языков): Тез. докл. Тбилиси, 1969.
- Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности “пеласгского” догреческого слоя // Вопросы языкознания. 1971. № 1.
- Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. Ч. I // Этимология–1970. М., 1972а.
- Гиндин Л.А. К вопросу о древнебалканской индоевропейской переходной зоне // Résumés des communications. XI-me Congrès international des sciences onomastiques. Sofia, 1972б.
- Гиндин Л.А. Проблемы античной балканистики. Лингвистический аспект // Вопросы языкознания. 1973. № 1.
- Гиндин Л.А. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.
- Гиндин Л.А. Население Гомеровской Трои. М., 1993.
- Гиндин Л.А., Мерперт Н.Я. Античная балканистика и этногенез народов Балкан (к методике междисциплинарных исследований) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Димитров Д.П. Нов принос към въпроса на културните отношения на Тракия и Троя през втората половина на III хил. пр. н.е. // Беломорски преглед. Т. I. София, 1942.
- Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологических культур и этноса в современной зарубежной литературе // СА. 1959. № 3.
- Мерперт Н.Я. К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке // Sbornik národního muzea v Praze. 1966. V. 20. 1–2.
- Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в Циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
- Ольдерогге Д.А. Эпигамия. М., 1983.
- Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. Л., 1988.
- Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Титов В.С. К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // КСИА. 1970. Вып. 123.
- Формозов А.А. Проблема этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
- Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
- Bittel K. Blegen C.W. et al. Troy. V. 3: Sixth settlement // Gnomon. Bd. 28. München, 1956.
- Blegen C.W. Troy and the Trojans. New York, 1963.
- Čičikova M. Nouvelles données sur la culture thrace de l'époque du hallstatt en Bulgarie du Sud // Thracia. 1972. № 1.
- Detev P. Le Tell Razkopenica. – Cultures préhistoriques en Bulgarie // Известия на Археологически Институт. Т. XXXVI. София, 1981.
- Dimitrov D. Troja VIIb2 die thrakischen und mösischen Stämme auf dem Balkan // L'ethnogenèse des peuples balcaniques. Sofia, 1971.
- Georgieva P. Ethnocultural and social-economic changes during the transitional period from eneolithic to bronze age in the region of the Lower Danube // V Poljsko-Jugoslovenski okrugli sto. Godisnjak. Knjiga XXVIII. Sarajevo, 1990.
- Kančev M. Matériaux de site préhistorique de l'âge du bronze récent et du Hallstatt ancien près d'Asenovec, département de Sliven // Thracia. 1974. № 3.
- Makay J. The Linear Pottery and the Early Indo-Europeans // Proto-Indo-Europeans. The Archaeology of a Linguistic Problem. Studies in Honor of Maria Gimbutas. Washington, 1987.
- Merpert N.Ya. Bulgaro-Russian archaeological investigations in the Balkans // Ancient civilizations. 1995. V. 2. № 3.

Miloičić V. Chronologie der Jüngerer Steinzeit Mittel- und Südeuropa. Berlin, 1949.

Podzuweit Chr. Trojanische Gefäßformen der Frühbronzezeit in Anatolien, der Ägäis und angrenzenden Gebieten. Mainz, 1979.

Sakellariou M.B. Les proto-grecs. Athènes, 1980.

Schuchardt K. Wer hat Troja gegründet? Berlin, 1940.

Spanos P. Untersuchung über den bei Homer "depos amphikypellon" gennantes Gefäßstypus // Istambuler Mitteilungen. B. 6. Tübingen, 1972.

The Thraco-Trojan interaction in the 3rd – the 2nd millennia BC

N. Ya. Merpert

S u m m a r y

The problems of correlation of linguistic groups with cultural ones have been debated up to now. The investigations of L.A. Gindin, an outstanding specialist in palaeo-Balkan linguistics and general ethnogenetic problems in the Balkan and Anatolian regions are of special value in this aspect for this part of the Eurasian frontier. Combination of profound analysis of the linguistic indications with archaeological evidences enabled the scholar to prove a special role played by Thracian language in the complicated ethnolinguistic connections of the Balkan Peninsula and the Troad during practically the whole epoch of the Bronze Age, since the turn of the 4th and the 3rd till the late 2nd millennia BC, that is, till "Homer's Troy". As far as the linguistic aspect is concerned, the due attention was paid by the scholar to interaction of the other languages of the region in question, in the archaeological aspect – to that of different cultural phenomena. From the generally ethnic standpoint the role of "linguistic families" was stressed as the products of purely divergent, as well as convergent development.

СУПОНЕВО: ВНЕЖИЛИЩНЫЙ УЧАСТОК. СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЯ

© 2003 г. В. Я. Сергин

Институт археологии РАН, Москва

Пространство, непосредственно примыкающее к жилищу, раскопано с запада и юга, с восточной стороны культурный слой уничтожен дорогой (рис. 1; 2). У самого входа в жилище имелся очаг. Его изображения в плане отсутствуют, и он нанесен на рис. 2 по разрезам (рис. 3, в, г) и описаниям. В стратиграфической карточке кв. 16 р. VIII указано наличие черноватого очажного слоя, в котором расчищены кости песка, несколько костяных поделок и немного кремня. По описанию в дневнике раскопок 1926 г. в кв. 7, 8 р. IV, углистая прослойка, наблюдавшаяся в соседних квадратах, приобретает характер мощного очага, который достигает 25–30 см и, заполняя углубление, быстро утончается в стороны. Заполнение содержало массу кремня, угольки, множество отщепов и пластин бивня, костяные изделия, части рога северного оленя, мелкие кости песка, обломки костей. Диаметр очажного углубления равнялся ≈ 0.6 м или немного больше. Наиболее глубокая его часть почти не заходила из кв. 7 на кв. 8, очажная масса поднималась по направлению к стене, куда ее, видимо, отгребали, но где едва ли горел огонь. Границы очага восстановлены сугубо ориентировочно.

Угольный слой мощностью 3.5–6 см отмечен и на стратиграфической карточке кв. 21 р. VIII. Он дан на плане (рис. 2) по пометровой зарисовке. Судя по компактности, толщине и удаленности от очагов с их шлейфами, угольный слой остался от очажка. В пользу этого свидетельствует наличие на кв. 21 и 24 и других следов огня.

Южнее очага, на кв. 10 р. VIII и прилегающей части кв. 5 и 6 р. IV имелось плотное скопление костей мощностью до 0.45–0.5 м. Все они, кроме плечевой кости в северо-восточном углу, залегали ниже проходящего западнее шлейфа от описанного очага (рис. 2). Судя по компактности скопления и наличию между отдельными костями по вертикали рыхлого грунта с мелкими культурными остатками, кости скорее всего залегали в неглубокой яме. В соответствии с описаниями пакетов, подквадратной стратиграфией и зарисовками, в основном скопление состояло из костей мамонта: целая и части нескольких лопаток, несколько почти целых крупных костей конечностей, кости стопы, немного позвонков и обломков ребер, различные иные обломки. Имелись: зуб носорога, обломки рога, таза и сочлененной с ним кости оленя, обломки ре-

бер крупных животных, возможно, также оленя, косточки песка. Зуб носорога лежал в самом низу, обломки костей мелких животных – там же и в 25 см выше. Количество кремня незначительно, встречена охра. Присутствие обломков костей средних и мелких животных и анатомических групп костей также характерная особенность заполнения ям среднеднепровских поселений.

Квадраты 3–5, 17, 18 р. IV и кв. 4 р. VIII в той или иной мере были заняты углублением, значащимся под названием “очаг” (Ефименко, 1926. Л. 24, 25). Очертания углубления (рис. 2) даны по разрезам (рис. 3, в, г; 4, б) и изображению незамкнутых изолиний на чертеже южного конца р. IV (рис. 4, а), отражающих, должно быть, степень углубленности ямы. Диаметр ее около 2 м, глубина 0.7 м. Только придонная часть заходила в непотревоженные косослоистые пески (рис. 4, б). Широкие пологие закраины ямы не искусственного происхождения. Их наклон соответствует падению поверхности косослоистых песков (рис. 3, г). Яма заполнена несколько гумусной довольно плотной темной буроватой породой. На дне она имела более резкий углистый оттенок, выше – характер неправильных выклинивающихся полос и скоплений. Имелись линзы подзола почти без находок.

В яме встречены полуразрушенные угольки, комочки охры, множество разложившихся мелких костей, среди которых преобладали остатки песка, чаще его лапок. Встречены зубы быка, зуб мамонта, неопределенные кости, много кремня, включая мелкие чешуйки. Значительного количества угля не отмечено, гумусность заполнения, по-видимому, возникла за счет разложения большого количества органических отбросов. Считать яму очажной едва ли возможно, на что указывал и И.Г. Шовкопляс (1951. С. 138). Кроме характера заполнения определению ямы как очажного углубления противоречат ее большие размеры.

Культурный слой на площади р. II, VIII, IV варьировал по толщине, степени насыщенности остатками и по окраске. К югу от жилища он представлял собой в основном значительную пачку отложений, состоящую из локально более или менее выраженных горизонтов без стерильных промежутков. Общая картина восстанавливается с по-

мощью разрезов, поквартальных карточек и дневниковых записей.

У входа в жилище начало освоения участка отмечено горизонтом, содержащим многочисленные обломки плохо сохранившихся костей и разреженные кремни. Местами горизонт имел темный оттенок, более выраженный в восточной части, где имелось также много угольков. Низ горизонта отделяла от слоистых песков тонкая розовая прослойка, местами с угольками. А в верхней его части залегала угольная прослойка – шлейф из очага. Изображение шлейфа дано лишь на р. VIII, где деление культурного слоя на горизонты не отмечено (рис. 2). Шлейф заходил и на кв. 21 р. IV. Толщина его в р. VIII, судя по образцу в монолите, 1–1.5 см и цвет совершенно черный. На части кв. 13 р. VIII шлейф, видимо, был разрушен. Согласно разрезу через край ямы (рис. 3, з), описанный горизонт уходит под яму, но по разрезу через центр ямы (рис. 4, б) выясняется, что он пересекается ее бортом. Это существенно меняет стратиграфические соотношения¹.

Граница нижнего горизонта с запада пролегла где-то по кв. 13 и 10 р. VIII. Культурные остатки, перекрывавшие большую яму, составляли часть верхнего, относительно хорошо выраженного и наиболее широко представленного горизонта. Культурные остатки там, где прослежены оба горизонта, находились и между ними, а также и над верхним горизонтом, но каких-либо стратиграфических уровней здесь не выделено, вероятно, из-за отсутствия окраски и в целом меньшей плотности находок. С юга и запада от жилища в дугообразной двухметровой полосе от кв. 11 и 14 р. VIII до кв. 8 и 9 р. II культурные остатки залегали в слое толщиной 0.2–0.5 м. Кремни, численностью как правило в пределах нескольких десятков на квадрат, залегали разрозненно, местами отчасти концентрируясь по горизонтали или вертикали, но не образуя сколько-нибудь выдержанных горизонтов. На квадратах р. II к северу и западу от этого участка по 3–30 кремней и единичные обломки костей были рассеяны в слое толщиной в 5–15 см или несколько больше.

В южной части р. II и VIII культурный слой утолщился до 0.8 м, заполняя и сравнивая ложбину в слоистых песках, ориентированную поперек склона (рис. 3, а, б). П.П. Ефименко и Б.С. Жуков выделили здесь два культурных слоя, которые точнее будет считать горизонтами, поскольку они не являются культурно самостоятельными образованиями. На схему попали только окрашенные углем участки горизонтов в р. II (рис. 2), остальная площадь их распространения устанавливается по различным материалам в очень приблизительных границах.

¹ На разрезе 1927 г. яма отсутствует, так как ее западный край был выбран во врезке в 1926 г.

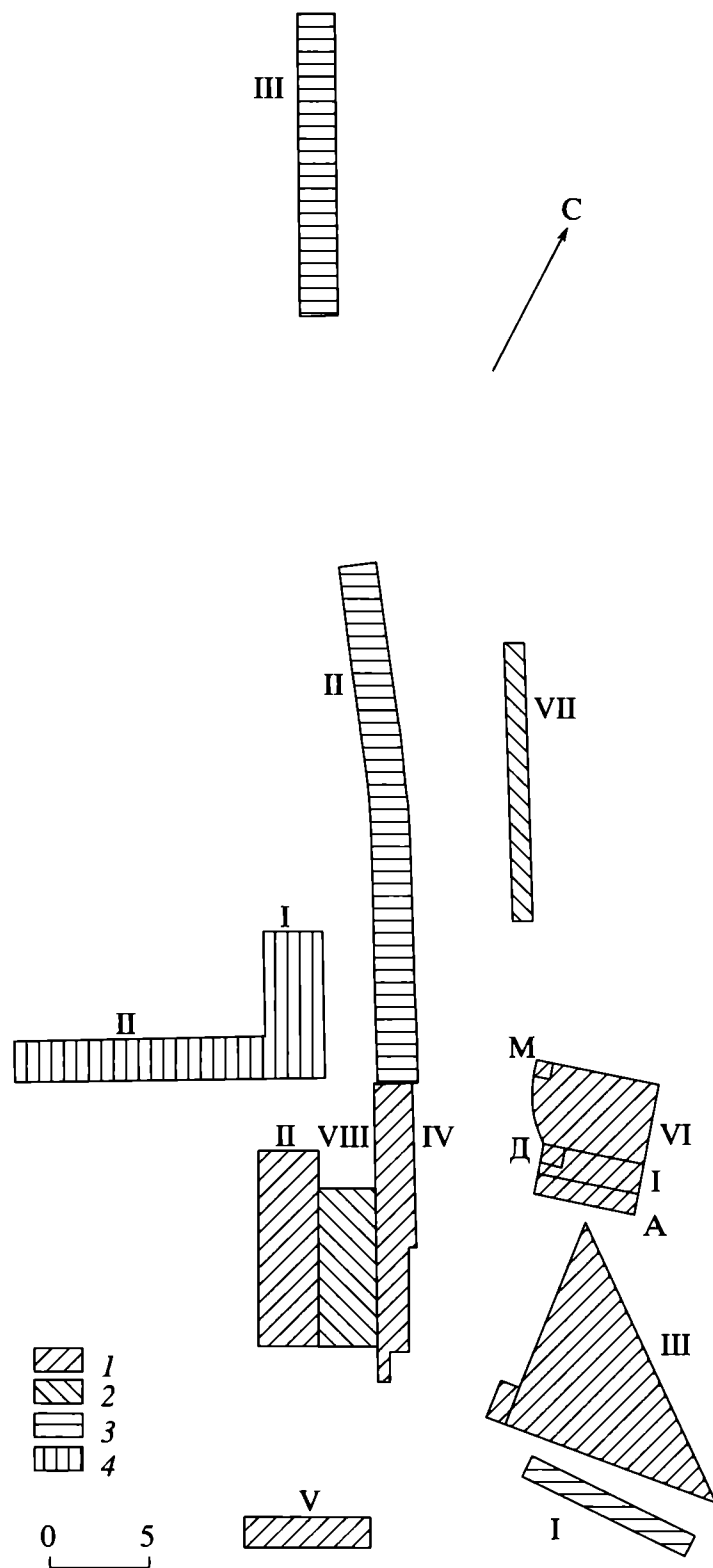

Рис. 1. Супонево. Схема раскопок. 1 – 1926 г.; 2 – 1927 г.; 3 – 1928 г.; 4 – 1929 г. Д – шурф С.С. Деева; М – шурф Г.Ф. Мирчинка.

Нижний горизонт прослеживается в виде полосы шириной до 2 и длиной 6 м, уходящей в западную стенку, вблизи которой он теряет свою окраску. Мощность горизонта местами превышает 0.3 м, в то время как окрашены 5–15 см. С этим горизонтом связано довольно много костей: позвонков, обломков, ребер и длинных костей, частей черепа мамонта, более редких костей лошади (расколотые длинные кости, часть черепа, лопат-

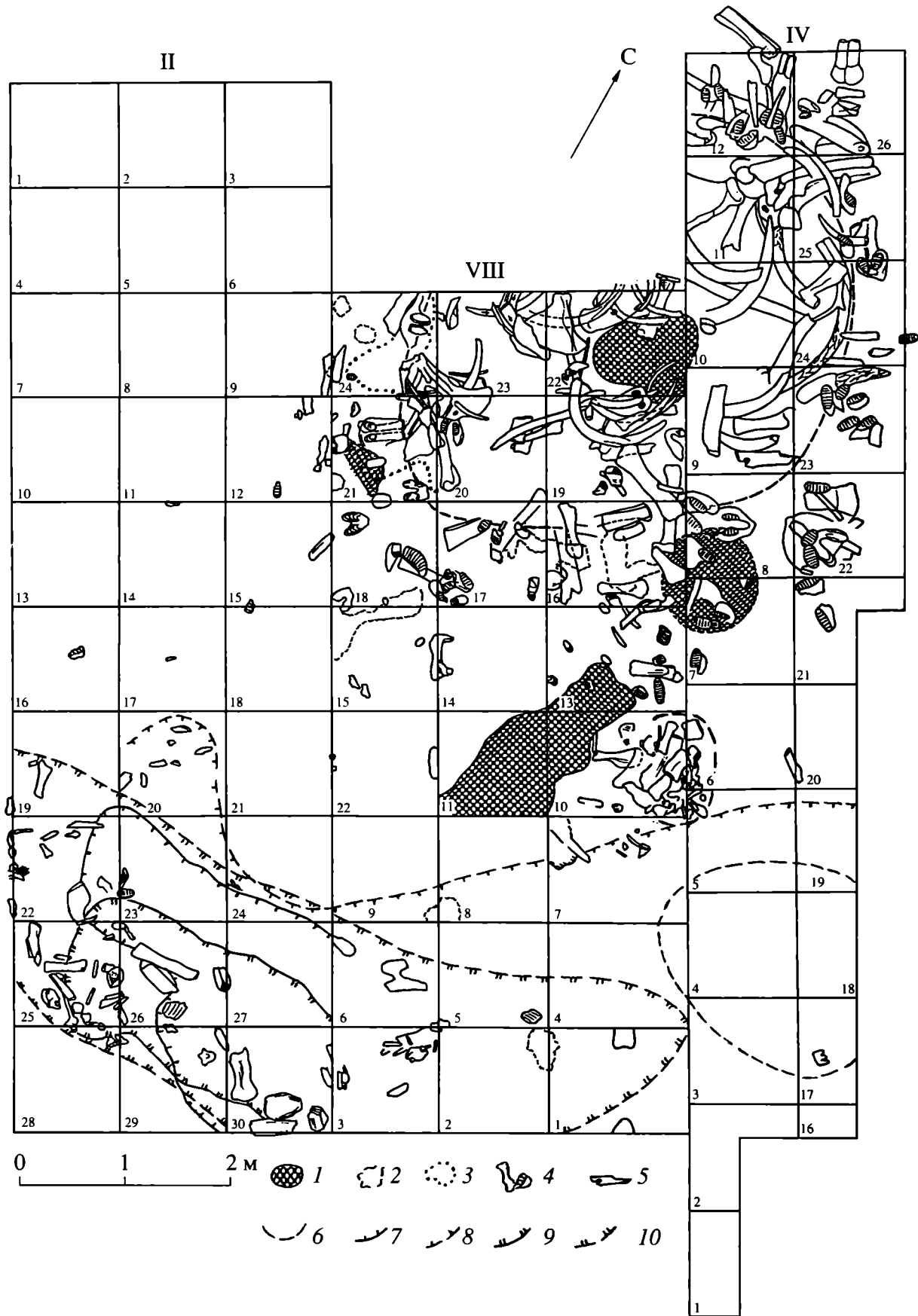

Рис. 2. План раскопов II, VIII, IV. 1 – очаг и очажная масса; 2 – разложившиеся кости; 3 – обугленные кости; 4 – кости мамонта; 5 – кость мамонта с отверстием; 6 – приблизительный контур объектов и внутренней части жилища; 7, 9 – граница окрашенности верхнего и нижнего культурных горизонтов в раскопе II; 8, 10 – граница верхнего и нижнего культурных горизонтов.

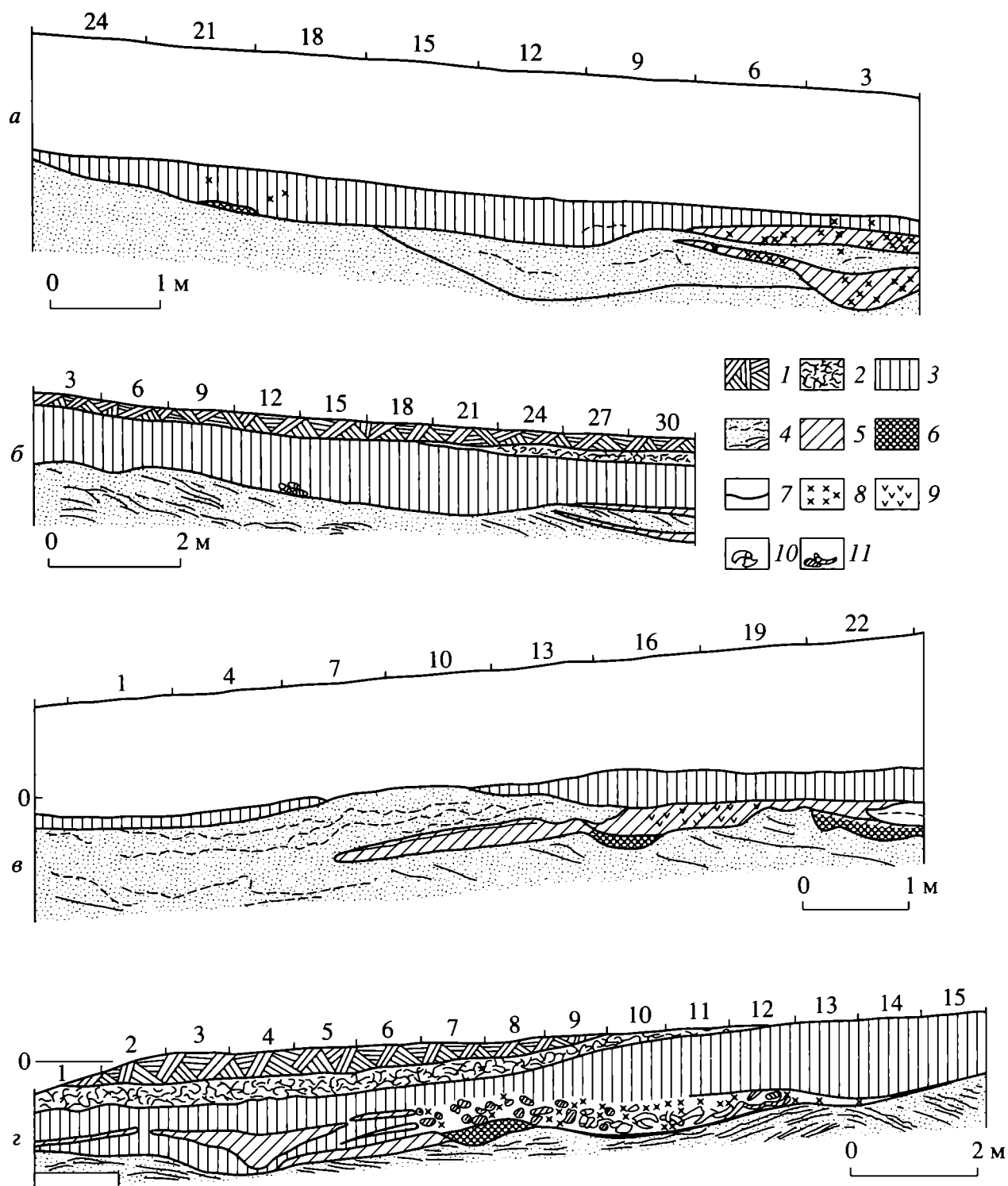

Рис. 3. Разрезы: *a, б* – по границе раскопов II и VIII (*a* – 1927 г.; *б* – 1926 г.); *в, з* – по границе раскопов IV и VIII (*в* – 1927 г.; *з* – 1926 г.). 1 – почва; 2 – подзол; 3 – буро-коричневая супесь; 4 – косослойные пески; 5 – культурные остатки на полу жилища, в яме и в виде выраженных горизонтов; 6 – очаг и очажная масса; 7 – очажная прослойка на полу жилища; 8 – кремь; 9 – костный уголь; 10 – кости мамонта; 11 – разложившиеся кости.

ка) и северного оленя (рог). Множество мелких костей песца рассеяны на кв. 25, 26, 30 р. II, нередко это остатки отрезанных лапок. На кв. 25 и частично 26 и 28 кости песца образовывали скопление около полуметра в диаметре, по сведениям И.Г. Шовкопляса (1951. С. 139), состоявшее приблизительно из 300 костей, залежавших в неглубокой западине.

Темная окраска связана с верхом горизонта, кости – со всей его толщиной, преимущественно со

средней и нижней частями. В отдельных случаях они находятся в отрыве от окрашенной прослойки до 30 см и более. Это свидетельствует о начале отложения костей в ложбине до образования окрашенной прослойки и условности отнесения всех культурных остатков нижнего уровня к единому нижнему горизонту. Кремь содержался во всей толще горизонта в количестве до нескольких сотен экз. на квадрат. Окраска в пределах р. VIII име-

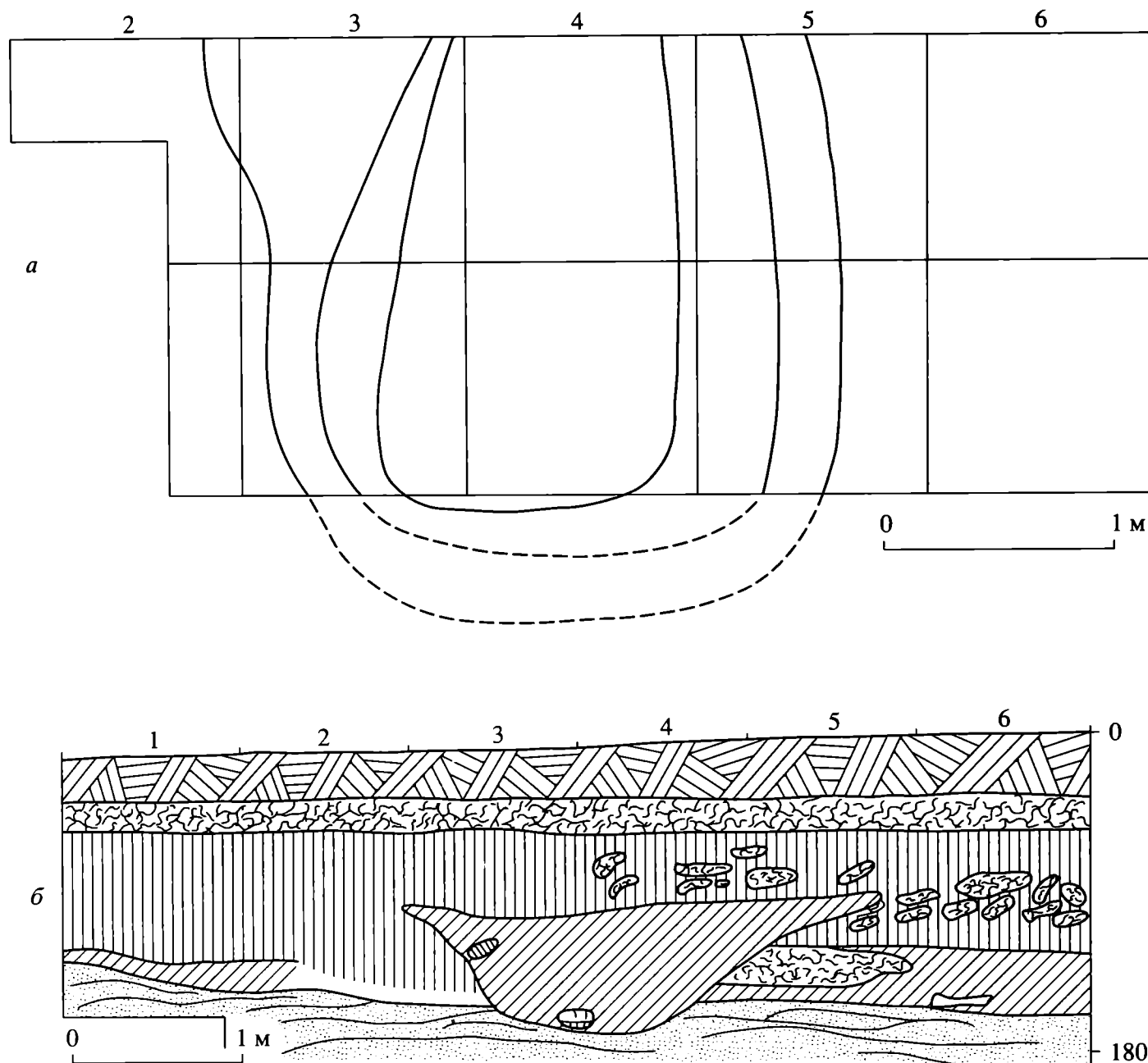

Рис. 4. Южная часть раскопа IV: а – схема с горизонталями углубления; б – разрез по средней линии раскопа. Обозначения см. на рис. 2.

лась у западного и южного краев залегания горизонта.

Промежуток между хорошо выраженными частями горизонтов колебался в пределах 6–25 см. Наибольшим он был на кв. 28 и 30, а минимальным – на кв. 22 и 27 р. II. Светлый песок повсюду содержал некоторое количество кремня, а на кв. 26 и 27 р. II его в нем было больше, чем в каждом из горизонтов. В смежных частях кв. 2 и 5 р. VIII в светлом песке имелась углистая прослойка.

Верхний культурный горизонт в южной части р. II и VIII является продолжением верхнего горизонта, перекрывающего заполнение большой ямы. Его северная граница (рис. 2) проходила по кв. 19 и 5 р. IV, северной части кв. 7 и приблизительно по середине кв. 8 р. VIII. Далее она снижа-

лась к югу. В пределах р. II, как отмечено, приведена точная граница, установленная в 1926 г. по темной, а местами темно-красноватой окраске горизонта. Вероятно, горизонт распространялся несколько шире в неокрашенном виде. Он мог заходить далее к северу на кв. 24 и охватывал, должно быть, основную часть кв. 20, где имелись крупные обломки костей на его уровне. Но на кв. 19 и 28 он не прослеживается, а суммарность поквадратных данных не дает возможности судить о характере краевых частей кв. 22, 25 и 29.

Мощность горизонта до 15 см и несколько больше. Он содержал кремь и, главным образом в восточной части (кв. 1, 2, 5 р. VIII), обломки костей животных. Костей было значительно меньше, чем в нижнем горизонте, а кремня – намного больше. В р. VIII на кв. 1 его было более

3200, на кв. 2 около 1400 и на кв. 5 около 1500 экз. К западу численность кремня убывала до нескольких сотен, а на западном краю до нескольких десятков экз. на квадрат. В нижнем горизонте наибольшее количество кремня встретилось также на кв. 1 р. VIII – 520 экз. В р. VIII верхний горизонт тоже был окрашен, хотя и не сплошь и с неясной интенсивностью. Окрашенность верхнего горизонта не везде совпадала со всей его толщей. Так, на кв. 30 р. II темный цвет имели верхние 10 см из 17. На кв. 23 и 24 р. II цвет горизонта был красно-коричневым, а на кв. 6 р. VIII отмечена охра.

На южном участке хорошо выраженный верхний горизонт не венчал всю культурную толщу. Немногочисленные кремни местами попадались и выше него на 10–30 см. Таким образом, в целом культурная стратиграфия непосредственно у жилища и в ложбине сходна. Имеются верхние разрозненные находки. К ним относятся и зубы мамонта непосредственно к югу от очага на кв. 13 р. VIII и кв. 7 р. IV, а также некоторые другие кости на соседних с ними к северу квадратах – вероятно, следы разрушения жилища. Глубже залегают объединяющий оба участка верхний хорошо выраженный культурный горизонт, не вошедший в номенклатуру промежуточный уровень с более разреженными остатками и нижний горизонт. Достаточно четкие границы распространения нижнего горизонта возле жилища и на южном участке приближаются друг к другу на расстояние около 1 м. В обоих случаях остатки залегают на косослоистых песках. Поэтому период отложения остатков на участках должен был в основном совпадать, хотя возле жилища интенсивная его фаза скорее всего началась раньше.

Для сбора сведений о распределении материалов потребовалось использовать почти всю отмеченную выше документацию по Супоневу. Были просмотрены и коллекции предметов, кроме изделий из кремня. Предметы наносились на планы без разделения по горизонтам. Разделить кремь с необходимой достоверностью невозможно ввиду отсутствия достаточно определенных данных, расхождения уровней взятия со стратиграфическими и т.п. Камни (не кремни) и единичные костяные изделия в южной половине р. VIII можно было бы соотнести с культурными горизонтами, но это не столь важно для задачи, поставленной в публикации.

На квадратах, полностью входящих в границы жилища, собраны 4024 экз. кремня, из них 366 орудий (9.1%). Если попытаться выделить кремни с пола, что ориентировочно осуществимо только по р. VIII, то на кв. 19, 20, 22 и 23 насчитаем 1631 экз., включая 139 орудий, составляющих 8.5%. В планиграфическом размещении кремня в целом по всему массиву траншей явственна его концент-

рация в жилище с некоторыми прилежащими квадратами и в южной части р. VIII и IV (рис. 5, а). Соотношение насыщенности квадратов орудиями сходно (рис. 5, б). Наиболее примечательное различие – меньшее количество орудий относительно всего кремня на внежилищных кв. 18 и 21 р. VIII и относительно большее – на внутренних кв. 19 и 22. Однако в обоих случаях учтены полные сборы кремня с квадратов, а не только с пола. Камни не кремневых пород размещались сходно с кремнем, но на южном участке наибольшая концентрация связана с заполнением ямы или с перекрывающим ее пятном верхнего горизонта (рис. 6, а).

Характерно положение отщепов, пластин и крупных осколков, сколотых со специально отчлененных частей бивней. В основном продукты расщепления приурочены к внутреннему очагу и полосе обломков костей, залегающих в сниженной части кв. 16 (рис. 7, а). Внутри жилища они также лежали в слое на полу толщиной около 25 см. Индивидуальное положение большинства предметов неизвестно, и вполне возможно, что отщепы, обозначенные на кв. 21 и 24 р. VIII, в основном находились в жилище. В жилище производилось и первичное скалывание отщепов, в нем найдено большинство нуклеусов и нуклеидных кусков бивня. Отщепы и пластины Супонева сходны с елисеевическими “чурингами” и являются одной из нитей, связывающих эти памятники.

Тяготение к жилищу обнаруживает и подавляющая часть костяных изделий: куски с обработкой, орудия, предметы искусства и украшения (рис. 7, б).

Следы использования охры и разведения огня, напротив, распространены на площади траншей широко, но в наиболее интенсивном виде они представлены все же в жилище и непосредственной близости от него (рис. 8, а). Сведения почерпнуты из отчетов, описаний разрезов, поквартальных стратиграфических карточек и зарисовок, описей различных предметов, на основании просмотра коллекций и образцов породы. Разрозненные разнохарактерные ремарки и свидетельства трудно сопоставимы и дают лишь обобщенную картину явлений.

Согласно исследованию И.Г. Шовкопляса, на поселении имелись два зимних долговременных жилища, четыре кратковременных сезонных и одна хозяйственная постройка. Одно фундаментальное жилище связывается с развалом крупных костей мамонта в северной части р. VIII и IV. В отличие от предложенного здесь варианта плана жилища, И.Г. Шовкопляр включал во внутреннее пространство все скопление костей, а также внешний очаг, проводя границу по северному краю кв. 6 р. IV (Шовкопляр, 1951. Рис. 4). Остатки второго зимнего жилища он видел в разбросе костей мамонта и отчасти других животных в нижнем гори-

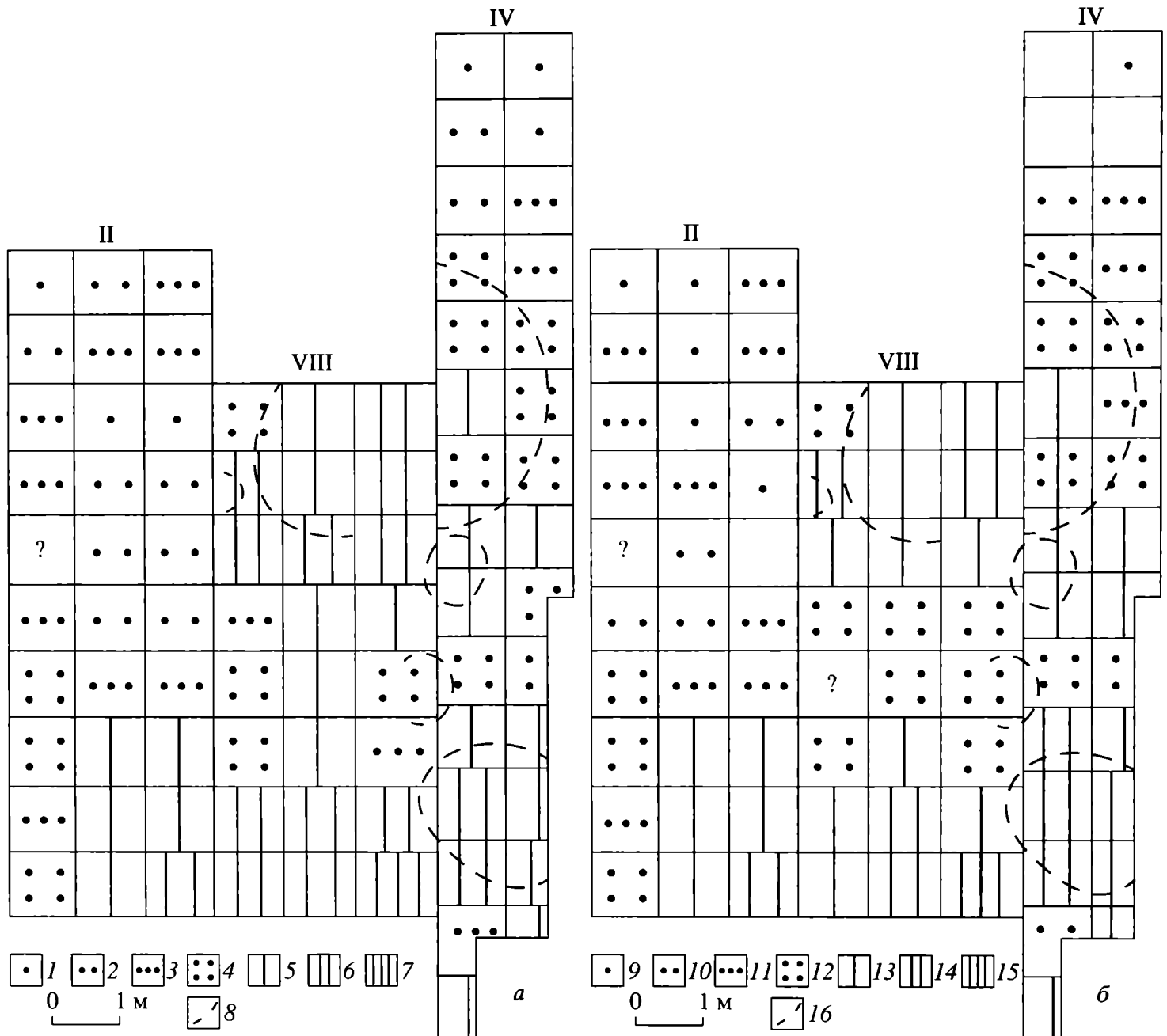

Рис. 5. Распределение кремня: а – кремень в целом. 1 – до 10; 2 – 11–30; 3 – 31–100; 4 – 101–300; 5 – 301–1000; 6 – 1001–3000; 7 – > 3000 экз.; 8 – приблизительный контур объектов (у жилища – внутренний); б – орудия. 9 – 1; 10 – 2–3; 11 – 4–10; 12 – 11–30; 13 – 31–100; 14 – 101–300; 15 – > 300 экз.; 16 – приблизительный контур объектов (у жилища – внутренний).

зонте на южном участке р. II и VIII (Шовкопляс, 1951. С. 138, 139. Рис. 4). Кости, по его мнению, служили элементами конструкции, как в жилище северной части р. VIII и IV. Однако если там представлены крупные относительно целые кости, то в ложбине преобладают мелкие обломки. В расположении костей не заметно какой-либо упорядоченности, отсутствует очаг, и в том, что известно о планировке остатков в целом, не усматриваются детали, которые можно было бы связать с наличием жилища. Нет оснований считать ложбину вырытым под основание жилища углублением, как это полагал И.Г. Шовкопляс (1951. С. 138). По-видимому, ложбина была местом, куда сбрасывали хозяйственные отходы. Полоса обломков костей в

ней не заканчивается на кв. 22 и 25 р. II, а уходит в стенку раскопа.

Полоса культурных остатков верхнего горизонта, северная граница которой доходит, по реконструкции И.Г. Шовкопляса, до юго-восточного угла кв. 2 р. VIII, рассматривалась им в качестве места бытования легкого временного жилища (Шовкопляс, 1951. С. 139. Рис. 4), что было бы допустимо при наличии очевидных фактов, но их нет. К тому же и границы верхнего горизонта, как отмечалось, могли быть в пределах р. VIII иными (рис. 2). По-видимому, недостаточная точность их выявления привела к утверждению о наличии остатков временного жилища и в юго-восточном углу массива траншей в виде округлого пятна

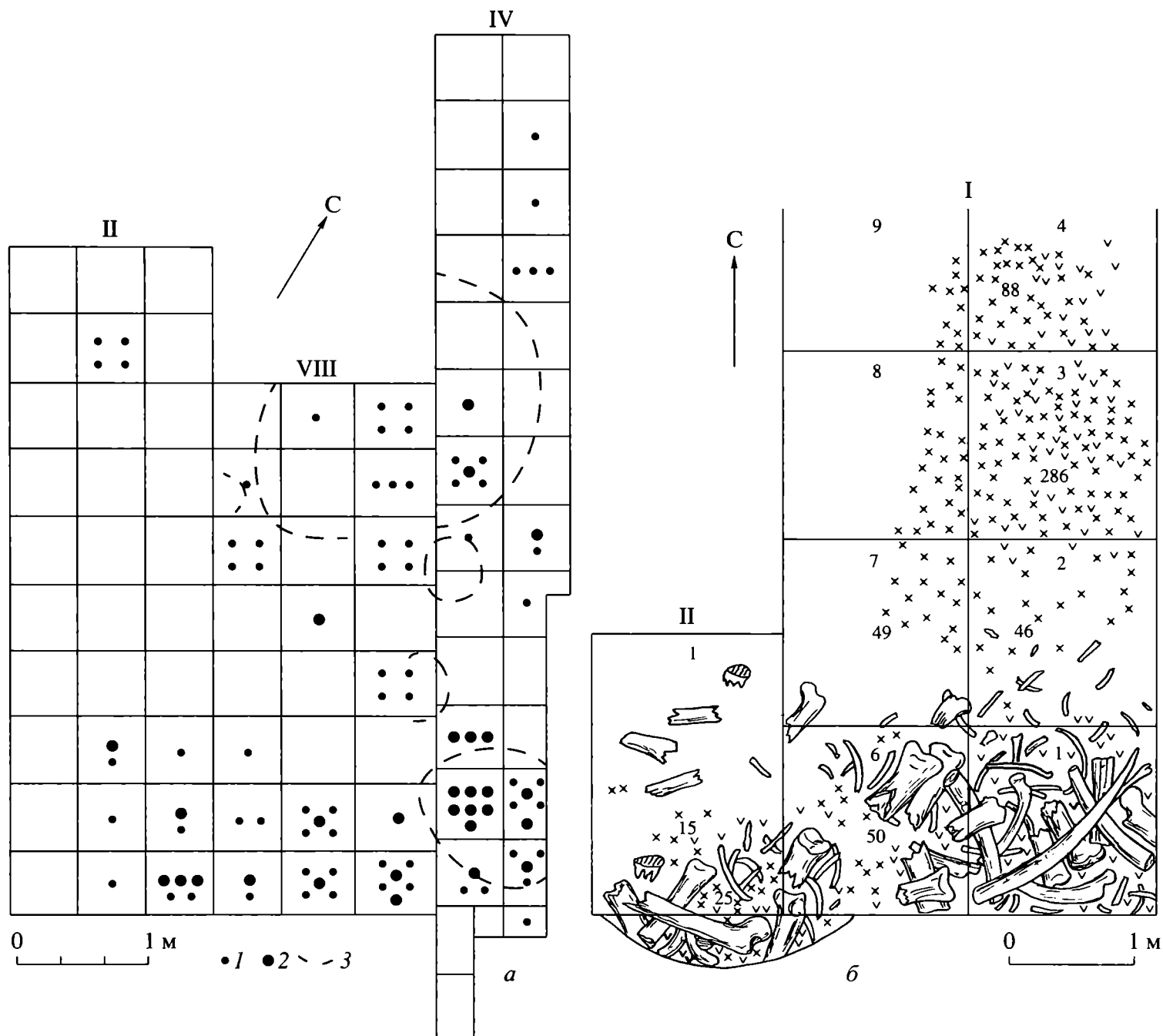

Рис. 6. Распределение культурных остатков. *а* – не кремневые породы камня в раскопах II, VIII, IV. 1 – 1 экз.; 2–5 экз.; 3 – приблизительный контур объектов (у жилища – внутренний); *б* – стык раскопов I и II 1929 г. Обозначения см. на рис. 2. Арабскими цифрами отмечено количество кремня на участках и в скоплениях.

культурного слоя площадью около 8 м^2 с ямой посередине (Шовкопляс, 1951. С. 138. Рис. 4). При определении пятна можно было исходить только из упоминавшейся схемы с изолиниями (рис. 4, *а*), выражающими, по-видимому, глубины падения поверхности, но никак не границы изолированного пятна культурного слоя. Верхний горизонт широко продолжался к западу, а с востока был срезан дорогой вместе с краем ямы. Он перекрывал яму, и документация не содержит деталей, которые бы намекали на возможное существование здесь какой-либо постройки. Исключение составляет линза утолщенного культурного слоя вокруг ямы, имеющая не столь правильную форму, как на схеме И.Г. Шовкопляса. Но утолщение слоя –

лишь заполнение западины, пролежавшей приблизительно с запада на восток.

В период работы над материалами Супонева И.Г. Шовкопляс фактически принимал в качестве остатков временного жилища или постройки иного назначения любую относительно крупную западину с любым культурным заполнением. Его уверенность в правильности подобного подхода была столь велика, что он устанавливал наличие жилищ и их приблизительные очертания по раскопу с участком края, составлявшем треть и даже меньше предположительных общих границ постройки. Таковы два объекта в р. VI и I (Шовкопляс, 1951. С. 135–137. Рис. 9–11). Это обстоятельство и отсутствие планов положения культурных остат-

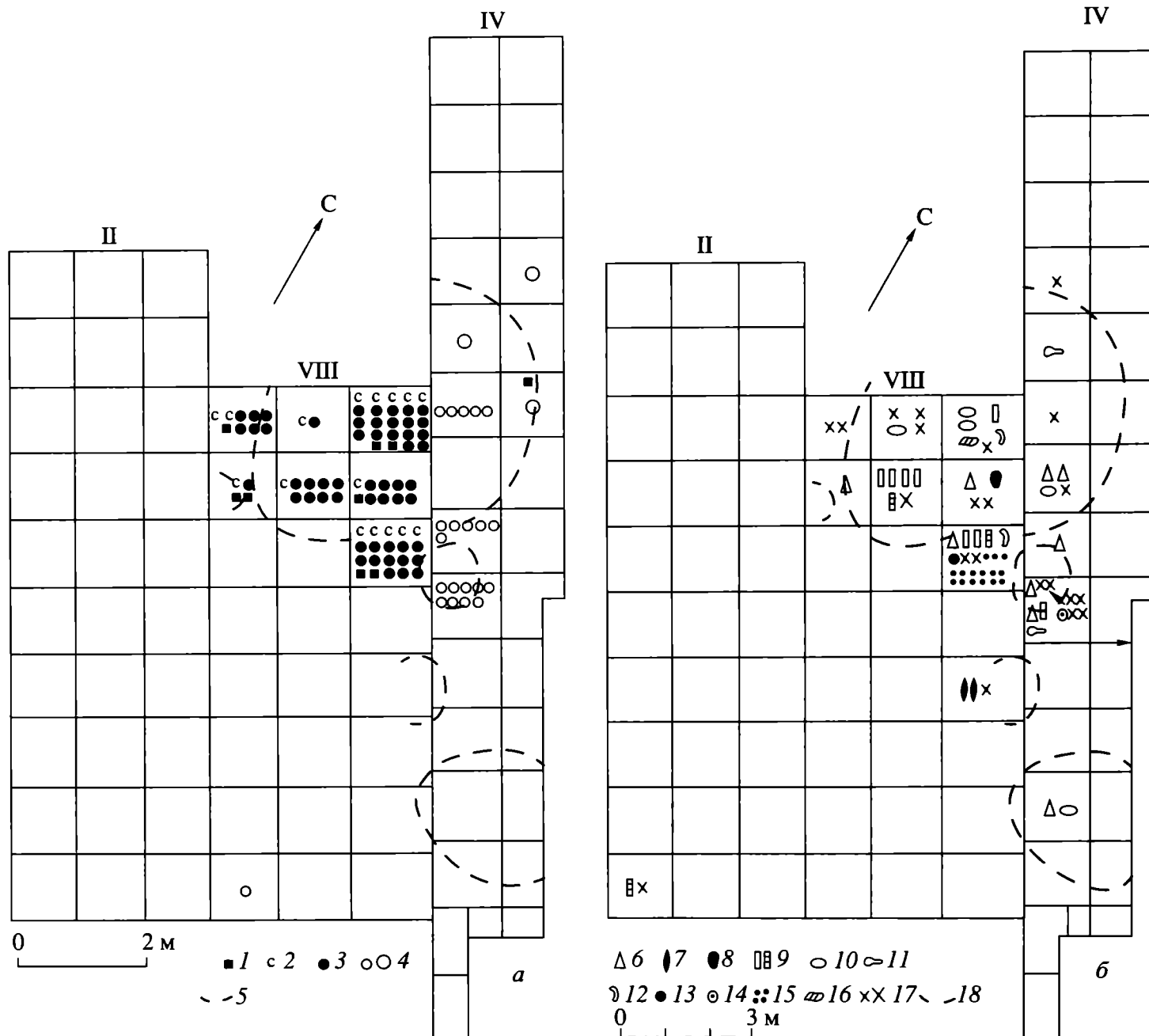

Рис. 7. Распределение костяных предметов: *а* – продукты расщепления бивня; 1 – нуклеус и нуклеидный кусок; 2 – скол с поверхности бивня; 3 – скол внутреннего слоя; 4 – один и несколько сколов с неясным положением в толще бивня; 5 – приблизительно контуры объектов (у жилища – внутренний); *б* – костяные изделия: 6 – шилья и проколки; 7 – заготовка и обломок иглы; 8 – долото из рога; 9 – стерженьки – изделия и заготовка; 10 – пластинка из бивня; 11 – лопаточка из бивня; 12 – изделие из ребра животного; 13 – головка статуэтки из бивня; 14 – подвеска из бивня; 15 – бусины из бивня; 16 – отщеп бивня с орнаментом; 17 – кусок бивня, рога, скелетной кости с обработкой (отеска, оббивка, оглаживание, нанесение желобков); 18 – приблизительно контуры объектов (у жилища – внутренние).

ков делают постановку вопроса о жилищах на данном участке беспредметной.

В качестве сохранившейся центральной части хозяйственной постройки фигурируют два скопления костей на р. Ш (рис. 9, *а*), которые, согласно И.Г. Шовкоплясу, находились в длинном углублении шириной 1.2–1.5 м, западавшем до 0.3 м от уровня поверхности (Шовкопляс, 1951. С. 139, 140. Рис. 13). Скопления составляли в основном мелкие кости и обломки костей мамонта, лошади, оленя, песка. В одном из них найдена пластинка бивня с орнаментом, возле другого кучка кремневых ноже-

видных пластин. Изделия из кремня встречались выше костей, среди них и ниже. Скопления описаны как горизонт находок, указаний на их углубленность нет (Ефименко, 1926. Л. 15, 16). Состав, структура и другие признаки не позволяют выделить отмеченные объекты из числа обычных скоплений костей.

Таким образом, по имеющимся данным, на поселении надежно устанавливается наличие одного жилища, внешнего углубленного очага, крупной хозяйственной ямы и с меньшей уверенностью – внешнего наземного очажка и небольшой хозяй-

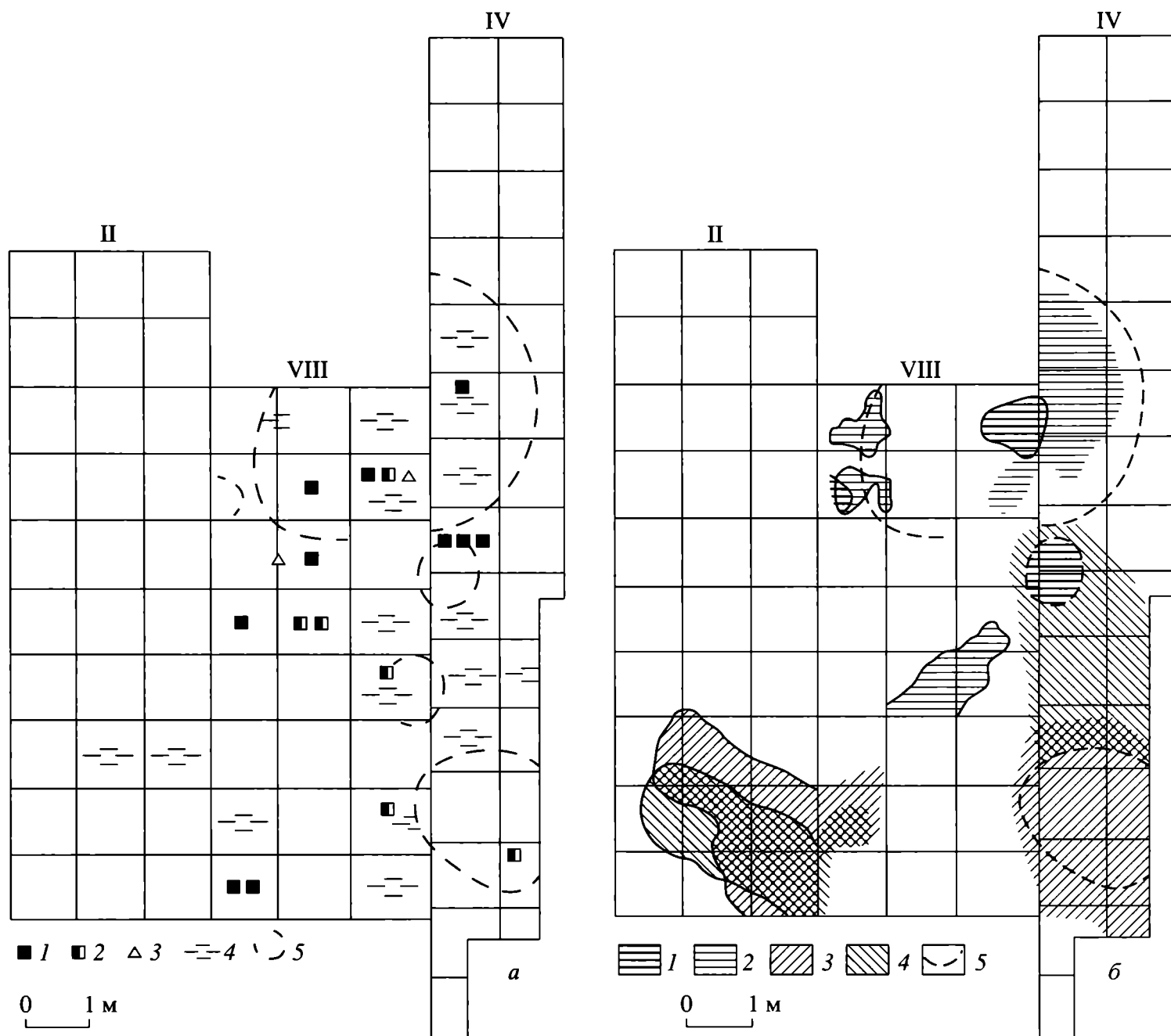

Рис. 8. Распределение минеральных веществ. *а* – охра и ее следы: 1, 2 – один или несколько комочков охры или охристой породы; 3 – каменная плитка со следами краски на поверхности; 4 – наличие окраски культурного слоя; 5 – приблизительные контуры объектов (у жилища – внутренние); *б* – продукты горения: 1 – углистая масса в очаге; 2 – рассеянная очажная масса, четкая очажная прослойка, обугленный грунт и горелые кости; 3 – темная окраска верхнего культурного горизонта; 4 – темная окраска нижнего культурного горизонта; 5 – приблизительные контуры объектов (у жилища – внутренние).

ственной ямы. Активное использование ближайшего от входа участка не способствовало стратифицированию отлагавшихся здесь остатков, но дальше мощная толща культурного слоя достаточно четко делится на два горизонта и слабее выраженные промежуточный и самый верхний, не вошедшие в номенклатуру.

Внешние очаги в силу своего расположения определенно связаны с жилищем. Но и каждый другой объект на р. II, VIII, IV не может рассматриваться как существовавший самостоятельно или в несвязанном с жилищем культурном контексте. Все они, включая место скопления обломков

крупных костей в южной части распространения нижнего горизонта, имеют значение лишь отдельных деталей в системе функционирования жилищно-хозяйственного комплекса. С наличием комплекса согласуется распределение материалов: сосредоточение орудий и украшений из кости, а также следов обработки кости в жилище и непосредственной близости от него; продуктов горения и следов охры на широкой площади, но с доминирующей ролью участка с жилищем; расщепленного кремня и кусков камня – также на большом пространстве, но с отрывом основной концентрации от жилища. Последнее может объ-

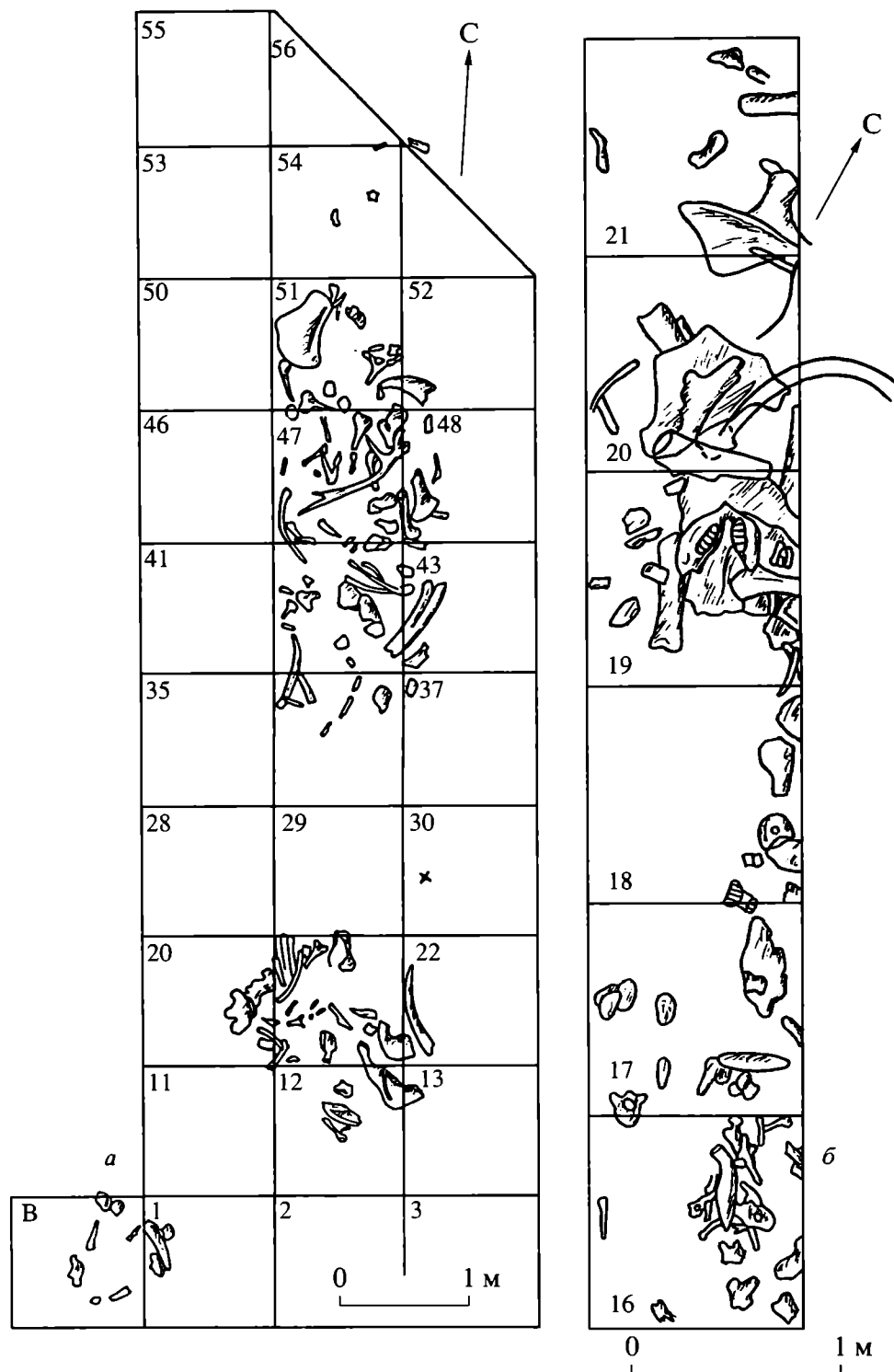

Рис. 9. Скопления костей: а – в западной части раскопа III; б – в северной части раскопа VII. Обозначения см. на рис. 2.

ясняться прежде всего сезонными факторами, поскольку в теплое время года удобнее было изготавливать орудия вне жилища. Функционирование комплекса подкрепляется и единством стратиграфии культурного слоя на отдаленных друг от друга и различных по назначению местах: у очага в середине р. IV и в южной части р. II.

Можно наметить последовательность событий, происходивших в период существования комплекса. После сооружения жилища было вырыто углубление для очага и началось образование нижнего горизонта культурного слоя. Этот процесс

еще не завершился, когда выкопали не вполне достоверно устанавливаемую яму на кв. 10 р. VIII. Шлейф из очага “запечатал” заполнение ямы, хотя оно еще могло проглядывать, и может быть поэтому в пределах очертаний ямы, в северо-восточном углу кв. 10, на шлейф положили берцовую кость мамонта (рис. 2). Появление шлейфа свидетельствует о том, что очаг продолжал использоваться. Происходило ли это до конца жизни комплекса, не вполне ясно. Нахождение поверх очага нижних челюстей мамонта, как будто бы входящих в систему ограждения жилища, мо-

жет указывать на смену назначения участка, занятого очагом. Большая хозяйственная яма, как говорилось, была вырыта в начале образования верхнего горизонта и впоследствии он перекрыл ее. Как видим, ко времени появления остатков, превышающих верхний горизонт, никаких объектов перед жилищем не существовало. Вероятно, тогда же стал откладываться кремнь поверх развала жилища.

Хотя на пространстве возле самого жилища культурные остатки не входят в общую стратиграфию комплекса, локальные наблюдения могут дополнить представление о динамике его жизни. Так, согласно стратиграфической карточке кв. 21 р. VIII, очажок появился не в самом начале обживания участка. До него на древней поверхности отложился слой толщиной 20 см с костями и кремнем. Над уже прикрытым очажком центральную часть квадрата заняло небольшое скопление костей лошади. Поверх скопления легли кости конечностей мамонта (рис. 2), одна из которых была обуглена и соответствовала уровню пятен обугленных костей и почвы на кв. 24. В самом же кв. 21 обширное подобное пятно залегало на 15–20 см выше. На несколько сантиметров над пятном и, скорее всего, погружаясь в него, залегали два крупных фрагмента костей мамонта. Вся толща культурного слоя на квадрате составляла около 0.6 м.

Из описания следует, что обгорание края жилища не связано с наличием очажка на кв. 21. Оно произошло после того, как он был скрыт под культурными остатками. Но и пятна обугленных костей на кв. 21 и 24 не одновременны друг другу. Это говорит о том, что действия, в результате которых появились пятна, повторялись дважды. Причем обгорание жилища может быть связано с более ранним эпизодом: уровень пятен на кв. 24 совпадает с уровнем обгоревших костей в его юго-восточном углу² и с обгоревшей нижней челюстью мамонта в северо-западном углу кв. 18.

Для прослеживания изменений в жизни комплекса существенно и стратиграфическое положение нижних челюстей мамонта, расположенных по дуге вокруг жилища на кв. 21, 18 и 17 р. VIII (рис. 2). Все они залегают в самом верху культурного слоя, т.е. конструкцию из нижних челюстей соорудили под конец бытования жилища. Но и над очагом у входа в жилище нижние челюсти находятся в таком же положении, что делает более вероятным использование их в конструкции, а вместе с тем и прекращение функционирования очага к этому моменту.

² Но у черепа в северо-восточном углу обгорели зубы, возвышавшиеся над пятнами на 20 см, что, должно быть, и свидетельствует о прикрытости землею нижней части черепа при возгорании края жилища.

Крайне приблизительно можно судить о границах жилищно-хозяйственного комплекса. В северо-западной части р. II в слое до 30 см толщиной встречались единичные обломки костей и малочисленные кремневые изделия (рис. 2; 5, а). Возможно, поблизости находился край комплекса. В р. II 1929 г. (рис. 1) в средней части и западной стороне культурные остатки не отмечены. В северной части р. IV кремня также было немного (рис. 5, а), хотя костей было больше. Но комплекс с этой стороны еще продолжался, о чем свидетельствуют материалы восточного конца р. II и южного края р. I 1929 г. (рис. 6, б), удаленных от р. VIII на 4–6 м, а от северного края жилища на 2–4 м (рис. 1; 2). Отдельные кремневые изделия появились здесь с первого штыка. На р. II резкое увеличение числа находок произошло на 4-м штыке (около 0.6–0.8 м): 38 экз. кремня и кость мамонта. На следующем штыке расчищена большая груда костей, уходящая под южную стенку. Она углублялась до 7-го штыка, т.е. до 1.4 м или несколько больше. В ней имелись 10 кусков зубов, 10 обломков бивней, 16 обломков костей конечностей несколько обломков ребер и часть таза мамонта, фрагмент челюсти лошади, обломок рога оленя, 3 орудия и 28 отщепов и пластин кремня. По рисунку длина плотной части скопления костей равняется до 1.6–1.8 м, ширина до 1.0 м, но должна быть больше, толщина скопления 0.4–0.6 м.

В южной части р. I также обнаружена груда костей. В какой-то мере она проявилась, возможно, на 4-м штыке, где встречены 46 кремневых изделий, угольки, полусгнившие косточки. Грунт был песчаный красноватый, с искривленными короткими прослойками. На 5-м штыке в груде, кроме костей мамонта, найдены нижняя челюсть песка, угли, 35 экз. кремня. Скопление продолжалось до нижнего 7-го штыка. Длина его плотной части, возможно, не полная, около 2 м, ширина около 1.4 м или более, мощность 0.4–0.6 м. В дневнике сказано, что количество костей было очень велико, но они имели крайне плохую сохранность и их нельзя было ни взять, ни изобразить на рисунке и тем более сфотографировать³. Так что на имеющейся иллюстрации зарисованы только наиболее крупные кости: части длинных костей конечностей и бивней, ребра.

По довольно неопределенным данным трудно судить, являлись ли скопления костей поверхностными нагромождениями или заполнением хозяйственных ям. Наличие кремневых изделий на участках р. I севернее скопления костей в 1–6-м штыках, а может быть и ниже, указывает скорее на первый вариант. Но ямы могли быть впущены

³ Ссылка на состояние костей в большей мере отражает то скромное место, которое оставалось для расчистки, зачерчивания и детальных наблюдений при чрезмерно поспешных работах.

из верхних горизонтов и ненамного погружаться в материковую породу. Характер культурного слоя неясен.

Севернее скопления костей на протяжении 6 м кремня встречалось больше, чем в скоплении, но как правило значительно меньше 100 экз. на 1 м². Этот участок, связанный со скоплением, еще можно отнести к жилищно-хозяйственному комплексу, но с южной стороны граница комплекса менее определена. В р. V, на расстоянии до 8 м от р. II, VIII на площади 6.5 × 1.5 м встретилось 365 экз. кремня, из них 42 орудия. Очевидно, вопрос о границе может решаться только после исследования промежуточного пространства. Наблюдаемая протяженность комплекса с севера на юг равна 22–23 м, с запада на восток – 10 м.

Наиболее интересное место на поселении кроме описанного комплекса затронуто р. VII в 1927 г. (рис. 1). Место траншеи шириной в 1 м еще в 80-х годах XX в. хорошо выделялось в откосе дороги. На шести северных квадратах встретилось много костей животных, прежде всего мамонта: несколько лопаток и тазовых костей, три крупные кости конечностей, две нижние челюсти, большой бивень и часть бивня, позвонки и обломки позвонков и ребер (рис. 9, б). Здесь же до закладки раскопа, в 1924 г., были собраны крестьянином В.И. Зайцевым кости, доставленные им в следующем году в Брянский краеведческий музей: 3 нижние челюсти, 3 крупные кости конечностей, обломки бивней, части таза, несколько позвонков мамонта и череп носорога. В проксимальном конце бедра С.С. Деев расчистил круглое отверстие (Деев, 1925. Л. 1, 2). На кости натыкались и при земляных работах на прилегающей части усадьбы, а на поверхности улицы лежало много кремня (Деев (?), 1926).

В 3 м южнее изображенного участка р. VII в 1977 г. мы наблюдали линзочку совершенно черной очажной массы, охристое пятно и торчавшие из стенки крупную кость конечности, тонкий бивень, возможно, изделие, и верхнюю и нижнюю челюсти песка. Наиболее вероятно, что на описанном участке имелся еще один жилищно-хозяйственный комплекс.

Менее ясно, какое значение в системе поселения могло быть у пространства к востоку от р. IV. На раскопах VI, I, А и в шурфах Г.Ф. Мирчинка и С.С. Деева собрано около 1300 экз. кремня, включая 112 орудий. В основном разрушенные поздними работами участки р. III и р. В содержали 1562 экз. кремня, в том числе 93 орудия. Кроме упоминавшихся на р. III скоплений костей, кости мамонта, лошади и песка попадались и в других его местах. В наиболее разрушенном восточном углу на одном из квадратов вблизи материка имела прослойка, окрашенная в розовый цвет, а в перекопе обнаружена ямка, в которую были свалены кости мамонта и лошади. Возможно, это об-

ширное обжитое место или входило в еще не выявленный комплекс, или использовалось всеми обитателями поселения.

В р. III 1928 г. на первом штыке встречен кремневый скребок, а на глубине 0.8–1.3 м 22 кремневых изделия. Было ли это место окраиной поселения, как полагал В.А. Городцов (Городцов В.А. Дневник археологических исследований в окрестностях г. Брянска в 1928 г., л. 93 // Личный архив Д.А. Крайнова), или малоиспользуемым участком, покажет будущее.

Подводя итоги изучения документации раскопок Супоневского поселения, необходимо отметить незавершенность раскопок остатков жилища, неясность пространственной позиции и отношения к древней поверхности черепов ограждения и в целом схематизм многих сведений, касающихся жилища и других объектов. Хотя не трудно указать на отдельные элементы сходства супоневского жилища с жилищами других поселений, четкой близости к каким-либо из них по группе признаков не устанавливается. Сравнение затрудняется и недостатками публикаций жилищ поселений среднеднепровского типа, подчас в информативном отношении мало чем отличающихся от данной публикации по старым материалам. Сложность сопоставлений состоит и в вероятной вариативности жилищ одного и того же поселения, как это показали раскопки в Межириче (Пидопличко, 1976).

Не полностью раскопан жилищно-хозяйственный комплекс Супоневки. Однако и он, как и жилище, до сего времени был неизвестным объектом, который дополнит сведения по среднеднепровским поселениям. Большой интерес представляют стратиграфические материалы, позволяющие проследить смену объектов в течение жизни комплекса. А яркие картины распределения предметов и веществ на площади комплекса, можно надеяться, подтолкнут на составление более детальных планов обладателей материалов современных раскопок среднеднепровских поселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Деев С.С. Письмо А.А. Спицыну // Архив ИИМК. 1925. Ф. 2. Оп. 1. № 187.
- Деев С.С. (?) Об исследовании палеолитической стоянки в окрестностях Супоневки Брянской губ. // Архив ИИМК. 1926. Ф. 2. Оп. 1. № 199.
- Ефименко П.П. Дневник раскопок палеолитической стоянки в с. Супоневе Брянской губ. Бежицкого у. // Архив ИИМК. 1926. Ф. 2. Оп. 1. № 233.
- Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976.
- Шовкопляс І.Г. Житла Супонівської палеолітичної стоянки // Археологія. 1951. Вип. V.

Suponevo: The area beyond the dwelling, and the structure of the habitation site**V. Ya. Sergin**

Summary

The author bases on the investigations of the archive materials concerning the excavations of the Palaeolithic habitation site Suponevo conducted in the 20-s of the 20th century by P.P. Efimenko, B.S. Zhukov, and V.A. Gorodtsov. The spatial distribution of the mammoth bones and other details of the dwelling are reconstructed. The existence of dwelling and household complex is established, including hearths, household pits, minor dump of bones, and accumulations of mammoth bones. The stratigraphy of the site has permitted to reveal the chronology of the objects' functioning during the life span of the complex. Taking into account the large accumulation of mammoth bones and other rejects the existence of another complex was supposed in the excavation trench VII. The materials available do not give an opportunity to point out some close analogy to Suponevo site, as far as the characteristic features of the dwelling and other structural elements of the settlement are concerned.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРНЫЕ ВЫРАБОТКИ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В ПРИМОРЬЕ

(по материалам поселения Устиновка-IV)

© 2003 г. В. И. Дьяков

Владивостокский филиал Российской Таможенной Академии

Сводка сведений о горных выработках многих стран, предназначенных для добычи каменного сырья, составленная Н.Н. Гуриной, свидетельствует, что этот производственный феномен изучен в основном для позднего неолита, энеолита, бронзы (Гурина, 1976). На Дальнем Востоке, в Приморье, следы шахт для добычи поделочного камня впервые были обследованы в 1908 г. В.К. Арсеньевым вблизи с. Амгу (Арсеньев, 1947. С. 279). В начале 1980-х годов их раскопками занимался В.А. Татарников (1985. С. 91–93), установивший, что эти выработки функционировали в эпоху средневековья. Агаты с теми же характеристиками встречались при раскопках поселений эпохи бронзы, середины I тыс. до н.э. (Лидовка-1 и др.), но было ли это результатом горных работ или простой поисковой деятельности, можно обсуждать только в виде предположений.

В 50-е годы XX в. геологом В.Ф. Петрунем был открыт памятник Устиновка-I, несколько лет спустя привлечший внимание археологов позднелеолитическими особенностями изделий из плотного желтоватого камня цвета слоновой кости и обилием продуктов расщепления. Ограничиваясь небольшими раскопками и подъемными сборами, авторы выдвигали разные версии, в том числе и о типе памятника: мастерская, стоянка-мастерская. Во всех случаях акцент делался на то обстоятельство, что здесь находились большие природные залежи сырья, что и привлекло древнейших (или одних из древнейших) обитателей Приморья.

Как природный ресурс становился сырьем для орудий, было а priori смоделировано всеми, кто оказался причастен к изучению этого объекта. В.Ф. Петрунь писал: “При достаточно продолжительных и интенсивных процессах выветривания... происходит обогащение приповерхностных участков элювиального плаща крупножелвачным материалом за счет выноса мелких пылеватых частиц продуктов разрушения” (Петрунь, 1956. С. 60). Эту же идею разделяли геолог Г.И. Худяков и археолог Ж.В. Андреева: “...первобытный человек пользовался не залежами, а обломочным материалом, который должен был находиться на поверхности, а не в грунте, где он захоронен в настоящее время” (Андреева, Худяков, 1973. С. 18). Подобные предположения высказывались и позже.

Если приведенные высказывания были основаны на предположениях, то А.П. Окладников свое мнение сформировал на интерпретации полевых наблюдений в первом небольшом раскопе на Устиновке-1: “...прослежены также детали стратиграфии поселения, которые свидетельствуют о том, что на нем производилась добыча поделочного сырья в ямах-“закопушках”” (Окладников, 1968. С. 116). К сожалению, это наблюдение не получило документального обоснования.

При возобновлении работ на этом памятнике в 1980 г., непосредственно продолжившими в южном направлении участок, вскрытый А.П. Окладниковым и Ж.В. Андреевой, таких наблюдений сделать не удалось (Васильевский, Кашин, 1983. С. 44–66). Единственное углубление, которое носит искусственный характер, в таком плане не рассматривалось (Васильевский, Кашин, 1983. С. 60–61). Теперь уже никто не сможет сказать, что видел А.П. Окладников на одном из первых раскопов. Тем не менее интуиция вывела его к вполне реальным выводам, которые не привлекали внимание до тех пор, пока на другом памятнике, расположенном в 0.5 км к западу от Устиновки-I, не были обнаружены именно “закопушки”, возникшие в результате поиска и добычи сырья.

Мезолитическое поселение Устиновка-IV, существовавшее около 10 тыс. лет назад, в начале голоцена, расположено в Кавалеровском районе Приморского края, в среднем течении реки Зеркальная (рис. 1). Оно входит в группу, состоящую из нескольких десятков археологических объектов, известную под названием устиновской археологической культуры (Окладников, 1977. С. 68; Васильевский, Гладышев, 1989; Кузнецов, 1994; Дьяков, 2000). Более 40 известных сейчас памятников, составляющих эту культуру, дислоцированы в виде трех анклавов, расположенных примерно на равном 200-километровом расстоянии от тадушинского в долине р. Зеркальная¹.

¹ В понятие “анклав археологической культуры” в данном случае вложено следующее содержание: компактное расположение монокультурных объектов, базировавшихся на месторождениях конкретных видов сырья, использованного для производства более 50% типологически выраженных каменных орудий.

Первые находки на памятнике обнаружены автором в 1980 г., и тогда же были начаты раскопки, продолжавшиеся с перерывами до 1998 г. Вскрытая здесь площадь (1520 м²) сопоставима с суммарной площадью раскопок однокультурных объектов за всю историю археологии Приморья. Данное обстоятельство явилось важным условием обнаружения функционально разных участков в пределах хозяйственно-бытовой зоны как прилегающей к жилым постройкам, так и удаленной от них. Наличие долговременных (зимних) жилищ, от которых сохранились отчетливо выраженные углубления со следами двух тамбурных входов, расположенных оппозитно, позволили считать этот памятник поселением.

На расстоянии от 10 и более 100 м от жилищ обнаружены многочисленные ямы разной конфигурации и размеров; их синхронизация с жилищами и другими объектами поселения проведена по стратиграфии и комплексам изделий. Микростратиграфические особенности позволили утверждать их искусственное происхождение, в некоторых случаях последовательность выкапывания, а совокупность признаков позволяет с достаточным основанием говорить о том, что землекопные операции проводились с целью извлечения сырья для каменных орудий.

Основным сырьем, применявшимся в тадушинском анклав, были сходные по внешним и потребительским качествам вулканический туф, липарит, кремнистый сланец. В коллекции Устиновки-IV эти породы составляют около 98%. Профессиональное суждение В.Ф. Петруня наиболее авторитетно в этом вопросе. Он писал: “В качестве основного материала для орудий... применялись крупные, 5–30 см в поперечнике, желваки окремненных тонкозернистых пепловых туфов и осветленных вулканических стекол различной кислотности, погруженные в более мелкообломочный субстрат основной (базальной) массы андезит-базальтового туфа. По сравнению с основной массой желваки кремнеподобных пород отличаются размерами обломков, исключительной однородностью, способностью раскалываться в необходимом направлении и прочностью” (Петрунь, 1956. С. 59).

На местонахождении Устиновка-IV следы горных выработок зафиксированы в трех раскопах (№ 3, 6, 7), удаленных друг от друга на десятки метров. Ограничимся более подробным описанием результатов, полученных в раскопе 6. Его площадь 108 м², он самодостаточен для ответа на вопрос о способе, месте добычи сырья и его частичной утилизации.

Раскоп 6 (рис. 2) расположен в центральной части памятника в нескольких метрах к востоку и северо-востоку от жилищ № 1 и 2 на ровной, практически горизонтальной поверхности. Эта мест-

ность на 0.7–0.8 м ниже уровня, на которой находятся жилища № 1–3.

Стратиграфия (рис. 3)

1. Почвенно-растительный слой (ПРС) – в целом тонкий, представленный серой слабо задернованной супесью, местами является новообразованием (кв. А-Б/17–21, В-Е/19–21); поврежден разведочным шурфом 1981 г. (кв. Г/17), перекопом (Ж-3/20–21) 0.02–0.10 м
2. Суглинок светло-серый – имеет локальное распространение в кв. А-Б/17–21, залегает между ПРС и коричневым суглинком 0.02–0.08 м
3. Суглинок коричневый – основной культуросодержащий слой, выявленный практически на всей площади раскопа и в заполнении некоторых углублений: содержит артефакты 0.06–0.48 м
4. Суглинок светло-коричневый, фиксируется локально в заполнении некоторых углублений (содержит орудия) до 0.40 м
5. Суглинок желтовато-бурый, имеет локальное распространение в заполнении некоторых углублений (содержит орудия) до 0.45 м
6. Глина светло-коричневая, жирная – выявлена на небольшом участке в заполнении одного углубления (кв. А/13) до 0.40 м
7. Песчано-валунно-галечные отложения, залегающие на большей части площади раскопа, кроме северо-восточных квадратов (материк) до 0.80 м
8. Глина желтая, материк более 0.30 м

Планиграфия (рис. 2)

Под тонким дерном в северной, особенно в северо-западных частях раскопа в погребенной почве и на светло-сером суглинке обнаружены переложенные изделия: макронуклеусы (7 экз.), сколы реутилизации нуклеусов, пластины, отщепы, орудия (скобель, нож). Все они были перемещены сюда более полувека назад при строительстве “ямы углежогов”, расположенной в 7 м к северо-западу от раскопа.

Светло-серый суглинок, зафиксированный в кв. А/18–20 под дерном, представлен бесформенным пятном, уходящим за западную стенку раскопа. В нем нет артефактов; мелкие угольки отмечены в кв. А/9. Они немногочисленны в этом слое, но глубже, уже на кровле коричневого суглинка, представлены ясно различимым пятном (0.2 × 0.3 м). Продолжение этого скопления после снятия 2 см коричневого суглинка проявилось со смещением к югу. Угольки на этом уровне заметно крупнее, достигают 1 см. Видимо, карбонизированная древесина попала на кровлю древнего слоя позже его образования, но раньше появления пятна светло-коричневого суглинка, которое, по всей вероятности, связано по времени с деятельностью углежогов. Вероятно, также к недавнему прошлому относится зольно-прокаленный след кострища в кв. А/13, выявленный непосредственно под ПРС на поверхности галечно-валун-

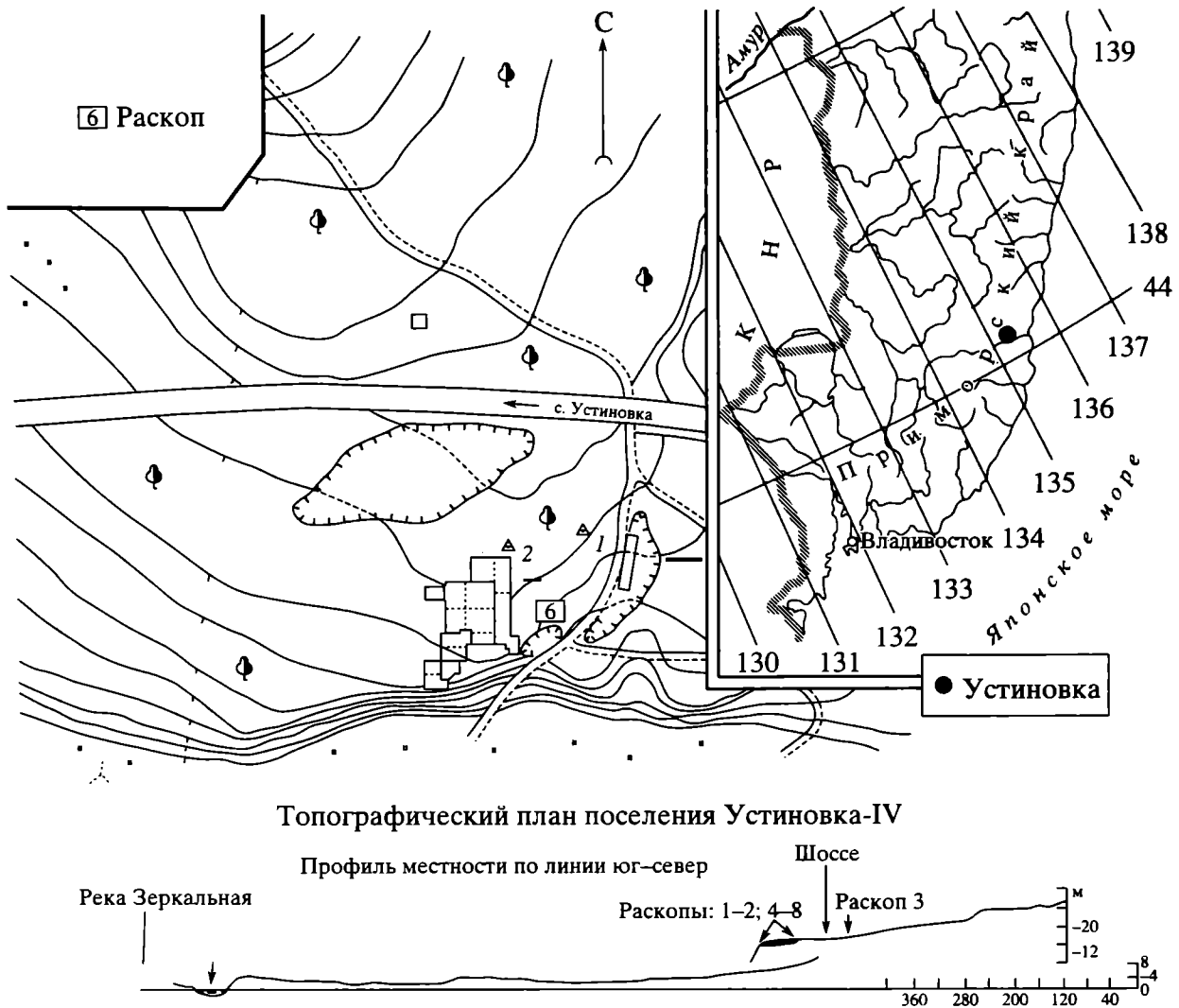

Рис. 1. Топографический план и профиль местности памятника Устиновка-IV

ного слоя. Тем не менее этот вопрос не очевиден, так как в последнем случае практически отсутствует культурный слой в виде коричневого суглинка, но нет и орудий позднего облика, в том числе современных остатков.

После расчистки раскопа от вышеназванных образований, включая остатки почвенно-растительного слоя, часть его поверхности занимала кровля коричневого суглинка, часть – галечно-валунные отложения, иногда перемешанные с суглинком.

При исследовании коричневого суглинка, залегающего, исключая некоторые углубления, относительно тонким слоем, обычно не превышающим 0.1 м, в нем выявлены следы кострища, представленного мелкими и мельчайшими угольками в виде овально-ромбовидного пятна и слабо выраженными следами температурного воздействия (кв. Б/17). Размер пятна – 0.7 × 0.5 × 0.03 м. Ясно выраженной концентрации артефактов, связанной с ним, здесь нет, но очень вероятно, что данное кострище было обусловлено ямой, находящейся в 0.3 м западнее, в кв. А–Б/15–17. В нижней

части заполнения этой ямы найдены артефакты, описанные как “скопление 2”.

В северо-восточной части раскопа, в кв. М/19–21, коричневый суглинок оказался деформированным криогенными буграми пучения, образованными из нижележащего слоя желтой глины. Такие проявления в этом месте были вызваны почти полным отсутствием между коричневым суглинком и слоем глины буферного горизонта галечно-валунных отложений, имеющих на остальном участке раскопа.

После снятия культуросодержащего слоя до поверхности галечно-валунно-песчаных отложений, имеющих, как отмечалось, *только природный генезис*, были обнаружены признаки углублений, внедренных в этот горизонт. По мере расчистки выяснилось, что они имеют различные форму, размер и заполнение, содержат то или иное количество орудий. Последние отличаются нормальной сохранностью и в ряде случаев, безусловно, имеют отношение к комплексам, расположенным выше, – в устьях этих ям или около них.

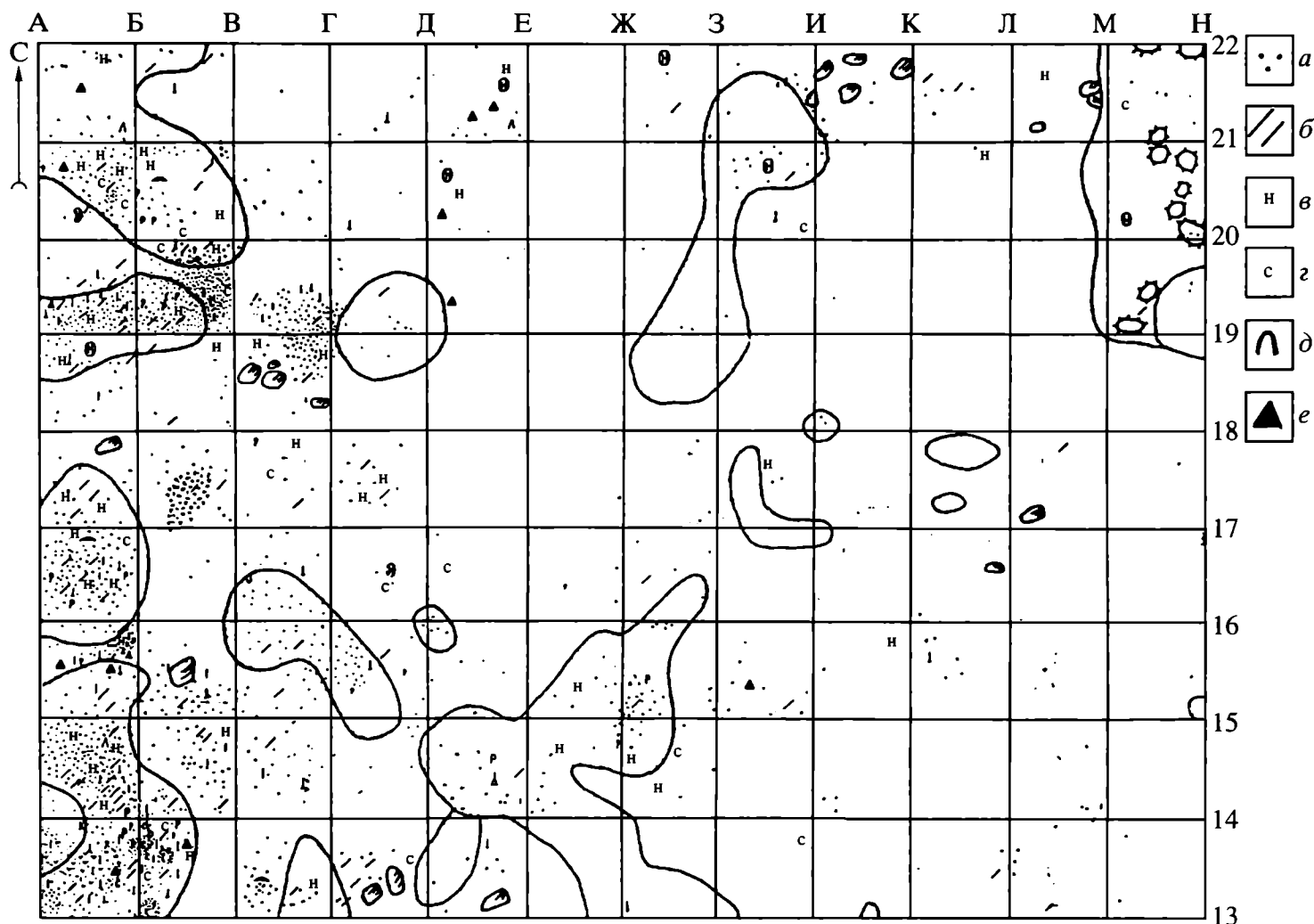

Рис. 2. Раскоп 6. Участок горных выработок: контуры ям и расположение артефактов: а – отщепы; б – пластины; в – нуклеус; г – скребок; д – лодкообразный “инструмент”; е – сырье.

Ямы имели различную глубину, но в большинстве случаев прорезали валунно-галечно-песчаные отложения до появления мелких фракций, составляющих подошву этого горизонта (песчано-гравийных, песчано-галечных) или до кровли слоя желтой глины, ни в одном случае не нарушая ее. Глубина ям от древней дневной поверхности зависит от указанных обстоятельств и варьирует в пределах 0.25–0.75 м. Вблизи ям зафиксированы крупные камни без очевидных следов использования. Они имеют местное происхождение и, судя по их расположению, были извлечены вместе с грунтом древними землекопами.

Артефакты распределены в раскопе неравномерно. Наиболее высокая их концентрация связана с западной и юго-западной частями вскрытой площади. Натурогенных факторов, могущих повлиять на такое распределение, здесь нет. Удалось установить, что все скопления находок изначально были сформированы тремя способами: 1) на поверхности обитания вблизи устья той или иной ямы, 2) в углублении, иногда полузасыпанном, 3) на поверхности до образования ямы. При этом доступные наблюдению факторы, а имен-

но применяемое сырье, технико-технологические характеристики, морфология изделий, – все укладывается в стереотипы данного памятника. Следовательно, распределение изделий отражает специфику использования “участка с ямами” и свидетельствует о весьма динамичном характере проведения землекопных операций в древности.

Скопление артефактов в кв. А–Б/13–14 (скопление 1) имеет довольно высокую концентрацию, максимум которой приходится на верхнюю треть расположенного здесь углубления, а минимум – на прилегающие участки поверхности обитания. Отдельные предметы, преимущественно отщепы, встречаются в заполнении ямы почти до самого дна, а самые верхние лежат в одном уровне с костровыми остатками более позднего времени, зафиксированными над устьевой частью ямы. В пределах данного скопления, в кв. Б/13, отмечены три точечных концентрации артефактов, каждая диаметром около 0.2 м, состоящие как из отщепов, так и орудий (два скребка, резец, три инструмента с незавершенной обработкой). Все три микрокомплекса расположены в 0.15–0.17 м ни-

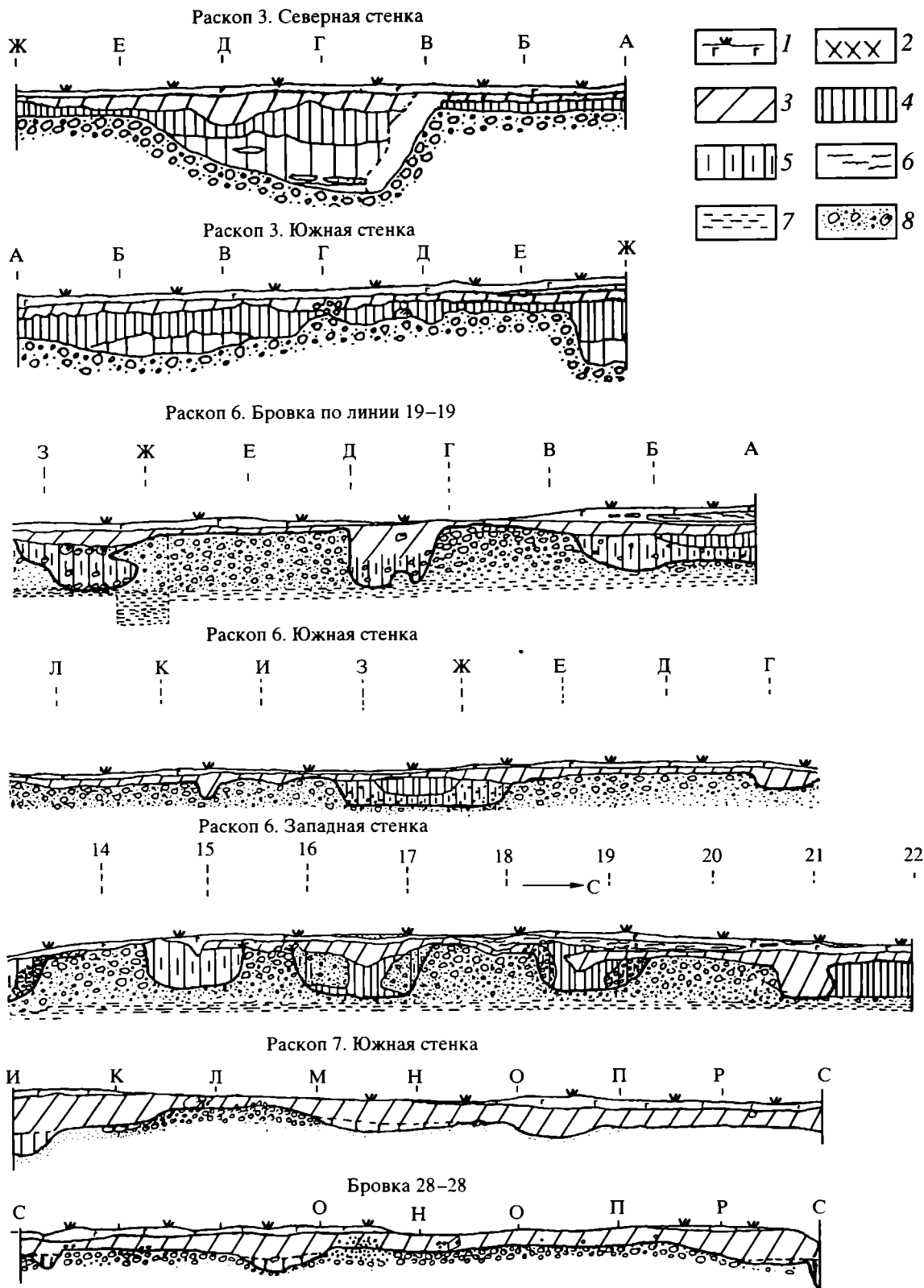

Рис. 3. Профили раскопов 3, 6, 7, вскрывших места горных выработок. Условные обозначения 1 – дери; 2 – переотложенный грунт; 3 – суглинок коричневый; 4 – суглинок светло (желто)-коричневый; 5 – суглинок желтовато-бурый; 6 – суглинок светло-серый; 7 – глина желтая (материк); 8 – валунно-галечно-песчаные отложения (материк).

же уровня, с которого была выкопана эта яма. Их положение *in situ* не вызывает сомнения.

Данное утверждение, позволяющее интерпретировать скопление как замкнутый комплекс, отражающий определенное направление производства артефактов, находит поддержку также в наличии апплицируемых предметов. В кв. А/13

собран блок из четырех отщепов: двух крупных, среднего и мелкого (№ 1607–1610). Средний отщеп (№ 1622) апплицирован к макронуклеусу (№ 1621) из кв. А/14. Сблокированы два отщепа – крупный и мелкий (№ 1431, 2210), найденные в кв. А/13 и Б/13. Соединены также: скребок (№ 2211) и крупный отщеп (№ 2212); крупный отщеп с ути-

литарной ретушью (№ 2213), обломок отщепы (№ 2214) и скребок на крупном отщепе² (№ 2215) из кв. А/13.

Расположение артефактов в скоплении и раскопанная площадь ямы показывают, что южная и западная части этого комплекса остались за пределами раскопа. Видимая на вскрытой территории часть ямы – коридорообразная, змеевидно изогнутая. Сечение ее желобовидное. Длина более 2.5 м, ширина – от 0.8 до 1.15 м, глубина – 0.45 м от древней дневной поверхности.

Другое скопление артефактов (скопление 2) фиксируется в яме, расположенной севернее, в кв. А/15–17 (рис. 4). Как и в предыдущем случае, о форме и размерах углубления можно судить предположительно, так как исследованная часть ограничена западной стенкой раскопа. Видимое в плане углубление овально-миндалевидное, в сечении чашевидное. Размер: около 2 м по линии юг–север, не менее 1.5 с востока на запад, глубина 0.45–0.52 м.

Находки относительно равномерно распределены по всей площади и сосредоточены преимущественно в нижней половине ямы. Из пяти макронуклеусов только один обнаружен в устьевой части вместе с пятью отщепами и одним обломком треугольной в сечении пластины, имеющей следы использования.

В яме велось не только расщепление макронуклеусов, но и, судя по наличию краевого скола, был оформлен из бифаса микронуклеус, использованный для снятия узких лезвий, два из которых обнаружены в скоплении.

Из морфологически выраженных орудий в скоплении зафиксированы два резца (рис. 4, 6, 8) и скребок (рис. 4, 15), изготовленный на конце треугольной в сечении пластины. Черным цветом редко встречающейся здесь породы выделяется резец № 1789 (рис. 4, 9).

К расколотому нуклеусу № 1787 апплицированы обнаруженные рядом (все в кв. А/16) крупные отщепы (№ 1813, 1814). Третий крупный отщеп (№ 1934), присоединенный к ядрищу, был найден в кв. А/19 – в соседней яме. Это наблюдение представляется важным в трех аспектах. Во-первых, подтверждает производственный генезис комплекса; во-вторых, синхронизирует две соседние ямы; в-третьих, документирует оформление макронуклеуса.

Третья крупная концентрация артефактов (скопление 3) связана с двумя близко расположенными ямами (минимальное расстояние между ними составляет 0.22 м) и прилегающим участком поверхности в северо-западном секторе раскопанной площади. Более южное из двух углублений (кв. А–Б/18–19) ограничено западной стенкой

раскопа. Оно ориентировано В–З, имеет коридорообразную форму, желобовидное сечение. В раскопе представлена его часть длиной 1.7 м, шириной до 0.85 м, глубиной около 0.4 м. Второе углубление находится в кв. А–В/19–21, ограничено северной и западной стенками раскопа, имеет неправильную форму (длина 3 м, ширина 2 м), прямоугольное сечение, глубину – 0.35–0.40 м от древней дневной поверхности.

По расположенным на этом участке артефактам установлено, что первоначально скопление возникло на поверхности обитания в кв. Б/19 до появления этих ям или в то время, когда они имели меньшую площадь. Это было видно по отщепам из данной концентрации, вектор распространения которых включает соответствующие стенки и участки дна ям, прилегающих к тому месту. Позже использовалась площадь ям для проведения полного цикла расщепления – от оформления нуклеусов до изготовления орудий.

Визуальные петрографические характеристики использованного сырья показывают, что это не случайное скопление орудий и продуктов расщепления, а производственный комплекс, формировавшийся в относительно короткий срок.

Скопление 4 расположено в кв. В/18–19. Оно находится с западной стороны ямы округлой формы и, надо полагать, изначально было связано с ней. Яма занимает смежный участок кв. Г–Д/18–19, имеет довольно правильную округлую форму, размер – 1.20 × 1.10 м, желобовидное сечение, глубину до 0.4 м от древней дневной поверхности.

Скопление находок насчитывает три макронуклеуса, имеющих разную степень использования; четыре скола реутилизации площадок макронуклеусов; две треугольных в сечении пластины; крупный отщеп с ретушью, возможно, являющийся режущим орудием и отщепы (8 средних, 56 мелких, 15 микроотщепов) (рис. 4, 16). К этому скоплению, вероятно, относится плитка туфа, найденная с противоположной от основной концентрации артефактов стороны ямы, обломок пластины и несколько отщепов в заполнении.

Скопление 5 расположено в яме, занимающей кв. Б–Г/14–16. В плане яма имеет форму запятой, ориентирована с СЗ на ЮВ. (Сечение – желобовидное, длина – 2.20, максимальная ширина – 1.08 м, глубина – 0.38–0.45 м). Скопление состоит из скребка, отщепы с ретушью, продуктов расщепления макронуклеуса и обработки изделий.

Скопление 6 расположено у ямы, занимающей кв. В–Г/13 и ограниченной южной стенкой раскопа. Это небольшое углубление параболической формы и трапециевидным сечением. Длина участка, выявленного на раскопанной площади, составляет 0.82 м, ширина около 0.70 м, глубина – 0.20–0.23 м. Артефакты представлены торцовым нуклеусом (№ 963), который удалось сблокиро-

² Выражаю свою признательность Е.В. Сидоренко, выполнившей ремонт артефактов.

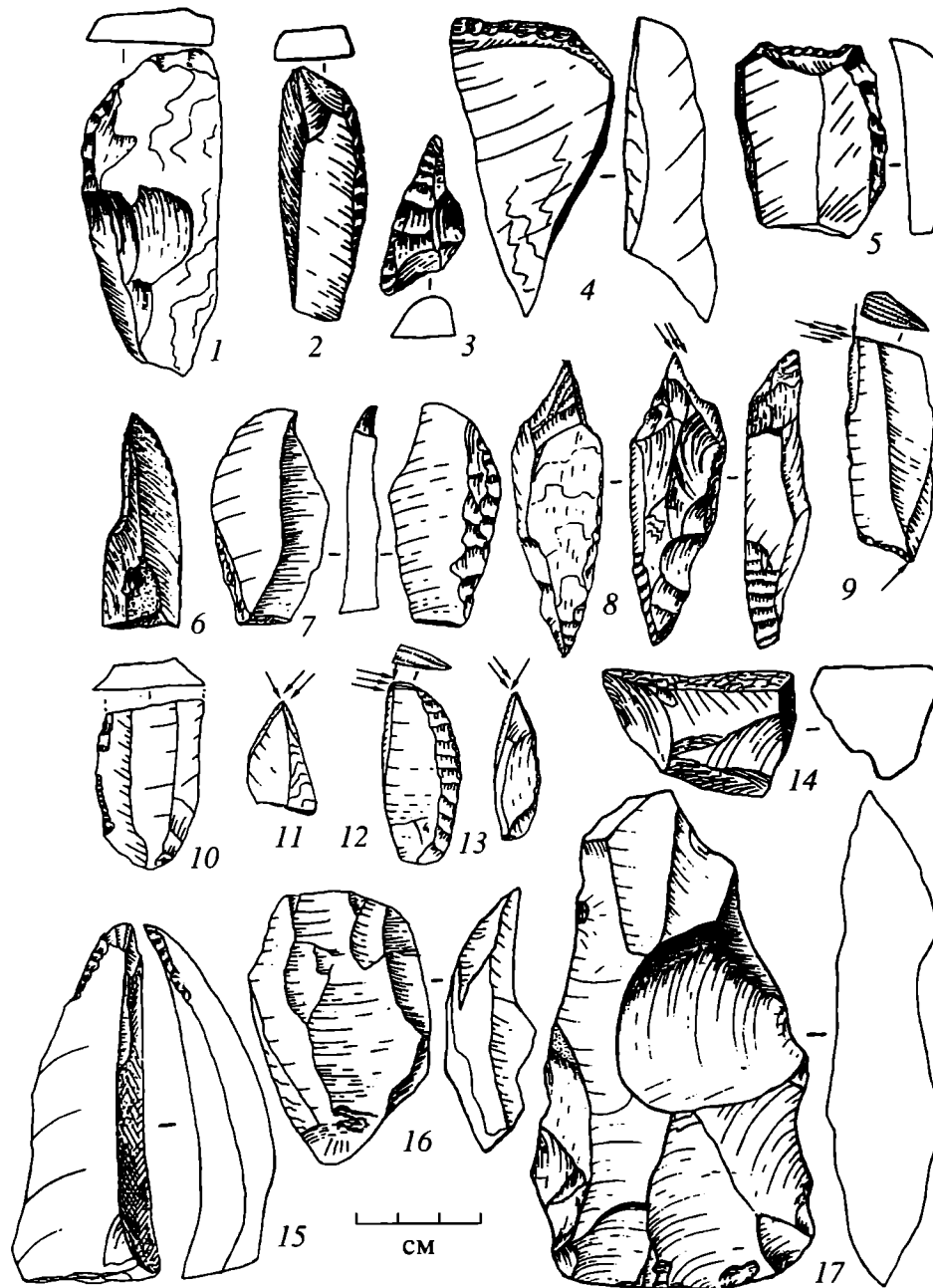

Рис. 4. Орудия из раскопа 6. 1, 2, 4, 5, 15 – скребки; 3 – проколка двурогая; 6, 8, 9, 11–13 – резцы; 7 – комбинированное орудие; 14 – лодкообразное орудие (обломок); 16 – нуклеус; 17 – мотыговидное орудие.

вать со сколом реутилизации площадки и краевым сколом с бифаса (№ 964), а также продуктами расщепления, из которых блокируются еще два отщепа (№ 992, 993). Они располагались на древней дневной поверхности и в верхней части заполнения углубления.

Скопление 7 расположено главным образом внутри углубления, занимающего кв. Д-З/13–16. Это одно из наиболее крупных по площади углублений, южная оконечность которого оказалась за пределами раскопа. Оно состоит из нескольких ям. Отчетливо выделяются две ямы траншейного типа, ориентированные ЮВ–СЗ и СВ–ЮЗ, смыкающиеся под прямым углом, и соединенное с ними овально-вытянутое углубление небольшого размера (длина около 1.0 м, глубина 0.2). Максималь-

ная длина ямы около 5.0 м, ширина от 0.4 до 1.5 м, глубина до 0.35 м от древней дневной поверхности.

В верхней части ямы в кв. Ж/13 найдено мотыговидное орудие, изготовленное из куска белого туфа двусторонней обивкой (рис. 4, 17). Длина – 14 см, ширина лезвия – 7 см (№ 1294). Этот инструмент располагался в стороне от скопления, занимающего кв. Д-Ж/14–15 в среднем и нижнем ярусах углубления. В скоплении представлен достаточно “стандартный” набор изделий: макронуклеусы, продукты расщепления и обработки, скребки, резцы. Из редких орудий отметим проколку с двумя функциональными острями, одно из которых оформлено не только ретушью, но и резцовым сколом (№ 2548). Проколка зафиксирована в сред-

ней части заполнения на одной нивелировочной отметке и рядом с многофасеточным резцом (№ 2547), верхняя грань которого имеет негативы пяти микропластинчатых сколов, как у микронуклеуса. На 16 см глубже, почти у самого дна, обнаружен фрагмент ретушированной пластины (№ 2549).

Скопление 8 расположено в небольшой (0.50 × 0.36 × 0.30 м) овальной ямке на пересечении кв. Г–Д/15–16. В нижней части заполнения найдены пять отщепов, в 0.5 м севернее – заготовка макронуклеуса, два скребка, отщепы.

Скопление 9 расположено как внутри, так и вблизи восьмерковидной в плане ямы, ориентированной с ЮЮЗ на ССВ в кв. Ж–З/18–21. Длина – 3.5 м, ширина от 0.40 до 1.30 м, глубина 0.30–0.45 м от древней дневной поверхности. Артефакты компактного скопления не образовывали, фиксировались, к тому же, на разной глубине. С учетом находок на прилегающем к яме участке, здесь обнаружены две заготовки макронуклеусов, скребок и малочисленные продукты расщепления.

Скопление 10 состоит из макронуклеуса и нескольких отщепов, найденных у северо-восточной стороны серповидной в плане ямы, расположенной в кв. З–И/16–17. Размер этого углубления: 1.5 × 0.38 × 0.28 м.

Скопление 11 представлено несколькими артефактами, удаленными друг от друга так, что видимой связи между ними не устанавливается. Тем не менее, здесь представлен “стандартный” набор изделий (макронуклеусы в разной степени оформления и использования, продукты обработки и расщепления, скребок). Они локализованы в кв. К–М/20–21, окружены “пустым” пространством. Возможно, они имеют отношение к углублениям, примыкающим к восточной стенке раскопа. Отчетливо там прослежено только одно углубление, возможно, округлое или овальное, представленное на вскрытой площади сегментом, размер которого – 1.0 × 0.56 м, глубина до 0.20 м. Оно расположено в кв. М/18–19 и входит в площадь более крупной по размеру выемки подпрямоугольных очертаний, но с очень низким и пологим уступом. Ее длина около 3 м, ширина до 1.2 м (размер ограничен северной и восточной стенками раскопа), глубина не превышает 0.1 м. Этой выемкой полностью прорезан очень тонкий здесь слой галечно-валунных отложений до кровли нижележащего слоя глины. Внутри выемки зафиксировано несколько бугров пучения.

Несколько малочисленных скоплений, состоящих из плиток туфа, предназначенных для обработки, макронуклеусов (как оформленных, так и заготовок), продуктов расщепления выявлены в кв. И–К/15, Ж–З/15, Г/17, Д/20–21 (в последнем случае в скоплении найдено и лодкообразное орудие). Они не имеют очевидной связи с ямами и выделены по более или менее компактному залега-

нию на поверхности, с уровня которой производились землекопные работы.

Антропогенный характер микрорельефа раскопанного участка не вызывает сомнения по ряду признаков. В первую очередь различие размеров, формы, ориентации и заполнения ям, расположенных на ровной, столообразной поверхности. Эти признаки уже сами по себе делают маловероятной природную версию генезиса данных углублений. Во вторую – наличие связанных с ними инситу (что подтверждено по нескольким признакам, включая возможность ремонта) скоплений артефактов, зафиксированных как внутри ям, так и вблизи устья. В-третьих, разный грунт в заполнении ям.

Сказанное делает правомерным рассмотрение вариантов, объясняющих необходимость проведения таких землекопных работ. Очевидно, что эти углубления не являются жилыми сооружениями, ловчими ямами, культовыми объектами; нет оснований считать их хозяйственными ямами. Нет сомнения, что независимо от формы и размера они вскрывают только ту часть галечно-валунно-песчаной толщи, где преобладают более крупные отложения первых двух фракций. Именно среди крупных валунов и галечника встречаются плитчатые куски основного сырья (туф, липарит, кремнистый сланец) и окатанные формы некоторых других горных пород, используемых для изготовления предметов на этом поселении и представленных в раскопе 6. Из такого сырья оказались изготовлены те артефакты, которые мы фиксировали в вышеописанных скоплениях.

Следовательно, разнообразные углубления, ставшие предметом исследования в раскопе 6, непосредственно связаны с добычей сырья для производства орудий.

Резюмируя сказанное, акцентируем внимание на следующих вопросах. В галечно-валунных отложениях вблизи бровки террасы, где располагался описанный участок горных выработок, встречаются сравнительно мелкие обломки туфа и сланца. Их размер не всегда превышает величину пачки папирос, а иногда бывает не больше спичечного коробка. Залегая в галечно-валунной толще, они имеют хорошую сохранность, позволяющую использовать их для производственных целей. Перекрывающие слои суглинка и почвы не отличаются мощностью сейчас, а в то время были еще тоньше; их удаление сложности не представляло.

Единственный обнаруженный в раскопе 6 наконечник каменной мотыги из туфа являлся заготовкой. Орудия такого типа были эффективны при разрывании дернины, но при достижении поверхности галечно-валунной толщи, состоящей из окатанных желваков более твердых горных пород, они абсолютно непригодны. Поэтому по-

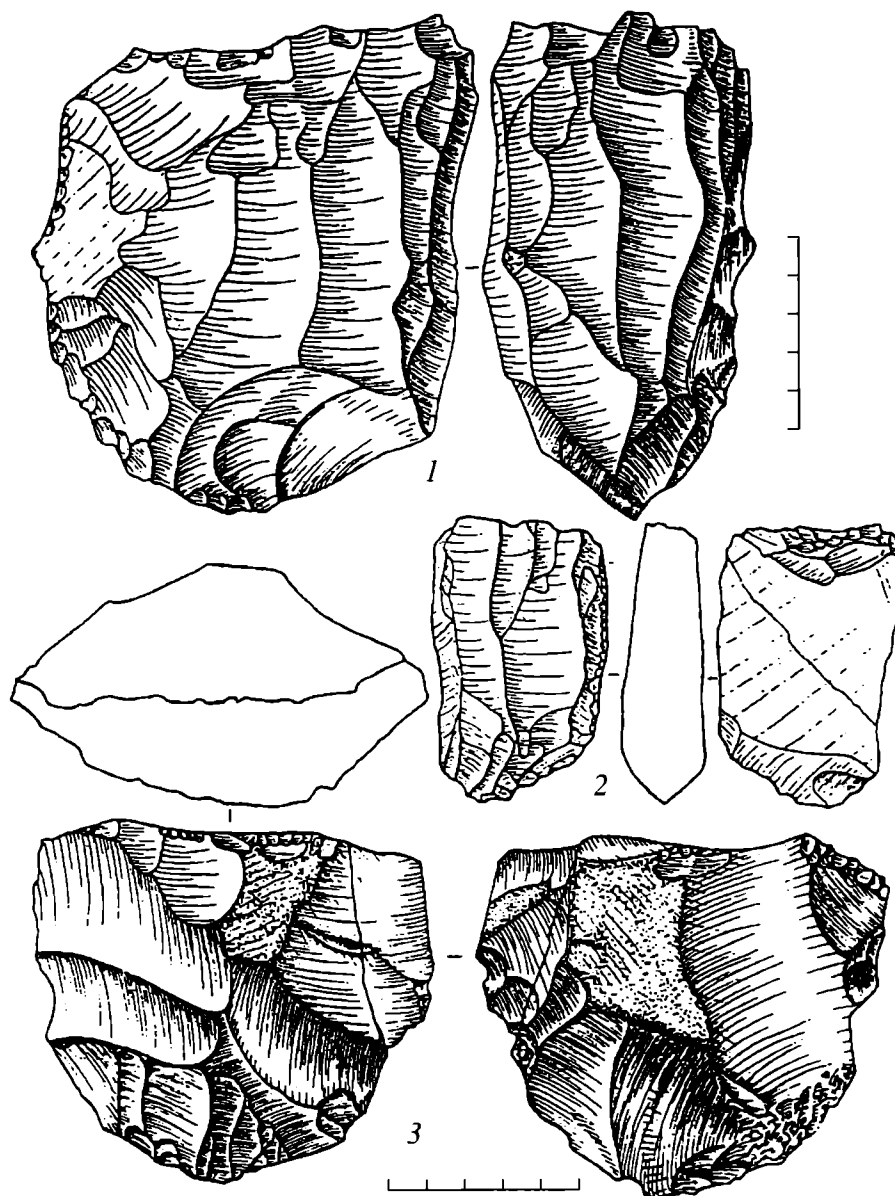

Рис. 5. Раскоп 3. Нуклеусы.

всеместно, где велись аналогичные разработки, предпочитали пользоваться кирками из рога, кости, бивня (Петрунь, 1956. С. 183, 184; Гурина, 1976. С. 50). Вероятно, в данном случае дело обстояло именно так.

Учитывая, что прямых фактов у нас нет, поскольку материалы органического происхождения на древнейших памятниках Приморья, расположенных под открытым небом, не сохраняются, воспользуемся интерпретацией имеющихся наблюдений. Косвенным подтверждением является, с одной стороны, наличие и интенсивное использование резцов (обычно связанных с обработкой кости и рога), с другой – отсутствие обломков каменных кирковидных орудий, обязательно представленных в тех горных выработках, где они применялись.

Процесс поиска и добычи сырья, основанный на полученных фактах, реконструируется следую-

щим образом. Сначала делались небольшие углубления округлой, овальной, эллипсовидной и серповидной форм, которыми вскрывались почвенный слой и толща галечника. Если начинали попадаться нужные камни, то выработку продвигали в предполагаемом направлении, и она приобретала вид канавы. Обнаружив гнездовую концентрацию обломков сырья, эту простейшую штольню расширяли, при необходимости вновь меняя направление. Ее площадь могла достигать нескольких квадратных метров. Глубина зависела от мощности отложений: на участке раскопов 6 и 7 она не превышала 0.7 м. Зафиксирован случай, когда две поисковые ямы почти соединялись друг с другом. Добытый грунт, при наличии рядом отработанных штолен или ям, высыпался в них. Иногда пустая порода оставлялась на краю выработки; постепенно под воздействием внешних факторов отвалы перемещались в ее заполнение.

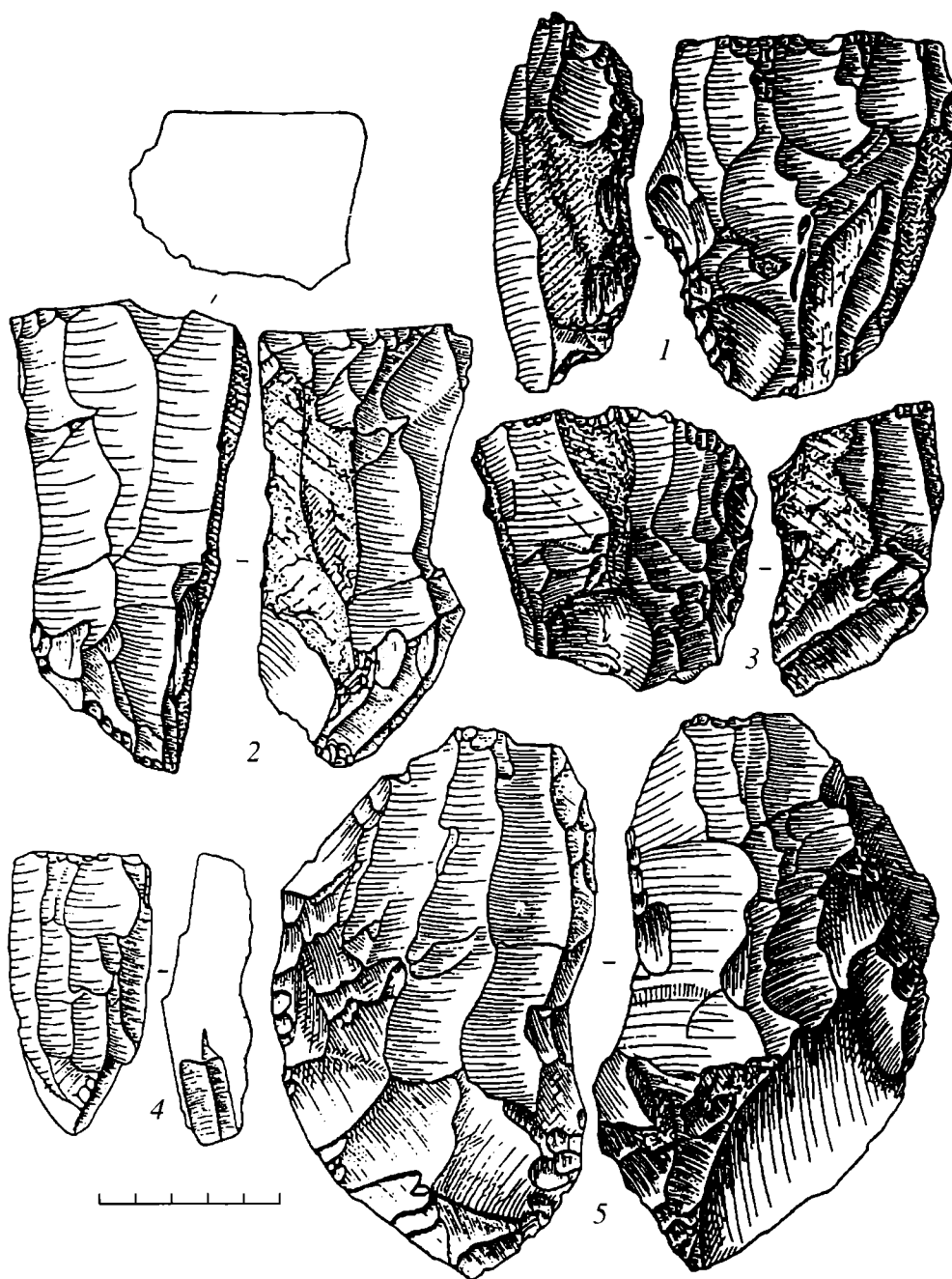

Рис. 6. Раскоп 3. Нуклеусы.

Найденное сырье обрабатывали тут же, на краю выработки или рядом с ней. Причем орудия изготавливали полностью, а нередко тут же использовали по назначению, оживляя при необходимости рабочую грань у резцов (о чем свидетельствуют находки спаллов), подновляя лезвия скребков и других инструментов. Небольшие костры разводились вблизи места работы, на поверхности обитания. Надо полагать, они предназначались для создания более комфортных условий. Использование огня в ямах для оттаивания грунта или для обработки сырья не наблюдалось. Из этого следует, что все горные работы выполнялись в теплое время года, а изготовление орудий велось по традиционной технологии.

По мере удаления от бровки террасы к тыловому шву и склону возвышенности увеличивается размер желваков туфа, возрастает и мощность перекрывающих отложений, в основном делювиального генезиса. Такая ситуация была вскрыта раскопом 3. Он удален в северном направлении от жилища 1 приблизительно на 135 м. Его небольшой размер не позволяет составить полное представление о горных выработках этого места, но очевидно, что принципиальных отличий по способу извлечения сырья здесь нет. В процессе вскрытия фиксировалось, что большую часть исследованного участка занимает открытая штольня с параболическим сечением. Она имела расширение и огибала выступ скального цоколя. На этой удобной скальной площадке была устроена мастер-

ская по обработке добытых вблизи желваков, о значительных размерах которых можно судить по оформленным нуклеусам (рис. 5). Помимо главной штольни, здесь же обнаружены следы выработок меньшего размера.

Сравнительная удаленность от жилищ способствовала формированию в районе раскопа 3 бинарного производства, включающего горные выработки и мастерскую по изготовлению, главным образом макронуклеусов (рис. 6). В отличие от других участков, в том числе исследованных раскопом 6, здесь практически отсутствуют признаки выполнения хозяйственных операций, не связанных с добычей и обработкой сырья.

В свете приведенных данных значение обнаружения реальных следов горных выработок мезолитической эпохи в Приморье выходит за региональные рамки, ибо относится к числу древнейших фактов начала горного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Ж.В., Худяков Г.И. Палеолитический памятник на реке Зеркальной // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток, 1973.

Арсеньев В.К. Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. Собр. соч. Т. IV. Владивосток, 1947.

Васильевский Р.С., Гладышев С.А. Верхний палеолит Южного Приморья. Новосибирск, 1989.

Васильевский Р.С., Кашин В.А. Раскопки многослойного поселения Устиновка-I в 1980 г. // Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983.

Гурина Н.Я. Древние кремнедобывающие шахты. Л., 1976.

Дьяков В. И. Приморье в раннем голоцене. Мезолитическое поселение Устиновка-4. Владивосток, 2000.

Кузнецов А.М. Поздний палеолит Приморья. Владивосток, 1994.

Окладников А.П. Отчет о раскопках поселения-мастерской на р. Тадуши у с. Устиновка (Приморский край), 1968 г. // Архив ИА РАН. 1968. Р-1. № 3721.

Окладников А.П. Мезолит Дальнего Востока (докерамические памятники) // КСИА. 1977. Вып. 149.

Петрунь В.Ф. К вопросу о возрасте речных террас Южного Приморья (находка каменных орудий на побережье Японского моря) // Материалы ВСЕГЕИ. 1956. Сер. Геология и полезные ископаемые. Вып. 1.

Татарников В.А. Древние шахты р. Амгу // Арсеньевские чтения. Тез. докл. регион. конф. по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения 17–19 октября 1985 г. Уссурийск, 1985.

The earliest stone quarries in Primorye

V. I. D'yakov

Summary

The excavations of the Mesolithic dwelling site Ustinovka IV (Fig. 1) dated to 10 000 BP have revealed the traces of the quarries disposed at the site (Figs. 2, 3). The mines served for extraction of stone used as a raw material for manufacturing stone tools (Fig. 4).

УНИКАЛЬНЫЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ КУЛЬТУРЫ ТРИПОЛЬЕ-КУКУТЕНЬ

© 2003 г. Т. А. Попова

Санкт-Петербург

В конце 60-х годов XX в. началось интенсивное изучение памятников трипольской культуры в одном из наименее изученных районов их распространения – в северной части Республики Молдова. В настоящее время здесь известно большое число местонахождений, материалы которых отражают различные периоды развития одной из значительных культурно-исторических общностей Юго-Восточной Европы эпохи энеолита – Триполье-Кукутень.

К важнейшим памятникам этой зоны Республики Молдова принадлежит поселение Раковец Сорокского района. Оно расположено у шоссе на дороге Сороки-Флорешты, в 12 км на северо-восток от г. Сороки на левом довольно пологом склоне р. Ишновец, впадающей в р. Днестр (ур. Ла рэкруче). Памятник открыт в 1962 г. В.И. Маркевичем (1973). В 1967–1969 гг. он изучался Молдавской археологической экспедицией Института археологии РАН, Института истории АН Молдавии, а также Сорокским историко-краеведческим музеем под руководством Е.К. Черныш и при непосредственном участии автора.

Здесь уместно отметить, что большие заслуги в изучении истории культуры и хозяйства трипольских племен на территории Молдавии и Украины принадлежат ведущему и яркому исследователю XX столетия Татьяне Сергеевне Пассек. Как известно, в результате многолетних масштабных экспедиций ею был получен огромный вещественный археологический материал. Комплексы открытых и изученных Т.С. Пассек памятников легли в основу созданной ею периодизации трипольской культуры, а также разносторонних концепций, объясняющих социально-экономическую структуру населения культуры Триполье-Кукутень, многие положения которых сохраняют свое научное значение и в наши дни. Во время раскопок поселения Раковец Татьяна Сергеевна, как всегда, интересовалась ходом работ, новыми находками, помогала советами.

На территории поселения площадью 30 га отмечены выходы 70 наземных глинобитных построек (Григорьева и др., 1968. С. 288–290; 1969. С. 387–389; Черныш и др., 1970. С. 347, 348). Несмотря на то, что было раскопано и исследовано только четыре жилища (№ 1 и 1а, раскоп 2; № 3 и 3а, раскоп 1) и две хозяйственные ямы, эти ком-

плексы внесли много принципиально нового в вопросы изучения домостроительной техники трипольских племен, их хозяйства и духовной культуры (Попова, 1971. С. 119–121; Черныш, 1972. С. 48–57; Зиньковский, 1973. С. 137–149).

В результате предварительного анализа материалов раковецкого поселка Е.К. Черныш датировала их этапом VII периодизации Т.С. Пассек и отнесла к сорокско-петренскому варианту (Черныш, 1973. С. 56). Рассматривая домостроительное дело Раковца, К.В. Зиньковский определил памятник этапом Триполье VI–VII (Зиньковский, 1973. С. 137). На основании типолого-сравнительного изучения материалов Раковец можно отнести ко времени перехода от финала этапа Триполья B II (Кукутень AB₂) к заключительной фазе Триполья VI – CI (Кукутень B_{1a}). Его комплексы сочетают черты раннего и более позднего времени в рамках среднего периода Триполья, который по калиброванной радиоуглеродной шкале датируется временем 4500–3800 до н.э. (Телегин, 2000. С. 79). Последнее обстоятельство дает основание предположить, что этот родовой поселок существовал многие десятки лет (Попова, 1985). Анализ расписной посуды показывает, что поселение начало функционировать раньше, чем Незвиско III (средний трипольский горизонт) в Верхнем Поднестровье, Владимировка на Южном Буге и Гарбузин в Буго-Днепровском междуречье (Попова, 1975; 1991а). Хронологически оно занимает место после Старых Радулян в Республике Молдова. Раковецкий поселок синхронен с Миропольем (Буго-Днепровское междуречье) и не исключено, что в какой-то период – с Незвиско III.

Генетической подосновой Раковца служат памятники солонченского типа. Являясь их преемником, Раковец в то же время относится к ранним поселениям петренской региональной группы, выделенной Т.Г. Мовшей. Истоки ее связаны с памятниками солонченского варианта в Поднестровье и кукутенскими поселками фазы Кукутень A–B в Румынии (Мовша, 1984. С. 10–23).

Из построек и хозяйственных ям Раковца происходит большое количество орудий труда из кремня и камня, сосудов, антропоморфных и зооморфных глиняных статуэток, предметов быта, культа. Несомненный интерес представляет собрание антропоморфных пластических изображений памятника

(88 экз.). Раковецкая пластика, наряду с посудой, является индикатором, позволяющим говорить о качественных переменах культурно-исторического характера в трипольском обществе Пруто-Днестровского междуречья рассматриваемого времени.

Прежде чем перейти к анализу уникальных образцов пластики Раковца, считаем целесообразным привести краткую характеристику всей коллекции статуэток. Фигурки изготовлены из отмученной глины и хорошо обожжены. По признаку пола они составляют две группы. К первой группе, представленной подавляющим большинством статуэток, относятся женские изображения. Вторую группу составляют мужские статуэтки.

Общей чертой женских фигурок является схематический стиль исполнения при тщательной проработке области груди, живота и лона. Доминирующий вид среди них – это стоящие изображения, меньше представлен вид сидящих статуэток. Стоящие женские фигурки содержат пять типов пластики. Большинство из них составляет I тип (43 экз.). Как правило, они имеют сквозные отверстия на плечах, бедрах и животе. Голова у них округлой формы, нос передан защипом, глаза – сквозным отверстием. Ноги сформованы в виде одной утолщенной в коленях веретенообразной ноги, разделенной углубленной линией. Иногда хорошо моделирована ступня, на ногах у некоторых, по всей вероятности, обозначена обувь. Такие фигурки почти лишены декора. Локальный характер носит лаконичный узор, подчеркивающий лono. Тип I изображений Раковца широко распространен от подножия Карпатских гор до Днестра на этапе Триполья В II и позднее (подтип С², по Погожевой) (Погожева, 1983. С. 21, 66, 105–107). Пластика этого типа отражает общую тенденцию, характерную для терракоты среднего периода, когда упрощается технология изготовления фигурок за счет сокращения применения углубленного орнамента, пышного и вычурного прежде. Вместе с тем раковецким изображениям свойственны и свои особенности. В отличие от аналогичных фигурок других поселений, торсы и ноги у них сформованы обычно не из двух, а из одного комка глины. Своеобразна и трактовка плеч некоторых из них – они несколько приподняты. Подобные фигурки типа Оранты, выделенные Т.Г. Мовшей, относятся к архаике этапа Триполья VI. Они генетически связаны с пластикой солонченского типа (Мовша, 1969. Рис. 5, 6). Любопытны фигурки с признаками беременности – “роженицы”, по определению Б.А. Рыбакова. В.И. Маркевич связывает такие статуэтки с весенним циклом обрядов, с воскрешением природы и началом работ на полях (Маркевич, 1970. С. 65. Рис. 13, 15).

К типу II женских изображений относятся фигурки, отличительной чертой которых является углубленный орнамент в виде передника с бахро-

мой, расположенного в нижней части живота и на месте лона. Известно, что такие статуэтки встречаются более всего на памятниках Пруто-Днестровского междуречья на этапе Триполья В II (Кукутень А–В_{1,2}) – Поливанов Яр II (Попова, 1972. С. 23; 1980. С. 7–19. Рис. 2), Яблona I, Мындрешть-Озеро, Кукутень-Дымбул Морий (Petrescu-Dîmbovița, 1966. Fig. 34). В раковецком комплексе они составляют архаическую черту пластических изображений, типичных скорее всего для памятников солонченского варианта. Как и статуэтки Поливанова Яра II, помимо углубленного декора они сохранили следы краски, но не белой, как там, а красной.

Совсем незначительным числом представлен тип III раковецких статуэток, поверхность которых покрыта расписным орнаментом – черной краской (подтип А³, по Погожевой) (Погожева, 1983. С. 65). Тип IV пластики Раковца передает фигурки без сквозных отверстий и без признаков пола. Тип V статуэток отличают крупные размеры и тумбообразные окончания ног (подтип С³, по Погожевой) (Погожева, 1983. С. 107), что более характерно для территории Буго-Днепровского междуречья. Небольшим числом представлены сидящие женские фигурки (второй вид, тип VI), напоминающие изображения “качающихся на качелях” (Гембарович, 1956. С. 106–123).

Вторая группа антропоморфных изображений Раковца – это мужские стоящие фигурки. Они характеризуются наличием полового органа и перевязи через плечо в сочетании с поясом. Следует подчеркнуть, что как в сюжетном, так и в количественном отношении данная серия (6 экз.) выделяется среди пластики трипольско-кукутенских памятников разного времени.

Из этого числа особое место занимает одна фигурка, происходящая из ямы, находившейся около постройки 1^а. Она изготовлена из плотной глины розового цвета. Голова и часть ног ниже колен отсутствуют. Фигурка имеет большие размеры – высота сохранившейся части 12,5 см, а истинная, очевидно, около 18 см. Изображение необычно и богато декорировано. Перевязь, спускающаяся с левого плеча, изображена четкой углубленной линией. Пояс передан рельефным валиком и плотно перетягивает фигуру. Четко показан фаллос. На груди размещены налепы округлой формы, расположенные по определенной схеме: по шесть налепов справа и слева, идущих в два ряда. Верхний ряд составляют четыре налепа, нижний – два. Кроме того, поверхность статуэтки орнаментирована красной краской, которая сохранилась на груди и ногах. Поверхность ног дополнительно залощена (рисунки а). Отметим, что прямые аналогии данному изображению отсутствуют. Украшения в виде налепов, локализованные в области груди, известны на фигурках памятников анауской куль-

туры Южной Туркмении времени Намазга II, а также Южной Месопотамии (Убейд 4) (Антонова, 1977. Табл. 4, LIV, 1), близких по времени Раковцу. Однако помимо значительной территориальной отдаленности их отличает и способ лепки. На среднеазиатских и ближневосточных статуэтках груди-налепы изготавливались из комочков глины, а на раковецких они сделаны при формовке. В памятниках трипольско-кукутенской общности, синхронных Раковцу, и древнеземледельческих комплексах дунайско-балканского региона аналогии такому декору нам неизвестны. Обращает на себя внимание лишь фигурка из румынского поселения Хэбэшесть I (Кукутень А₃ – Триполье VI) на правобережном Пруте. Она имеет на груди, на уровне плеч, семь налепов, расположенных по одной прямой горизонтальной линии (Dumitrescu și colab, 1954. Fig. 32, 1. Pl. CXXII, 4). Что касается других атрибутов – перевязи и пояса, они известны по материалам поселений бассейна Днестра. Одинарные перевязи, близкие к раковецкой, встречаются на памятниках более раннего (Поливанов Яр II₂) (Попова, 1980. Рис. 1, 28) и позднего времени (Шипенцы Б) (Погожева, 1983. Рис. 19, 1–10). Рельефный пояс по моделировке перекликается с подобным изображением на статуэтке из Луки-Врублевецкой, хотя это поселение намного древнее Раковца (Бибиков, 1953. Рис. 43, а. Табл. 81).

Несомненный интерес и большую загадку представляют еще два антропоморфных изображения, обладающие любопытными особенностями. Они передают верхние части фигурок. У первого изображения голова имеет уплощенно-округлую форму, нос выполнен защипом, глаза – в виде сквозных округлых отверстий. Через левое плечо проходит перевязь, переданная слабой углубленной линией. На груди имеется четыре округлых налепы, расположенных попарно: два справа и два слева. Самое любопытное – изображение на голове сзади в виде небольшого конусовидного выступа, помещенного на месте затылка. Поверхность статуэтke заглажена вертикальными линиями. Высота ее 3.8 см (постройка 1^а) (рисунок, б).

Второй фрагмент – голова статуэтke с частью шеи. Голова, нос и глаза выполнены в той же манере, как и у предыдущей статуэтke, что, собственно, вообще типично для антропоморфной пластики культуры Триполье-Кукутень периода ее расцвета. На голове сзади тоже есть выступ-налеп, но он другого типа – несколько больший по объему и более округлый. С двух сторон налеп имеет кроме того по одному отверстию. Отверстие типа прокола нанесено и посередине. Высота фрагмента – 2.7 см. Статуэтke находилась в яме, рядом с постройкой 1^а (рисунок, в).

Совершенно ясно, что налепы обоих типов несли определенную смысловую нагрузку. Среди

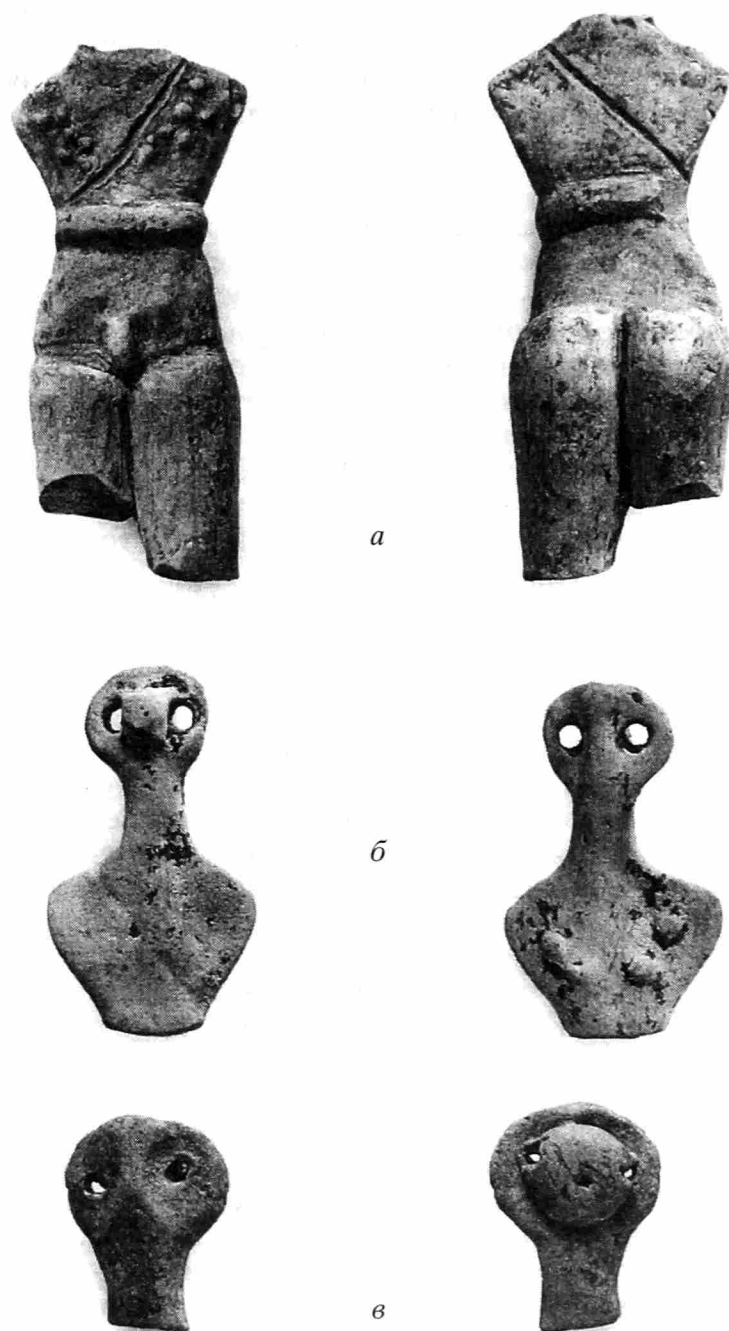

Рисунок. а – мужская статуэтke; б – фигурка типа “Януса”; в – головка с “прической”.

пластических изображений трипольско-кукутенских поселений имеется определенное число женских статуэток с прическами. Они отмечены для более раннего, чем Раковец, времени и особенно для несколько более позднего, преимущественно в восточном ареале культуры Триполье-Кукутень (Буго-Днепровское междуречье) (Пассек, 1949. Рис. 49, 7, 10; Погожева, 1983. Рис. 11, 7, 8. Табл. 17). На скульптурах волосы показаны почти всегда достаточно длинными, расположенными на спине. Изображения волос на отдельных трипольских статуэтках из других памятников напоминают конусовидные головные уборы. Последние особенно характерны для среднеазиатской терракоты времени ранней бронзы (Массон,

1981. С. 84. Табл. VIII, 1, 3, 5). Волосы-косы (змеи) на среднеазиатских изображениях передаются спереди (Массон, 1981. Табл. VIII, 3, 4). Судя по исполнению, налеты обоих типов на раковецких статуэтках отличаются от причесок многими деталями.

Возможны еще два варианта объяснений такого типа изображений. В первом случае можно предположить, что налет на голове сзади воспроизводит головной убор. И тогда он обнаруживает сходство с головным убором статуэтки из Чонг-Депе и Геоксюра I периода Намазга III в Южной Туркмении, а также южно-месопотамскими фигурками (Антонова, 1977. Табл. XXV, 8, 11). Другая версия совсем необычна для терракоты трипольско-кукутенской общности. Дело в том, что при внимательном рассмотрении сзади открывается изображение второго лица. Причем у первой статуэтки налет, который трансформируется в нос, выполнен в том же стиле – большим щипком. У второй фигурки налет, дополненный отверстиями, тоже преобразуется во второе лицо. Изображения подобного рода – типа Януса (или маски) – в поселениях культуры Триполье-Кукутень отсутствуют и аналогии им неизвестны. Тем не менее такие двуликие изображения, правда редкие, имеются в памятниках древнеземледельческих культур Юго-Восточной Европы эпохи нео-энеолита (Тиса, Винча, Гумельница). Они представлены несколькими вариантами: в виде антропоморфных фигурок типа Януса, спаренных фигурок-“близнецов”, а также двуликих антропоморфных изображений на сосудах. Антропоморфные фигурки типа двуликого Януса встречаются в комплексах винчанского поселения Бенска Бара (Трбуховић, Васильевић, 1983. Табл. IX, 3, 4), в памятниках культуры Гумельница-Султана (Dumitrescu, 1974. Fig. 257, 258), Гумельница (Marinescu-Bîlcu, Ionescu, 1967. Pl. VI, 1). Двуликие изображения на сосудах имеются в Винче (Васић, 1932; Kalicz, Makkaу, 1972. Abb. 7, 2 a, b, c) в культуре Тиса (Kalicz, Makkaу, 1972. Abb. 7, 1 a, b), а также в культуре Гумельница на эпонимном поселении и в Кэсчиоареле (Marinescu-Bîlcu, Ionescu, 1967. Pl. XX, 1, 2). Примечательно, что в одних случаях изображения отличаются друг от друга, что мы наблюдаем на фигурке из Раковца, а в других – они идентичны.

Для семантической оценки уникальных иконографических образов пластики Раковца большое значение имеют данные функционального назначения постройки 1^а, где они были обнаружены, и которая ранее была классифицирована автором как святилище (Попова, 1985; 1991б. С. 197–214; Ророва, 1996. Р. 131–140). Анализ мелкой пластики наряду с другими данными позволяет предположить, что рассматриваемые изображения отражают существование нескольких культов. Первостепенную роль играл культ плодородия земли

(растительности) и человека, в котором женщина предстает как доминантный символ плодородия.

При этом интересный аспект святилища раскрывают мужские изображения, имеющие перевязь – особый знак, несущий определенную обрядовую нагрузку. Т.Г. Мовша по материалам трипольско-кукутенской пластики связывает такие фигурки с обрядом посвящения юношей в воинов (Мовша, 1973. Рис. 12). В.М. Массон и В.И. Сариниди тоже выделяют изображения мужчин-воинов в позднем энеолите Средней Азии (Массон, Сариниди, 1973). Е.В. Антонова фигурки с перевязью позднего энеолита Южной Месопотамии также относит к изображениям воинов (Антонова, 1977. С. 112, 113).

Любопытный образ предстает в скульптуре, передающей персонаж с символическими знаками. Обращаясь к северо-балканской статуэтке культуры Чернавода III, синхронной позднему Триполью, можно сказать, что она воспроизводит воина-предводителя (Berciu, 1960. P. 81. Fig. 16, 1). Это тем более вероятно, что на правом бедре изображения имеется скол, указывающий на возможность наличия кинжала. Такие фигурки отображают, как считают исследователи, культ почитаемых предков (Черныш, 1982. С. 244). С другой стороны, рассматриваемая статуэтка содержит 12 налепов-грудей. Е.В. Антонова считает, что налеты на статуэтках Передней и Средней Азии – это умноженные груди, указывающие на плодovitость изображаемого существа (Антонова, 1977. С. 63). Соединение символов груди и фаллоса, т.е. сочетание женских и мужских черт, также является признаком плодородия, что вообще присуще культам, связанным с плодородием (Антонова, 1977. С. 77). С культом плодородия соотносил мужские изображения С.Н. Бибииков по материалам пластики Луки-Врублевецкой (Бибииков, 1953. С. 264).

Необычны две другие (двуликие) статуэтки. Особенно выделяется одна из них, у которой показаны две пары грудей, а также перевязь. Судя по изящной моделировке, фигурка, несомненно, передает изображение женщины. Тем более что перевязь, как мы знаем, является атрибутом не только мужских статуэток. О семантике подобных изображений говорить сложно, они уникальны. Если учесть, что двуликая статуэтка с перевязью происходит из святилища, можно предположить, что она отражает существование культа близнецов, связанного с идеей плодородия и отмеченного исследователями в мифах многих народов мира (Мифы..., 1991. С. 174–176).

В заключение отметим, что по уровню развития раковецкого общества вполне допустимо наличие полифункционального святилища. Однако эта гипотеза требует более тщательной проработки, равно как и дальнейших поисков аналогий

и генетических корней всем трем неординарным изображениям памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Е.В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
- Бибиков С.Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. 1953. № 38.
- Васић М.* Преисториска Винча. Т. I. Београд, 1932.
- Гембарович М.Г.* К вопросу о значении женских статуэток // СА. 1956. Т. 25.
- Григорьева Г.В., Коробкова Г.Ф., Маркевич В.И. и др.* Итоги работ Молдавской экспедиции // АО–1967. 1968.
- Григорьева Г.В., Маркевич В.И., Попова Т.А., Черныш Е.К.* Работы Молдавской экспедиции // АО–1968. 1969.
- Зиньковский К.В.* Новые данные к реконструкции трипольских жилищ // СА. 1973. № 1.
- Маркевич В.И.* Многослойное поселение Новые Русешты I // КСИА. 1970. Вып. 123.
- Маркевич В.И.* Памятники эпохи неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 2. Кишинев, 1973.
- Массон В.М.* Алтын-Тепе. М., 1981.
- Массон В.М., Саруаниди В.И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1991.
- Мовша Т.Г.* Об антропоморфной пластике трипольской культуры // СА. 1969. № 2.
- Мовша Т.Г.* Нови дані про антропоморфну реалістичну пластику Трипілья // Археологія. 1973. Т. II.
- Мовша Т.Г.* Петренська регіональна група трипільської культури // Археологія. 1984. № 45.
- Пассек Т.С.* Периодизация трипольских поселений // МИА. 1949. № 10.
- Погожева А.П.* Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск, 1983.
- Попова Т.А.* Культура трипольских племен Северной Молдавии // Краткое содержание докладов годичной научной сессии ИЭ АН СССР 1970 г. Л., 1971.
- Попова Т.А.* Древние земледельцы Среднего Поднестровья в IV–III тысячелетиях до н.э. (по материалам многослойного поселения Поливанов Яр). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972.
- Попова Т.А.* Стилистические особенности расписной керамики трипольского поселения Раковец в Молдавии. Тез. докл. юбил. конф. “150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР”. Киев, 1975.
- Попова Т.А.* Антропоморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр на Днестре // АСГЭ. 1980. Вып. 21.
- Попова Т.А.* Культурный комплекс трипольского поселения Раковец в Молдавии // Краткое содержание докладов годичной научной сессии ИЭ АН СССР 1983 г. Л., 1985.
- Попова Т.А.* Керамический комплекс поселения Раковец. Тез докл. II полевого семинара “Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине”. Тальянки, 1991а.
- Попова Т.А.* Антропоморфная пластика трипольского поселения Раковец (по материалам коллекции МАЭ) // Сб. МАЭ. 1991б. № 44.
- Телегин Д.Я.* Об основных линиях этнокультурного развития нео-энеолитического времени Юго-Запада Восточной Европы и их хронологии // Хронология неолита Восточной Европы. Тез. докл. междунар. конф., посв. памяти докт. ист. наук. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000.
- Трбуховић М., Васильевић М.* Најстарије земљорадничке културе у Подрињу. Шабац, 1983.
- Черныш Е.К.* Трипольское поселение Раковец // КСИА. 1973. Вып. 134.
- Черныш Е.К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982.
- Черныш Е.К., Григорьева Г.В., Попова Т.А., Зиньковский К.В.* Итоги работ Молдавской экспедиции // АО–1969. 1970.
- Berciu D.* Perioda de tranziție către epoca bronzului Istoria României. București, 1960.
- Dumitrescu V.* Arta prehistorică în România. București, 1974.
- Dumitrescu V., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmbovița M., Gostar N.* Hâbășești. București, 1954.
- Kalicz N., Makkay J.* Südliche einflüsse im Frühen und mittleren neolithikum transdanubiens // Alba Regia. 1972. T. XII.
- Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B.* Catalogue sculpturilor eneolitice din Muzeul raional Oltenița. Sibiu, 1967.
- Petrescu-Dîmbovița M.* Cucuteni. București, 1966.
- Popova T.A.* Unique iconographical images of tripolian sculpture // Cucuteni. Bibliotheca Memorial Antiquitatis. Piatra Neamț, 1996.

Unique iconographic images in the anthropomorphic plastics of Tripolye-Cucuteni culture

T. A. Popova

Summary

The paper is devoted to the unique iconographic images of the figurines recovered at extraordinary settlement Rakovets situated in North Moldavia. The site dates back to the period Tripolye BII – γI (according to the chronological sequence by T.S. Passek), or phase Cucuteni BIa. The materials yielded by the site give grounds to point out shifts in the Tripolye-Cucuteni society induced by the movement of separate communities from the Dniestr basin to the South Bug, and farther to the Bug – Dnieper interfluvium. This territory was then marked by the appearance of the analysed images have not been known yet in the Tripolye-Cucuteni cultural circle. They evidence the influence of the cultures of Near Eastern (Mediterranean) affiliations.

МНОГОФИГУРНЫЕ КОМПОЗИЦИИ В ИСКУССТВЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2003 г. И. В. Тришина

Институт археологии РАН, Москва

В искусстве пазырыкской культуры широко представлены многофигурные изображения в зверином стиле. Яркие, экспрессивные композиции взаимодействующих образов реальных и фантастических животных, изображенные на престижных вещах из погребальных комплексов, свидетельствуют о сложном мифологическом мировоззрении носителей этой культуры. Многофигурные композиции в целом не изучались на материале пазырыкской культуры, настоящее исследование в определенной мере призвано закрыть этот пробел. Некоторые виды многофигурных композиций ранее рассматривались в общем контексте изучения искусства пазырыкской культуры либо звериного стиля вообще (Сорокин, 1978; Фурсикова, 1998; Переводчикова, 1994; 1995; Хлобыстина, 1974). Относительно системы композиций звериного стиля искусства пазырыкской культуры предыдущими исследователями были сделаны выводы, согласно которым по художественной форме композиции можно разделить на фронтальные и объемные; образы и их композиции в пазырыкском искусстве свободны от канонического употребления их (Артамонов, 1973. С. 59), в отличие от звериного стиля Скифии, где присутствует именно “механическое соединение известных однофигурных образов в композицию” (Переводчикова, 1994. С. 55). В пазырыкском искусстве присутствуют композиции орнаментального характера и композиции взаимодействий звериных образов (“терзания”, “борьбы” звериных образов, “геральдические”, “шестивия”), происхождение многих из которых видят в Передней Азии, употреблявшиеся в зверином стиле как схемы с той или иной долей первоначального значения (Переводчикова, 1994. С. 55; Руденко, 1961).

Для звериного стиля, свойственного искусству культур скифо-сибирского круга раннего железного века, характерно использование звериных образов, содержащих определенный смысл, в однофигурных и многофигурных композициях. Образ, в данном случае, – стилизованное изображение животного (зверя, птицы, рыбы) или фантастического зверя. Однофигурные композиции при этом художественном направлении состоят из одного образа или мотива образа (редуцированной части изображения, преобразованной в самостоя-

тельное изображение, имеющее значение исходного образа). Образ выполнен с определенной стилизацией, использованием специфического набора художественных приемов, свойственных звериному стилю вообще и отдельным его вариантам (т.е. искусству упоминаемых культур евразийских степей раннего железного века). Образ также выполнен в определенной манере, т.е. при определенном наборе художественных приемов, свойственных тем или иным направлениям внутри отдельного варианта стиля. Для звериного стиля свойственно построение композиции образа или образов в определенной системе, которая является знаковой (Переводчикова, 1994). Большое значение для образа или образов имеет то, как они изображены. Для звериного стиля и, в частности, для его вариантов, разрабатывающих многочисленные заимствования, понятия иконография, канон, семантика изображения обладают определенным, специфическим значением. Канон, строго постоянное изображение с неизменным значением в любых вариантах композиций, не свойственен звериному стилю. Стиль заимствует каноничное (и не только каноничное) изображение другого искусства, употребляя в самостоятельных композициях и в разной степени сохраняя значение каноничного образа. Для звериного стиля свойственно понятие иконографии композиции, т.е. формы и содержания определенной композиции образа или образов, заимствованных в виде “пересказанной”, не абсолютно точно переданной темы или имеющих внутреннее происхождение. Каждая иконографическая композиция имеет определенное обобщенное значение в разных вариантах стиля, приобретающая разные оттенки смысла в ограниченных пределах в том или ином варианте стиля. Количество иконографических схем в этом стиле конечно, но каждая из них разрабатывается стилем, его вариантами путем использования разных художественных приемов в процессе развития стилей. Семантика, т.е. значение, характерное для той или иной иконографической схемы, может отличаться в каждом направлении стиля, та или иная схема может использоваться стилем для своего значения, варианты той или иной иконографической схемы могут приобретать отличное значение, свойственное мировоззрению носителей культуры направления стиля. Таким образом,

композиция в зверином стиле имеет важное значение. Она содержит информацию об исходной иконографической схеме, может содержать информацию о заимствованных канонических образах, ее составляющие построения имеют определенное значение. В однофигурной композиции разбирается иконография образа. Для звериного стиля юга Восточной Европы характерны многофигурные композиции, составленные из этих образов либо заимствованные. Для искусства пазырыкской культуры свойственно разнообразие типов композиционных схем, состоящих из двух или более образов. Автором данной статьи собрано 154 изображения с многофигурными композициями во время работы в Гос. Эрмитаже, Гос. историческом музее, музее Барнаульского гос. университета, по публикациям и отчетам.

При визуальном анализе всего материала, можно сделать вывод, что решающими принципами организации изобразительного пространства являются симметрия и асимметрия (рис. 1). Это основополагающие закономерности в древнем искусстве, в том числе и в прикладном, где осью симметрии или центром многофигурной композиции выступает ось симметрии или центр симметрии самой вещи. Таких вещей, декорированных изображениями с многофигурными композициями, в пазырыкской культуре много, и большинство из них отвечает орнаментальному характеру декора (рис. 2–4).

Другой массив составляют композиции асимметричные. Для одних композиций характерно понятие центра или центров, они обладают сложной линией основы построения композиции, вписывающейся в круг или в “восьмерку” вокруг центра, центров (Жегин, 1970. С. 102). Таким образом, подобные композиции являются “центростремительными”. В древнем искусстве в оформлении предметов наряду с орнаментом нередко присутствуют сложные композиции (Каган, 1972. С. 89). В декоре можно выделить как орнаментальные, так и изобразительные композиции (Герчук, 1998. С. 170). Они имеют сходные принципы построения, но у изобразительных значимый композиционный центр выделяется не механически, а при помощи художественных приемов (контрастов, ритма, псевдосимметрии). Являясь изобразительными композициями в орнаментальной системе прикладного искусства, они, таким образом, принадлежат к сюжетным композициям (рис. 5, 6).

Для других композиций важно решение их ритмической организации, так как, в отличие от симметричных композиций, в большинстве своем статичных (что свойственно симметрии), эти композиции искусства пазырыкской культуры динамичны и имеют сложный ритм. Это линейно-ритмические композиции (рис. 7). Многофигурная композиция располагает большими возможностями

передачи движения (Береснева, Ягман, 1974. С. 280).

Указанные принципы построения композиции характерны для искусства вообще (Шорохов, 1986. С. 230; Каган, 1972. С. 30) и для такой древней декоративной изобразительной системы, как звериный стиль. Так как исходные закономерности построения композиций определяются “бинарным” мышлением человека (Франкфорт и др., 1984. С. 9), мировоззренческими представлениями при восприятии изображаемого и их воплощении, композиция и ее основы присущи различным видам искусств.

Анализ композиций многофигурных изображений пазырыкской культуры при помощи этих принципов позволит их систематизировать, выделить особенности их развития и сюжетных линий. “Композиция – это замысел плюс построение” (Гончарова, 1997. С. 5). Развитие композиции в стиле отражает развитие самого стиля.

Так как принципы построения композиции универсальны в искусстве вообще, эта систематизация возможна и для других вариантов стиля. При большом количестве вариантов стиля можно говорить о зверином стиле как о художественном направлении.

Автором используются выводы и терминология Е. Корольковой-Чежиной, которая рассматривает циклические, динамические композиции (Королькова, 1996) и дает логическую схему восприятия звериного стиля как системы.

Все многофигурные композиции – фронтальные, за исключением композиции на нагайке из второго Пазырыкского кургана (рис. 5, 8). Они выполнены в низком и высоком рельефах, на коврах, в технике татуировки, а также и с использованием объемных мотивов, придающих им неповторимую выразительность. Многофигурные композиции присутствуют на изделиях из различных материалов.

Все композиции ограничены либо “рамой”, либо контуром декорируемой вещи. Многофигурные композиции могут быть осложнены подчиненной композицией при основном принципе организации пространства (рис. 3). Поэтому статичные симметричные композиции могут содержать динамичные сцены терзания (рис. 3), которые можно привести как пример сложной линии среди подобных композиций.

Все встречаемые в пазырыкской культуре симметричные композиции разделяются на композиции с центральной симметрией (центрально-симметричные) и композиции с вертикальной осью симметрии (симметричные относительно вертикальной оси), рис. 1. Все асимметричные композиции по принципу организации изобразительного пространства разделяются на центростремительные, формирующиеся относительно цен-

Рис. 1. Группы и подгруппы многофигурных композиций. Центральносимметричные композиции: 1 – Ак-Алаха 1, к. 2 (Полосьмак, 1994. С. 63); 2 – Юстыд XII, к. 22 (Кубарев, 1991. Табл. LI); 3 – 1 Туектинский к. (ГЭ, раскопки Руденко). Симметричные относительно вертикальной оси композиции: 4 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); 5 – 3 Пазырыкский к. (ГЭ, из раскопок Руденко); 6 – Уландрык IV, к. 2 (Кубарев, 1987); 7 – Юстыд XII, к. 8 (Кубарев, 1991. Табл. XXVIII); 8 – 1 Туектинский к. (экспозиция ГЭ, раскопки Руденко). Асимметричные центростремительные композиции. 9 – 1 Пазырыкский к. (Грязнов, 1950); 10 – 2 Пазырыкский к. (экспозиция ГЭ, раскопки Руденко); 11 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953. Рис. 113). Асимметричные линейно-ритмичные композиции: 12 – 2 Туектинский к. (Руденко, 1960. Табл. CXVII); 13 – Ак-Алаха 1, к. 1 (Полосьмак, 1994. Рис. 21); 14 – 2 Башадарский к. (Руденко, 1960. Табл. CXVII); 15 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953. Табл. XLI).

тра композиции, и линейно-ритмичные, где композиция разворачивается линейно, обладая простым или сложным ритмом (рис. 1, 12, 13). Среди линейно-ритмичных композиций встречаются услож-

ненные подчиненными композициями. Использование сложносоставных схем является характерной особенностью пазырыкского искусства. Любая композиционная схема может использо-

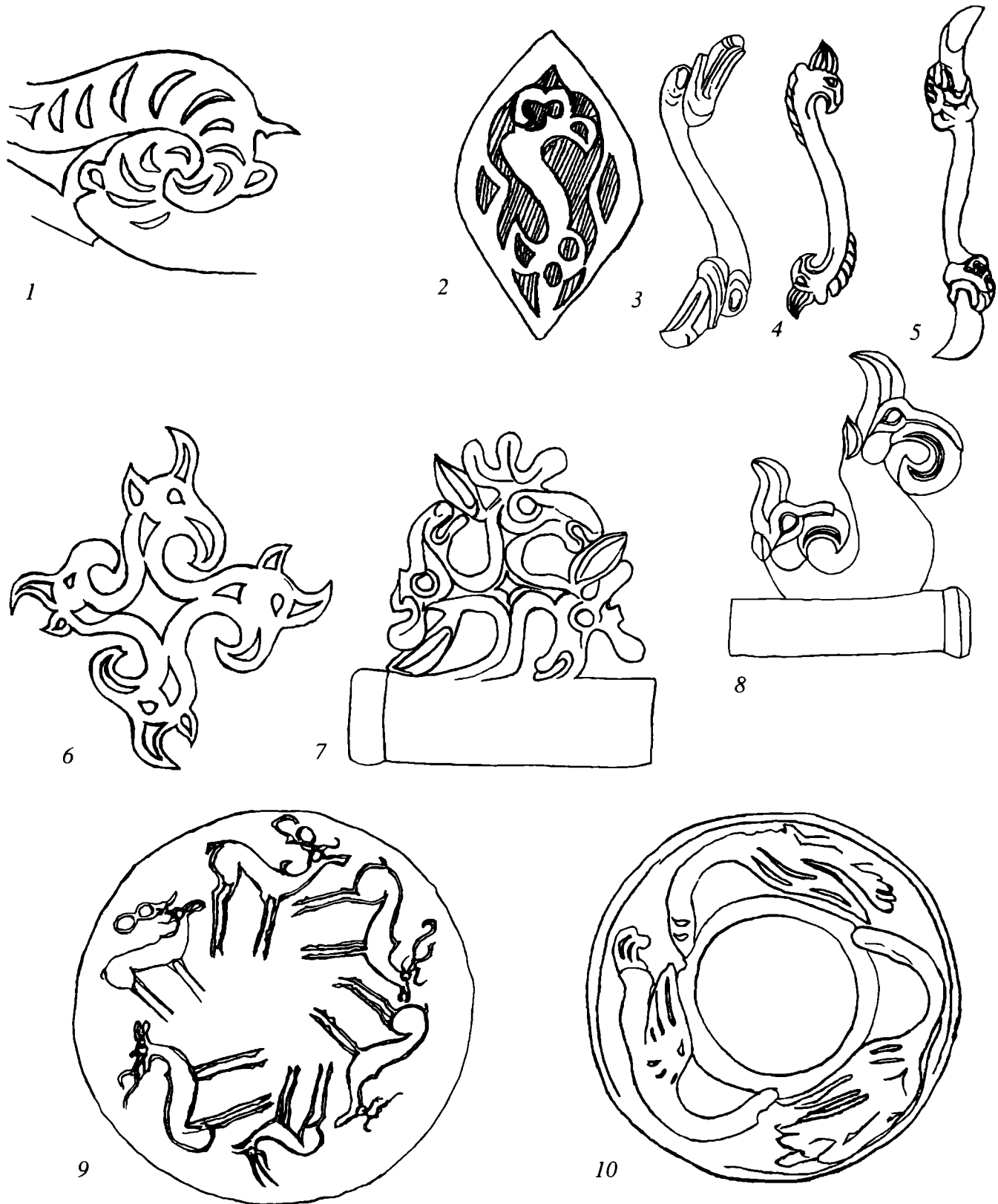

Рис. 2. Централносимметричные композиции. Центрические, центростремительные: 1 – 2 Башадарский к. (ГЭ); центробежные, S-овидные: 2 – Ак-Алаха 1, к. 1 (Полосьмак, 1994. С. 46); 3 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); 4 – Ак-Алаха 1, к. 1 (Полосьмак, 1994. С. 50); 5 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); 8 – 1 Туектинский к. (ГЭ); центробежные, “розетки”: 7 – 1 Туектинский к. (ГЭ), 8 – 1 Туектинский к. (ГЭ). Динамические, двухчастные: 9 – зеркало из Бухтармы, случайная находка (ГЭ); трехчастные: 10 – Фроловская коллекция (Руденко, 1949. С. 45).

ваться в качестве повторяющейся схемы в орнаментальных композициях, как и однофигурные образы.

Выделенные подгруппы в пазырыкском искусстве делятся на ряд отделов и типов.

Центральная симметрия – это симметрия вращения, где в композиции симметрично повторяется образ при повороте через определенный угол (Береснева. 1974, С. 281). Варианты встречаемых центрально-симметричных композиций:

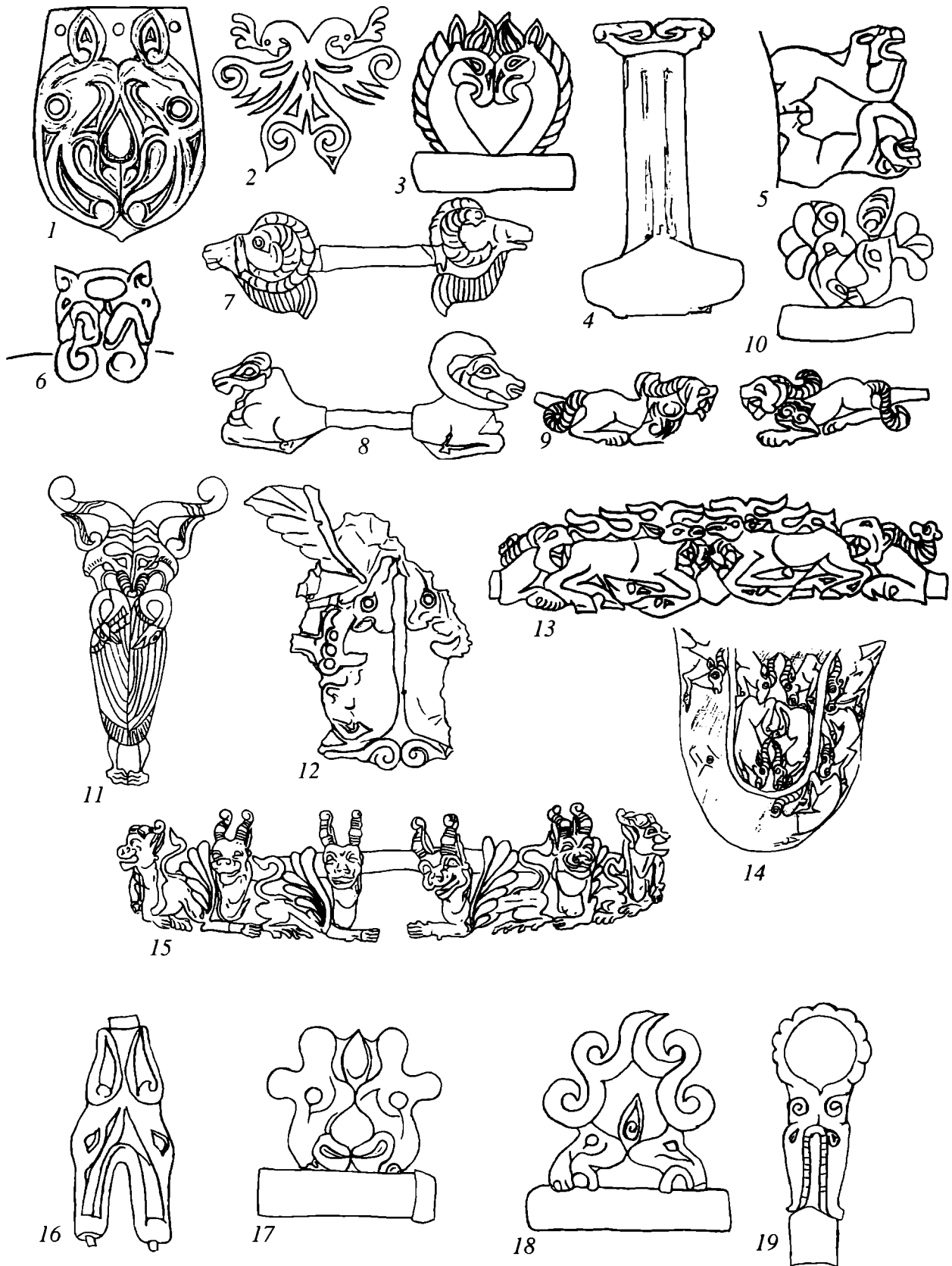

Рис. 3. Симметричные относительно вертикальной оси композиции. Двухчастные с параллельными частями, простые: 1 – Фроловская коллекция (ГЭ); 2 – 1 Пазырыкский к. (Грязнов, 1950. Табл. V); 3 – Ак-Алаха 1, к. 1 (Полосьмак, 1994. Рис. 55); 4 – Случайная находка (ГИМ); 5 – Ак-Алаха 5, к. 1 (Полосьмак, 2001. Рис. 134); 6 – из малых курганов (экспозиция ГЭ); 7 – 3 Пазырыкский к. (Руденко, 1949. С. 27); 8 – 3 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); 9 – Уландрык IV, к. 2 (Кубарев, 1987); 10 – 2 Пазырыкский к. (экспозиция ГЭ, из раскопок Руденко); с параллельными частями, сложные с центростремительными асимметричными композициями: 11 – 2 Пазырыкский к. (ГЭ, раскопки Руденко); 12 – Уландрык IV, 1 к. (Кубарев, 1987); с параллельными частями сложные, с линейно-ритмичными асимметричными композициями: 13 – 1 Туектинский к. (экспозиция ГЭ, раскопки Руденко); 14 – 2 Пазырыкский к. (Артамонов, 1973. С. 53); 15 – 3 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); двухчастные со сливающимися частями: 16 – 1 Туектинский к. (ГЭ, из раскопок Руденко); 17 – 2 Туектинский к. (Руденко, 1960. Табл. СХ); 18 – 2 Туектинский к. (Руденко, 1960. Табл. СХ); 19 – Ак-Алаха 3, к. 1 (Полосьмак, 2001. Рис. 128).

Рис. 4. Симметричные относительно вертикальной оси трехчастные композиции. Композиции имеющие изображенную ось: 1 – 2 Пазырыкский к. (ГЭ, раскопки Руденко); 2 – 1 Пазырыкский к. (Грязнов, 1950. Табл. XIV); 3 – Уландрык IV, к. 2 (Кубарев, 1987); композиции с сопоставленными телами и приставной головой, простые: 4 – 1 Туектинский к. (экспозиция ГЭ, раскопки Руденко); 5 – 1 Пазырыкский к. (Грязнов, 1950. Табл. XIV); 6 – Юстыд XII, к. 21 (Кубарев, 1991. Табл. L); сложные: 7 – Ак-Алаха 1, к. 1 (Полосьмак, 1994. Рис. 55); 8 – Ак-Алаха 1, к. 1 (Полосьмак, 1994. Рис. 28); 9 – Барбагузы 1, к. 17 (Кубарев, 1992. Табл. XXII); 10 – Ташанта 11, к. 4 (Кубарев, 1992).

S-овидные палии (рис. 2, 1–5) с зооморфным оформлением концов, двухчастные и трехчастные розетки: симметрично расположенные зооморфные образы на бордюрах зеркал и круглых блях (рис. 2, 9–10). При дальнейшем изучении изображений, входящих в эту подгруппу, и их возможных сочетаний выявляется, что они разнятся и сочленяются по трем признакам: они либо центрические (рис. 2, 6), где образы представлены лишь головами и “вырастают” из центра, закручиваясь в “свастической” динамике, либо динамические, где полные образы заполняют бордю-

ное пространство композиции на круглом предмете и напоминают замкнутое шествие по терминологии Е. Корольковой (1996. С. 75). Они двухчастные, где симметрия вращения кратна двум, при количестве секторов 2, 4, 6, либо трехчастные, где симметрия вращения кратна трем. Также встречаются среди центрических изображений центростремительные композиции, где образы направлены во вращении к центру, и центробежные, где образы как бы “вырастают” из центра. Таким образом, возможно дальнейшее деление подгруппы на отделы: центрические и

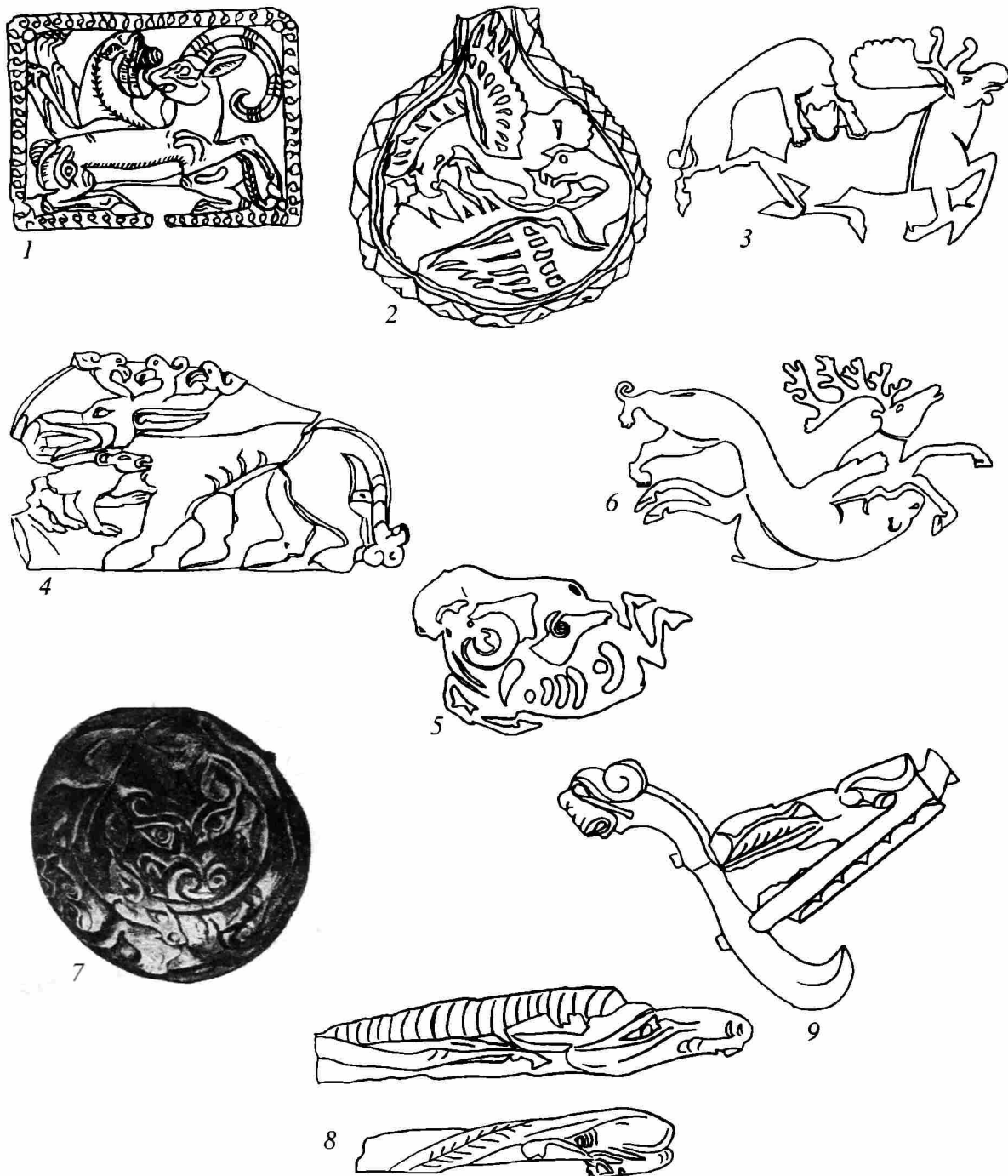

Рис. 5. Центростремительные асимметричные композиции. Композиции, формирующиеся по кругу, с взаимодействующими целыми образами с правильным центром: 1 – 2 Пазырыкский к. (ГЭ, раскопки Руденко); 2 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); 3 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); композиции со смещенным центром: 4 – случайная находка близ деревни Катандинской (ГИМ, раскопки В. Радлова № 54660. Оп. 1803); 5 – 1 Пазырыкский к. (Грязнов, 1950. С. 81), 6 – 1 Пазырыкский к. (Грязнов, 1950. С. 81); композиции с взаимодействующими целыми образами развертывающиеся: 7 – Катанда (Руденко, 1949. Табл. V). Центростремительные асимметричные композиции, формирующиеся по типу “восьмерки”: 8 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); 9 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953).

динамические. Центрические композиции распределяются на два подотдела: центростремительные и центробежные, а центробежные на двухчастные и трехчастные. Аналогично, на двухчастные и трехчастные композиции распадается и отдел динамических композиций (рис. 2). Это первичная фаза при распределении материала на отделы, так как важен сам способ организации пространства композиции, ограниченной контурами образов, в предполагаемой окруж-

ти и, так же, оформление бордюра реальной окружности предмета вокруг неорнаментированного центра. При этих способах в искусстве пазырыкской культуры количество симметричных секторов вариативно. Но все они связаны фиксируемыми признаками в данном отделе. При начальном делении на части в отделах сочетались бы композиции, различные по характеру построения. В отделе динамических композиций присутствует композиция с тремя гусями на бляхе – ва-

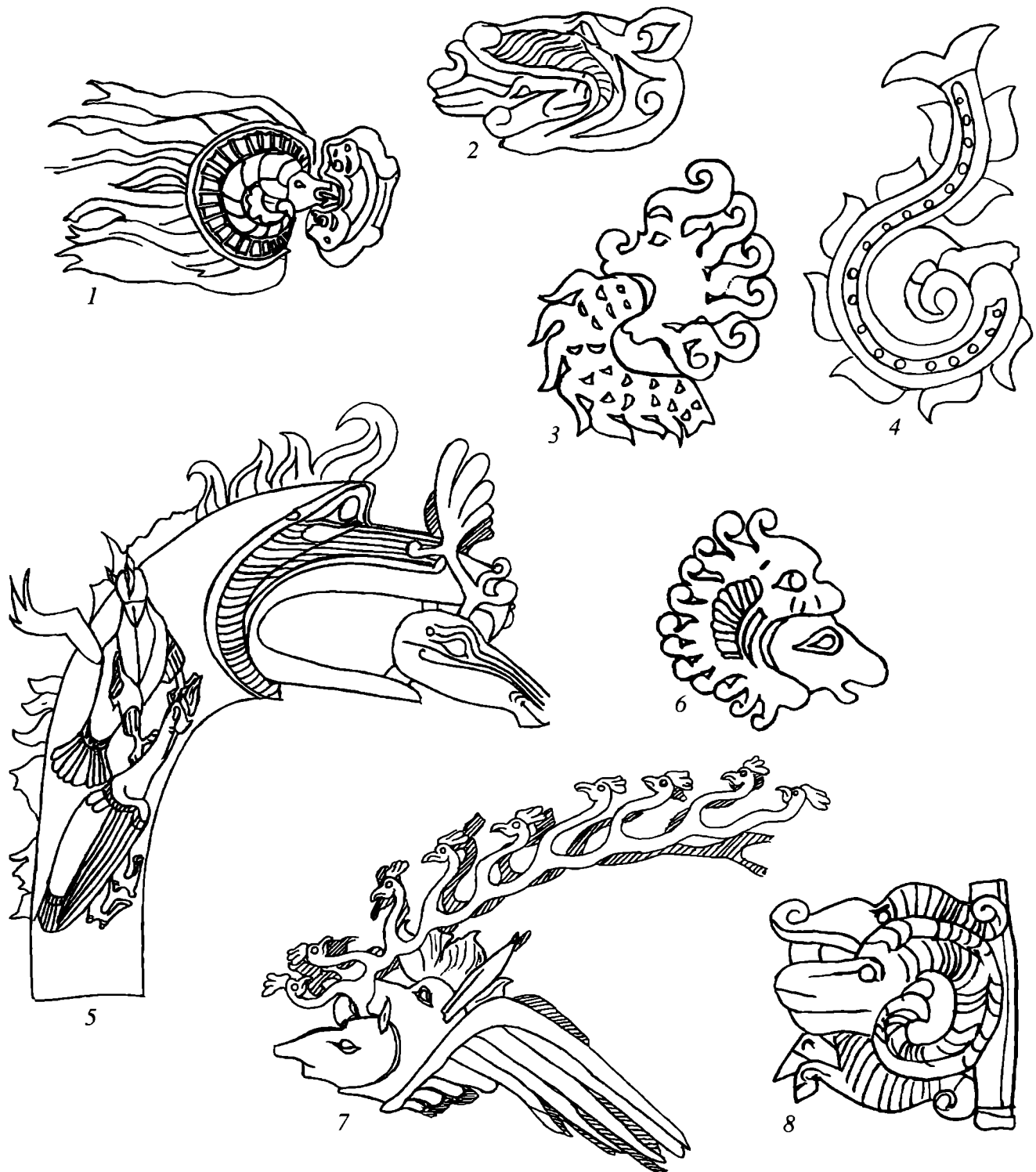

Рис. 6. Центростремительные асимметричные композиции с “поглощающими” неполными образами, с правильным центром: 1 – 1 Пазырыкский к. (Грязнов, 1950. Табл. VIII); 2 – 4 Пазырыкский к. (Руденко, 1953); 3 – Уландрык 4, к. 3 (Кубарев, 1987); 4 – 1 Пазырыкский к. (Грязнов, 1950. Табл. XVII); со смещенным центром: 5 – 2 Пазырыкский к. (экспозиция ГЭ); 6 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953. Рис. 113); 7 – 2 Пазырыкский к. (экспозиция ГЭ); 8 – 1 Пазырыкский к. (экспозиция ГЭ, раскопки Грязнова).

риант трехчастной симметрии. Среди центробежных присутствует “свастическая” композиция с головами лося (рис. 2, 7) с “рудиментальным отростком” вместо четвертой головы, прикрепленной к планке, несущей композицию. Так как исходящих “стволов” четыре, данный вариант можно воспринимать скорее как редуцированный аналог двухчастной симметрии вращения в четырех секторах. Динамические двухчастные и трехчастные

композиции можно воспринимать как орнаментальные розетки, по схеме строения, с зооморфными раппортами. Так же воспринимаются, возможно, центрические центробежные двухчастные композиции с четырьмя секторами. Двухчастные с двумя секторами – это типичные S-овидные композиции. В пазырыкской культуре они встречаются на псалях (рис. 2) и их имитации в войлоке.

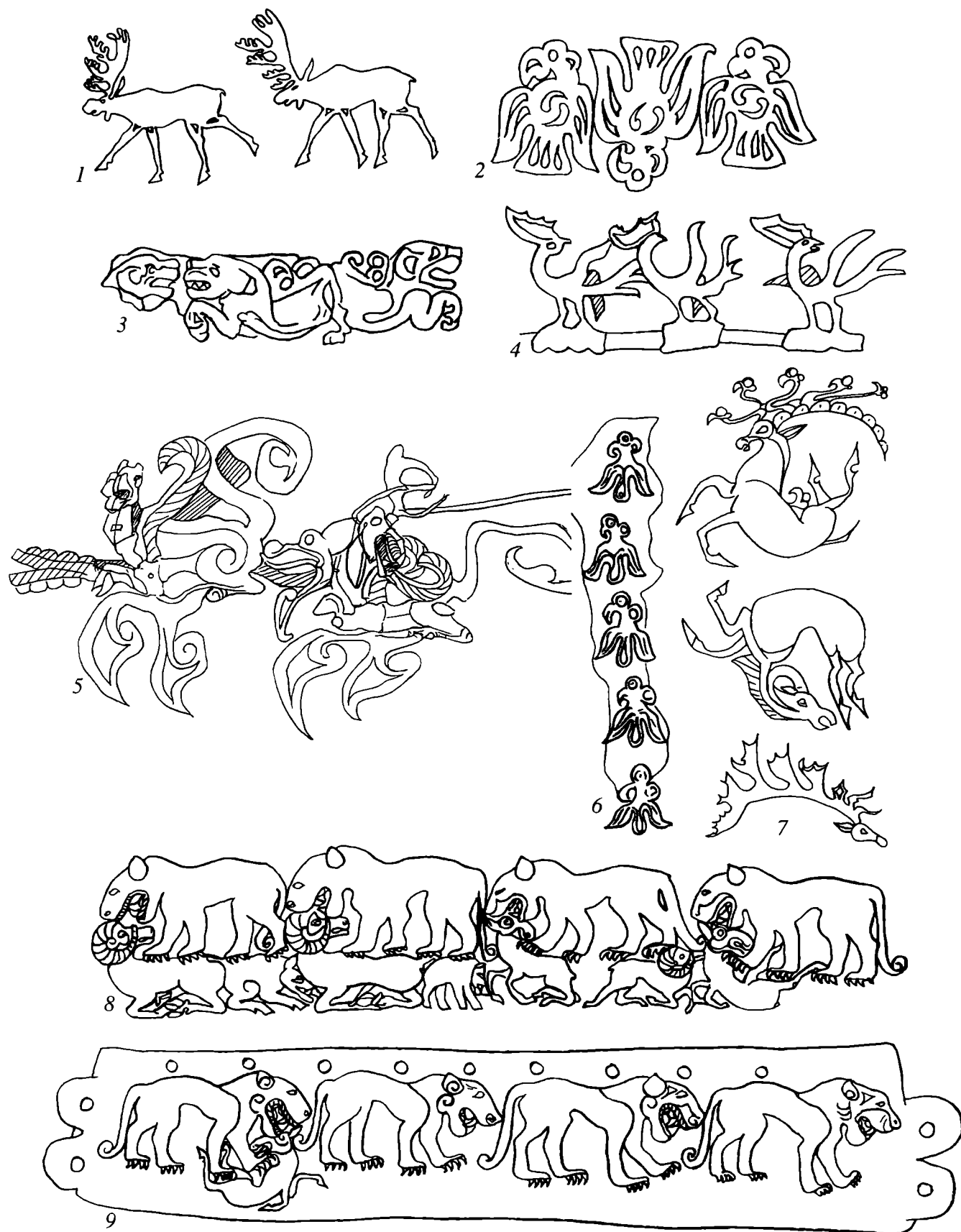

Рис. 7. Асимметричные линейно-ритмичные композиции. Горизонтально-направленные, простые: 1 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953. Рис. 5); 2 – 2 Башадарский к. (Руденко 1960. Табл. СХVII); 3 – Туектинский к. (Руденко, 1960); 4 – 2 Пазырыкский к. (Руденко, 1953. Рис. 29); 5 – 4 Пазырыкский к. (ГЭ, раскопки Руденко); сложные, двухъярусные: 8, 9 – 2 Башадарский к. (Руденко, 1960. Рис. 20). Вертикально-направленные, простые: 6 – Юстыд XII, к. 19 (Кубарев, 1991. Табл. XLV); сложные: 7 – Ак-Алаха 5, к. 3 (Полосьмак, 2001).

Следующая подгруппа – композиции с вертикальной осью симметрии. В комплексах пазырыкской культуры широко представлены предметы, декорированные композициями с такой схемой и имеющие свою конструктивную ось симметрии. Это декорированные бляхи конской упряжи, ручки зеркал, рукояти мечей, прямые псалии, диадемы, гривны, “эгреты”, металлические пластины (рис. 3). Среди всего массива изображений зеркальной симметрии присутствуют композиции с художественно выделенной осью, которая может выступать и в качестве самостоятельной третьей части (рис. 4).

Таким образом, все изображения можно разделить на двухчастные и трехчастные, где третья часть композиции обладает внутренней симметрией. Среди многочисленных двухчастных схем встречаются композиции из двух “слившихся” образов, где образы животных заменяются мотивами голов, которые при слиянии имеют одну общую часть – ухо (рис. 3, 16–19), или одинаково редуцируются и представляют собой как бы единый образ. Эти изображения необходимо рассматривать отдельно от композиций с параллельными частями. Выделение этих отделов свидетельствует в пользу вариативности известных композиционных схем. Из подобных слившихся синтетических композиций происходят многочисленные схемы головы хищника в фас, собранные из профилей образов хищников в зеркальную композицию.

Самый большой и простой по схеме композиционный отдел – зеркальные композиции с параллельными частями. Встречаются в нем как антитетичные, так и синтетичные композиции. Отдел однороден по структуре и разделяется на простые и сложные композиции в связи с наличием или отсутствием в их построении подчиненных композиций. Подчиненные композиции могут быть линейно-ритмичные (рис. 3, 13–15) или центростремительные (рис. 3, 11, 12) и дублируются по обе стороны от оси. Подчиненные асимметричные центростремительные композиции содержат сюжет взаимодействия звериных образов. Эта структура предполагает возможность существования различных композиционных сочетаний при зеркальной симметрии. В каждом из этих типов присутствуют синтетичные и антитетичные композиционные схемы. Отдел двухчастных композиций содержит простые зеркальные композиции с параллельными частями и сложные со сливающимися частями.

Отдел трехчастных содержит композиции, где третья центральная часть выделена неким растительным или стилизованным образом (рис. 4, 1–3); приставной головой, единой для двух сопоставленных тел (рис. 4, 4–6); или является третьей равноправной частью – зооморфным образом (рис. 4, 7–10). Трехчастные зеркальные композиции, имеющие изображенную ось – растительный или гео-

метрический мотив, возможно имеют аналогии с “геральдическими” композициями, берущими свое начало в искусстве Передней Азии, где они несут определенный смысл, а в дальнейшем трансформируются в различных культурах, сохраняя инвариантную структуру построения, тем более что в исследуемом материале композиции синтетичные. Они не осложнены подчиненными композициями, но, по-видимому, возможны и такие для вариативного искусства пазырыкской культуры. Композиции с сопоставленными телами и одной приставной головой могут восприниматься как единый образ, развернутый телом в двух плоскостях, тем более что существует подобный образ в лошадиной маске из комплекса первого Пазырыкского кургана (Грязнов, 1950. С. 30), где грифон с одной головой и телом, изображенным в двух плоскостях, спускающимися по обе стороны лошадиной головы, борется с тигром. Но вариативность пазырыкского искусства не позволяет не рассматривать генетически связанные с этой композиционной схемой композиции двухчастные со сливающимися частями, где все же присутствуют два образа. Композиция действительно трехчастная по схеме, и приставная голова резко выделяется по центру между двумя сопоставленными телами. Приставная, объемная голова является еще и специфичным для пазырыкского искусства художественным средством выражения образа, динамики и контрастности композиции. И эта художественная форма отвечает характеру декорированного предмета – навершия головного убора типа эгрета. На данных примерах видна вариативность по сути одной из тектонических структур композиций этого искусства. Трехчастные композиции, имеющие равноправную центральную часть, выраженную звериным образом, среди данного материала могут быть простые, где третья часть представлена в виде мотива головы образа при двух симметричных образах (может быть и приставной). Подобная схема генетически связана и с композициями сливающимися, и с выше описанными композициями. Ее также можно рассматривать как единый образ со стилизованными при помощи приема превращения частями. Возможно, здесь видна проработка инвариантной схемы “геральдической” композиции. Сложная трехчастная композиция представлена на диадеме (рис. 4, 8). Она генетически сродни вышеназванному, имеет третьей частью приставную голову копытного, поглощаемую двумя симметрично расположенными хищниками, под которой расположена голова подобного хищника в фас, дающая дополнительный эффект. Композиция, декорирующая систему псалия с вилкой (рис. 4), представляет собой сложный симметричный вариант некой центростремительной асимметричной композиции. Существование представленных вариаций указывает на способность этого ис-

куства к трансформациям при конечном наборе признаков.

Следующая группа композиций искусства пазырыкской культуры – группа асимметричных, имеющая подгруппы: центростремительных и линейно-ритмичных композиций, многие из которых содержат сюжетную линию и представляют собой сложные схемы, которые все же группируются по определенным принципам. Центростремительные композиции отличаются сложной динамикой. Определенные сцены взаимодействия одного или нескольких зооморфных образов концентрируются вокруг композиционного центра, стремясь в своем тектоническом расположении вписаться в некое подобие круга (рис. 5, 2) или S-овидную линию (рис. 1, 10), решение которой дается при помощи художественных приемов, таких как S-овидные изгибы образов, расположение контрастов по диагонали. Суть асимметрии проявляется в вариативности структуры композиции. В результате композиции, центростремительные по тектоническому использованию пространства, делятся на схемы, имеющие в своей основе круг с центром, вокруг которого формируется композиция, где один из образов как бы обволакивает другой. Причем центр ничем конкретным не фиксируется, а выделяется своеобразной “точкой накала взаимодействия”, локализованной на контрастной лопатке образа (рис. 1, 9) или между ними. Другой способ формирования взаимодействующих образов – по типу формирования электронного облака вокруг электрона, по типу “восьмерки”. Это композиции, в которых взаимодействующие образы располагаются следуя S-овидной линии, где на обоих концах располагаются тождественные контрастирующие массы изображения (рис. 1, 9; 5, 8, 9). Первый подотдел содержит целые взаимодействующие образы, второй – композиции из двух мотивов образов – голов (за исключением тех, где образ представлен поглощаемой или поглощающей рыбой), которые “поглощают” одна другую (рис. 6). В этом случае композиционный центр фокусируется на поглощаемом образе. Первый подотдел включает в себя такие варианты, как: а) формирующийся по кругу с “правильным” центром, б) формирующийся по кругу со смещенным центром, в) “развертывающейся” композиции на полусферическом предмете с центральной головой хищника и расположенной вокруг нее сценой взаимодействия образов (рис. 6, 1). Эту композицию (вариант в) возможно “развернуть” в горизонтальной плоскости.

Второй подотдел: композиции “поглощения” одного образа другим имеют следующие варианты – а) с “правильным” центром, где центр восприятия фокусируется на мотиве головы образа, синтетичном мотиву головы главного образа, б) со смещенным центром, сфокусированном на антителическом главному мотиве головы. Этот вариант представлен композициями двух наверхий голо-

вных уборов (рис. 6, 5, 7), которые представляют нечто особенное и по построению, и по художественной форме, но все же являются собой нечто цельное и схожее с первым вариантом подотдела, отличное от основы только из-за специфики изделий.

Следующая подгруппа – линейно-ритмичные композиции. Это – направленные горизонтально или вертикально ритмически друг за другом расположенные зооморфные образы. Они чередуются с определенным для каждой композиции ритмом и метром. Образы могут быть как одинаковыми, так и разными. Подобные композиции называют цепочками для тождественных образов, в этом случае они имеют орнаментальный характер. Также их называют и “шествиями”, это название характерно и для композиций вариативных, где каждый образ или образная система выступает в роли цикла системы. Для этих композиций, в отличие от орнаментальных, характерна изобразительность, сюжетная линия. Вертикальные и горизонтальные композиции разделяются на простые и сложные.

Первый отдел – горизонтально направленные линейно-ритмичные композиции, простые и сложные (рис. 7, 1–5, 8, 9). Простые композиции – это орнаментальные схемы с простым ритмом и тождественными образами. Сложные композиции – схемы со сценами “шествий” и со сложным ритмом, они представлены в двух вариантах. В композиции с башадарской колоды (рис. 7, 8, 9) представлены циклически расположенные тигры в верхнем ярусе, а в нижнем ярусе – образ копытного, формирующий с образом тигра подчиненную центростремительную асимметричную композицию со сценой терзания. Здесь видится ритмическое ударение в начале и дальнейшее развитие композиции через трех остальных тигров, тем более что промежутки между тиграми не позволяют вместить другие образы. Вторая композиция также представлена в виде двух ярусов, где в верхнем тигры направлены в противоположную первой схеме сторону и образуют с копытными нижнего яруса, сонаправленными с ними, центростремительные асимметричные композиции со сценами терзания. Дополнительный ритм создают промежуточные между копытными, направленные в противоположную общему направлению сторону образы кабана (рис. 7, 8).

Следующий вариант композиции, где присутствует центрическая схема: неоднозначная композиция накладки горита из Ак-Алахинского кургана. Здесь слева направо задают ритм три образа животных: волк с обернутой головой, лев, нападающий на кабана и кабан (рис. 1, 13). Этими образами задается некое подобие “шествия”, плюс сцена взаимодействия, на которую падает ударение, являющаяся своеобразным центром линейно-ритмичной

композиции вместе с противоположно направленным образом льва. Это шествие заканчивается сонаправленной с общим направлением композиции головой грифона. Вертикально-направленные композиции – простые (рис. 7, б), среди них есть варианты, содержащие разнонаправленные зеркальные образы, расположенные ярусно. Сложные вертикально-направленные композиции представлены композициями татуировок с фантастическими образами, расположенными в сложном взаимодействии на разных уровнях вертикальных плоскостей рук и ноги (рис. 7, в).

Таким образом, классификация многофигурных композиций позволяет выделить четыре подгруппы композиций: а) с центральной симметрией, б) с вертикальной осью симметрии, в) центростремительные асимметричные, г) линейно-ритмичные асимметричные. Изучение каждой из групп в отдельности дает 24 типа многофигурных композиций.

А. Центральносимметричные. Центрические: 1) центростремительные, 2) центробежные S-овидные, 3) центробежные “розетки”. Динамические: 4) двухчастные, 5) трехчастные.

Б. Симметричные относительно вертикальной оси. Двухчастные: 6) с параллельными частями простые, 7) с параллельными частями сложные с линейными композициями, 8) с параллельными частями сложные с центростремительными композициями, 9) со сливающимися частями. Трехчастные: 10) имеющие изображенную ось, 11) с сопоставленными телами и приставной головой, 12) имеющие равноправную часть простые, 13) имеющие равноправную часть сложные.

В. Центростремительные асимметричные. Формирующиеся по кругу: 14) со взаимодействующими целыми образами с правильным центром, 15) со взаимодействующими целыми образами со смещенным центром, 16) со взаимодействующими целыми образами развертывающиеся, 17) с “поглощающими” неполными образами с правильным центром, 18) с “поглощающими” неполными образами со смещенным центром; 19) формирующиеся по типу “восьмерки”.

Г. Линейно-ритмичные. Горизонтально направленные: 20) простые, 21) сложные двухъярусные, 22) сложные с центром; вертикально-направленные: 23) простые, 24) сложные.

Выделив эти типы композиционных схем, можно рассмотреть распределение их по хронологии, ареалу, материалу декорированных вещей разными типами композиций, образам животных в типах схем, сюжетным линиям в типах схем. Опираясь на приблизительно известные датировки, можно проследить существование выделенных типов по этапам культуры. В приведенной табл. 1 автором используются даты хронологической системы Л.С. Марсадолова (1985) как репе-

ры при выяснении относительной хронологии развития самого звериного стиля искусства пазырыкской культуры. Так как не выработана окончательная периодизация и хронология культуры, невозможно строго определить композиции по временным группам. Предшествующий пазырыкскому этап теперь рассматривается как два периода, к этому времени из материала данной работы относится лишь бухтарминское зеркало (рис. 2, 9). Остальные композиции относятся к пазырыкско – шибинскому этапу, рассматриваемому исследователями ныне как единое целое (Марсадолов, 1985. С. 15). По стилю, выделение периодов возможно в связи с историческими событиями в Передней Азии, искусство которой диффузионно влияло на искусство пазырыкской культуры. Границей, возможно разделяющей развитие пазырыкского стиля на два периода, является начало эпохи Ахеменидов в древнем Иране. Соотнесение типов композиций и дат больших и средних курганов выявляет два временных отрезка в развитии стиля: башадарско – туэктинское время (доахеменидское период), и пазырыкско – шибинское время, приходящееся на период влияния ахеменидского искусства.

На основании табл. 1 можно судить о некоторых процессах в развитии стиля на основе изучения типов многофигурных композиций. По таблице видно, какие типы бытуют в эти периоды и насколько массово их проявление. Так, центральносимметричные центростремительные композиции представлены в обоих периодах, но по одному экземпляру. Второй тип – S-овидные композиции на псалях – существует как устойчивая форма на протяжении всего времени существования культуры. Основной материал – дерево (табл. 3), представлены они практически со всеми встречаемыми в этом искусстве образами (табл. 2). Композиции центральносимметричные, центробежные “розетки”, динамические двухчастные и трехчастные представлены в первый период, отсутствуют во второй, когда появляются более сложные композиции, решающие задачу формирования композиционного круга через асимметричные сюжетные композиции или при помощи зеркальной симметрии (рис. 4, 1; 5, 2). Типы простой зеркальной симметрии с параллельными (6) и сливающимися частями (9) встречаются на протяжении всего времени как наиболее простые. Зеркальные, сложные с линейными композициями схемы (7) существовали в оба периода, но встречались не часто, являясь более усложненным вариантом. Сложные с асимметричными центростремительными композициями (8) схемы появляются как усложненный вариант во второй период. Следующая подгруппа – трехчастные композиции – встречается в оба периода. На первом этапе присутствуют композиции простые, имеющие равноправную часть (12) (рис. 4, 7), по-

Таблица 1. Распределение изображений всех типов композиции по датам

Курганы	Тукета-Башадар		Берель	Пазырык	Уландрык	Катанда	Шибе
	2/4 VI в. до н.э. 3/4 VI в. до н.э.		1/2 V в. до н.э.	Ак-Алаха	Юстыд	Сайлюгем	
Типы	2/4 VI в. до н.э. 3/4 VI в. до н.э.		1/2 V в. до н.э.	2/2 V в. до н.э.		IV в. до н.э.	
1		X		X			
2		XXX	X	XXXXXXXXXX		X XX	X XX
3		XX					
4	X	X					
5			X				
6		XX X	XX	XXXXXXXXXXXXXXXXX(+13)		XXXXXXXXXXXXX(+5)	X
7		X		X	X		
8				XX	X		
9		X X			XX		
10				XXX		X	
11		X		XX	XX	X	
12		X					
13						X	X
14				XXXXXXXX			
15				XXXX		X	
16							X
17				XXXXXXXX			XX
18				XX			
19				XXXX	X		
20		XXX		XXXX	X		
21			XX				
22				X			
23				XXXXXXXXXX			
24				XXXX			

являются композиции с сопоставленными телами и приставной головой (11), которые как особенное явление развиваются в следующий период в более усложненной форме (рис. 4, 6). Во второй период в результате влияний из Передней Азии появляются композиции, по строению аналогичные “геральдическим” схемам – имеющие изображенную ось (10). Все направления, выраженные в трехчастных композициях, причудливо сочетаются в композиции второго периода на гривне из Ак-Алахи (рис. 4, 8). Третья подгруппа – асимметричные композиции, содержащие сцены взаимодействия образов, появляется во второй период в связи с переднеазиатскими влияниями (Руденко, 1961), но известна и в композициях башадарской колоды, где они подчинены основной линейно-ритмической системе. Трансформированные в пазырыкское искусство сцены терзания, борьбы зверей несли в искусстве Передней Азии значимую семантическую нагрузку (14, 15, 19, 16), рис. 5, 1, 5. Параллельно в стиле обыгрываются композиции типов 17 и 18 (рис. 6), где взаимодействуют образы, представленные в виде мотивов голов. Все это

подтверждает широкое распространение во второй период композиций взаимодействия и “разработку” темы вариативным искусством пазырыкской культуры. Линейно-ритмичные композиции, горизонтально направленные, присутствуют в оба периода. Тип 21, известный по башадарской колоде (рис. 7, 8, 9), – это тип изображений с первыми встреченными в искусстве пазырыкской культуры композициями со сценами взаимодействия. Композиции на колодах во второй период решались более лаконично (рис. 7, 1, 2) – цепочками образов. Во второй период появляется сложная композиция – тип 22 (рис. 1, 13). Вертикально-направленные ярусные композиции (типы 23, 24) скорее всего были представлены и в первый период, так как подобное устройство декорированного пространства известно с начала появления оленных камней. Сложные композиции татуировок (тип 24), могут быть связаны с развитием асимметричных композиций.

С хронологическим исследованием тесно связан анализ композиционных типов по территориальному принципу. Выявление эволюции много-

Таблица 2. Зооморфные образы, представленные в типах композиции

Типы	Тигр (леопард)	Лев	Птичий грифон	Львиный грифон	Волк	Медведь	Зверь фант.	Олень	Лось	Тетерев	Баран	Конь	Козел	Гусь Лебедь	Рыба	Кабан	Сайга	Петух
1			X												X			
2	X	X	X	X							X			X				
3			X						X									
4			X										X					
5								X						X				
6	X	X	X	X	X			X	X		X	X		X			X	X
7				X										X			X	
8			X	X				X						X				
9					X				X									
10			X					X										
11								X										
12	X		X		X							X	X					
13	X																	
14	X	X	X		X			X	X	X	X	X						
15	X					X	X	X			X							
16	X							X										
17	X	X			X			X			X				X			
18			X					X										
19	X		X	X							X		X	X				
20	X		X	X				X	X		X							X
21	X	X						X								X	X	
22		X	X		X											X		
23			X															
24							X											

фигурных композиций как составляющей стиля подтверждает “жизнеспособность” исследуемой выборки изображений этого стиля. На рис. 8 показано территориальное распределение композиционных типов на карте Горного Алтая по местонахождению курганных могильников, откуда происходят вещевые комплексы с исследуемыми изображениями. Фиксируется каждое изображение из 154, нанесенное на карту в виде значка соответствующего типа и периода. Основное количество композиций приходится на второй период. Типы композиций первого периода локализуются на территории Центрального Горного Алтая, так как связаны с вещевыми комплексами туэктинских и башадарских курганов. Здесь присутствуют все типы центральной симметрии и типы вертикальной симметрии: двухчастные с параллельными частями, простые и сложные, со сливающимися частями, трехчастные с приставной головой. Таким образом, эти типы – самые простые схемы декорации вещей. Еще один простой тип – простые линейно-ритмические композиции относятся к

этой зоне первого периода. Здесь присутствуют сложные и уникальные композиции башадарской колоды, относящиеся к сложным линейно-ритмическим композициям. Второй хронологический период содержит большее разнообразие типов композиций. Он связан с зоной пазырыкского могильника – восточная часть Центрального Горного Алтая, с зоной Юго-Восточного Алтая (Уландрык, Юстыд, Ташанта, Барбагазы), с зоной Юго-Западного Алтая (могильники Верх-Кальджан, Ак-Алаха), с зоной Центрального Горного Алтая (могильники Катанда и Шибе). Здесь встречаются большинство из выделенных типов композиций. На этих территориях отсутствуют типы композиций с центральной симметрией в этот период, за исключением S-овидных. Возможно, это связано с тем, что пространство круга декорируется более сложными композиционными схемами. В зонах пазырыкского могильника и Юго-Западного Горного Алтая распространены различные типы композиций, в которых мы видим сцены взаимодействия животных. Они присутствуют как в асиммет-

Таблица 3. Композиции и материал вещей, на которых они изображены

Типы	Материал						Татуировка
	Металлы	Дерево	Кожа	Кость	Войлок	Береста	
1	+				+		
2	+	+		+	+		
3		+	+				
4	+	+					
5		+					
6	+	+	+	+			
7	+	+		+	+		
8	+	+		+			
9	+	+					
10	+	+					
11		+		+			
12		+	+				
13		+			+		
14	+		+		+		
15		+	+				
16		+					
17		+	+	+	+	+	
18		+	+				
19		+	+		+		
20		+	+		+		
21		+					
22		+					
23	+	+	+				
24							+

ричных композициях, так и создают сложные симметричные композиции. Хотя в зоне Юго-Восточного Алтая встречается чаще тип асимметричных, формирующихся по кругу композиций поглощения неполных образов (рис. 6), этот тип встречен и в Пазырыке. Возможно, это явление связано с восточной традицией переработки изображения сцены “терзания”. Асимметричные композиции с взаимодействующими целыми образами с правильным центром, с взаимодействующими целыми образами со смещенным центром; симметричные относительно вертикальной оси с параллельными частями, сложные (все перечисленные содержат сцены “терзания”), а также симметричные трехчастные, имеющие изображенную ось (по строю композиции имеющие своим прототипом так называемые “геральдические” схемы), все эти типы связаны с влияниями иранского и переднеазиатского искусства (Руденко, 1961). На карте они расположены преимущественно в Юго-Запад-

ной и Пазырыкской зонах. Среди них есть композиции, являющиеся “цитатами” (Переводчикова, 1994. С. 66) (рис. 5, 1). В сложной линейно-ритмичной композиции Ак-Алахинского кинжала используется принцип взаимодействия животных в каком-то местном контексте, тогда как в Юго-Восточной зоне встречается тип симметричной трехчастной композиции с сопоставленными телами и приставной головой, где образы украшаются другими по поверхности. Таким образом, карта дает наглядное подтверждение развитию стиля к большему количеству и разнообразию, к вариативному использованию заимствованных схем. Можно говорить о расширении территории, на которой встречаются многофигурные композиции во второй период, а также отметить существование в этом периоде “варианта” Юго-Восточной зоны, где стиль воспринимает влияния Саян и Китая.

Как и во всем искусстве пазырыкской культуры, где представлены всевозможные образы зверей как местной фауны, так и иноземных и фантастических, в многофигурных композициях представлены те же образы (табл. 2). В большинстве типов композиций из всего набора образов преобладают хищники, копытные, птичьи и львиные грифоны, т.е. тигры, олени и птичьи грифоны. В типе зеркальной симметрии представлены практически все образы. Это свидетельствует о том, что этот тип самый простой, универсальный и устойчивый. Обыгрывая эту композицию в различных вещах и в различных материалах, мастера для решения смысловых и эстетических задач используют всевозможные зооморфные образы. Образ кабана редко встречается и только в сложных композиционных системах 21 и 22. В композициях со сценами взаимодействия встречается большинство образов хищников и травоядных, известная схема взаимодействующих антитетичных образов обыгрывается с различными вариантами образов.

Охарактеризуем материал изделий, на которых изображены многофигурные композиции (табл. 3): S-овидные, простые симметричные композиции представлены в различных материалах, то же относится и к композициям “поглощения”, исключая металл. Это самые органичные этому искусству композиции на предметах из различных материалов. Асимметричные центростремительные композиции в большинстве представлены в виде аппликаций из кожи и войлока. Они восприняты в целом из искусства Передней Азии через “среднеазиатские” ковры, так как воспроизводятся местными мастерами в аппликациях на седельных покрывках. Поэтому можно говорить, что вышеназванные типы 2, 6, 17, 18, вариации трехчастных схем, варьирующиеся тектонически и по материалу, являются свидетельствами тенденций развития яркого стиля.

В рамках данного исследования можно отметить, что композиционные схемы содержат те или

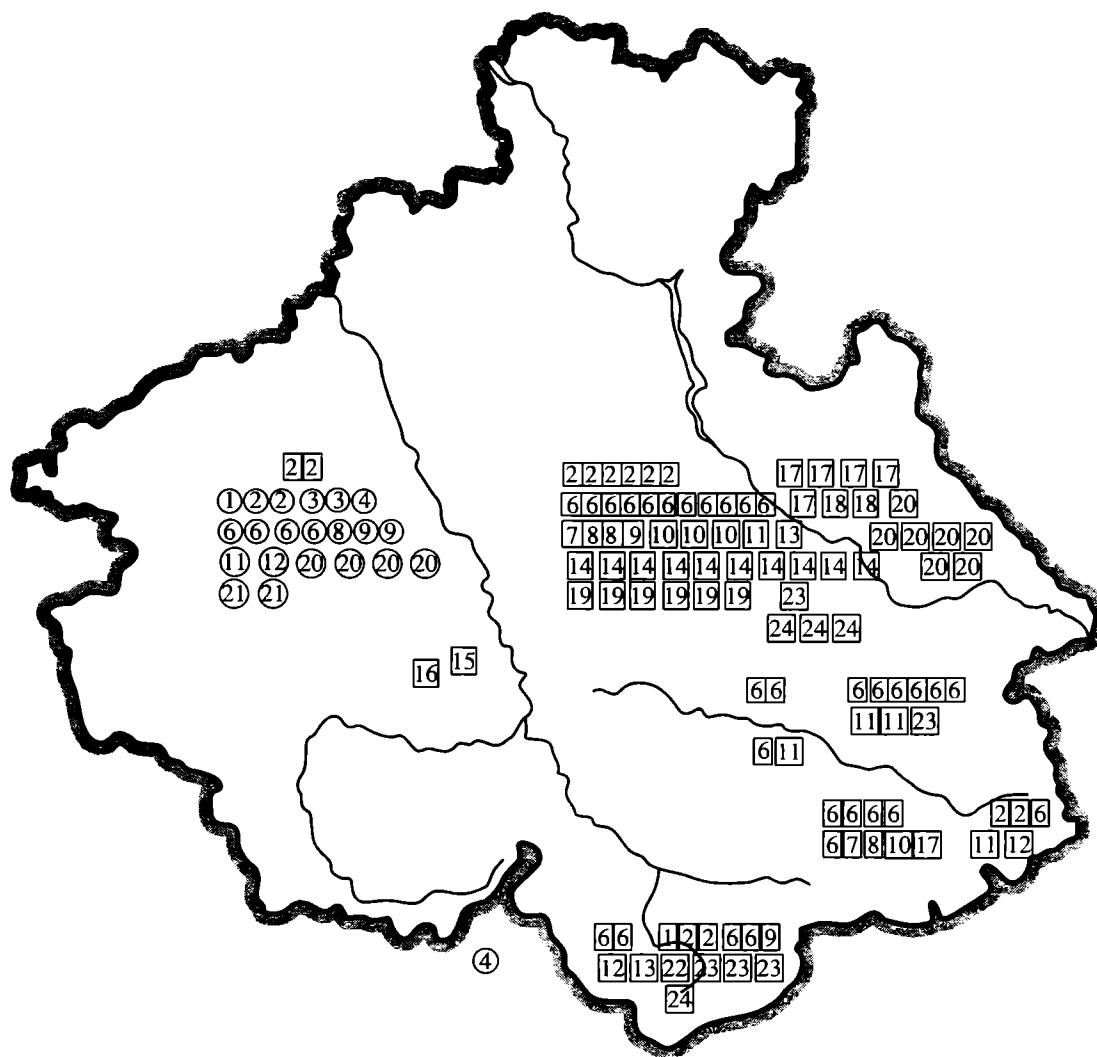

Рис. 8. Распределение типов композиций на карте Горного Алтая.

иные основополагающие мировоззренческие понятия. Понятия цикличности, вечного движения отображены в схемах центрально-симметричных композиций; умножение смысла за счет умножения тождественных образов, отображены в схемах зеркальных композиций. Понятие двоичного устройства мира отражается в схеме двухчастных зеркальных композиций, троичного – в схеме трехчастных с равноправной частью. Некоторые композиции, сходные по структуре с “геральдическими”, могут перекликаться с ними и по смыслу, что может свидетельствовать о заимствовании переднеазиатской распространенной схемы. Сюжетная линия центростремительных асимметричных композиций представлена сценами борьбы, терзания, поглощения. Линейно-ритмичные простые композиции содержат аллитеративные цепочки, “шестивия” образов. Композиции с башадарской колоды – это сложные циклические шестивия со сценами терзания. Изображение с обложки горита (рис. 1, 13) имеет сложную семантическую композицию, возможно, связанную с семантикой кабана. Композиции татуировок отражают, вероятно, принцип ярусного членения пространства на разные семантические пространства. Таким образом, можно го-

ворить о многозначимой структуре изображений с многофигурными композициями. Исследование же сюжета схем типов многофигурных композиций – тема отдельного исследования.

Подводя итог проведенного исследования, заключаем, что в искусстве пазырыкской культуры представлены многочисленные многофигурные зооморфные композиции. Основные принципы построения композиции – это центральная симметрия, симметрия относительно вертикальной оси, асимметрия, формирующаяся вокруг центра, линейно-ритмичная асимметрия. В их использовании отражается мировоззрение носителей пазырыкской культуры. По аналогии со скифским искусством, в котором присутствуют эти подгруппы композиций, можно констатировать наличие мифотворчества у носителей пазырыкской культуры. На основе анализа типов композиций можно заключить, что в это время идет процесс активной разработки вариаций изначальных схем и привнесенных инокультурных композиций изображений. Искусство пазырыкской культуры тесно взаимодействует как с окружающим миром кочевников, так и с миром оседлых цивилизаций и является ареной активной катализации процесса вариатив-

ного развития композиционных схем. Таким образом, возможно говорить, что посредством такого свободного композиционного творчества и развития мифологического мировоззрения создаются условия для возникновения свободно-составленных асимметричных композиций. Развитие в сторону свободных композиций видно на примере сложной линейно-ритмичной композиции со сценой "борьбы" на обложке ножен Ак-Алахинского кинжала (рис. 1). А.С. Суразаковым опубликован случайно найденный на территории Горного Алтая кинжал, датируемый им III в. до н.э. и принадлежащий традиции этой культуры (Суразаков, 1979). На кинжале изображена в свободной композиции охота человека на кабана. Возможно, эта композиция является следующим звеном в развитии стиля. Таким образом, прослеживается развитие композиций в пазырыкском искусстве от симметричных вариативных композиций к увеличению асимметричных и ритмической разработке вариаций асимметрии. Происходит количественное накопление вариаций асимметрии, что подготавливает переход на новый уровень развития свободной динамичной композиции. Эту систему изучения многофигурных композиций возможно применить к сходному материалу других культур и, сравнив развитие многофигурных композиций, проследить их возможное происхождение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.

Береснева В.Я., Ягман И.М. Симметрия и искусство орнамента // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.

Герчук Ю.А. Основы художественной грамоты. Язык и смысл изображения искусства. М., 1998.

Гончарова Н.А. Теория изображения. На основе лекций В.А. Фаворского "О композиции". М., 1997.

Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. Л., 1950.

Жегин Л.Ф. Язык живописного произведения. М., 1970.

Казан М.С. Морфология искусства. Л., 1972.

Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствоведения и "звериный стиль" скифской эпохи. СПб., 1996.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.

Марсадолов Л.С. Хронология курганов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. М., 1994.

Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль как изобразительная система // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.

Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы. Новосибирск, 1994.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. М., 2001.

Руденко С.И. Искусство скифов Алтая. М., 1949.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.

Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

Суразаков А.С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской АО // СА. 1979. № 3.

Франкфорт Г., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984.

Фурсикова Е.Г. Особенности композиционной симметрии в искусстве скифо-сибирского звериного стиля // Междунар. конф. по первобытному искусству. Тез. докл. Кемерово, 1998.

Хлобыстина М.Д. Многофигурные изображения в зверином стиле из Восточной Сибири // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

Шорохов Е.В. Композиция: учебное пособие. М., 1986.

Multifigured compositions in art of Pazyryk culture

I. V. Trishina

Summary

In art of Pazyryk culture multifigured compositions are known, this fact providing the ground for the complex approach to the study of the subject. The Pazyryk art is of ornamental nature. The whole variety of compositions are typified by common basic regularities (symmetry and asymmetry, rhythmical structure, integrity) that depend on general human perception. Among the symmetrical compositions the subgroups of those showing the principle of central symmetry, and the ones organised relating to vertical axis of symmetry are present. Asymmetrical compositions can be subdivided into two sub-groups in accordance with the principles their spatial structure display: centripetal and rhythmical linear. All the initial schemes of compositions singled out in Pazyryk art are of variational character, each composition includes different structural classes and types. Having investigated the system of multifigured compositions of Pazyryk culture, the author comes to the conclusion that in development of the compositional schemes symmetrical patterns were first used, then those of more sophisticated and variational asymmetrical character were invented and developed. Two chronological periods can be singled out in style development of the Pazyryk art. The compositions' variants based on adopted ideas and simplified ones were carried out in different materials. In multifigured compositions and in the Pazyryk art as a whole the same animal images were depicted. It demonstrates variational attitude towards traditional schemes and includes free arrangement of compositions of narrative character.

СТРУКТУРА ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

© 2003 г. Г. П. Гарбузов

ЮРИА-Центр, Ростов-на-Дону

Предположение о существовании древнего землеустройства Таманского полуострова базируется на данных архивных аэрофотосъемок – следы древнего землеустройства различимы на старых фотоотпечатках в виде некоррелирующих с современными элементами ландшафта линий разной ширины, образующих иногда сложный решетчатый рисунок. Фрагменты прорисовок линий с отдельных аэрофотоснимков были неоднократно опубликованы (Паромов, 1989. Рис. 2; 1993. Рис. 2; Горлов, Лопанов, 1995. Рис. 2 – 12, 14), известны также варианты реконструкции сети межей для северо-западной части Таманского полуострова – Фонталовского полуострова (Паромов, 1994. Рис. 7; 2000. Рис. 2; Горлов, Лопанов, 1995. Рис. 1). К сожалению, специальных полевых исследований, направленных на изучение древнего межевания, на Таманском полуострове не проводилось. Единственное словесное описание внешнего вида ландшафтных особенностей, связанных с наблюдаемыми на аэрофотоснимках линиями, – пологие валы с основанием шириной до 20 м и высотой менее 1 м – приведено в работе Ю.В. Горлова и Ю.А. Лопанова (1995. С. 124).

Отсутствие полевых исследований накладывает определенные ограничения на достоверность представлений о древнем землеустройстве Таманского полуострова, увеличивая роль фактора субъективности при реконструкции и анализе следов межевания. Лишь на ряде фрагментов аэрофотоснимков, например на свежей пашне и на свежубранных полях, при удачных условиях освещения следы древнего межевания видны достаточно отчетливо, в других местах их приходится угадывать, что приводит к отличающимся во многих деталях прорисовкам межевания для одних и тех же территорий у разных авторов (см. рисунки в работе (Горлов, Лопанов, 1995) и прорисовки в работах Я.М. Паромова).

Тем не менее, имеющийся объем дистанционных данных позволяет аргументировано обсуждать проблемы топологического характера. Большое значение в этом обсуждении имеет точка зрения на механизм формирования всего множества наблюдаемых на аэрофотоснимках признаков межевания. В работах (Горлов, Лопанов, 1995; Паромов, 2000), специально посвященных

анализу землеустройства Таманского полуострова, явно или неявно используется однослойная модель древнего землеустройства, которая рассматривает все признаки межевания как остатки единой межевой системы. Предполагается, что эта система экстенсивно развивается вплоть до гипотетического максимального размера (IV–II вв. до н.э.), тождественного всей сумме наблюдаемых признаков. Никаких существенных изменений землеустройства в дальнейшем не предусматривается.

Такая модель древнего землеустройства плохо соотносится с несомненным присутствием разных топологических идей среди наблюдаемых межевых признаков. Более реалистичен подход, опирающийся на многослойную модель, в которой предполагается, что совокупность следов межевания, видимая на снимках, представляет собой результат сложения различных синхронных и несинхронных локальных систем землеустройства (слоев), в том числе не исключается возможность наложения разновременных систем землеустройства друг на друга¹. Каждый слой характеризуется специфическими геометрическими свойствами (типом пространственной организации, модулем, ориентацией линий и т.п.) и может изучаться относительно самостоятельно.

Подобный взгляд на формирование следов древнего землеустройства Таманского полуострова и, в частности, предположение о возможности наложения систем землеустройства, не противоречит известной из письменных источников античной межевой практике (Хрестоматия..., 1987. С. 195). Перекрытие разновременных античных систем землеустройства подтверждается и археологическими исследованиями. Например, в окрестностях Коринфа (Греция) зафиксированы три перекрывающиеся античные ортогональные системы межевания – ранняя греческая и две римских, отличающиеся друг от друга модулями и ориентацией (Romano, 1998. P. 20–30; 2000. P. 83–104). Как пример реализации многослойной модели

¹ Несмотря на анализ признаков межевания в рамках однослойной модели землеустройства, в работе Горлова, Лопанова (1995. С. 122) упоминается о нескольких разновременных системах линий на аэрофотоснимках Фонталовского полуострова.

Рис. 1. Фонталовский полуостров.

можно рассматривать межевание ближней округи Херсонеса (Юго-Западный Крым). В дошедшую до нашего времени межевую сеть (Античные государства..., 1984. С. 114. Табл. XVI(1); Николаенко, 1985. Рис. 1) здесь объединены локальные системы межевания Маячного и Гераклеийского полуостровов, имеющие хорошо выраженные топологические особенности, в частности, разные размеры межевых единиц² и, по-видимому, разновременные (Античные государства..., 1984. С. 53–55).

На Таманском полуострове (далее будет рассматриваться, как имеющий большую традицию исследования, Фонталовский полуостров) (рис. 1) выделяются два больших класса систем землеустройства, которые, по крайней мере частично, пространственно перекрываются. Один класс соотносится с уже известными реконструкциями межевой сети, его принято считать классом систем землеустройства с иррегулярным, неправильным типом пространственной организации (Паромов, 1994. С. 11; 2000. С. 314). Другой, ранее не описанный для Таманского полуострова класс систем землеустройства, имеет регулярный ортогональный тип пространственной организации. Под-

² Расчетные межевые единицы использовались для точного определения общей площади землеустраиваемой территории. В одной из систем римского межевания такой единицей служила прямоугольная центурия, которая на конечном этапе землеустройства разделялась на хозяйственные единицы – индивидуальные участки (Грацианский, 1940. С. 56). Межевая единица (“стандартный надел”) для Маячного полуострова имеет величину 210 м × 210 м, для Гераклеийского полуострова – 420 м × 630 м (Щеглов, 1978. С. 89). Согласно (Николаенко, 1985. С. 14), стандартный надел Маячного полуострова 420 м × 420 м.

тверждением его существования могут служить приводимые ниже фрагменты аэрофотоснимков конца 1950-х годов и сделанные с них прорисовки – рис. 2 (фрагмент А1), рис. 3 (фрагмент А2), рис. 4 (фрагмент А3), рис. 5 (фрагмент В1).

На фрагментах А1–А3 выделяются регулярно повторяющиеся (шаг повторения 255–260 м) линейные фотопризнаки с практически одинаковой ориентацией (34–35°). Сходство геометрических характеристик наблюдаемых линейных признаков позволяет предположить, что они являются остатками одной и той же системы ортогонального землеустройства. Это предположение иллюстрируется планом участка А (рис. 6), на который после предварительной подготовки исходных снимков³ перенесены линейные признаки межевания с фрагментов А1–А3 и построена отвечающая им строго регулярная планировочная схема (точечный пунктир на рис. 6). Дополнительным доводом в пользу предложенной схемы межевания служат соответствующие ей линейные признаки, выделенные на участке А вне фрагментов

³ Исходные аэрофотоснимки не являются полноценным источником информации для пространственного анализа. В процессе аэрофотосъемки время между моментами съемки отдельных кадров может исчисляться минутами, в связи с чем от снимка к снимку происходит изменение угла съемки, высоты и направления полета, в сочетании с влиянием рельефа местности это приводит к значительным вариациям масштаба и появлению различных искажений (Мурашев и др., 1968; Бобир и др., 1974). В случае анализа старых фотоотпечатков большое значение имеет также деформация фотобумаги. В настоящей работе для устранения заметных искажений, приведения к одному масштабу, мозаичирования и последующей тематической обработки цифровых изображений использована программа ENVI 3.2.

A1–A3 (сплошные линии на рис. 6 – уверенная интерпретация, пунктирные – в менее достоверных случаях).

Линейные признаки, выделенные на фрагменте В1 (рис. 5), являются частью еще одной ортогональной системы землеустройства Фонталовского полуострова. Следы этой системы показаны на плане участка В (рис. 7, система S4), ее геометрические характеристики (ориентация около 328.5° , шаг 340–345 м) заметно отличаются от параметров ортогональной системы на участке А.

Система S4 на участке В, так же как во многом и ортогональная система на участке А, имеет характерный вид длинных параллельных полос равной ширины. Такой тип пространственной организации находит аналогию в системах античного землеустройства в округе греческих колоний Метопонта и Гераклеи (Сириса) в Лукании, Южная Италия, которые представляют собой (рис. 8, по: Wasowicz, 1999. Fig. 3) две группы параллельных полос от 4 до 8 км длиной – 23 полосы в первой группе, средняя ширина полос около 240 м и 38 полос средней шириной около 215 м во второй группе (приблизительный расчет по рис. 8), ориентация полос в группах существенно разная.

На фрагментах А2 (рис. 3) и А3 (рис. 4) можно уверенно выделить пересекающиеся под прямым углом линейные признаки, что позволило реконструировать схему межевания на рис. 6 в виде регулярной сети с прямоугольными элементами размером 255–260 м × 295–300 м. Регулярная организация пространства с прямоугольными элементами имеет хорошие аналогии как с античным греческим землеустройством, например с широко известным землеустройством ближней и дальней округи Херсонеса (Блаватский, 1953. Рис. 13, 15, 16; Николаенко, 1985. Рис. 1; Щеглов, 1967. С. 241–246. Рис. 2; 1978. С. 86–103), землеустройством на острове Хвар, Хорватия (рис. 9, по: Mlinar, Slapšak, 2000. Fig. 2), ортогональными системами в других регионах Средиземноморья (Clavel-Leveque, 1999; Plana-Mallart, 1999), так и, в более широком временном контексте, с римскими ортогональными системами землеустройства, испытавшими, как считается, большое греческое влияние при своем формировании (Dilke, 1985. P. 87, 88).

Ортогональный слой межевания Фонталовского полуострова в значительной степени структурно неоднороден и демонстрирует примеры наложения одних подсистем на другие. На рис. 7 суммированы видимые на снимках следы межевания для участка В, которые можно отнести к ортогональному типу (пунктиром на рисунке обозначены фотопризнаки с меньшей достоверностью реконструкции). Здесь выделяется ряд межевых подсистем: во-первых, описанный выше слой межевания S4 (6 параллельных полос одинаковой ширины, реконструируемая на момент аэрофото-

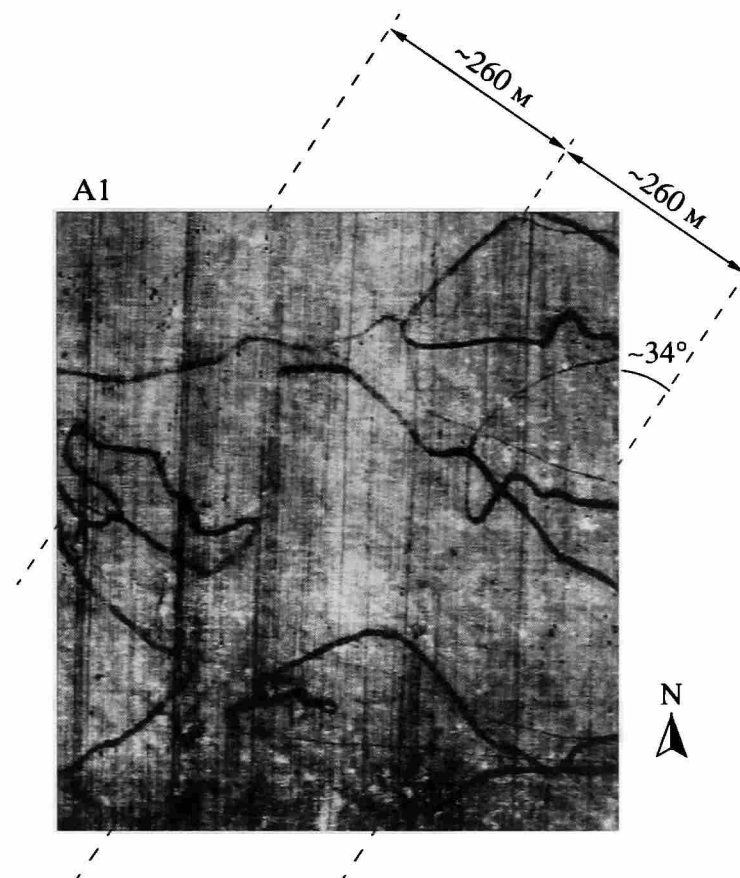

Рис. 2. Фрагмент аэрофотоснимка А1 (поле со стерней, негативное изображение) с выделением регулярных линейных признаков древнего землеустройства.

съемки площадь около 150 га, длина полос до 1 км), во-вторых, не столь отчетливые следы близких друг к другу по ориентации подсистем S2 и S3, западнее и северо-западнее системы S4, со значительно более мелкими прямоугольными элементами (ориентация подсистемы S2 $19.5\text{--}21^\circ$, подсистемы S3 $16\text{--}18^\circ$, размер элементарных ячеек в обоих случаях, возможно, 60–65 м × 80–85 м) и, в-третьих, относительно небольшое по площади (около 40 га) ортогональное межевание S1 вдоль берега Таманского залива, между оз. Рубана и пос. Гаркуша. Последнее межевание имеет вид замкнутой компактной системы с небольшими прямоугольными участками, которые, насколько можно судить по сильно распаханым межам, образованы делением ориентированных перпендикулярно к берегу параллельных полосок земли (ориентация наиболее сохранившейся западной части системы около $331\text{--}332^\circ$). Значительная часть этой системы, по-видимому, разрушена в результате подъема уровня моря и абразии (на рис. 7, как примерная оценка береговой черты второй половины I тыс. до н.э., обозначена двухметровая изобата). Для подсистем S1–S4 можно выдвинуть, ссылаясь на аналогию с последовательностью межевания Гераклеийского полуострова (сначала его самая западная прибрежная часть, Маячный полуостров, с более мелкими ортогональными межевыми единицами, затем остальная, глубинная

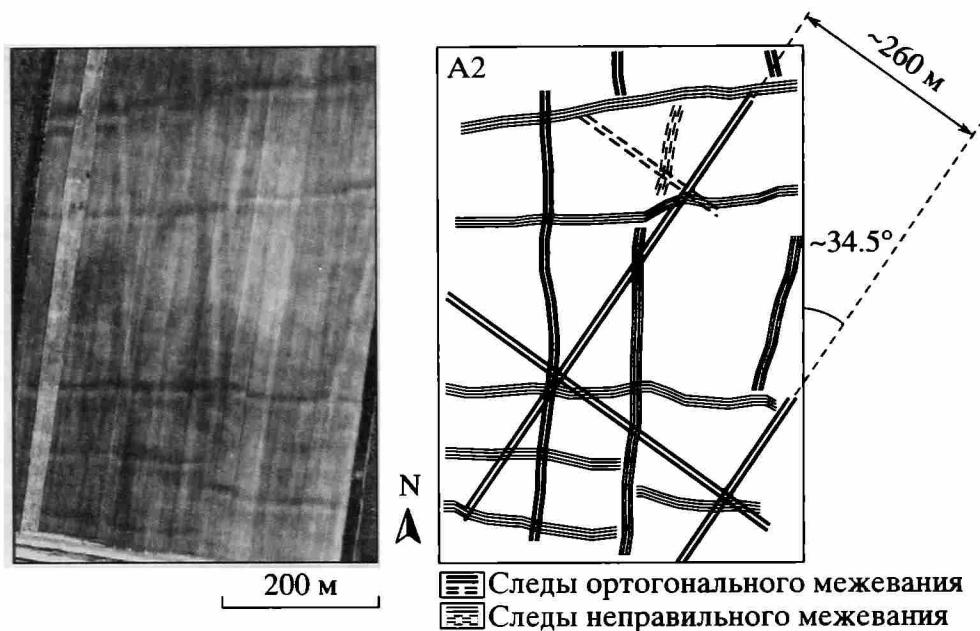

Рис. 3. Фрагмент аэрофотоснимка А2 (распаханное поле) и его прорисовка с обозначением следов древнего землеустройства.

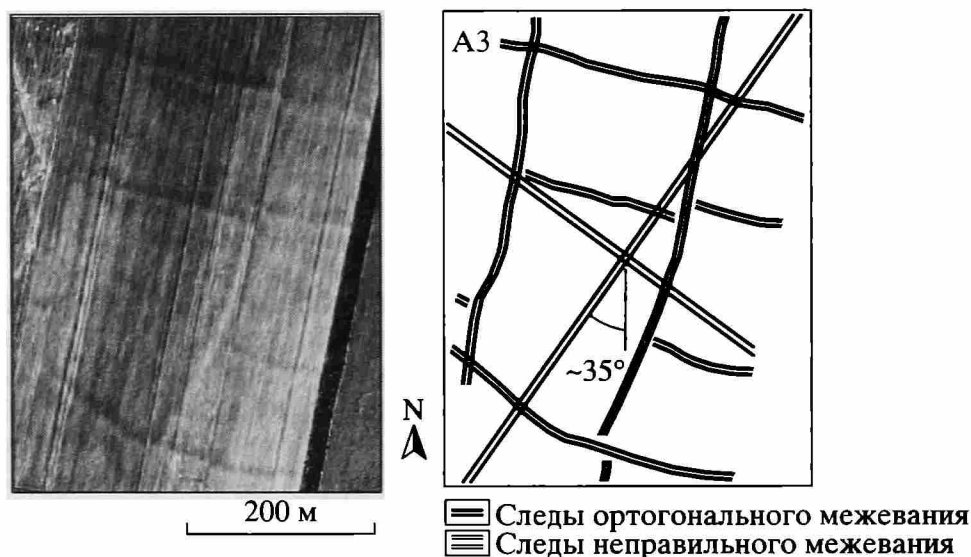

Рис. 4. Фрагмент аэрофотоснимка А3 (распаханное поле) и его прорисовка с обозначением следов древнего землеустройства.

часть полуострова с большими межевыми единицами), предположение о последовательности их возникновения. Самая архаичная – замкнутая прибрежная система S1, недалеко проникающая в глубину территории и тяготеющая, по-видимому, к идентифицируемому как Патрей античному поселению у пос. Гаркуша. Топологически эта локальная система землеустройства близка межеванию земельного участка близ мыса Ойрат в Крыму (Щеглов, 1977. С. 210–215. Рис. 1) – здесь сходны прибрежное расположение рядом с аграрным центром и ориентация основных границ перпендикулярно берегу. Другая параллель с межеванием в округе Херсонеса – ширина межевых границ системы S1 оценивается по снимкам в 6–8 м.

Системы S2–S3 с относительно небольшими ортогональными элементами могли быть со-

зданы в более поздний период, при освоении внутренних территорий. Наиболее поздними, как можно предположить, являются следы масштабного межевания S4, близкие по ориентации системе S1 – пересечение (угол пересечения около 3.5°)⁴ этих двух систем проиллюстрировано сильно увеличенным фотофрагментом В2 на рис. 10.

Отметим, что слой регулярного ортогонального землеустройства Фонталовского полуострова не ограничивается рассмотренными выше межевыми системами: остатки ортогонального межевания обнаруживаются в различных районах

⁴ При небольшом угле пересечения не исключено, что некоторая часть плохо выраженных фотопризнаков, отнесенных к подсистеме S1, представляет собой следы системы S4, доходившей, скорее всего, до берега Таманского залива.

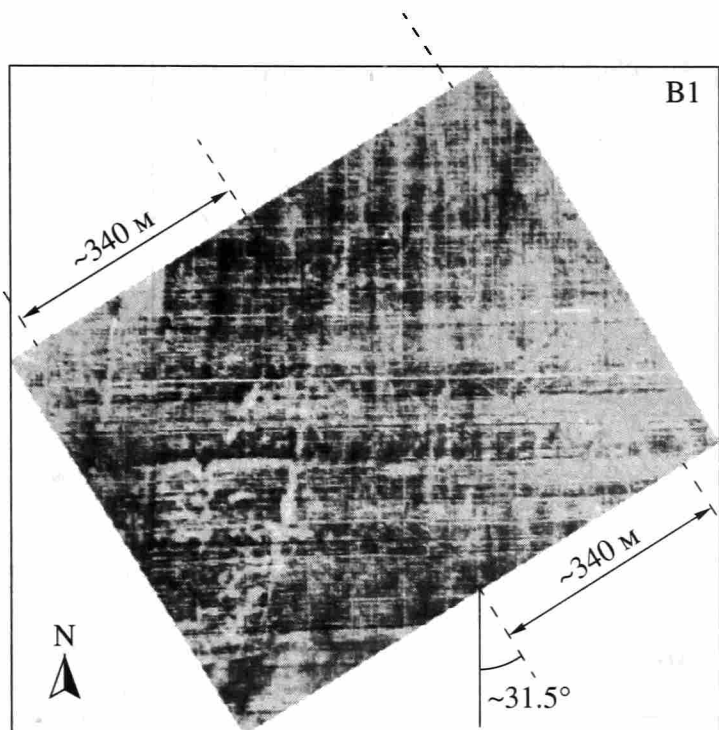

Рис. 5. Фрагмент аэрофотоснимка В1 (заросшее поле со стерней(?), негативное изображение) с выделением регулярных линейных признаков древнего землеустройства.

полуострова, например, ряд регулярно повторяющихся параллельных линейных признаков фиксируется в районе пос. Кучугуры (Паромов, 2000. Рис. 2).

Класс систем древнего землеустройства Фонталовского полуострова с иррегулярным, неправильным типом пространственной организации представлен в виде характерных фотопризнаков на рис. 3 и 4, а в виде обширных реконструкций в работах: Паромов, 2000. Рис. 2; Горлов, Лопанов, 1995. Рис. 1. Он наиболее сложен для пространственного анализа и складывается, скорее всего, из разных по происхождению составляющих. Одной из составляющих могли быть разрозненные фрагменты ортогональных систем землеустройства⁵. Другая составляющая – собственно неправильные системы землеустройства, несводимые к ортогональным, и, как кажется, существенно отличающиеся от последних не только геометрией, но и способом создания. Ортогональное землеустройство с точной регулярной планировкой требовало проведения большого объема согласованных геодезических работ и было, по-видимому, результатом единовременного акта межевания по предварительному плану. Иррегулярное межевание не производит впечатления единовременности и предварительного планирования – здесь скорее обнаруживают-

⁵ Нельзя исключать известный в римском межевании вариант – форма индивидуальных участков при ортогональных межевых единицах могла иметь вид треугольников, многоугольников, сегментов (Гвоздева, 1979. С. 87).

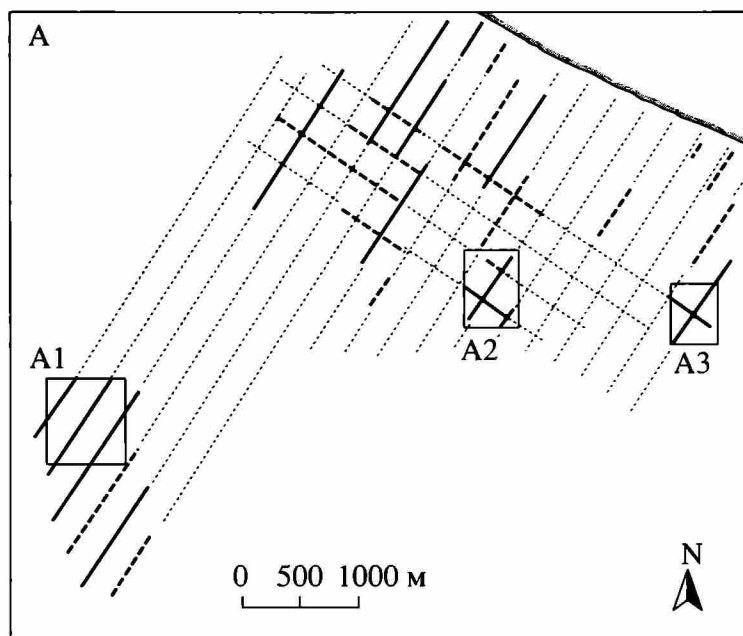

Рис. 6. Реконструкция системы ортогонального землеустройства на участке А.

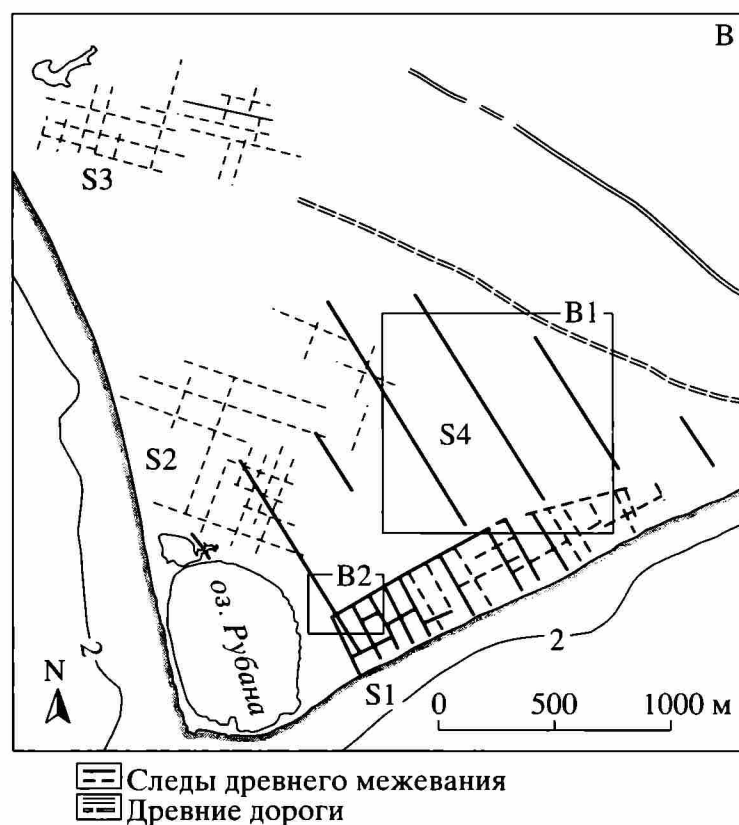

Рис. 7. Следы ортогональных систем землеустройства S1-S4 на участке В.

ся признаки спонтанного постепенного развития⁶. Косвенно об этом говорит наличие фрагментов

⁶ Примеры спонтанного развития межевой системы известны, например, в римском землевладении в виде полей особого рода, предоставленных захвату каждого желающего в размерах, определяемых потребностями оккупантов (Грацианский, 1940. С. 60, 66).

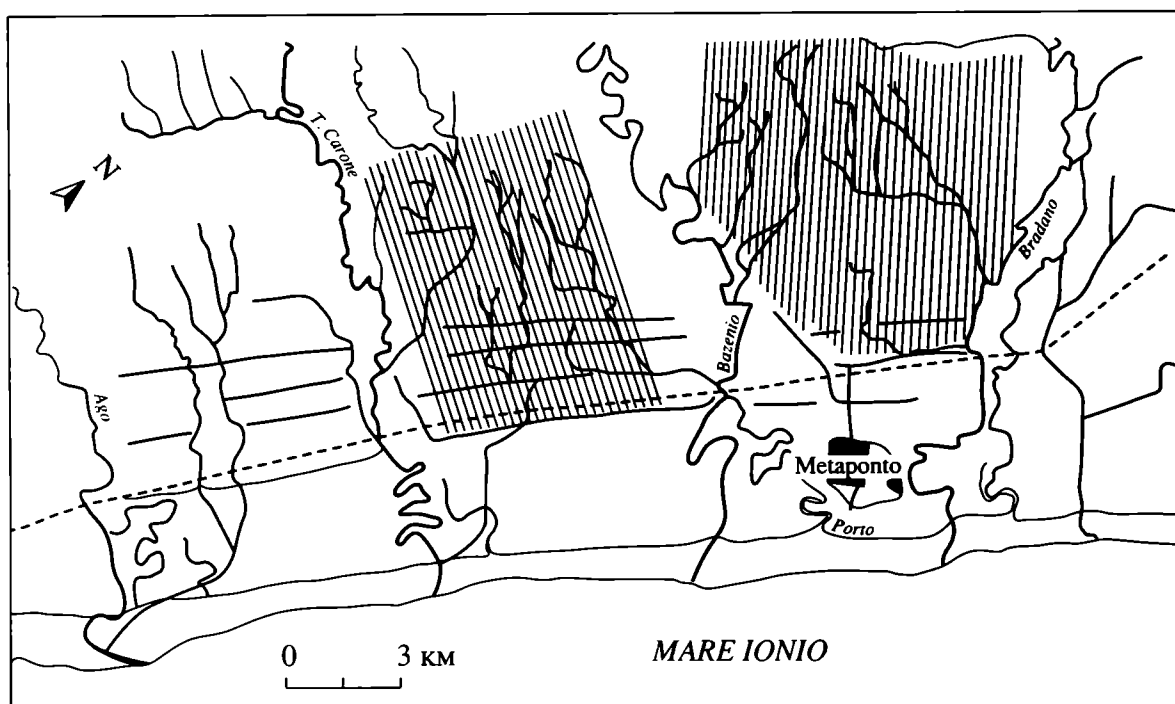

Рис. 8. Системы античного землеустройства в округе Метапонта, Южная Италия, по (Wasowicz, 1999. Fig. 3).

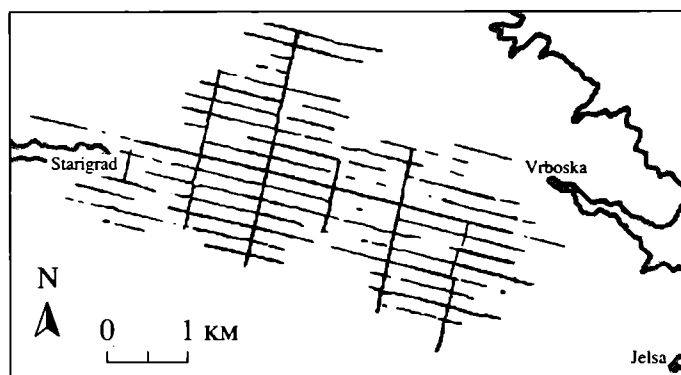

Рис. 9. Система античного ортогонального землеустройства на острове Хвар, Хорватия, по (Mlinar, Slařak, 2000. Fig. 2).

межевых систем, топологически подчиненных дорожной сети радиального типа и предполагающих естественный рост от поселенческих центров к периферии. К сожалению, детальное исследование структуры неправильного землеустройства Фонталовского полуострова, сильно отличающегося по топологии от классического античного ортогонального межевания, затруднено отсутствием хорошо обоснованных критериев анализа.

Противопоставление ортогонального и неправильного землеустройства выступает как важная часть гипотезы о разных способах, ортогональном и иррегулярном, организации пространства в двух потоках греческой колонизации – дорийско-ахейском и ионийском (Wasowicz, 1999. P. 245–258). Это предположение непосредственно затрагивает древнее межевание Таманского полуострова, ис-

пользуя его в качестве одного из доказательств иррегулярного типа организации пространства во всей ионийской колонизации. Приведенные выше примеры ортогональных систем землеустройства Фонталовского полуострова требуют дополнительного обоснования указанной гипотезы, по крайней мере – определения относительной хронологии межевых слоев разного типа и соотнесения их с поселенческими центрами. Ведь и в другом регионе ионийской колонизации: в сельской округе Ольвии, Нижнем Побужье и шире – в Северо-Западном Причерноморье в целом, можно, исходя из опубликованных данных, предположить наличие развитого ортогонального способа межевания.

Ярко выраженная ортогональная система землеустройства площадью 180 га описана, например, у поселения Кошары, Тилигульский лиман (Брюяко и др., 1991. С. 42, 43. Рис. 4). Еще более интересен перекликающийся со случаем древнего землеустройства Таманского полуострова пример древнего межевания сельской округи Ольвии (рис. 11; по: Лисецкий, 1994. Рис. 1). В юго-западной части рис. 11 хорошо видно пересечение двух разных слоев – ортогонального и иррегулярного. В работе, из которой взят рис. 11, ортогональный слой с квадратными элементами размером 340 м × 340 м отнесен к русскому землеустройству XIX в. (Лисецкий, 1994. С. 242). Подобная интерпретация практически невероятна. В русском межевании вплоть до 1911 г. роль основных межевых знаков играли межевые ямы, обозначающие повороты межевых линий и линейные границы – ямы в этом случае выкапывались на меже через каждые

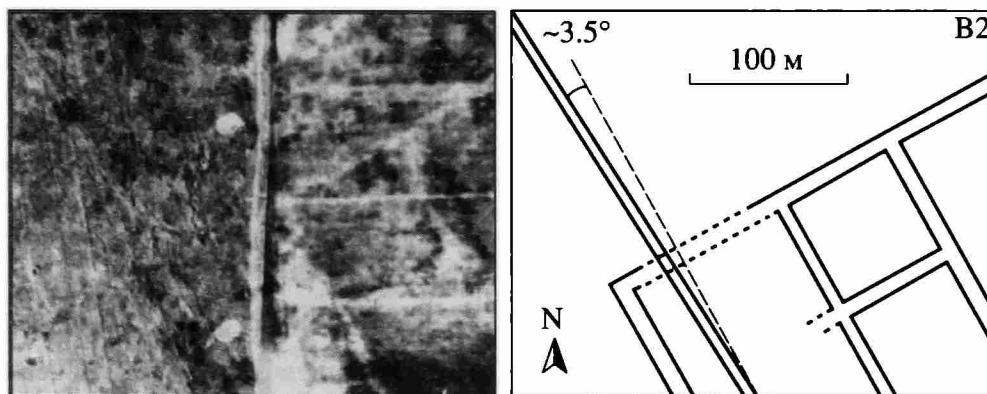

Рис. 10. Фрагмент аэрофотоснимка В2. Пересечение следов межевания систем ортогонального землеустройства S1 и S4.

250 сажень (Межевой сборник..., 1879. Раздел 4-й. Ст. 443–470). Собственно межник (межевая линия) имел ширину в 1 сажень (2.13 м) (кроме границ уездов и городских земель) и ничем не обозначался – его просто нельзя было запахивать. Крестьянские наделы в общине формально вообще не межевались, хозяйственная межа между участками составляла 1 аршин – 0.71 м. В 1911 г. форма межевых знаков была упрощена, ямы были заменены на столбики, межники стали обозначаться бороздой (Кавелин, 1914). В любом случае русские межевые знаки после нескольких десятилетий механизированной обработки почвы в советское время не могли оставить после себя тех следов землеустройства, которые наблюдаются в окрестностях Ольвии (рис. 11) и на Фонталовском полуострове (рис. 2–7). Для Фонталовского полуострова подтверждение этому можно найти на межевых планах, соответствующих межеванию 1870–1880-х годов⁷ – на них подробно указано местоположение межевых ям и прочерчены границы казачьих юртов и частных земель, однако никакой непосредственной взаимосвязи между наблюдаемыми на аэрофотоснимках следами землеустройства и этими границами нет.

Чтобы подчеркнуть сложность проблемы классификации регионов по признаку пространственной организации территории, отметим, что в регионе с эталонными ортогональными античными

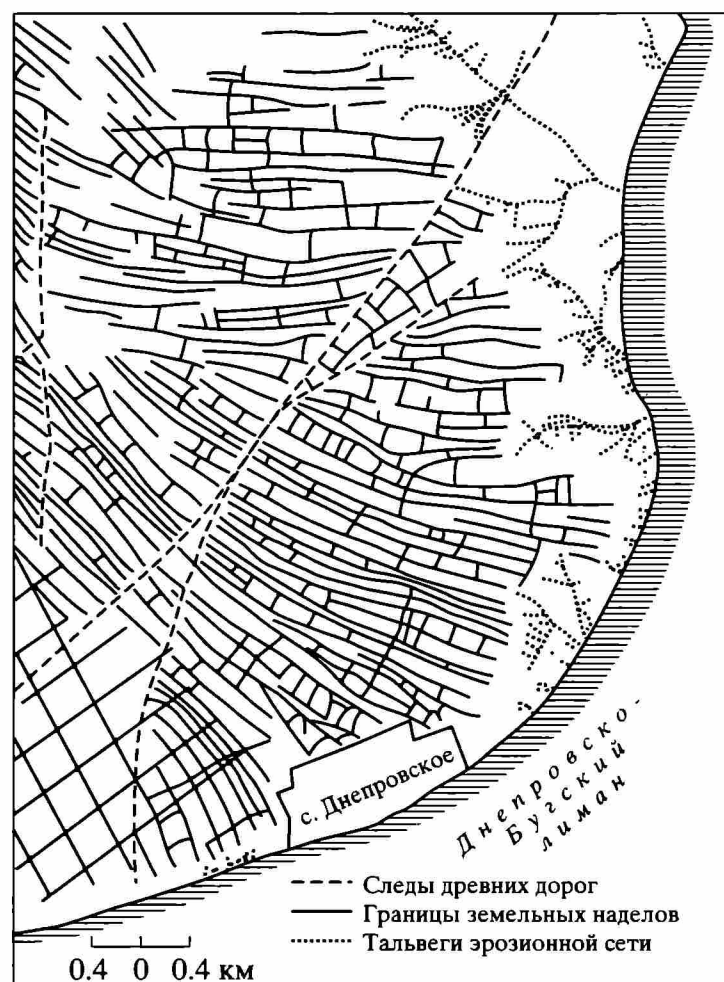

Рис. 11. Следы древнего межевания в округе Ольвии (Лисецкий, 1994. Рис. 1).

⁷ Межевой план юрта станицы Ахтаназовской с поселками Фонтановским и Голубицким (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 209. Д. А–19К) – северо-восточная и восточная часть Фонталовского полуострова; межевой план участка земли дополнительного надела станицы Динской (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 209. Д. Д–18К) – центральная часть Фонталовского полуострова, северное побережье Динского залива, часть северного побережья Таманского залива; межевой план участка генерал-майора И.Ф. Корсуна (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 209. Д. К–47К) – южное побережье Динского залива, гора Горелая. Оставшиеся от этих крупнейших землепользователей земли Фонталовского полуострова, в основном вдоль побережий, были разделены на несколько десятков относительно небольших участков, таких, например, как участок есаула Ф.Н. Орла (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 209. Д. О–7К) на месте пос. Гаркуша.

ми системами землеустройства – сельской округе Херсонеса, обнаруживаются примеры (окрестности Керкинитиды) обширного межевания, внешне схожего с неправильным межеванием Таманского полуострова (Kolesnikov, Jasenko, 1999. Fig. 2, 16; Античные государства..., 1984. Табл. XXII (1)). Здесь же, по-видимому, есть свидетельства пересечения слоя ортогональной системы землеустройства с межеванием неправильного типа. На рис. 12, 1 изображен фото-

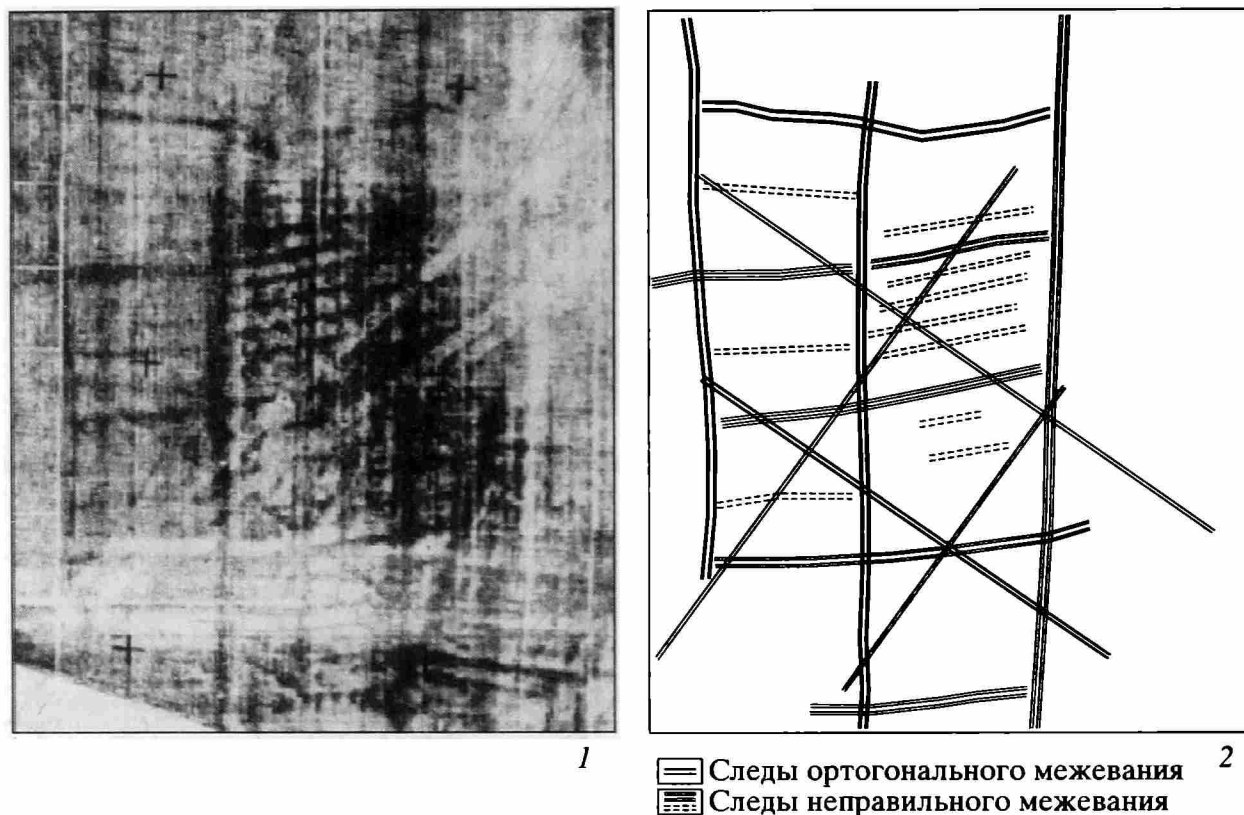

Рис. 12. 1 – фрагмент аэрофотоснимка территории вблизи Керкинитиды (по: Kolesnikov, Jacenko, 1999. Fig. 17); 2 – возможная интерпретация аэрофотоснимка с выделением следов древнего межевания.

фрагмент из работы (Kolesnikov, Jacenko, 1999. Fig. 17), возможная реконструкция следов древнего межевания для этого фотофрагмента (рис. 12, 2) обнаруживает значительное топологическое сходство с приведенными выше образцами пересечения межевых систем разного типа для Фонталовского полуострова (рис. 3, 4).

Наиболее продуктивным сравнительный анализ регионального землеустройства будет после интерпретации местных межевых структур. Возвращаясь к случаю древнего межевания Таманского полуострова, логично было бы, например, искать связи между структурой землеустройства и формами земельных отношений – известно, что для Боспорского государства было характерно наличие разных типов и категорий землевладения (полицные сельские территории, царское землевладение, общинно-варварские территории, храмовое землевладение, наделы военных поселенцев и т.п.) (Масленников, 2001. С. 178, 179). Исходя только из имеющихся фрагментарных данных о топологии систем землеустройства, такую работу выполнить невозможно, поэтому структурные элементы древнего землеустройства Таманского полуострова должны рассматриваться неразрывно от важнейших составляющих древней сельской территории – поселений и дорожной сети. Топологическое соотношение дорог и межей указывает на последовательность возникновения дорог и

межевания⁸, соотношение между дорогами, межевыми признаками и поселениями может позволить локализовать межевые центры. К сожалению, сколько-нибудь полного совместного топологического анализа древней дорожной сети и следов межевания для Таманского полуострова пока еще нет⁹.

Наиболее изученной для Таманского полуострова является поселенческая структура (Паромов, 1986. С. 69–76; 1989. С. 72–78; 1992. С. 140–145. Рис. 3. Табл.; 1993. С. 25–34; Абрамов, Паромов, 1993. С. 44–89), однако ее конкретная связь с землеустройством также почти не рассмотрена. Еще одна возможность интерпретации землеустройства – изучение топологического соотношения между межевыми структурами и курганами.

Значительное влияние на интерпретацию древнего землеустройства и других составляющих древней сельской территории, окажет, по-видимо-

⁸ Хронологическим признаком служит, например, топологическая зависимость межевой организации Гераклеяского полуострова от ранее существовавшей дороги, соединявшей Херсонес и Маячный полуостров (Античные государства..., 1984. С. 53).

⁹ Ряд наблюдений над взаимоотношением межевой и дорожной сети приведен в работе Горлова, Лопанова (1995. С. 131–133). В специально посвященной древней дорожной сети Таманского полуострова работе Паромова (1998) проблема ее соотношения с древним землеустройством почти не затронута.

му, изучение ландшафтных особенностей Таманского полуострова: рельефа местности и связанных с ним параметров – крутизны, ориентации склонов, водного стока¹⁰, а также учет почвенных характеристик¹¹. И, безусловно, анализ древнего землеустройства Таманского полуострова должен опираться на данные полевых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. № 2. М., 1993.
- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Бобир Н.Я., Лопанов А.Н., Федорук Г.Д.* Фотограмметрия. М., 1974.
- Бруйко И.В., Назаров Н.П., Петренко В.Г.* Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991.
- Гвоздева И.А.* Технические аспекты землеустройства в Древнем Риме по трактатам землемеров // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1979. № 4.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3.
- Грацианский Н.П.* Система полей у римлян по трактатам землемеров // ВДИ. 1940. № 1.
- Живило К.Т.* Экскурсия на Таманский остров (июль 1908 г.). Анапа, 1909.
- Кавелин С.П.* Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М., 1914.
- Лисецкий Ф.Н.* Система античного землеустройства в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994.
- Масленников А.А.* “Царская” хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. (К вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. № 1.
- Межевой сборник Н.А. Дементьева. Законы межевые. СПб., 1879.
- Мурашев С.А., Гебгарт Я.И., Кислицын А.С.* Аэрофотогеодезия. М., 1968.
- Николаенко Г.М.* Межевание полей Херсонесской хоры // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.
- Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196.
- Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. № 1. М., 1992.
- Паромов Я.М.* Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) // КСИА. 1993. Вып. 210.
- Паромов Я.М.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
- Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998.
- Паромов Я.М.* О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. № 7. СПб., 2000.
- Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987.
- Щеглов А.Н.* Исследование сельской округи Калос Лимена // СА. 1967. № 3.
- Щеглов А.Н.* Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира. М., 1977.
- Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. (по данным эпиграфических источников). М., 1982.
- Clavel-Leveque M.* Le territoire d'Agde Grecque: histoire et structures // Territoires des Cités Grecques. BCH. 1999. Suppl. 34.
- Dilke O.A.W.* Greek and Roman Maps. New York, 1985.
- Kolesnikov A.B., Jacenko I.V.* Le territoire agricole de Chersonesos Taurique dans la region de Kerkinitis // Territoires des Cités Grecques. BCH. 1999. Suppl. 34.
- Mlinar J., Slapšak B.* Error detection and analysis in the study of the practice of land surveying (The case of the chora of Pharos, island of Hvar, Croatia) // Web-journal “Evolutions, International Studies of Landscape Dynamics”. 2000. V. 1. (with <http://evoluzioni.com>).
- Plana-Mallart R.* Cadastre et chôra ampuritaine // Territoires des Cités Grecques. BCH. 1999. Suppl. 34.
- Romano D.G.* GIS based analysis of ancient land division in the Corinthia, Greece // The use of Geographic Information Systems in the study of ancient landscapes and features related to ancient land use. COST ACTION G2 – Paysages antiques et structures rurales. 1998.
- Romano D.G.* A tale of two cities: Roman colonies at Corinth // Romanization and the city creation, transformations and failures. Journal of Roman Archaeology Suppl. 2000.
- Wasowicz A.* Modeles d'aménagement des colonies grecques: ville et territoire // Territoires des Cités Grecques. BCH. 1999. Suppl. 34.

¹⁰Пример анализа взаимосвязи ориентации межевой сети и экспозиции склонов, величины уклонов и размещения межевания см. (Горлов, Лопанов, 1995. С. 122–124). Соотношение между древним межеванием и рельефом местности рассмотрено для округи Ольвии см. (Лисецкий, 1994. С. 239, 240).

¹¹Площадь и структура наделов греческих колонистов, а следовательно, и устройство межевых систем в сельской округе колоний непосредственно зависели от качества земли. Так, по декрету исейцев (г. Исса на острове Вис, Хорватия), относящемуся к III в. до н.э., первые переселенцы в выводимую отсюда колонию получали “основной надел в 3 плетра из наилучшей земли, а из прочей те (же) доли”, присоединяющиеся впоследствии переселенцы получали наделы в 4,5 плетра из “неразделенной земли” (Яйленко, 1982. С. 109), т.е. землеустройство колонии должно было проводиться с учетом трех качественных категорий земли – наилучшей, прочей и неразделенной, причем индивидуальные наделы заранее планировались как состоящие из разных, возможно, пространственно разнесенных, частей. Качество же земли Таманского полуострова много значило, например, при распределении участков среди казаков, земля делилась на категории и причитающийся казаку пай делился на соответствующее число долей, площадь доли определялась категорией земли: в стан. Ахтанизовской земля была четырех категорий, в Тамани – трех (Живило, 1909. С. 18, 19).

Ancient organisation of the use of land in the Taman Peninsula

G. P. Garbuzov

S u m m a r y

In the paper the author suggests the multilayer model for the spatial analysis of the traces of the ancient organisation of the use of land applied in the Taman Peninsula. The model's separate layers were formed by the systems of land use with unique geometrical characteristics, singled out according to the data of the archive of aerial photography. The multilayer character of the organisation of the use of land implies the existence of superimposed land-survey systems of different age. In the north-western part of the Taman Peninsula (the Fontalovsky Peninsula) two classes of the systems of the use of land with different patterns of spatial structures were revealed. The first class includes the plots of irregular land-surveys, and the second one – those of regular orthogonal type. The latter was registered in the discussed territory for the first time. In the area in question the phenomena of superimposed systems of the use of land were also accounted for. The systems of orthogonal land-survey have their analogies of the classical epoch from different regions of the Mediterranean and the North Pontic zone. The irregular class of the organisation of the use of land is strongly complicated, as far as its spatial analysis is concerned, its interpretation is not reliable so far. Both classes of the organisation of the use of land are present in Olbian and Chersonesus vicinities. In the Taman Peninsula, in order to provide a reliable interpretation of the organisation of the use of land regular application of topologic analysis of all the integral parts of ancient agricultural grounds is suggested. The latter should include settlements, systems of the use of land, and road network, the data on the local relief and other landscape features being taken into account. Field investigations should be of importance while studies of the structure of ancient organisation of the use of land.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДНЕПРО-ДОНЕЦКОМ ВОДОРАЗДЕЛЕ

© 2003 г. М. В. Любичев

Харьковский национальный университет

В свете современных исследований определены время появления черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе и прилегающих территориях увязывается с вопросом о перемещении группы населения с запада на Днепровское Левобережье в III в. н.э., возникшим в связи с изучением памятников черняховской и киевской культур региона, установлением их хронологии в 1980–1990 годы. Исследователи, в ходе определения нижнего хронологического рубежа черняховской культуры региона и построения хронологии киевских памятников днепро-донецкого водораздела, обратили внимание на группу вещей, середины III – начала IV в. в качестве ранних хронологических индикаторов. Возникла проблема, связанная с сущностью явления, стоящего за появлением этой группы вещей: амфор танаисского типа, фибул с высоким приемником группы VII O. Альмгрена, лепных конических мисок на выделенных поддонах, горшков яйцевидной формы с загнутым внутрь краем, конических прясел с вогнутой вершиной и, наконец, гончарной керамики черняховского типа. А.Н. Некрасова связывала с этим первый этап распространения “черняховских древностей”, проникновение “элементов черняховской культуры” в среду местных киевских племен (Некрасова, 1990а,б). А.М. Обломский пишет о передвижении “носителей черняховской культуры” (Обломский, 1990. С. 63) или же о появлении в регионе нового населения, оставившего “памятники черняховского типа” (Обломский, 1991. С. 86), присутствии “группы населения черняховской культуры” на днепро-донецком водоразделе в середине III – начале IV в. (Обломский, 1997. С. 68). Специалисты, занимающиеся историей населения леса–лесостепи междуречья Днепра–Дона в римское время, говорят о воздействии на киевские племена черняховской культуры (Обломский, 1997. С. 67), их контактах и поступлении к киевскому населению черняховского импорта (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 83, 84; Терпиловский, 1994а. С. 19, 20).

А.Н. Некрасова первая нашла аналоги новым вещам в днепро-донецкой лесостепи середины III – начала IV в. в раннечерняховских памятниках Поднестровья типа Куропатники–Демьянов (Некрасо-

ва, 1990а). Исследовательница отметила, что на памятниках этого времени днепро-донецкого водораздела типа Родного Края 3–Боромли 2–Букреевки 2 отсутствует вельбарская керамика, а лепная посуда похожа на киевскую с памятников Днепровского Левобережья или на волыно-подольскую. Н.А. Некрасова пришла к выводу, что проникновение славянского населения из Поднестровья, которое было родственным племенам киевской культуры, принесло в среду последних “некоторые традиции провинциально-римской черняховской культуры” (Некрасова, 1990б). А.М. Обломский относит материалы памятников типа Букреевка 2 – Каменево 2 к киевской культуре, но отмечает специфичность набора лепной посуды, имеющего аналогии в древностях верховьев Днестра и Западного Буга, и наличие конических прясел с вдавленной основой (Кропоткин, Обломский, 1991. С. 88).

Обратим внимание на различную терминологию исследователей в оценке событий III – начала IV в. в днепро-донецкой лесостепи: распространение “черняховских древностей”, проникновение “элементов черняховской культуры” или “носителей черняховской культуры”, “населения, оставившего памятники черняховского типа”, “населения черняховской культуры”, “черняховского импорта”. Пожалуй, авторы, применяющие данные термины, придерживаются двух основных точек зрения: черняховская культура в оформившемся виде очень рано, еще с середины III в., проникает вплоть до верховьев Псла, Ворсклы, Северского Донца или же в этот регион продвигаются отдельные элементы (вещи) черняховской культуры, под которыми скрывается переход населения, родственного местному позднезарубинецко-киевскому II–III вв. Р.В. Терпиловский вообще говорит о возможности продвижения на Левобережье как “раннечерняховских группировок”, так и части верхнеднепровского населения”, родственного местным киевским племенам (Терпиловский, 1994б. С. 76).

Необходимо уточнить место ранних памятников типа Букреевка 2 – Каменево 2 по отношению к предшествующим на днепро-донецком во-

доразделе и по отношению к синхронным или более ранним III – начала IV в. в верхнем течении Днестра и Западного Буга типа Демьянов – Черепин. Прообразом памятников раннего этапа поздней фазы киевской культуры типа Букреевка 2 – Каменево 2 считаются объекты ранней фазы киевской культуры типа Шишино 5 – Шмырево конца II – первой половины III в. (Обломский, 1990. С. 62, 63; 1991. С. 86). Но их известно пока очень мало: это поселения Шишино 5, Шмырево, отдельные комплексы селищ Приоскольское 2, Шоссейное, могильники Кулига, Шмырево, Шишино 5, Приоскольское 2 (Обломский, 1991. С. 47), которые сосредоточены в верховьях Псла и Северского Донца (рис. 1). Им предшествуют позднезарубинецкие памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2 середины I – конца II в. Последние распространены гораздо шире: они охватывают верхнее течение Псла, Ворсклы, Сейма, опускаются по течению Северского Донца вплоть до впадения Мжи, расположены восточнее Донца и островами находятся в степи по Орели и Северскому Донцу (рис. 1). Пока нет никаких свидетельств в пользу того, что на всей указанной территории позднезарубинецкие памятники этого типа эволюционируют в раннекиевские типа Шишино – Шмырево. Поэтому целесообразно проводить сравнение керамического комплекса, домостроительства ранних памятников типа Букреевка – Каменево как с раннекиевскими, так и с позднезарубинецкими на этой территории.

Для выделения ведущих форм позднезарубинецкой керамики мы использовали материалы восьми поселений: Головино I (позднезарубинецкий горизонт), Терновка 2, Картамышево 2, Гочево I, Шоссейное (Обломский, 1991. Рис. 10, 11); Осиповка (Телегин, Беляева, 1975. Рис. 2); Раковка (Любичев, 1993. Рис. 2, 3); Колесники (Любичев, 1997. Рис. 15, 17–20). Для выделения ведущих форм раннекиевских памятников использованы материалы поселений Шишино 5, Приоскольское 2, Шмырево (Обломский, 1991. Рис. 14). В керамическом комплексе позднезарубинецких памятников имеются остросереберные горшки с различным профилем изгиба верхней части (рис. 2, I, 1), сосуды раскрытого профиля (рис. 2, I, 2, 3), округлобокие горшки с наибольшим расширением тулова в верхней и средней части высоты (рис. 2, I, 5, 6). Известны также горшки баночного профиля с расширяющейся верхней частью со слабовыраженным венчиком (рис. 2, I, 4, 7), лощенные миски с плавным изгибом верхней части (рис. 2, I, 9), остросереберные миски (рис. 2, I, 10), миски эсовидного профиля (рис. 2, I, 11). Раннекиевский комплекс наследует остросереберные горшки (рис. 2, II, 1), раскрытые и баночные формы сосудов (рис. 2, II, 2, 4). Имеются здесь и округлобокие горшки с максимальным расширением в верхней части и на середине высоты, горшки с сужающейся верхней

частью (рис. 2, II, 3, 5, 6, 7). На памятниках типа Шишино – Шмырево резко падает процент лощенной посуды.

На селищах раннего этапа поздней фазы киевской культуры типа Букреевка 2 – Каменево 2 середины III – начала IV в. основу керамического комплекса составляют округлобокие горшки с максимальным расширением на середине высоты (рис. 3, II, 1) или в верхней части тулова (рис. 3, II, 2, 4), прямым или слегка отогнутым венчиком. Имеются горшки баночного профиля со слегка отогнутым венчиком (рис. 3, II, 3) и раскрытого профиля (рис. 3, II, 3). В комплексе присутствуют также остросереберные горшки, но они составляют меньшинство (Обломский, 1991. Рис. 26, 10, 11). Как наследие от позднезарубинецкого времени изредка встречаются остросереберные миски (рис. 3, II, 6), сосуды раскрытого профиля с невыделенным венчиком (рис. 3, II, 7). Инновацией выглядит появление конических мисок на полной или сплошной плоской подставке (рис. 3, II, 8). Для выделения основных форм керамического комплекса этих памятников использованы материалы шести поселений¹. На поднепровских памятниках ранней, средней фаз типа Демьянов–Черепин господствуют округлобокие горшки с различным профилем верхней части (рис. 3, I, 1, 2, 4), присутствуют баночные горшки со слегка отогнутым венчиком (рис. 3, I, 3), имеются миски эсовидного профиля (рис. 3, I, 5), конические миски с полной ножкой (рис. 3, I, 6) и плоским дном (рис. 3, I, 7). Эти основные формы керамики данных памятников выведены на основании материалов четырех поселений: Демьянов 2 (Баран, 1971. Рис. 3, 4), Черепин (Баран, 1981. Табл. 38–40, 42, 44), Бовшев 2 (Баран, 1981. Табл. 56, 4, 5; 57, 10–13; 55, 15–17), Рипнев 2 (Баран, 1964. Рис. 3, 6, 7, 19, 22).

Керамика раннего этапа памятников типа Букреевка 2 – Каменево 2 лежит ближе к керамике поднепровских памятников, чем к керамике раннекиевских и позднезарубинецких памятников региона. Их сближает преобладание округлобоких форм сосудов, наличие конических мисок на полной и плоской ножках. Конические миски подобного типа переносят жители поднепровских поселений на днепро-донецкий водораздел. В керамических комплексах памятников типа Букреевка 2 – Каменево 2 и Черепин – Демьянов помимо лепной посуды также присутствует определенный процент гончарной керамики. Например, в жилище 3 Демьянова найдено 98 лепных и 102 гончарных фрагмента, в жилище 4 – соответственно 133 и 68 фрагмента (Баран, 1981. С. 137). Для жилища 3 Рипнева 2 определено 34% лепной посуды и 66% гончарной

¹ Букреевка 2 (Сымонович, 1990. Рис. 3–8); Родной Край 3 (Башкатов и др., 1997. Рис. 2, 3), Тазово (Сымонович, 1986. Рис. 5); Боромля 2 (Обломский, 1994. Рис. 7); Шишино I (Обломский, 1991. Рис. 41), Авдеево (Обломский, 1991. Рис. 69).

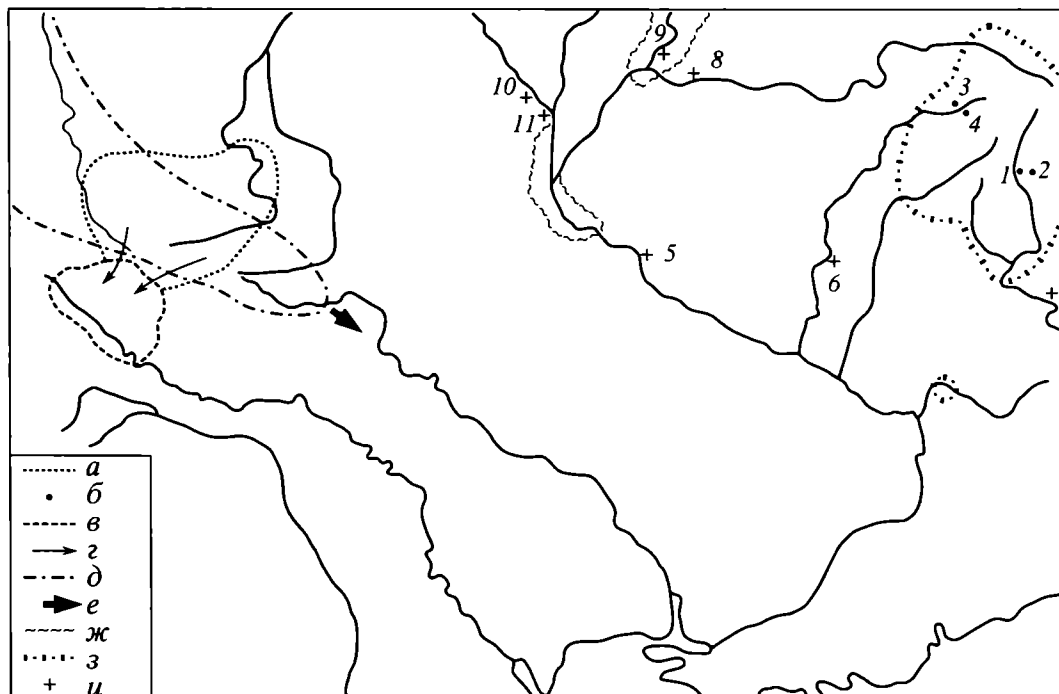

Рис. 1. Некоторые элементы этнокультурной ситуации в лесостепи Восточной Европы в I – середине III в. н.э. Условные обозначения: *а* – первоначальная территория зубрицкой культуры; *б* – памятники раннего этапа киевской культуры на днепро-днецком водоразделе: 1 – Шишино 5; 2 – Цепляево 2; 3 – Шмырево; 4 – Песчаное-Кулига; *в* – территория зубрицкой культуры на позднем этапе; *г* – передвижение зубрицких племен под давлением носителей вельбарской культуры; *д* – распространение вельбарской культуры; *и* – движение готто-гепидов; *ж* – позднезубрицкие памятники Среднего Поднепровья и Подесенья; *з* – позднезубрицкие памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2; *и* – позднезубрицкие памятники типа Гриней: 5 – Решетки; 6 – Вовки; 7 – Раковка; 8 – Мена 5; 9 – Змеевка; 10, 11 – Грини I, II.

(Баран, 1981. С. 141); в жилище 9 Бовшева 2 найдено 15 фрагментов лепной и 14 фрагментов гончарной керамики; в яме 49 – соответственно 37 и 63 фрагмента, в сооружении 17 – соответственно 45 и 44 фрагмента (Баран, 1981. С. 138, 139). Видно, что в разных комплексах селищ III – начала IV в. верхнего течения Днестра и Западного Буга очень высок процент гончарной керамики. На днепро-днецком водоразделе в середине III – начале IV в. он колеблется следующим образом: поселения Букреевка 2–3 – 42%, Тазово – 20%, Родной Край 3 – в среднем 11%, Шишино I – 4%, Цепляево 2 – 35% (Обломский, 1991. С. 91, 99, 100); Головино – 45–83% (Обломский, 1997. С. 69); Боромля 2 – 14.5–28% (Обломский, 1994. С. 48).

Между жилищами позднезубрицких памятников типа Картамышево 2 – Терновки 2 и раннекиевских типа Шишино 5 – Шмырево прослежена преемственность (Обломский, 1991. С. 41, 42, 51). Это прямоугольные или подквадратные в плане полуземлянки с размерами 3.5 × 4.5 м, 3.4–6 × 2.7–6 м. Столбовые ямы располагались в них по углам или у стен, по периметру котлована, либо же они вообще отсутствовали. Преобладали срубные постройки, в некоторых случаях имелся центральный столб. В качестве отопительных сооружений использовались открытые очаги в виде кострищ либо глинобитные очаги на субструкции из камней и фрагментов сосудов. Отопительные сооруже-

ния располагались в средней части постройки либо в одном из ее углов. Обмазка при сооружении стен жилищ не использовалась, внутренняя яма-погреб обнаружена только в одном случае.

Жилища на памятниках ранней фазы позднего этапа киевской культуры типа Букреевка 2 – Каме-нево 2 в основном продолжают эти традиции конструкции интерьера (Обломский, 1991. С. 100, 101). Они представляют собой также прямоугольные или подквадратные полуземлянки размерами 3.2–5.7 × 2.65–4.4 м. Столбовые ямы располагались по периметру стен, либо отдельно у стен, отдельные жилища вообще не имели столбов и являлись срубными. Некоторые сооружения оснащались центральным опорным столбом. Очаги в жилищах представляли собой кострища, глинобитные площадки на субструкции из керамики и камней. Появляются печи-камины (постройка 3, хозяйственные сооружения 2А, 5 Букреевки 2). В шести случаях в жилищах зафиксированы ямы-погреб. В трех случаях в верхней части жилища (Родной Край 3, жилище 2), вокруг постройки (Букреевка 2, постройка 3), над объектом (Цепляево 2, постройка 2) обнаружены куски обожженной глины, не составляющие плотных завалов. Здесь речь идет о следах ремонта, а не использовании глины для обмазки стен. В трех жилищах (Родной Край 3, жилища 1, 2; Тазово, постройка 4) обнаружено по два очага. Инновациями на этих памятниках по

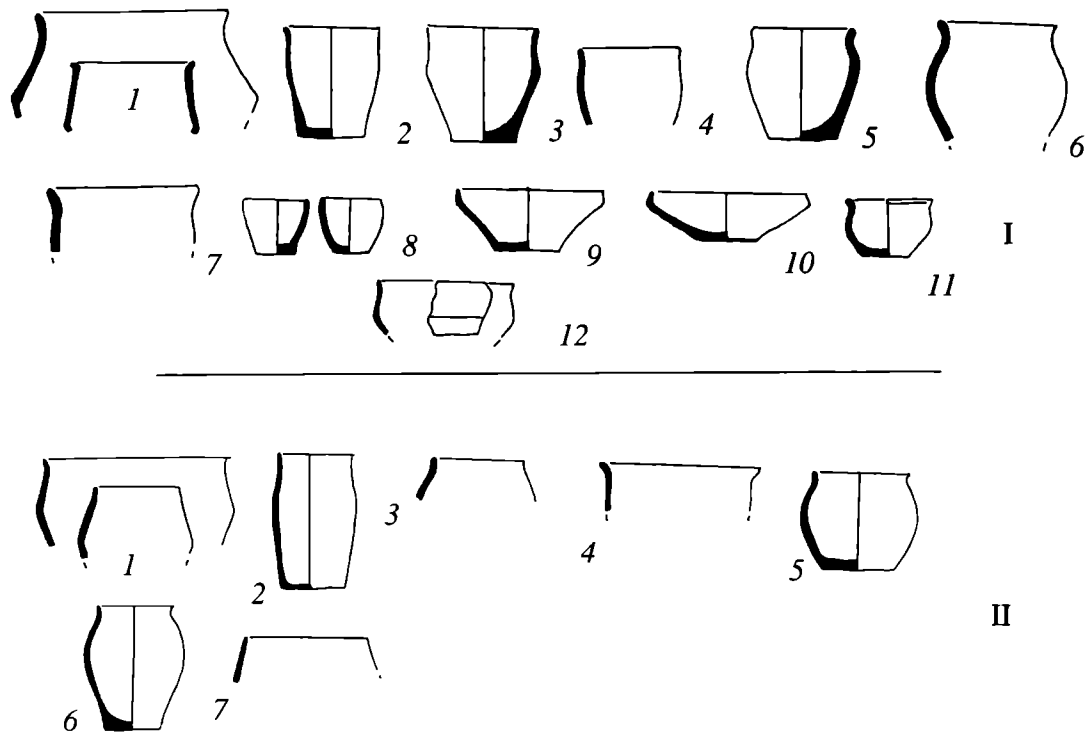

Рис. 2. Основные формы керамических комплексов. I – позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2: 1 – ребристые горшки; 2–4, 7 – горшки раскрытого профиля; 5 – округлобокие горшки с изгибом плеча в верхней части; 6 – округлобокие горшки с наибольшим расширением на середине высоты; 8 – миски раскрытого профиля; 9, 10 – остроресберные миски с прямым или загнутым вовнутрь венчиком; 11 – округлобокие миски; 12 – высокие ребристые миски S-видного профиля. II – раннекиевских типа Шишино 5 – Шмырево: 1 – ребристые горшки; 2 – горшок баночного профиля; 3, 5, 6 – округлобокие горшки; 4 – горшок раскрытого профиля; 7 – горшок с загнутым вовнутрь венчиком. I: 1 – Головино I, Раковка; 2 – Гочево I; 3, 5 – Осиповка; 4, 11 – Раковка; 6, 7 – Головино I; 8 – Головино I, Гочево I; 9, 10 – Терновка 2. II: 1–4, 6, 7 – Шишино 5; 5 – Шмырево.

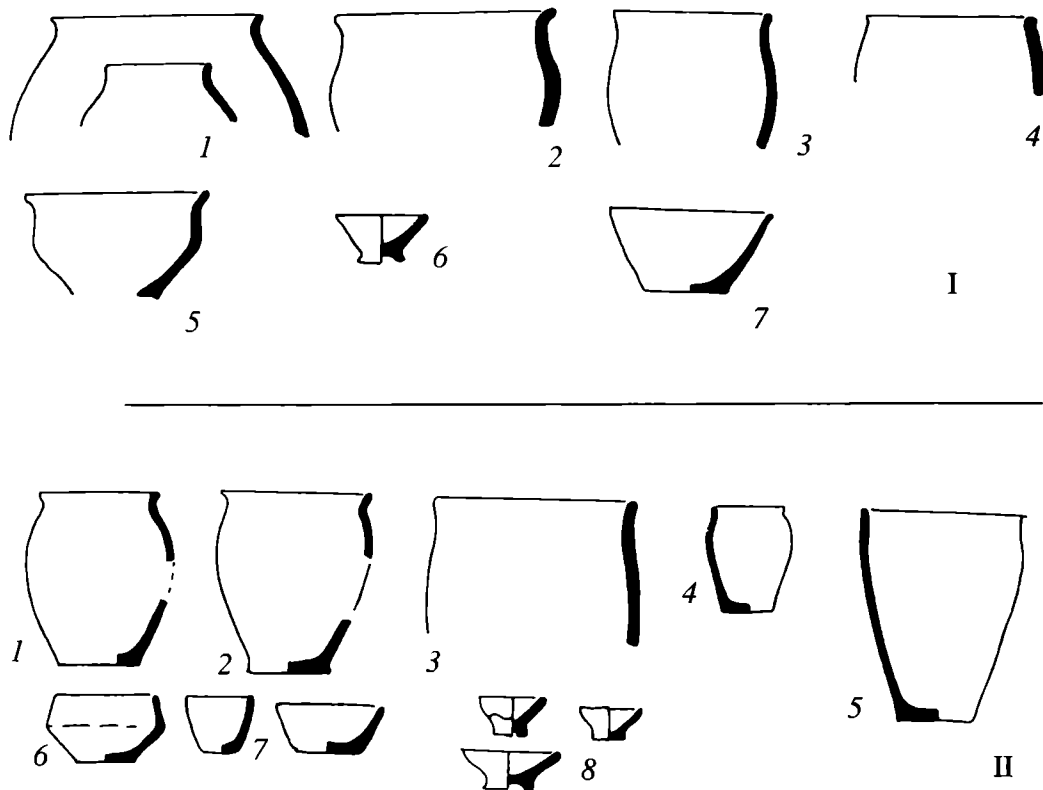

Рис. 3. Основные формы керамических комплексов. I – типа Черепин–Демьянов: 1, 2, 3, 4 – округлобокие горшки с различиями в изгибе плечиков и профилей венчиков; 5 – миски “эсовидного” профиля; 6 – конические миски на полом поддоне; 7 – конические миски на сплошном поддоне; II – ранних памятников типа Букреевка 2 – Каменево 2: 1, 2, 3, 4 – округлобокие горшки с различиями в изгибе плечиков и профиле венчиков; 5 – горшок раскрытого профиля; 6 – ребристая миска; 7 – конические миски на сплошном поддоне; 8 – конические миски на выделенных кольцевых или сплошных поддонах. I: 1–5 – Черепин; 6, 7 – Бовшев 2. II: 1, 3 – Тазово; 2, 6, 7 – Букреевка 2; 4, 5 – Авдеево; 8 – Букреевка 2, Боромля 2.

сравнению с двумя предыдущими группами могут считаться печи-камины, использование глины (пусть даже для ремонта конструкции), наличие двух очагов.

В целом близки к жилищам ранней фазы позднего этапа киевский культуры типа Букреевки 2 – Каменево 2 жилища раннего и среднего этапов памятников типа Черепин–Демьянов. К ним относятся жилища 4–6, 11, яма 2 Черепина; яма 43 Бовшева; жилище 22 Рипнева 2; жилище 9 Черепина; жилище 9, сооружение 17; очаг Бовшева; жилища 3, 7, 9; сооружение 1 Рипнева 2; жилища 3, 4 Демьянова (Баран, 1981. С. 147). Это подпрямоугольные удлиненные или с закругленными углами, овальные, округлые полуземлянки размерами 5.05 × 2.50; 3.52 × 5.5; 5.40 × 3.60 м. Исключением выглядит двухкамерная полуземляночная постройка 22 Рипнева 2 (Баран, 1964. С. 234). Преобладают срубные постройки, одна имела столбы по периметру стен, другие – отдельные столбы по углам. Не встречены центральные опорные столбы. Иногда ямы-погребя примыкали к жилищу (Черепин, жилище 5). В качестве отопительных сооружений использовались кострища и глинобитные очаги на субструкции, которые располагались по центру или в одном из углов сооружения (Баран, 1964. С. 223, 230; 1971. С. 105; 1981. С. 23–37). Глиняная обмазка при сооружении стен не использовалась, но как исключение выглядит жилище 22 Рипнева 2, в двух камерах которого слоем в 0.3–0.6 м встречены куски глиняной обмазки с отпечатками жердей (Баран, 1964. С. 234). Речь явно идет об использовании глиняной обмазки при сооружении стен. Одно из жилищ Бовшева 2 имело два очага (Баран, 1981. С. 29). Особенностью жилищ раннего и среднего этапов памятников типа Черепина – Демьянова по отношению к приведенным выше видится наличие овальных и округлых в плане сооружений, использование в отдельных случаях глины для сооружения стен. Жилища обеих групп сближает появление печей-каминов, которые известны еще на зубрицком селище Пасеки-Зубрецкие и в Демьянове 2 (Башкатов, 1995), а также наличие двух очагов в жилище. Использование в некоторых случаях глины, хотя бы для ремонта стен, в жилищах на днепро-днецком водоразделе также можно объяснить отдаленным взаимодействием приема сооружения стен на каркасе при помощи глины. Мы склонны рассматривать появление на днепро-днецком водоразделе в середине III – начале IV в. печей-каминов, двух очагов в жилищах, использование глины даже для ремонта стен как следствие миграции из верховьев Днестра – Западного Буга праславянского населения.

Ситуация, связанная с появлением на днепро-днецком водоразделе праславян Верхнего Поднестровья, с которыми отождествляются памятники типа Черепин (Баран, 1998. С. 181, 182; Ма-

гомедов, 2001. С. 124, 125), представляется нам следующим образом. На поздней фазе своего развития в конце II – начале III в. население зубрицкой культуры в Поднестровье начинает испытывать влияние провинциально-римской культуры (Козак, 1992. С. 67), вероятно, вследствие появления на Волыни вельбарских племен. Вельбарцы проникают туда в последней четверти II в., о чем свидетельствуют материалы поселений Лепесовка, Боратин, могильников Баев 2, Любомль (Козак, 1992. С. 98–101). Венеды как носители памятников зубрицкой группы под давлением гото-гепидов – носителей вельбарской культуры (Баран, 1998. С. 172, 181) оставляют Волынь и сосредотачиваются исключительно в Верхнем Поднестровье (рис. 1). От вельбарцев к зубрицкому населению помимо иных импортов (ранние фибулы подвязной конструкции, гребни с округлой спинкой) поступают фибулы с высоким приемником группы VII O. Альмгрена, явившиеся важным индикатором переселения группы праславянского поднестровского населения на левый берег Днестра. В течение III в. памятники зубрицкой культуры постепенно трансформируются в памятники черняховского типа (Козак, 1992. С. 67). Под последними имеются в виду в том числе поселения Рипнев 2, Бовшев 2, Черепин, Демьянов. Обнаруженные на них комплексы В.Д. Баран подразделил на три хронологических этапа: ранний – III в.; средний – III – начало IV в.; поздний – IV в. (Баран, 1981. С. 147). Именно материалы объектов раннего и среднего этапов сравниваются с материалами памятников раннего этапа поздней фазы киевский культуры типа Букреевки 2 – Каменево 2 середины III – начала IV вв., о чем речь уже шла выше.

Под давлением со стороны вельбарцев часть поднестровского праславянского населения переселяется на Днепровское Левобережье, а часть попадает в междуречье Нижнего Днестра и Дуная, образуя памятники этулийской группы (Баран, 1998. С. 186). Остальная часть носителей памятников типа Черепин продолжает обитать в Верхнем Поднестровье, памятники их под влиянием провинциально-римской культуры эволюционируют и образуют особенную культурно-этническую группу в границах черняховской культуры – верхнеднепровскую (Магомедов, 1999. С. 31).

В Верхнем Поднестровье и Побужье фибулы группы VII O. Альмгрена происходят как из незубрицких – раннечерняховских памятников типа Сокольники I – Демьянов, так из вельбарских памятников. Выше уже говорилось о поступлении подобных изделий к носителям памятников типа Черепин из вельбарской среды. Находки таких фибул сделаны во многих пунктах: Жабинцы, Вербычка, Неслухов, (Амброз, 1966. С. 72, 73); Городница (Смишко, 1952. Рис. 24, 7, 8); Псары (Сымонович, 1955. Рис. 9, 5); Черепин (Баран, 1981.

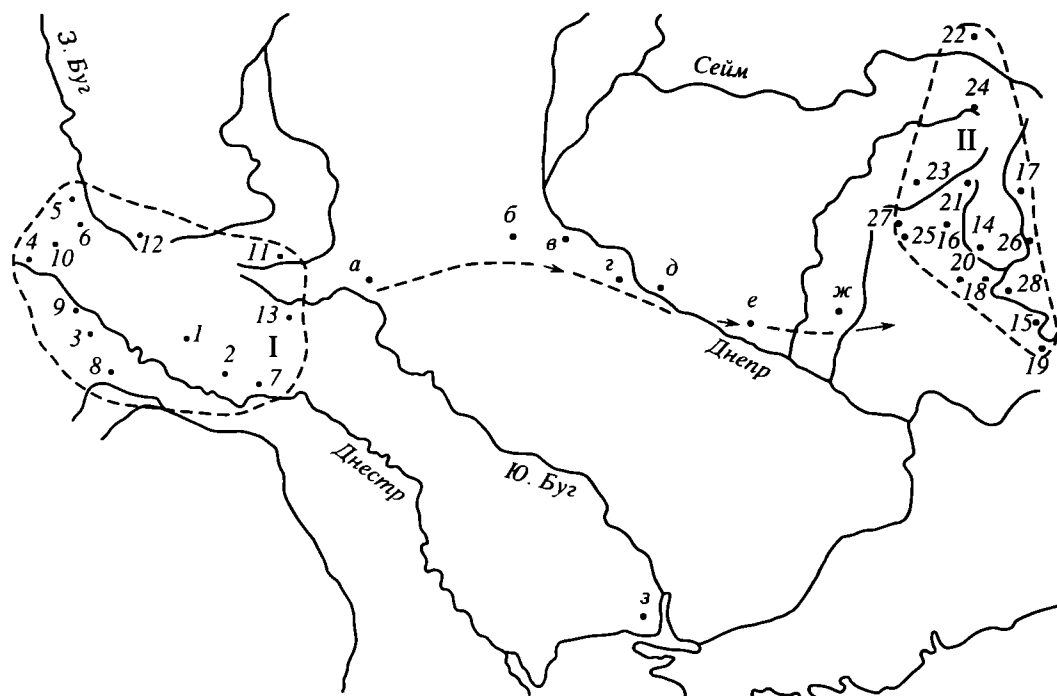

Рис. 4. Ареалы концентрации фибул гр. VII О. Альмгрена в Восточной Европе. Днестровский регион с прилегающими территориями (I): 1 – Жабинцы; 2 – Вербычка; 3 – Псары; 4 – Черепин; 5 – Неслухов; 6 – Рипнев; 7 – Лука-Врублевская; 8 – Рогизна; 9 – Городница; 10 – Сокольники I; 11 – Лепесовка; 12 – Яструбичи; 13 – Ружичанка. Днепро-Донецкий регион (II): 14 – Большая Даниловка; 15 – Петровское; 16 – Родной Край 3; 17 – Головино; 18 – Рябухино; 19 – Завгороднее; 20 – Старый Мерчик; 21 – Гочево 3; 22 – Букреевка 2; 23 – Боромля; 24 – Новоселовка; 25 – Войтенки I; 26 – Мартовая; 27 – Огульцы-Черемушная; 28 – Пасеки. Находки фибул на пути между двумя регионами: а – Петриковцы; б – Малополовецкое 2; в – Григоровка; г – Медведовка; д – Коврай; е – Градижск; ж – Шевченки 4 (5); з – Ольвия.

Рис. 38, 16); Рипнев 2 (Баран, 1981. Рис. 35, 10, 11); Лука-Врублевская (Сымонович, 1955. Рис. 8, 16–18), Рогизна (Тимошук, Винокур, 1964. Рис. 5, 4), Сокольники I (Козак, 1992. С. 65. Рис. 37, 26); Лепесовка (Козак, 1992. С. 97. Рис. 57, 5); Яструбичи (Козак, 1992); Демьянов (Баран, 1981. Рис. 29, 16, 18; Бобровська, Зеленецька, 1999. С. 36. Рис. 3, 28); Ружичанка (Винокур, 1979. Рис. 2, 6; 15, 2). Они позволяют выделить так называемый “Приднестровский с прилегающими территориями” ареал концентрации этих фибул в их юго-восточной подгруппе. Второй ареал концентрации подобных изделий в юго-восточной подгруппе вырисовывается на днепро-донецком водоразделе (рис. 4). Там бронзовые фибулы с высоким приемником найдены на поверхности четко не атрибутированных памятников (киевский – черняховский?)² или на поселениях типа Букреевка 2 – Каменево 2³.

² Большая Даниловка (Шрамко, 1962. Рис. 98, 1, 2), Петровское (Сибилев, 1926. Рис. 31, 7), Новоселовка (Обломский, 1991. С. 14), Войтенки I (Бейдин и др., 1999. С. 51), Рябухино, Завгороднее, Старый Мерчик, Мартовая.

³ Букреевка 2 – жилище 8 (Сымонович, 1990. Рис. 7, 10), Родной Край 3 – жилище 1 (Башкатов и др., 1997. С. 116. Рис. 5, 1), Боромля 2 – постройка I (Обломский, 1994. Рис. 7, 22–24), Гочево 3 – постройка I (Обломский, 1991. Рис. 3, 2), культурный слой выше постройки 5 черняховского горизонта Головино I (Обломский, 1991. Рис. 3, 3).

В масштабах ареала черняховских древностей лесостепи Восточной Европы фибулы группы VII юго-восточной подгруппы Е.Л. Гороховский относит к ранней “ружичанской” фазе культуры (230–270 гг.) (Гороховский, 1988. С. 42, 43). О.А. Гей и И.А. Бажан погребения с данными фибулами на территории Правобережной Украины относят к 270/280–310/320 гг. (Бажан, Гей, 1992. С. 127, 136, 137, 154; Обломский, 1999. С. 28). Возможно, эти изделия “запоздали” на днепро-донецком междуречье? Корреляция их с другими находками (трехслойный гребень с полукруглой спинкой, фрагменты светлоглиняных амфор типа D из построек 1, 3 Боромли 2, железный античный ключ, ручки амфор типа C, D из жилища 2 Родного Края 3, тетрасарий Тиры 238–253 гг. в постройке 5 Головино I) подтверждает факт бытования фибул VII группы О. Альмгрена на днепро-донецком водоразделе в промежутке 250–270/290 гг.

Получается, что праславяне Верхнего Поднестровья с конца (последней четверти) II в. испытывали благодаря контактам с вельбарским населением провинциально-римское культурное воздействие к моменту переселения их части на левый берег Днепра в течение более чем полувека (приблизительно 180–250 гг.). За этот период они переняли в том числе гончарную керамику, костяные гребни с округлой спинкой, фибулы группы VII,

ткацкий станок (глиняные пирамидальные и конические грузила – остатки от него). Между “приднепровским” и “днепро-донецким” ареалами концентрации фибул группы VII вырисовывается некая “цепочка” находок этих фибул (рис. 4). Она, вероятно, обозначает путь переселения части верхнеднепровских праславян к своим родственникам – позднезарубинецким и раннекиевским племенам, оставившим памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2, Шишино 5 – Шмырево на днепро-донецком водоразделе. Эту “цепочку” образует ряд находок фибул: в слое черняховского могильника Петрикивцы в верховьях Южного Буга, в слое черняховского поселения Малополовецкое 2 юго-западнее Киева, из погребения у Медведовки Черкасской области (Левада, Строкова, 1998. С. 27, 28), из размыва культурного слоя поселения Григоровка в районе Канева (Петрашенко, Циндровська, 1999. Рис. 1, 9, 11), находки в районе Градижска и на поселении Шевченки 5 у Полтавы (Некрасова, 1990а; Гейко, 1998. С. 170), у размыва берега возле села Коврай Чернобаевского района Черкасской области. Но эта “цепочка”, возможно, показывает также движение не только поднепровских праславян, но и отдельных групп вельбарского населения в восточном направлении. Подобное переселение происходило во многом синхронно со Скифскими войнами 238–270 гг. Вероятно, эта часть праславян не захотела принимать участие в походах объединения во главе с готами и предпочла переселиться вглубь днепро-донецкой лесостепи. В самой днепро-донецкой лесостепи также происходили перемещения групп этих мигрантов. Например, население Боромли 2 перешло сюда (на р. Ворсклу) из области водораздела Днепра–Дона (Обломский, 1994. С. 48).

А.М. Обломский признает присутствие черняховского населения на днепро-донецком междуречье в начальный период существования культуры. Речь идет о проникновении черняховцев сюда во второй половине III в. на начальной (“ружичанской”) фазе культуры или чуть позже (Обломский, 1997. С. 68, 69). Исследователь выдвигает тезис о функционировании здесь в это время гончарных центров с горнами, ибо трудно представить широкий экспорт гончарной керамики на днепро-донецкий водораздел со стороны Среднего Поднепровья – Надпорожья (Обломский, 1997. С. 68, 69). Действительно, восточнее Днепра отмечено наличие гончарных центров с горнами в Хлопкове I, Нижнем Булатеце, Коровинцах, Хомутце, Мачухах, Опошне, Флоровке, Пересечном (Бобринский, 1991. С. 146, 148). В Боромле расчищен при разведке двухъярусный гончарный горн, забитый обломками черняховской посуды (Некрасова, 1989. С. 56). На основании керамики и отдельных находок горн из Хлопкова суммарно датируется III–IV вв. (Костенко, 1978. С. 100–110).

Об остальных центрах имеются очень отрывочные сведения (Бобринский, 1991. С. 147, 148). О присутствии черняховского населения здесь говорят, по мнению А.М. Обломского, помимо наличия гончарной керамики, находки мисок-плошек, грузил для ткацкого станка, биконических пряслиц с воронкообразными основаниями, прием замазки стен глиной. Исследователь понимает, что его тезис находится в противоречии со ставшей уже традиционной точкой зрения о постепенном распространении черняховских древностей с запада на восток (Обломский, 1997. С. 69). С черняховской культурой на днепро-донецком водоразделе отождествляются памятники типа Снагости 2 – Хохлово 2. А.М. Обломский считает их существование синхронным памятникам типа Букреевки 2 – Каменево 2, но оговаривает, что последние существовали продолжительнее (Кропоткін, Обломський, 1991. С. 88).

Хронология памятников типа Букреевки 2 – Каменево 2 опирается на датировку следующих вещей: фибулы группы VII О. Альмгрена (III – начало IV в.) (Амброз, 1966. С. 73), железный ключ от ларца (II – первая половина III в.) (Богданова и др., 1976. С. 147), амфоры типа С, D (до середины III в.) (Шелов, 1978. С. 19), ботало (первая половина III в.) (Кропоткін, Обломський, 1991. С. 81), наконечник стрелы (с конца IV в.) (Засецкая, 1983. С. 75, 88), фибулы с округлой ножкой (первая половина V в.), удлинненно-овальная пряжка (IV – начало V в.), бутыл из стекла (конец III–VI в.), подвязная фибула варианта 2 (конец III – первой половины V в.) (Кропоткін, Обломський, 1991. С. 80–82). Эти данные вошли в таблицу (рис. 5), из которой следует, что по материалам поселений памятники типа Букреевки 2 – Каменево 2 существовали в середине/последней четверти III в. – середине V в.

Памятники типа Снагости 2 – Хохлово 2 датируются по находкам амфор типа F (концом III–IV в.), типа E (IV–V вв.) (Шелов, 1978. С. 19), стеклянного кубка со шлифованными овалами (второй–третьей четвертью IV в.), стеклянного кубка с шестиугольниками (концом IV – началом V в.) (Кропоткін, Обломський, 1991. С. 83), фибул группы I6, подгруппы 2 серии I, варианта 2 (по А.К. Амброзу) (последней третью III – серединой IV в.) (Щукин, Щербакова, 1986. С. 206, 210, 211), бронзовой бубликообразной пряжки (второй третью IV – началом V в.) (Гороховский, 1981. С. 14–16), железной пряжки с округло-овальной рамкой (III–IV вв.) (Гороховский, 1981. С. 15), железного гребня с полукруглой спинкой (III–IV вв.) (Кропоткін, Обломський, 1991. С. 82–84). При внесении этих данных в таблицу (рис. 6) получается, что эта группа памятников существовала в конце III – начале V в., а еще уже – в IV – начале V в. Следовательно, памятники типа Снагости 2 – Хохлово 2 появляются на днепро-донецком водоразделе позже, чем памятники типа Букреевки 2 – Каменево 2.

Датирующие находки	Памятник	III в.				IV в.				V в.			
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Фибула гр. 18, 3. А	Букреевка 2, Гочево 3, Родной Край 3	■	■	■	■	■							
Железный ключ	Родной Край 3	■	■										
Амфоры типа С, D	Родной Край 3	■	■										
Амфоры типа F	Родной Край 3				■	■	■	■	■				
Ботало	Тазово	■	■										
Наконечник стрелы	Песчаное								■	■	■	■	■
Фибулы сокруглой ножкой	Каменево 2									■	■		
Удлиненно-овальная пряжка	Каменево 2					■	■	■	■	■			
Стеклоянная бутылка	Каменево 2				■	■	■	■	■	■	■	■	■
Подвязная фибула варианта 2	Букреевка 2				■	■	■	■	■	■	■	■	■

Рис. 5. Хронология поселений типа Букреевка 2–Каменево 2.

Датирующие находки	Памятник	III в.				IV в.				V в.			
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Амфоры типа F	Хохлово 2, Снагость 2, Комаровка, Веселое, Войтенки 1				■	■	■	■	■				
Амфоры типа E	Хохлово 2					■	■	■	■	■	■	■	■
Стеклоянные кубки со шлифованными овалами	Хохлово 2						■	■					
Стеклоянные кубки с шестиугольниками	Хохлово 2								■	■			
Фибулы гр. 16, 11. 1, 2	Хохлово 2				■	■	■	■					
Бубликообразные бронзовые пряжки	Хохлово 2						■	■	■	■			
Железные пряжки с округло-овальной рамкой	Хохлово 2, Колосовка	■	■	■	■	■	■	■	■				
Железный гребень с полукруглой спинкой	Снагость 2	■	■	■	■	■	■	■	■				

Рис. 6. Хронология поселений типа Снагость 2–Хохлово 2.

Население селищ типа Снагость 2 – Хохлово 2 оставило могильники Павлюковка, Родной Край I, Соколово (Кропоткин, Обломский, 1991. С. 88). На могильнике Павлюковка (р. Мерла) изучено девять трупосожжений. Только четыре из них сохранились относительно хорошо, все они урновые. В районе разрушенного погребения 7 найден остаток одночленной прогнутой подвязной фибулы с узкой ножкой конца III–IV в. (Шрамко, 1979). По этому предмету автор раскопок Б.А. Шрамко лишь ориентировочно датировал памятник концом III–IV в. Разумеется, эта дата не может быть признана узкой и точной. Погребения могильника Родной Край I (р. Уды) отнесены к концу IV – началу V в. (Петренко, 1991. С. 22). Погребение 1 могильника Соколово 2 (р. Мжа) датировано серединой IV – серединой V в. (Петренко, 1991. С. 25). Хронологические горизонты могильника Боромля (р. Ворскла) отнесены А.Н. Некрасовой соответственно к первой четверти – второй полови-

не IV в., последней трети IV – началу V в. (Некрасова, 1990в). Погребения 1, 3 могильника Сумы-Сад (р. Псел) исследовательница датировала серединой – третьей четвертью IV в. (Некрасова, 1985). Погребение № 1 могильника Глубокое (р. Харьков) датируется по бронзовой пряжке, двучленной прогнутой подвязной фибуле и бронзовой пряжке типа 3/3а (по Е.Л. Гороховскому). Согласно хронологической схеме Е.Л. Гороховского, подобные фибулы бытовали в Журавской фазе – последняя четверть IV – первая четверть V в. или в абсолютных датах: в 370(380)–420(430) гг. Пряжка также относится к этой фазе хронологии черняховских погребальных комплексов Лесостепной Украины (Гороховский, 1988. С. 45). Следовательно, время бытования черняховских могильников на днепро-донецком водоразделе и прилегающих территориях укладывается в пределы первой четверти IV – первой четверти V в. Подобную картину дает и хронологическая схема Е.Л. Горохов-

ского. В Ружичанской фазе (230–270 гг.) черняховские могильники восточнее Днепра отсутствуют; к Бережанской фазе (270–330 гг.) отнесены два погребения Сосновы; к Косановской фазе (330–380 гг.) – два погребения Компанийцев, два погребения могильника Сумы-Сад, одно погребение Успенки; к Масловской фазе (350–400 гг.) – одно погребение Жовнина, два – Компанийцев, одно – Переяслав-Хмельницкого, два – из Сумы-Сада, три – Успенки, к Журавской фазе (375/380–420/430 гг.) принадлежат подкурганые погребения Кантемировка, одно погребение Компанийцев, одно погребение Лохвицы, два погребения Успенки; (Гороховский, 1988. С. 42–46). Датировка погребальных памятников черняховской культуры днепро-днецкого водораздела и прилегающих территорий полностью отвергает тезис о появлении здесь черняховской культуры в середине – второй половине III в. Классическая черняховская культура появляется в этом регионе не ранее первой четверти IV в., чему не противоречат и датирующие материалы с поселений типа Снагость 2 – Хохлово 2. На территории, прилегающей к левому берегу Днепра, первые черняховские погребения появляются в период стабилизации культуры в 270–330 гг., а остальные погребальные памятники, в том числе и на днепро-днецком водоразделе возникают в “эру Германариха” – 330–375 гг. (Магомедов, 1999. С. 26).

Что же считать “классической черняховской культурой”? Вопрос этот представляется довольно сложным, а неоднозначные ответы на него свидетельствуют о некоем кризисе черняховедения, связанного с проблемой определения формальных признаков черняховской культуры (Петраускас, Шишкін, 1999. С. 217). По мнению одних исследователей, основными индикаторами черняховской культуры являются: тип поселений, характер застройки, гончарная посуда, подвязные фибулы, костяные гребни, пряслица. Если среди лепной керамики появляется гончарная, то уже можно говорить о начальном этапе формирования памятников черняховского типа (Петраускас, Шишкін, 1999. С. 224). Мы придерживаемся мнения Б.В. Магомедова, согласно которому классические черняховские древности (“тип Косанов”) характеризуются наличием наземных каркасных и углубленных жилищ, биритуальных могильников, ингумаций в простых ямах с северной ориентацией, вельбарских типов в керамике (Магомедов, 1999. С. 20). Появление “классической черняховской культуры” связано с объединительной ролью готов, транскультурным характером готского населения. С первой четверти IV в. оно проникает на восток от Днепра и эта территория включается в “державу Германариха”. Именно с появлением классических черняховских древностей в регионе исследователи связывают вторую волну или второй этап заселения Левобережья

черняховскими племенами, выразившийся в массовой колонизации (Некрасова, 1990а; Обломский, 1997. С. 70). Мы не склонны говорить о первой волне черняховской колонизации региона в середине III – начале IV в. Речь, на наш взгляд, может идти о привнесении некоторых элементов провинциально-римской культуры праславянскими поднепровскими племенами, родственными киевским. В этот период готы не проникают в регион, его территория еще не становится составной частью ареала черняховской культуры. Пока неизвестны могильники обитателей поселений начального этапа поздней фазы киевской культуры типа Букреевки 2 – Каменево 2, не известна на этих селищах и вельбарская керамика.

А.М. Обломский при доказательстве раннего появления черняховской культуры в регионе обращается к “исключению из правил” – материалам поселения Головино на р. Топлинке (Северский Донец) (Обломский, 1997. С. 63. Рис. 1, 37–53). В его объектах обнаружено от 45 до 83% гончарной керамики, имеются грузила ткацкого станка, определенного вида прясла, невыразительные обломки стеклянных сосудов. Из культурного слоя памятника происходит бронзовая фибула группы VII, из заполнения постройки 5 – медный тетрасарий Тиры 238–253 гг. Но лепная керамика ничем не отличается от керамики памятников типа Букреевки 2 – Каменево 2 и сама планировка построек характерна для этих памятников (Обломский, 1997. С. 63–70). На наш взгляд, речь идет о типичном памятнике из круга ранних типа Букреевки 2 – Каменево 2, отразивших переселение группы поднепровского населения, частично впитавшего провинциально-римские влияния, в родственную этническую среду лесостепи днепро-днецкого междуречья.

В заключение отметим, что памятники ранней фазы позднего этапа киевской культуры на днепро-днецком водоразделе середины III – начала IV в., несмотря на некоторую преемственность с памятниками раннего этапа конца II – середины III в., во многом стоит считать новообразованием. Это связано с формированием памятников типа Букреевки 2 – Каменево 2 благодаря приходу родственных местному праславянскому населению мигрантов с Верхнего Поднепровья, которые, испытав на себе в течение 50–70 лет (около 180–250 гг.) влияние провинциально-римской культуры, принесли ее элементы на днепро-днецкий водораздел. Но появление “классической черняховской культуры” в этом регионе и прилегающих территориях стоит относить лишь к началу – второй четверти IV в. Конечно же, выводы эти остаются спорными, что показывает сложность в изучении полиэтничного образования (черняховская культура) его пограничных зон в условиях влияния провинциально-римской культуры.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1–30.
- Бажан И.А., Гей О.А.* Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии Латена и римского времени. СПб., 1992.
- Баран В.Д.* Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга // МИА. 1964. № 116.
- Баран В.Д.* Поселення черняхівського типу поблизу с. Дем'янів у Верхньому Подністров'ї // Археологія. 1971. № 1.
- Баран В.Д.* Черняхівська культура. Київ, 1981.
- Баран В.Д.* Давні слов'яни. Київ, 1998.
- Башкатов Ю.Ю.* Об одном из типов построек киевской культуры // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Харьков, 1995.
- Башкатов Ю.Ю., Дегтярь А.К., Любичев М.В.* Селище позднеимского времени Родной Край 3 в бассейне Северского Донца // Древности 1996. Харьков, 1997.
- Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Смирнов В.А.* Находки нестандартных типов фибул на памятниках черняховской культуры Валковского района Харьковской области // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1999.
- Бобринский А.А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М., 1991.
- Бобровська О.В., Зеленецька І.Б.* Черняхівське поселення Дем'янів у верхів'ях Дністра // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ; Львів, 1999.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 4.
- Винокур И.С.* Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М., 1979.
- Гейко А.В.* Фібула черняхівської культури з Нижнього Поворскля // АЛЛУ. 1998. № 1–2.
- Гороховский Е.Л.* Хронология пряжек черняховской культуры // Тез. докл. симпоз. "Позднейшие судьбы черняховской культуры". Каменец-Подольский, 1981.
- Гороховский Е.Л.* Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988.
- Засецкая И.П.* Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (к. IV–V вв. н.э.) // История и культура сарматов. Саратов, 1983.
- Козак Д.Н.* Етнокультурна історія Волині (I ст. н.е. – IV ст. н.е.). Київ, 1992.
- Костенко Ю.В.* Пам'ятки I тис. н.е. в поріччї р. Трубежа // Археологія. 1978. № 28.
- Кропоткін А.В., Обломський А.М.* Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III–V ст. н.е. // Археологія. 1991. № 1.
- Левада М., Строкова Л.* Находки южноскандинавского происхождения позднего римского времени в Северном Причерноморье // АБУ 1997–1998. Киев, 1998.
- Любичев М.В.* Раннеславянское селище на Северском Донце // Вестник Харьковского университета. 1993. № 347. История. Вып. 27.
- Любичев М.В.* Отчет об археологических исследованиях на Харьковщине в 1996 г. // Архив МАЭСУ ХНУ. 1997.
- Магомедов Б.В.* Черняхівська культура. Проблема етносу. Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1999.
- Магомедов Б.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
- Некрасова Г.М.* Охоронні розкопки черняхівського могильника в околицях м. Суми // Археологія. 1985. № 50.
- Некрасова А.Н.* Охранные раскопки на памятниках черняховской культуры у села Боромля // Проблемы археологии Сумщины. Сумы, 1989.
- Некрасова А.Н.* Хронология распространения черняховской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Белгород, 1990а.
- Некрасова А.Н.* К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье // Охрана і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990б.
- Некрасова А.Н.* Могильник черняховской культуры у с. Боромля на Сумщині // Питання археології Сумщини. Суми, 1990в.
- Обломский А.М.* Памятники "зарубинецкой линии развития" на водоразделе Днестра и Дона в I–V вв. н.э. // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Белгород, 1990.
- Обломский А.М.* Этнические процессы на водоразделе Днестра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы, 1991.
- Обломский А.М.* Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н.э. // РА. 1994. № 2.
- Обломский А.М.* О взаимодействии киевского и черняховского населения на водоразделе Днестра и Дона // Проблемы происхождения та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997.
- Обломский А.М.* О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // 100 лет черняховской культуре. Киев, 1999.
- Петраускас О.В., Шишкін Р.Г.* Про черняхівські пам'ятки "змішаного" типу на Правобережжі Київського Подніпров'я // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ; Львів, 1999.
- Петрашенко В.О., Циндровська Л.О.* Слов'янські матеріали з Канівського Подніпров'я // Археологія. 1999. № 4.
- Петренко Е.Н.* Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991.
- Сибилев Н.В.* Древности Изюмщины. Вып. 1. Изюм, 1926.
- Смишко М.Ю.* Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных // КСИИМК. 1952. Вып. 44.
- Сымонович Э.А.* О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой // КСИИМК. 1955. Вып. 57.

- Сымонович Э.А.* Раннесредневековое поселение Тазово под Курском // СА. 1986. № 4.
- Сымонович Э.А.* Букреевка 2 – селище второй четв. I тыс. н.э. возле Курска // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Телегін Д.Я., Беляева С.О.* Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі // Археологія. 1975. № 18.
- Терпиловський Р.В.* Слов'яни Подніпров'я у першій пол. I тис. н.е. Автореф. ... докт. іст. наук. Київ, 1994а.
- Терпиловський Р.В.* Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку // Старожитності Русі–України. Київ, 1994б.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры. Киев, 1992.
- Тимощук Б.А., Винокур И.С.* Памятники черняховской культуры на Буковине // МИА. 1964. № 116.
- Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. // КСИА. 1978. Вып. 156.
- Шрамко Б.А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Шрамко Б.А.* Могильник у с. Павлюковки // Могильники черняховской культуры. М., 1979.
- Шукин М.Б., Щербакова Т.А.* К хронологии могильника Данчены // Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. Кишинев, 1986.

Concerning the chronology of emergence of Chernyakhov culture sites in the Dnieper and Don watershed

M. V. Lyubichev

Summary

In the light of modern investigations the period of appearance of Chernyakhov culture in the Dnieper–Don watershed is related to the problem of movement of the population in the 3rd c. AD from the west to the Dnieper left bank. Chronological position of the Bukreevka 2 – Kamenevo 2 sites regarding the earlier ones (Kartamyshovo 2 – Ternovka 2 – Shishino 5 – Shmyrevo), and synchronous or earlier sites (of Dem'yanov – Cherepin type) is considered (Fig. 1). Their pottery associations and dwelling constructions are compared (Figs. 2, 3). Some part of the Veneti experienced pressure of the Vielbar culture bearers, which caused movement of the former from the Dniestr basin to the Dnieper left bank. In Eastern Europe two areas marked by concentration of the fibulae attributed to Almgren's group VII can be singled out: the Dniestr one and that in the Dnieper and Don watershed (Fig. 4). The finds of these brooches between the two areas mark the route the part of the Veneti moved from the Upper Dniestr. The sites of classic Chernyakhov culture like Snagost' 2 – Khokhlovo 2 functioned in early 4th – early 5th cc. AD, they are not coeval to the sites of Bukreevka 2 – Kamenevo 2 type dated from mid 3rd – mid 5th cc. (Figs. 5, 6). Chronology of the burial sites of Chernyakhov culture in the Dnieper–Don watershed does not confirm the thesis on the appearance of the discussed culture in this territory in the mid – second part of the 3rd c. The classic Chernyakhov culture emerged here not until the first quarter of the 4th c. and developed during the “epoch of Ermanaric” (330–375). The tribes of the Dniestr basin had only transferred some elements of provincial Roman culture to their proto-Slavic kinsmen. The Goths did not penetrate into the region at that time, and it did not enter the area of Chernyakhov culture as its integral part.

ЕПИСКОПСКИЙ КОМПЛЕКС V–VI ВВ. В НОВЕ (СВИШТОВ) В БОЛГАРИИ

© 2003 г. А. Б. Бернацки*, Е. Ю. Клепина**

* Университет им. А. Мицкевича в Познани, Польша

** Национальный заповедник “Херсонес Таврический”, Севастополь, Украина

Исследования на месте Нове (у теснины р. Дунай в северной Болгарии, в 4 км от совр. Свиштова) – лагеря I Итальянского легиона и столицы остготского царства Теодориха в 471–488 гг. – были начаты болгарскими и польскими учеными в 1960 г. Многолетние исследования Археологической экспедиции университета им. А. Мицкевича позволили собрать уникальный материал по палео-экономической истории римского и ранневизантийского города (рис. 1).

С 1974 г. международная и междисциплинарная экспедиция сконцентрировал внимание на центральной части лагеря легиона и ранневизантийском городе к западу от *principia* (рис. 2), где во второй половине II – середине VI в. строительная деятельность развернулась наиболее активно и был создан епископский комплекс (рис. 3, 4) (Parnicki-Pudełko, 1983; 1984; 1995; Biernacki, 1990; 1995a. P. 364–371; Biernacki, Pawlak, 1995). Епископский комплекс в Нове уникален по развитости архитектурной программы (занимает целый жилой квартал: 81 × 81 м, или 6400–6500 м²) и является одним из наиболее полно исследованных объектов этого типа (рис. 5). Кроме раннехристианской базилики, самой большой на Балканском полуострове, он включает епископскую резиденцию с банями; “малую” базилику (Biernacki, Medeksza, 1995. P. 9–23; Kalinowski, 1995. P. 25–35; 1997. P. 81–86); комплекс помещений с южной стороны епископской базилики, в том числе *ptochotrofium* (дом для убогих) и *skeuophylakion* (Biernacki, Klenina, 2001); большой баптистерий в атриуме к западу от епископской базилики, с хорошо сохранившейся купелью-бассейном; перистильный двор, вероятно, связанный с баптистерием и “малой” базиликой, и др. К настоящему времени определены основные строительные периоды и перепланировки, связанные с изменением функций ряда помещений.

Строительство раннехристианского епископского комплекса началось в первой половине V в. на месте терм легиона, разрушенных в ходе войны с федератами 376–382 гг. Существует предположение, опирающиеся на косвенные указания письменных источников, что епископ Нове появился в конце IV – начале V в. (Димитров, 1992.

С. 84); достоверно существование здесь епископии между 430 и 449 гг. (Ilski, 1984. S. 305–309; 1995. P. 44; Parnicki-Pudełko, 1995. S. 54). Известны имена трех епископов: Secundinus (448–449), Petrus (458) и Anonymus III (597) (Ilski, 1995. S. 44, 45, 49, 80, 81, 83). С Нове был связан святой мученик Лупа: его имя упоминается в связи с визитом сюда брата императора Маврикия (582–601), Петра (прибыл в Нове в день св. Лупа, 23 августа по лютеранскому календарю (Theophylactus Simocatta..., 1887. Tab. VII, 2, 17; Synaxarium Constantinopolitanum, 1917; Grumel, 1958. P. 325; Delehaye, 1909. P. 105–109; 1911. P. 284; 1912. P. 158)). По мнению К. Ильского, визит состоялся в начале правления императора, до разрушения города аварами и славянами (Ilski, 1994. S. 72).

Анализ богатого археологического материала позволяет датировать строительство епископского комплекса 1-й третью V в. (Biernacki, Klenina, 2001). На первый строительный период приходятся значительные нивелировочные работы: по всей исследованной площади выявлены мощные слои насыпи (желтый лёсс); фундаментом построек ранневизантийского времени часто служат мощные стены терм римского легиона. В этот же период возводится большая базилика (максимальная длина снаружи 46.26 м, ширина 24.30 м; внутренние размеры 40.60 × 22.32 м). Базилика представляла прямоугольник с полукруглой апсидой и тремя нефами, разделенными двумя рядами колонн. Наос имеет размеры 34.80 × 22.32 м. Внутренняя длина базилики вместе с наосом была на первом этапе 43.16 м, позднее увеличилась до 44.10 м; размеры атриума: 22.63 м × 14.40 (южная) и 13.57 м (северная) стороны; диаметр апсид: 7.73 м (центральная), 2.98 м (северная), 3.10 м (южная). Ширина центрального нефа 9.15–9.29 м, северного 5.79–5.87 м, южного 5.66–5.74 м. В стилобатах (шир. 0.80 м) чередуются участки кирпичной (дл. 0.93 м) и каменной (дл. 2.80 м) кладки: вероятно, первые заложены под базы колонн, а вторые заполняют интерколумнии. На территории базилики найдены также фрагменты фустов колонн диаметром 0.40–0.52 м и коринфских капителей соответствующих размеров. Можно предположить, что на кирпичных фундаментах стояли

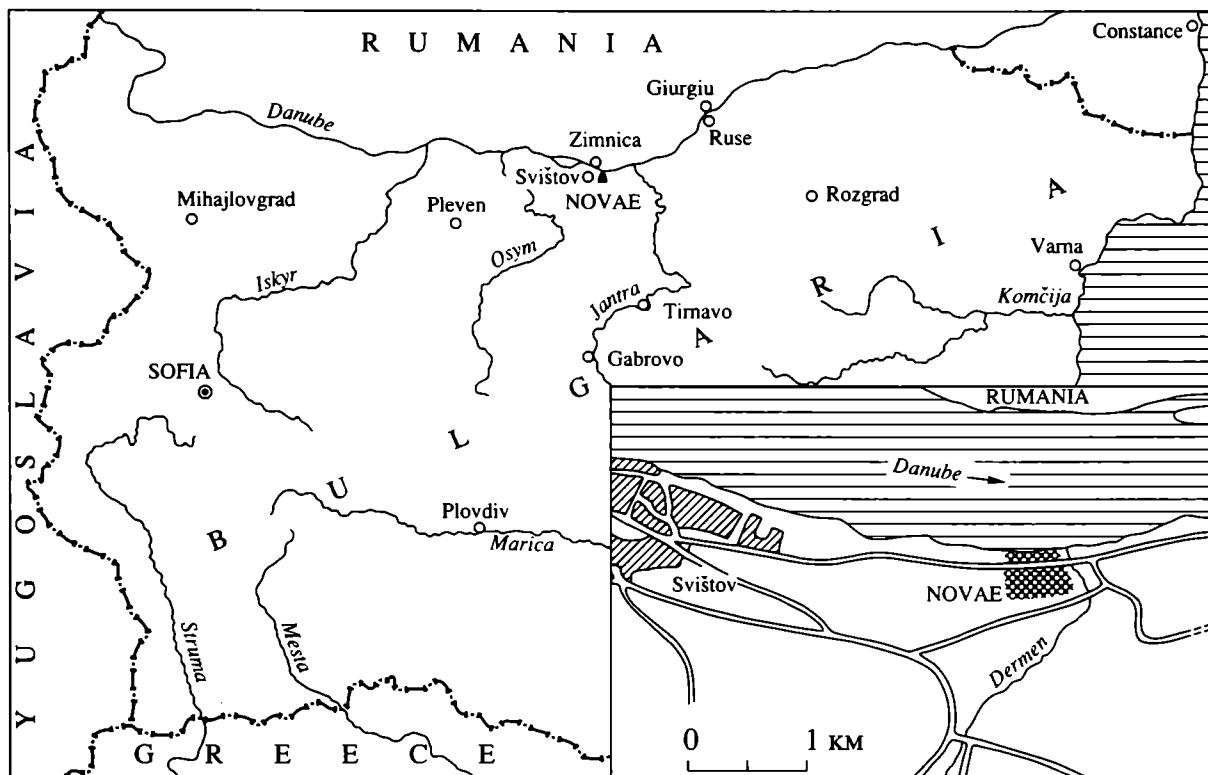

Рис. 1. Район Нове на карте Болгарии.

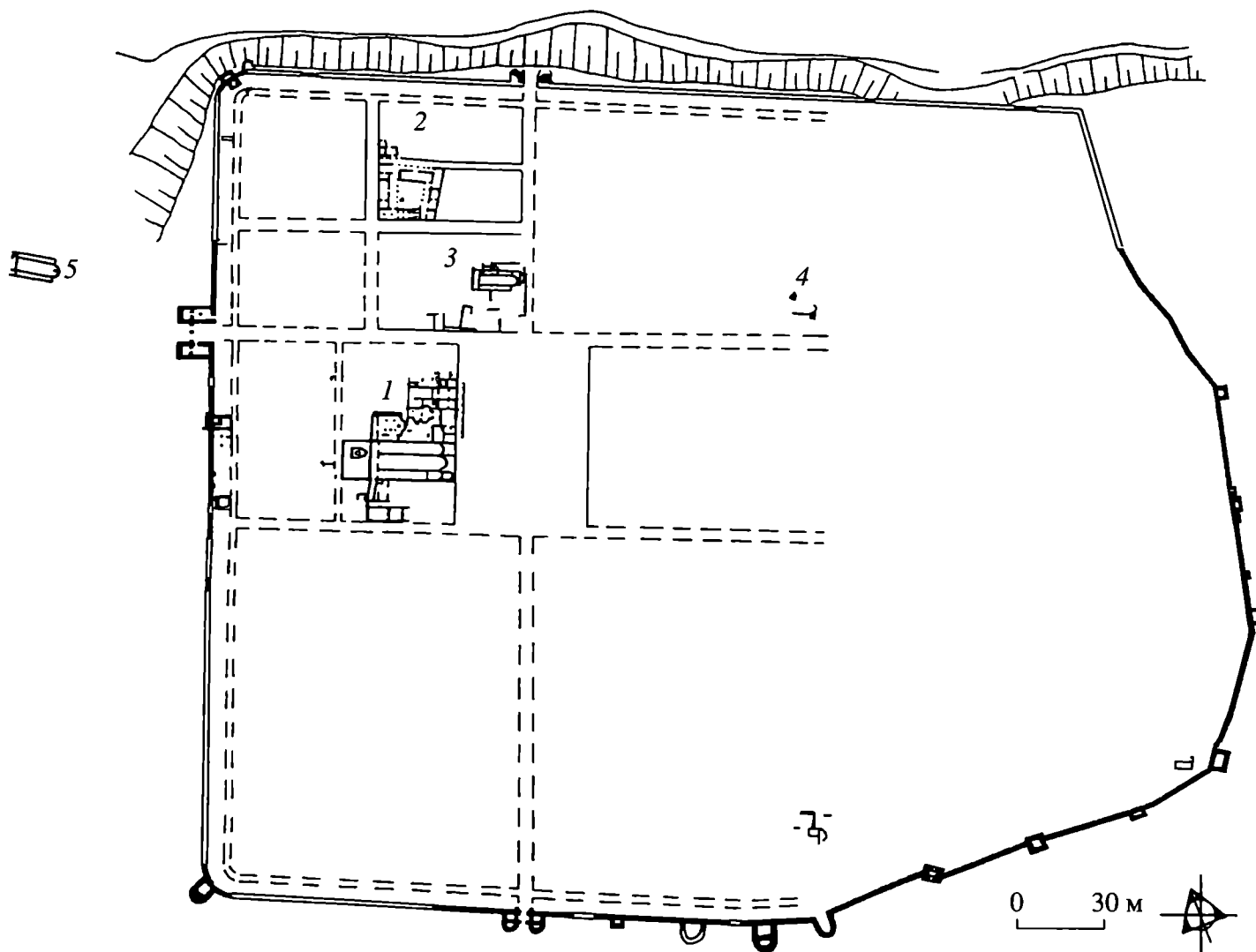

Рис. 2. План Нове V-VI вв.: 1 – епископский комплекс; 2 – вилла с портиком; 3-4 – ранневизантийские базилики; 5 – ранневизантийская мемориальная базилика extra muros.

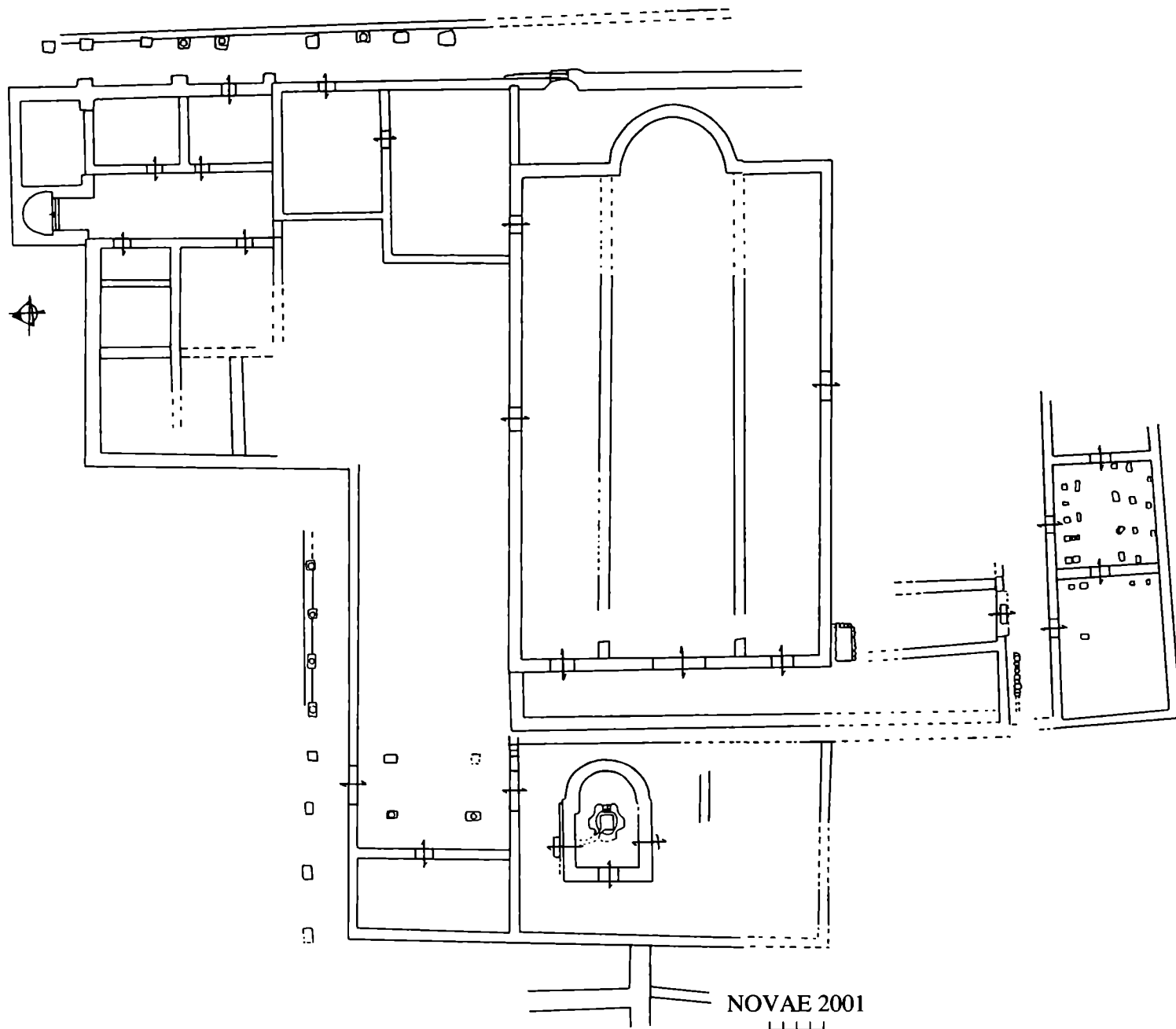

Рис. 3. План епископского комплекса V в.

колонны коринфского ордера. Полы в центральном нефе и, вероятно, в нартексе вымощены известняковыми плитами, среди которых вторично использованные архитектурные детали римского времени, строительные и посвятительные надписи, надгробные памятники (Parnicki-Pudełko, 1995. S. 32–36); боковые нефы выложены керамическими плитками. В базилику вели три двери с запада, две с севера и одна с юга.

Место для возведения епископской базилики выбрали не случайно, по-видимому, оно было почитаемо и раньше. Храм построен непосредственно над большим бассейном фригидария терм – можно предположить, что до возведения базилики *patatio* использовали в качестве баптистерия для церемонии крещения взрослых горожан.

Резиденция епископа примыкала к северной стороне базилики и соединялась с ней входом шириной 1.26 м (Parnicki-Pudełko, 1981. S. 34). В северо-восточном углу комплекса находились жилые помещения, построенные на месте аподитериума терм. Стены ранневизантийского времени поставлены непосредственно на полы терм, выложенные из керамических плиток со штампами I Итальянского легиона. При перепланировке заблокировали и засыпали небольшой прямоугольный бассейн для холодной воды, входивший в комплекс бань III–IV вв. Образовавшееся помещение не было связано с резиденцией, его вход, вероятно, выводил через восточную стену прямо на улицу с портиком. Полы помещения были глинобитными (Parnicki-Pudełko, 1981. S. 122, 123). Небольшой полукруглый бассейн, составлявший часть

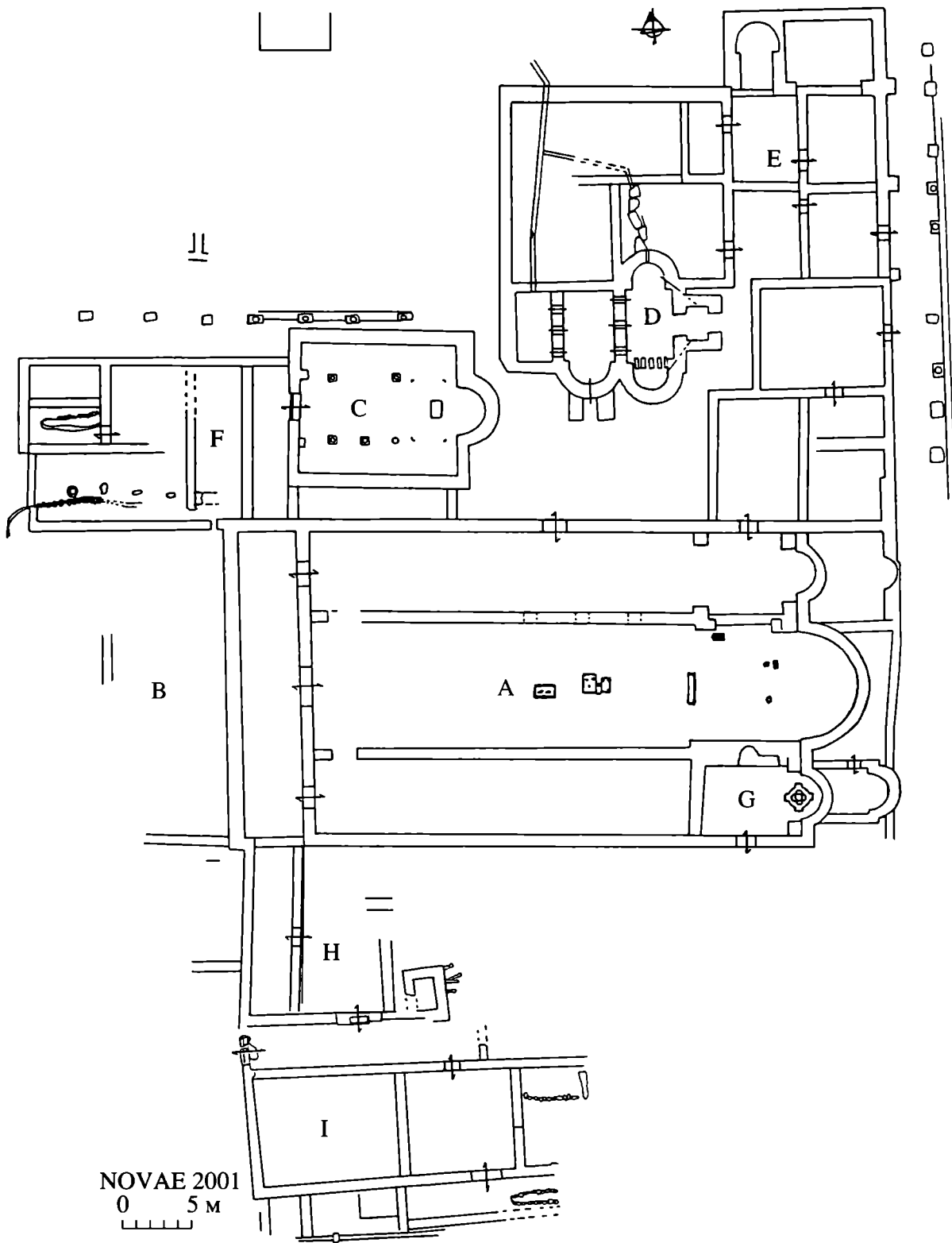

Рис. 4. План епископского комплекса VI в.: А – епископская базилика; В – атриум; С – малая базилика VI в.; D – епископские бани; Е – епископская резиденция, F – хозяйственные помещения; G – баптистерий VI в.; H – skeuophilakion; I – ptichotrophium.

легионных терм и смежный с выше описанным, в этот период продолжал функционировать (Рагніс-кі-Руде́йко, 1981. S. 123) и соединялся с помещениями резиденции к югу от него небольшим коридором (2.37 × 2.65 м, проем входа 1.10–1.30 м). Бассейн не имел подогрева и использовался для омовения ног, в него вели три ступени. Полы ко-

ридора и бассейна выложены керамическими плитками (некоторые со штампом I Итальянского легиона); на полах и в перекрывающем слое найдено 64 монеты второй половины IV – начала V в. Разрушение помещений первого строительного периода следует датировать 40-ми годами V в. (Biernacki et al., 1976. S. 155; Sarnowski, 1999. S. 63).

Рис. 5. Епископский комплекс V–VI вв. Вид с севера.

Двор и помещения, расположенные к западу от описанных выше, разрушены в результате строительства епископских бань и латрины в VI в.

С восточной стороны комплекса проходила улица с портиком, открытая на протяжении 60 м. Порттик отстоит на 2.20–2.40 м от стены, ограждающей резиденцию и базилику. Здесь найдено 15 монет III – рубежа IV/V вв. и керамический материал того же времени, что позволяет датировать возведение портика первой половиной V в. (Biernacki et al., 1976. S. 157). С улицы в епископский комплекс вели два входа: прямо в помещения резиденции епископа и в большой холл, который соединял резиденцию с большой базиликой.

В северо-западной части комплекса имелся обширный внешний двор с портиком вдоль северной стены с монументальным входом шириной 3.00 м, через который можно было пройти в небольшой перистильный дворик. С западной стороны внутреннего дворика располагалось хозяйственное помещение с глинобитными полами, служившее для хранения амфор. Перистильный дворик соединялся с атриумом большой базилики входом (ширина 3.00 м), расположенным в северной стене атриума. Постройки к востоку от дворика не сохранились (разрушены при строительстве малой базилики).

В последние годы начаты исследования к югу от большой базилики, где открыты несколько вспомогательных помещений, связанных с ней входом в южной стене (ширина 2.00 м). С юго-запада к южной стене базилики непосредственно примыкает прямоугольное помещение (рис. 6),

полы которого выложены керамическими плитками (0.32 × 0.32 м), с входом с южной стороны (ширина 3.20 м; в качестве порога использован фрагмент известнякового архитрава). В северо-западном углу помещения открыта погребальная камера (2.50 × 1.27 м, высотой 1.30 м), ориентированная по оси восток – запад, с входом с востока (шириной 0.64 м). Стены сложены из камня и кирпича на известковом растворе, изнутри оштукатурены известковым раствором розового цвета (Biernacki et al., 1980. S. 120, 121). Камера была заполнена стерильной земляной засыпкой. Можно думать, что помещение являлось мартирием. В первой половине VI в. помещение сменило назначение и выполняло роль *skeuophylakiona*: его расширили в западной части и соединили непосредственно с нартексом большой базилики через проход в западной стене. Новый мартирий был пристроен с восточной стороны южного нефа большой базилики, и его полы вымощены каменными плитами, но существовал он недолго: вскоре на его месте возвели апсиду бокового нефа большой базилики.

С южной стороны *skeuophylakiona* находился коридор шириной 3.10 м, соединявшийся с двумя прямоугольными вспомогательными помещениями в юго-западной части комплекса (рис. 7). В западное помещение (7.50/7.70 × 9.90/10.15 м) можно было пройти через вход (ширина 1.20 м) в его северной стене. В этом помещении были деревянные полы, положенные на каменные опоры (в том числе использованы фрагменты римских алтарей, постаментов и архитектурных деталей).

Рис. 6. Skeuophylakion V–VI в. Вид с севера.

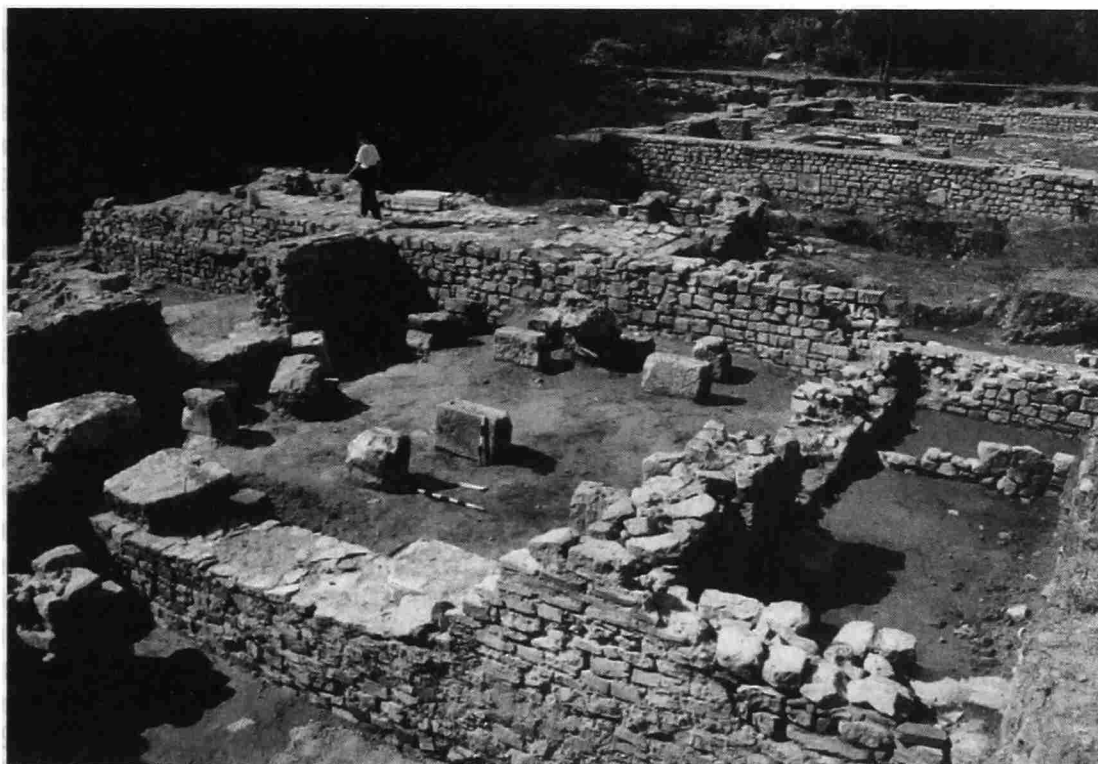

Рис. 7. Ptochotrophium V в. Вид с северо-запада.

Подобные конструкции деревянных полов широко распространены в Мезии II в первой половине V в. (Poulter, 1999. S. 218–221). Помещение погубило в пожаре; под мощным черепичным завалом обнаружены *in situ* два мраморных *mens saera* (столы для приношений). Один стол (разбит на 155 фрагментов) сохранился на 2/3 (рис. 8) (Viemacki, 1999. S. 75–86). Он имел размер 1.32×1.30 м и толщи-

ну 0.01–0.04 м, его край украшен рельефными изображениями (фриз шириной 0.158 м, толщиной 0.021–0.04 м). Само рельефное поле имеет ширину 0.115 м, его рамка 0.013–0.016 м, а внешний край украшен астрогалами (длина 0.012–0.013 м). Высота рельефа колеблется от 0.005 до 0.008 м. В рельефе представлены сцены охоты с собаками на кабана и борьбы различных живот-

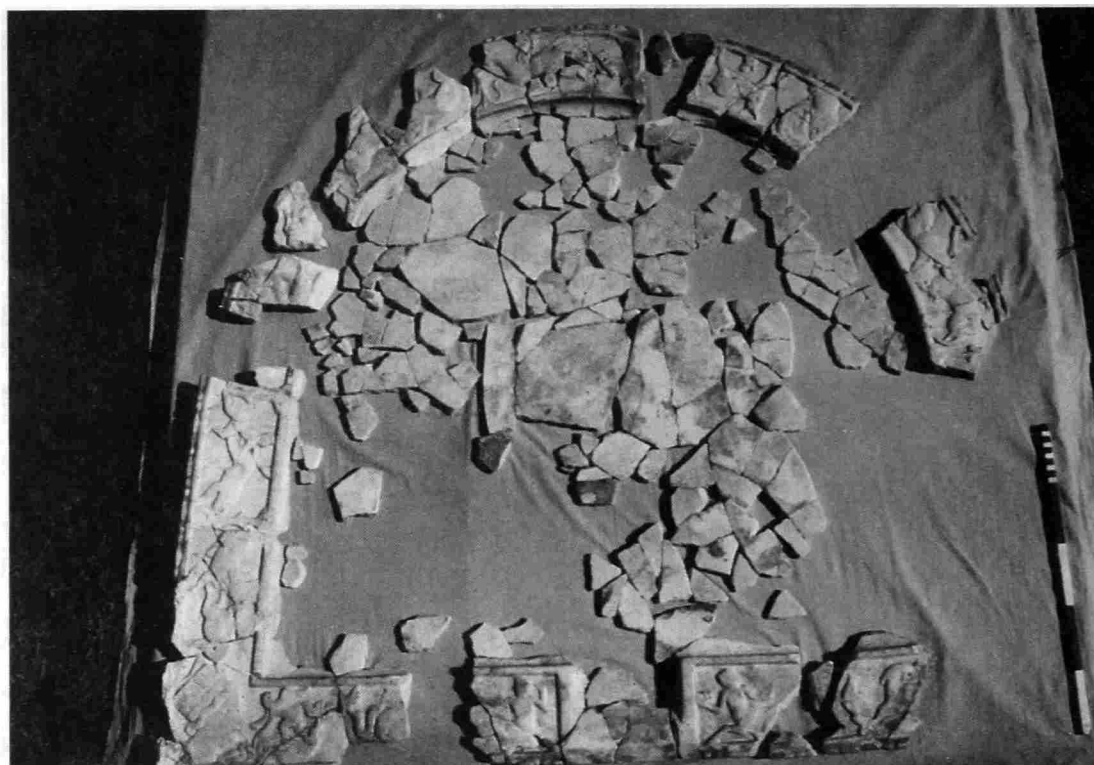

Рис. 8. Менза из Нове.

ных (в том числе льва с быком и львицы с единорогом). Центром композиции является сцена противостояния грифона (изображен в виде крылатого существа с телом тигра и головой орла) и медведя. В левом нижнем углу стола представлено изображение правого профиля богини Тюхе в *соgone muralis*, а рядом – тритоны и Эрот на дельфине. Анализ расположения сцен указывает на определенные закономерности. Все сцены рельефа отделены друг от друга деревьями (вид установить не удалось), каждая сцена имеет длину 0.25–0.32 м. Правый нижний угол (0.25 × 0.30 м) утрачен, вероятно, во время пожара в помещении. В боковой части обломанного фрагмента имеется специальный жолоб, в который во время монтажа стола вливали свинец для укрепления всей конструкции. Мрамор стола – из Докимеона (*Dokimeion*) (Viernacki, 1999. S. 85).

Проблемы, связанные с функциональным назначением ранневизантийских сакральных столов, являются предметом исследований многих специалистов, начиная с работ Э. Михона 1900–1917 гг. (Michon, 1900. P. 157; 1908. P. 268–283; 1915. P. 485–540; 1916. P. 121–170). Попытки более широкого анализа предпринимали Э. Томас, Э. Китцингер, М. Чичикова и М. Ваклинова (Thomas, 1955. Old. 261; Kitzinger, 1960. P. 18; Čičíkova, 1972. S. 245–257; Vaklinova, 1999. P. 51–72). Практически одновременно (в 1991 г.) вышли в свет две дополняющие друг друга монографии (Chalkia, 1991; Dresken-Weiland, 1991). Согласно предложенной Э. Чалки типологии ранневизантийских *mensae*, открытый в Нове сакральный стол

относится к типу А (Chalkia, 1991. P. 28–33, 133–156). Фрагменты сакральных столов этого типа широко представлены в Средиземноморье и Европе (по одной находке в Алжире, Тунисе, Иордании, Венгрии и Крыму, по 2 в Ливане и Сирии, 3 в Югославии, 4 в Израиле, 6 на Кипре, по 8 в Италии и Болгарии, по 15 в Греции и Турции, 16 в Египте) и датируются исследователями концом IV – первой половиной V в. н.э. Анализ археологического материала (в том числе и монет), обнаруженного в слое с фрагментами сакральных столов, позволяет датировать этот слой IV – первой половиной V в. н.э. Пожар следует датировать не ранее начала V в. и связывать, как нам представляется, с взятием гуннами Нове в 432–449 гг. Итак, *mensa* из Нове датируется, на основе иконографии, аналогий и обнаруженного археологического материала, концом IV в. и изготовлена в одной из мастерских Малой Азии или Константинополя. Мензы с похожими сюжетами обнаружены в Никополе-над-Истром (Čičíkova, 1972. S. 245–257). Никополе-над-Нестром (совр. Болгария) (Vaklinova, 1999. P. 58), а также при раскопках Загородного храма в Херсонесе (совр. Украина) (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 52).

В упомянутом выше помещении открыты пять фрагментов еще одного сакрального стола, вероятно, также в форме сигмы, но без богатого декора (край обрывают три рельефных линии). Обнаружены также две округлые опоры сакральных столов *in situ*, стоявшие по сторонам входа из коридора. Обе опоры вторичного использования: одна служила постаментом статуи и имела ранее

Рис. 9. Епископская базилика и баптистерий V в. Вид с запада.

надпись, от которой сохранилось слово *Augustae* (на верхней плоскости, у края постамента выбиты три светильника); другая являлась основой колонны (декор из букраний и гирлянд тщательно оббит). Помещения с сакральными столами, расположенные, как правило, с южной стороны базилик, в раннехристианских комплексах Восточного Средиземноморья встречаются достаточно часто (Pallas, 1977. P. 312; Sodini, Kolokotsas, 1984. С. 51, 52). В *skeuophylakione* христиане хранили одежду, литургический инвентарь, оставляли продукты, принесенные для литургических целей, а также в дар епископу и его ближайшему окружению, складывая их на *tense*.

В восточной стене помещения имелся вход (ширина 1.50 м), выведивший в смежную комнату (7.20/7.30 × 7.50 м), куда можно было войти и из коридора (вход шириной 1.25 м). Строительная техника, известковый раствор и конструкция деревянных полов аналогичны описанному выше помещению. В слое разрушения обоих помещений найдено большое количество железных гвоздей, использовавшихся при сооружении деревянных полов, перекрытий и кровли. После разрушения 440-х годов эти помещения, вероятно, были превращены в *ksenodochium* или *ptochotrofitum*, который просуществовал до начала VII в. Полы этих помещений вымощены керамическими плитками; среди находок многочисленны фрагменты столовых и кухонных сосудов, каменные чаны со следами копоти на внешней стороне. Расположенные с южной стороны кухня с печью и мусорная яма с костями свиней, прошедших тер-

мическую обработку, подтверждают наше предположение (Makowiecki, Makowiecka, 2001).

В северо-западной части атриума в V в. был построен баптистерий: однонефное сооружение (7.40 × 5.05 м) с небольшой апсидой (дм 4.45 м) (рис. 9, 10). Вход находился с западной стороны (ширина 1.60 м), вероятно, существовали северный и южный входы (стены над фундаментами не сохранились). Пол баптистерия выложен керамической плиткой. Бассейн (купель) оформлен как вписанный в круг диаметром 1.65/2.85 м прямоугольник (1.08 × 0.99 × 0.27 м). Внутри он тщательно оштукатурен цемянковым раствором и облицован мраморными плитками. С западной и восточной сторон в бассейн вели по две ступени. Канал, отводивший воду, шел с северо-запада на юго-восток. С внешней стороны купели сохранились фундаменты шести опор, на которых могли стоять колонны кивория. Расположение баптистерия является уникальным и не встречается на территории Балканского полуострова и Греции; аналогичные типы известны только на территории современной Сирии (Khatchatrian, 1962. P. 99; 1982. P. 19) и в христианских комплексах римской Галлии V в. (Filarska, 1999. S. 162, 163, 166, 167, 169). Строительство отдельно стоящего баптистерия следует связывать с появлением значительного числа взрослого нехристианского населения после нашествия гуннов, особенно в тот период, когда Мезия Секунда и Дакция Моезия Секунда и *Dacia Ripensis* оказались под управлением Теодориха Великого, а Нове стала его резиденцией и столицей управляемых им тер-

Рис. 10. Купель в баптистерии V в. Вид с запада.

риторий (481–488 гг.) (Prostko-Prostyński, 1997. P. 30).

Значительные изменения в планировке епископского комплекса произошли в первой половине VI в. Был уничтожен большой баптистерий в атриуме, а западную стену атриума перенесли на 4.50 м к востоку, значительно сократив его площадь (новая западная стена поставлена непосредственно на полы баптистерия). В большой базилике строятся две дополнительные апсиды, одна из которых поставлена на полы раннего мартирия, в восточной части южного нефа. В северном и южном нефах возникают жертвенник (prothesis) и диаконикон (diaconicon). Совершенно иначе решается и алтарное пространство. Presbiterium, а также и вспомогательные помещения, prothesis и diaconicon, были выделены из пространства храма с помощью четырех столбов и четырех контрофорсов. В presbiterium открыты небольшие фрагменты алтаря и двух колонн кивория. Следует подчеркнуть особо, что алтарь был расположен на пересечении диагоналей пресвитерия. От алтарной преграды сохранилась *in situ* мраморная плита (2.44 × 0.445 × 0.415 м) (Biernacki, 1990. P. 192, 195; 1995a. P. 183, 184). Сверху на блоке остались два отверстия для стержней, в которые монтировались столбики алтарной преграды. Непосредственно возле этого блока открыты фрагменты мраморной плиты ограждения (cancellae) с рельефом, символизирующим “Agnus Dei” (рис. 11) (Biernacki, 1990. P. 192, 193, 197; 1995a. P. 183). В главном нефе базилики в этот период был установлен амвон: по центру базилики на ее

продольной оси открыты остатки его фундамента: четыре монолитных каменных блока, два из которых имеют монтировочные отверстия на внешней поверхности (рис. 4). Более 80 фрагментов мраморных элементов и архитектурных деталей монументального амвона было открыто в 1980–1992 гг. (Parnicki-Pudełko, 1995; Biernacki, 1995b. P. 315–332; 1997. P. 71–80). Благодаря подробной документации и рисункам всех найденных фрагментов удалось в течение нескольких лет подготовить полную реконструкцию внешнего вида амвона и воссоздать конструктивные особенности (рис. 12). Амвон имел длину 5.56 м и высоту 2.86 м. Его основным элементом являлся мраморный балкон, чья округлая центральная часть обрамлялась прямоугольными выступами. В верхней части выступов выдолблены прямоугольные углубления, являвшиеся последними ступенями двух маршей лестницы, ведущей на балкон. Ширина ступеней составляет 0.70 м, глубина 0.30 м, высота около 0.20 м. Мраморный балкон вытесан из двух мощных монолитных блоков толщиной около 0.52 м. В нижней его части расположено полусферическое углубление диаметром 1.24 м и глубиной 0.30 м. Точно по центру чаши в технике горельефа выполнена монограмма Иисуса Христа (“хризма”), вписанная в круг диаметром 0.54 м. От внешних краев чаши до обвода круга в той же технике даны шесть прямых “лучей солнца”. Такой тип декорирования амвонной чаши – явная реминисценция христианской символики небосвода с Сыном Божиим в его центре. Боковые стороны амвона тщательно про-

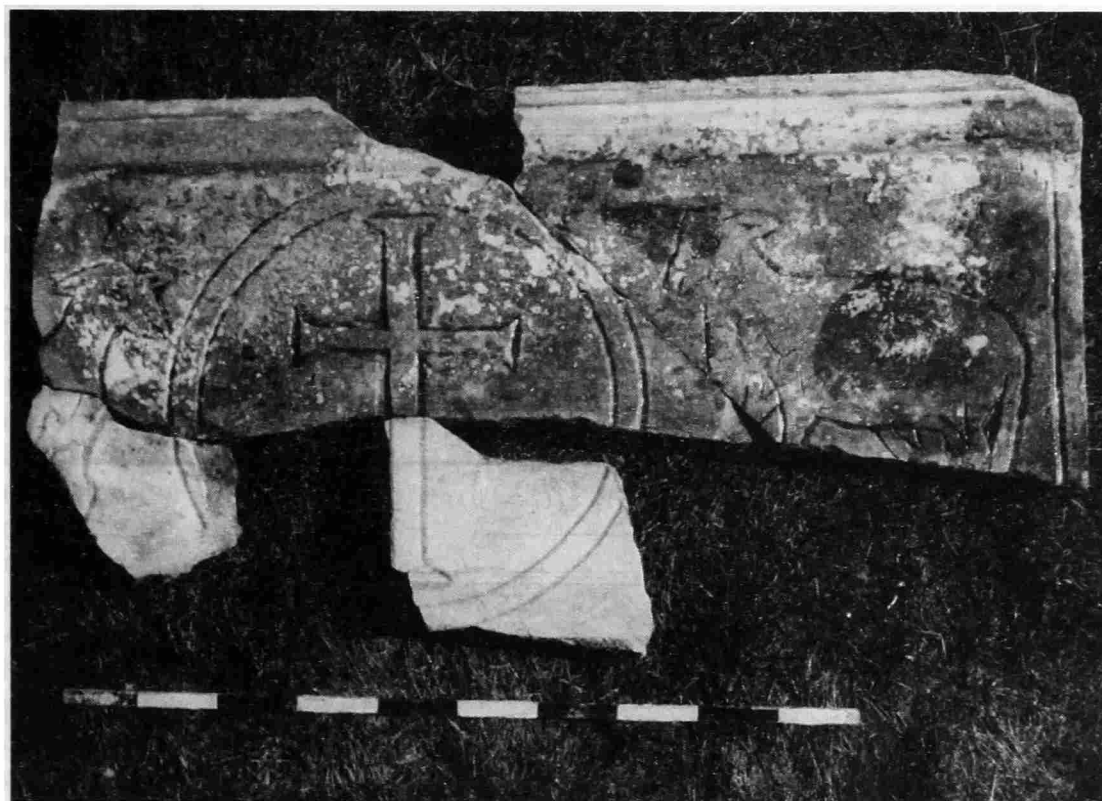

Рис. 11. Мраморная плита с изображением "Agnus Dei".

филированы системой планок, четвертных валиков и широким полувазом; причем художественный декор "сгущается" и расширяется в верхней части балкона путем добавления новых элементов (в результате верхняя, округлая, часть балкона имеет диаметр 2.06 м, а нижняя – едва 1.66 м). Общая длина балкона 2.80 м, он опирался на четыре полуколонки, увенчанные капителями с аканфовым декором. Диаметр баз полуколонок – от 0.19 до 0.21 м; нижние части полуколонок имеют форму полубаз (плинт, тор, trochilus и два стилизованных тора). Полуколонки составляют одно целое с плитами, покрытыми богатой линейно-геометрической резьбой. Эти облицовочные плиты украшали два марша лестницы, ведущей на балкон. Художественное решение их декора строится на орнаменте из взаимопересекающихся равнобедренных треугольников, образованных вогнутыми и выпуклыми планками, полуваликами и четвертьваликами, а также прямой симы. Толщина плит колеблется от 0.21 м до 0.08 м, уменьшаясь к центру декоративного поля, что обусловлено глубиной выполненного рельефа. Полуколонки имели высоту 1.64 м, в то время как общая длина облицовочной плиты составляла 2.08 м (вместе с полуколонкой и нижней балясиной балюстрады лестницы). Верхний косой край облицовочной плиты лестницы представлял собой украшенную балюстраду, завершающуюся ромбовидными в сечении поручнями. Балюстрада имела высоту 0.32 м и толщину 0.10 м. Сохранившиеся фрагменты облицовочных плит и ба-

люстрад лестниц амвона из Нове указывает на две возможности конструктивного решения: как монолитной плиты, соединяющей в себе полуколонну, облицовочную плиту, столбик и балюстраду лестницы, или как конструкции, в которой плита балюстрады лестницы и облицовочная плита соединены при помощи небольших железных штырей. Угол наклона балюстрады колеблется между 45° и 48°. Столбик, служащий завершением облицовочной плиты, имел высоту ок. 1.10 м (в сечении 0.20–0.21 м × 0.18 м) и венчался восьмигранным шаром. Марши лестниц, ведущих на балкон амвона, имели по 9 ступеней (нижняя выступала наружу от облицовочной плиты).

Верхняя плоскость балкона была вознесена на высоту около 2.14 м от уровня пола главного нефа базилики, его балюстрада состояла из прямоугольных плит высотой 0.72 м, которые также были богато украшены линейно-геометрическим орнаментом, имеющим в центре композиции ромб. На одной из сохранившихся плит с внешней стороны ромба в четырех углах помещены рельефные изображения павлина. Размещенные на округлой части балкона амвона балюстрадные плиты были профилированы и, что особенно стоит подчеркнуть, смонтированы таким образом, чтобы в верхней части незначительно отклоняться наружу. Эта верхняя часть имела косой срез, что позволяло ведущему литургию свободно опираться на них руками. Система четырех ромбов, представляющая декор одной стороны балкона, делилась пополам вертикальной полосой из четырех свастик, тща-

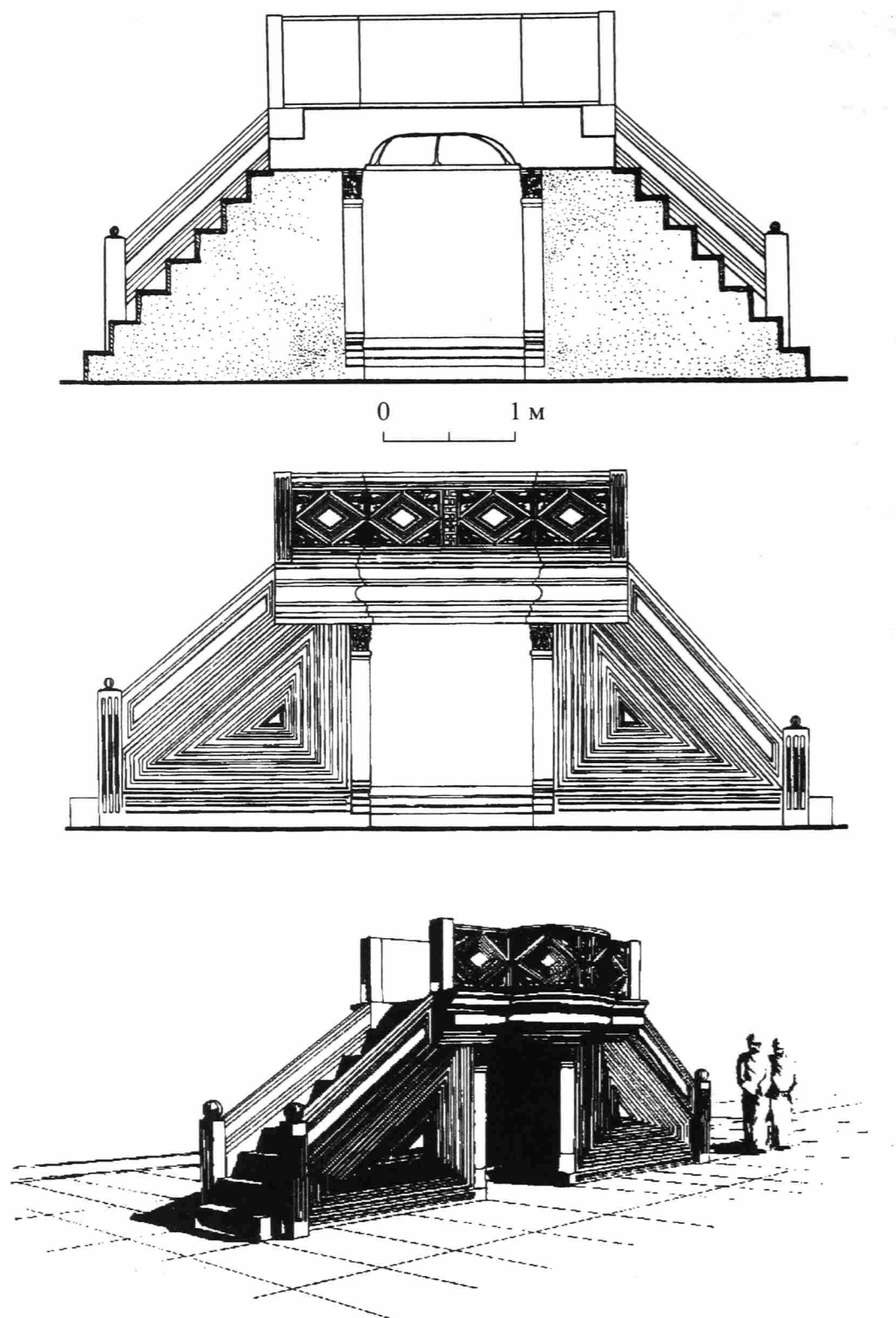

Рис. 12. Амвон VI в. из Нове (разрез, боковой вид, трехмерная реконструкция по А.Б. Бернацки).

тельно выполненных в технике глубокого выпуклого рельефа. На основании уцелевших фрагментов балюстрады балкона можно утверждать, что по обеим его концам находились два параллелепипедных столбика с сечением около 0.20 м (именно таков размер отпечатка, сохранившегося на одном из столбиков балкона). Сохранилось также гнездо для штыря балясины балюстрады. Необходимо также обратить внимание на четыре мраморных фрагмента блоков, в горизонтальном сечении име-

ющих стрельчатую форму. Следует полагать, что они размещались на каменном фундаменте, вертикально под округлой частью балкона, т.е. между полуколонками по продольной оси амвона. Декор в виде двух планок, разделенных широким полуваляком, есть только на выпуклой, внешней стороне этих блоков. На их верхней и нижней частях сохранились прямоугольные углубления для крепящих штырей. В символике декоративного оформления амвона, кроме уже упомянутой монограммы Иису-

са Христа, обратим внимание на два иконографических элемента: павлина и свастику. Как известно, оба они входили в круг канонических христианских символов. Павлин чаще всего идентифицировался с идеей бессмертия и Воскресения, вечной весны и грядущей хвалы (Forstner, 1990. S. 243–246; Baldock, 1994. S. 128). Свастика – знак, оберегающий от дьявола (как *сгх gammata*, крест из гамм) (Forstner, 1990. S. 14). Сравнительно-типологическое исследование позволяет причислить амвон из Нове к так называемому константинопольскому типу. Весомыми аргументами являются расположение амвона в центре храма, точно по продольной оси восток–запад, а также наличие двух лестниц, ведущих на балкон. Дж.П. Содини, на основании решений входов на балкон, выделил четыре группы амвонов Греции и Иллирии (Sodini, 1980. P. 91, 92; Jakobs, 1987). S. 241–243, 284, 285, 298, 299. Taf. 28–31, 74, 75). Амвон из Нове принадлежит к наиболее часто встречаемой группе I, с двухмаршевой лестницей. В эту группу входят, например, амвоны базилик в Стоби, Царицен Граде (базилика с трансептом), Амфиполисе (базилика А), Филиппах (базилика А), Неа-Анхиле (базилика D), Дафноузия, Никополе (базилика В), на о. Делос (Sodini, 1980. P. 92–98; Jakobs, 1987. S. 241–243, 284, 285, 298, 299). Аналогичные амвоны открыты в Малой Азии (в Шохут Касаба, античной Синнаде; Хасан Кой, античной Акмонии; Экисехир, античном Дориалеум; Сельчиклер, античном Себасте (Sodini, Kolokotsas, 1984. P. 107). Амвоны типа I известны также в Вифинии и на таких островах как Лесбос, Самос, Кос, Андрос, Парос, Крит (Sodini, Kolokotsas, 1984. P. 107–109; Jakobs, 1987. S. 266, 267, 291–196). Но амвонов с двухмаршевыми лестницами практически нет в Пелопоннесе, Аттике, Эпире и Беотии, где встречены лишь единичные фрагменты. В областях Балканского полуострова амвоны константинопольского типа представлены весьма широко, однако чаще всего они представлены осколками облицовочных плит лестниц, частями балкона, реже – фрагментами балюстрады амвона. Они происходят из Пирдопа, Старой Загоры, Перуштица, Несебра, Софии, Варны, Марцианополиса-Девна, Преслава, Доляни, Стоби, Бреговины, Том (Sodini, Kolokotsas, 1984. P. 109, 110; Kondić, Popović, 1977. S. 109–123, 140–144, 154; Varnea, 1979. P. 132, 133). Опираясь на приведенные примеры, можно утверждать, что амвоны константинопольского типа были распространены в течение VI в.

Для уточнения датировки обязательно следует обратить внимание на некоторые технико-конструктивные особенности амвона из Нове. Конструктивное решение, при котором поддерживающие балкон амвона полуколонны образуют одно целое с облицовочными плитами лестницы, известно в храмах Стамбула (Безид), Филипп (базилика “экстра мурос”), на о. Делос (Сант Курикуэ),

о. Родос (Лярдос), о. Парос (базилика Трех Храмов) (Sodini, Kolokotsas, 1984. P. 112).

Аналогичные по плану и конструктивным особенностям амвону из Нове двучастные балконы, амвоны с округлой центральной частью, в нижней плоскости которых находится вогнутая чаша, открыты, в частности, в Палатополесе (Андрос), на о. Парос (базилика Трех Храмов); в Гортыни (базилика св. Тита) и в Марзамени (Sodini, Kolokotsas, 1984. P. 113; Kapitän, 1980. P. 71–136; Jakobs, 1987. S. 267). Находившаяся в центре чаши балкона монограмма Иисуса Христа известна на амвонах из Долани (Doljani), Неа-Анхиле (Nea-Anchialos) (базилика D), Терм (Thermes) на о. Кос (Sodini, 1980. P. 94–96; Sodini, Kolokotsas, 1984. P. 113; Jakobs, 1987. S. 263, 285). Существенный аспект – проблема происхождения камня для амвона из Нове и локализация камнерезной мастерской, где он был изготовлен. Дж.П. Содини полагает, что самые известные каменоломни и центры обработки камня для амвонов константинопольского типа следует искать в Синнаде, на о-вах Фасос и Парос, и на самом знаменитом – Проконнесе (Sodini, Kolokotsas, 1984. P. 110; Kapitän, 1980. P. 125–130; Bass, 1972. P. 136, 137). На основании результатов глубоких спектрально-изометрических анализов, проведенных исследовательской лабораторией Британского музея (Лондон) и университетом им. М. Кюри-Склодовской в Люблине (Польша), можно утверждать, что амвон из Нове изготовлен из проконесского мрамора (Mathews, 1995. S. 83–85). Так, на некоторых из фрагментов имеются разные обозначения, интерпретирующиеся как идентификационные камнерезные метки. В пользу такого предположения высказываются Дж.П. Содини (Sodini, Kolokotsas, 1984. P. 32–35), В.Э. Бетш (Betsch, 1979) и К. Барсанти (Barsanti, 1990. P. 91–220). Четыре из шести обнаруженных знаков встречаются и на других архитектурных деталях, выполненных из проконесского мрамора и открытых, в частности, в Константинополе, Никомедии, Месембрии, Плиске, а также – что особенно стоит подчеркнуть – в Херсонесе Таврическом (Barsanti, 1990. P. 214–220; Viernacki, 1997. P. 71–80). Присутствие в Месембрие и Плиске камнерезных знаков, подобных тем, что обнаружены в Нове, к тому же сразу на нескольких архитектурных фрагментах из проконесского мрамора, тоже свидетельствует в пользу данной гипотезы, одновременно указывая одно из существенных направлений распространения изделий из проконесского сырья в городах Причерноморского региона и в Мезии (Najdenova, 1994. S. 113–120).

Сравнивая исходный материал, технику исполнения, художественную обработку амвона с другими элементами и архитектурными деталями интерьера епископской базилики в Нове, можно заметить между ними весьма существенную

Рис. 13. Епископские бани и малая базилика VI в. Вид с северо-востока.

схожесть. Они вполне могут быть изготовлены в одном камнеобрабатывающем центре. Анализ стратиграфии, как и сравнительно-аналитические исследования, позволяют датировать амвон из Нове первой половиной VI в. Тип, форма конструкции и материал вместе с локализацией во внутреннем убранстве епископской базилики в Нове свидетельствуют о константинопольском или малоазийском происхождении. Локализацию алтаря, доступность интерьера храма со многих сторон, наличие атриума и постройку *skeuophylakion* следует считать ничем иным, как проявлением в Нове константинопольской литургической традиции: они входят в комплекс типичных черт раннехристианского греческого или константинопольского храма, установленных Р.Ф. Тафтом (Taft, 1978. P. 178–191). При перепланировке епископского комплекса в первой половине VI в. к северо-западу от большой базилики возводится малая (15.00 × 9.20 м), также трехнефная, с двумя рядами колонн и одной центральной апсидой. Диаметр апсиды 3.28 м, глубина 2.82 м (Więcaszki, 1990. P. 261). Пол базилики вымощен керамическими плитками. Благодаря сохранившимся *in situ* базам и фустам, а также капителям, можно утверждать, что использовался ионическо-римский ордер. В алтарной части найдена *in situ* плита (0.83 × 1.25 × 0.185 м), на которой монтировался алтарный стол. Под плитой открыт известняковый реликварий (0.16 × 0.29 × 0.18 м) с фрагментом кости (Kalinowski, 1997. P. 81, 83). Фрагмент другого реликвария, украшенного крестом с расширяющимися концами в круге, найден в засыпи

в южном нефе возле купели (Parnicki-Pudełko, 1981. S. 131, 132).

К первой половине VI в. относится строительство в южной части двора епископской резиденции бани с тремя полукруглыми и одним прямоугольным бассейном (рис. 13). Два полукруглых бассейна, расположенные друг против друга, наполнялись горячей водой из резервуара, находившегося на специальных каменных опорах с восточной стороны над префурнием; в следующем полукруглом бассейне вода подогревалась за счет теплого воздуха из печи другого аналогичного префурния (Medeksza, 1996. S. 80–84). Прямоугольный бассейн заполнялся холодной водой. С северной стороны находился аподитериум и латрина. Все помещения были соединены между собой. В бани можно было пройти со стороны двора епископской резиденции. В результате землетрясения 557 г. была повреждена большая базилика и большинство вспомогательных помещений, а малая базилика разрушена и уже не восстанавливалась (Дашков, 1996. С. 59). На месте малой базилики возникли хозяйственные помещения. С этим событием следует связывать также перестройку внутри большой базилики. В ее юго-восточной части, на месте раннего диаконикона был построен новый баптистерий (6.90 × 5.90 м) (рис. 14). Вход в него шириной 0.90 м находился в южной стене базилики, а в южной неф, по исполнению обряда крещения, выходили через особую дверь в западной стене. В апсиде баптистерия имелась купель в форме тетраконха, установленная на оси восток-запад (длина по оси 1.83 м), в

Рис. 14. Баптистерий VI в. в боковом нефе (вид с юга).

который вписан круг (дм 1.50 м). Центральная часть купели представляет собой мраморный бассейн диаметром 0.44 м и глубиной 0.14 м (Biernacki et al., 1980. S. 132–134). Уникальный в своем роде баптистерий ближе всего типу B9 (Khatchatrian, 1962. P. 19–21; 1982. P. 9–43). На территории Балканского полуострова, Греции и в Константинополе не удалось найти примера планировки, при котором крещальна находится в восточном углу храма (исключение – баптистерий VII–IX вв. в Сиврото на о. Крит) (Khatchatrian, 1962. P. 24, 25, 80) Купели в форме тетраконха (по типологии А. Хачатрина соответствует типу 30) распространены в регионе Сирии во второй половине VI в. (Khatchatrian, 1982. P. 76; Biernacki, 1990. P. 201–202; Kalinowski, 1995. P. 34).

В этот период большинство помещений юго-западной и северо-западной части комплекса выполняли хозяйственные функции, служили для хранения и приготовления пищи. Здесь открыты две кухонные печи, заглубленные в глинобитные полы помещений. Жители резиденции занимались ловлей рыбы и ее заготовкой: в юго-западной части найдено большое количество керамических грузил для сетей и заготовок для них. При резиденции существовала керамическая мастерская, изготавливавшая амфоры и кухонную керамику (Kotecki, 1977. S. 193).

К сожалению, большинство объектов этого времени разобраны в более поздний период на материалы для других сооружений. Они не имели значительных фундаментов (вероятно, были од-

ноэтажными), а стены складывались на растворе из глины, без извести. В нивелировочных насыпях под фундаментами встречаются монеты последних лет правления Юстиниана I (562–563), а в слоях окончательного разрушения епископского комплекса монеты Маврикия Тиберия (578–582).

Последний раз епископ Нове упоминается в письменных источниках первой половины IX в. (Маевский, 1961. С. 270). Однако на участке епископского комплекса в течение многих лет работ материал или постройки, которые можно уверенно отнести к столь позднему времени, не обнаружены. Последующие раскопки этого памятника должны уточнить планировку и размеры комплекса, особенно его южной и западной частей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.
- Димитров К. Нове на Долния Дунав като раннехристиянски център (V–VI в. сл. Хр.) // Балканские древности. 1992. № 2.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // Известия Императорской археологической комиссии. 1904. № 9.
- Маевский К. Археологические исследования города Нове (Болгария) в 1960 г. // СА. 1961. № 4.
- Baldock J. Symbolika Chrześcijańska. Poznań, 1994.
- Barnea I. Christian Art // Romania. Bucharest, 1979.
- Barsanti C. L'esportazione di Marmi dal Proconneso nelle Regioni Pontiche durante il IV–VI secolo // Rivista

- dell'Istituto Nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte. 1989. Serie III. Anno XII. Roma, 1990.
- Bass G.F.* A History of Seafaring Based Underwater Archaeology. London, 1972.
- Betsch W.E.* The History, Production and Distribution of the Late Antique Capital in Constantinople // Univ. Pennsylvania Ph. Diss. Fine Arts. 1977. Ann Arbor, 1979.
- Biernacki A.B.* Remarks on the Basilica and Episcopal Residence at Novae // Acta Associationis Internationalis Terra Antiqua Balcanica. V. V. Sofia, 1990.
- Biernacki A.B.* Novae 1990–1994. Raport z kampanii wykopalskich Ekspedycji Archeologicznej Uniwersytetu im Adama Mickiewicza // Balcanica Posnaniensia. 1995a. № VII.
- Biernacki A.B.* The pulpit in the episcopal basilica at Novae // Balcanica Posnaniensia. 1995b. № VII.
- Biernacki A.B.* Remarks on early Christian architectural details made of proconnesian marble found in Novae (Moesia Inferior) // Late Roman and Early Byzantine cities on the Lower Danube from the 4th to the 6th century A.D. / Eds Biernacki A.B., Pawlak P. Poznan, 1997.
- Biernacki A.B.* A marble sigma-shaped mensa from Novae // Der Limes an der unteren Donau von Diokletian bis Hirklios / Eds von Bulow G., Milcheva A. Sofia, 1999.
- Biernacki A.B., Czerniak L., Herbich T. et al.* Novae – Sektor Zachodni. 1974 // Archeologia. 1976. T. XXVII.
- Biernacki A.B., Klenina E.* Some remarks about the Episcopal residence of the V–VI AD in Novae. Sofia, 2001.
- Biernacki A.B., Medeksza St.* An attempt at a spatial reconstruction of the columnar hall in the Episcopal residence at Novae // Novae. Studies and Materials. V. I. Poznań 1995.
- Biernacki A.B., Mrozewicz L., Parnicki-Pudełko S.* Novae – Sektor Zachodni. 1978 // Archeologia. 1980. T. XXXI.
- Biernacki A.B., Pawlak P.* Dwadzieścia pięć lat badań Ekspedycji Archeologicznej Uniwersytetu im Adama Mickiewicza w Novae (1970–1994) // Wielkopolskie Sprawozdania Archeologiczne. T. III. Poznan, 1995.
- Chalkia E.* Le mense paleocristiane. Tipologia e funzioni delle mense secondarie nel culto paleocristiano // Studi di Antichita Cristiana XLVI. Citta del Vaticano, 1991.
- Čičikova M.* Mensa sacra ot Nicopolis ad Istrum // Известия на Археологически Институт БАН. 1972. № 33.
- Delehaye H.* Les légendes grecques des saints militaires. Paris, 1909.
- Delehaye H.* Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1911.
- Delehaye H.* Saints de Thrace et de Mésie // Analecta Bollandiana. 1912. T. XXXI.
- Dresken-Weiland J.* Reliefierte Tischplatten aus Theodosianischer Zeit // Studi di Antichita Cristiana. V. XLIII. Citta del Vaticano, 1991.
- Filarska B.* Archeologia chrześcijańska w zachodniej części Imperium Rzymskiego. Warszawa, 1999.
- Forstner D.* Świat Symboliki Chrześcijańskiej. Warszawa, 1990.
- Grumel V.* Traité d'études Byzantines, I // La chronologie. Paris, 1958.
- Ilski K.* Biskupstwo w Novae a zagadnienie christianizacji Mezji Dolnej // Balcanica Posnaniensia. 1984. № 1.
- Ilski K.* Moesia Christiana. Początek i rozwój // Eos. 1994. V. LXXXII. Fasc. 1.
- Ilski K.* Biskupi Mezji i Scytii IV–VI w. Poznań, 1995.
- Jakobs F.* Die fruhchristlichen Ambone Griechenlands. Boon, 1987.
- Kalinowski Z.* Baptistry in the Episcopal basilica at Novae // Novae. Studies and materials. V. I. Poznan, 1995.
- Kalinowski Z.* Stone reliquaries at Novae // Late Roman and Early Byzantine cities on the Lower Danube from the 4th to the 6th century A.D. / Eds Biernacki A.B., Pawlak P. Poznan, 1997.
- Kapitän G.* Elementi architectonici per una basilica dal relitto navale del secolo di Marzamemi (Siracusa) // XXVII Corso di cultura sull'arte Ravennate e Bizantina. 1980.
- Khatchatrian A.* Les baptisteries paleochretiens. Paris, 1962.
- Khatchatrian A.* Origine et typologie des baptisteres paleochretiens. Mulhouse, 1982.
- Kitzinger E.* A Marble Relief of the Theodosian Period // Dumbarton Oaks Papers. T. 14. Washington, D.C., 1960.
- Kondić V., Popović V.* Caricin Grad. Belgrade, 1977.
- Kotecki J.* Piec gancarski w "sondażu wodociagowym" // Archeologia. V. XXVIII. Warszawa, 1977.
- Makowiecki D., Makowiecka M.* Wstępne wyniki badań zwierzęcych szczątków kostnych z okolic zespołu pomieszczeń pomocniczych bazyliki biskupiej w Novae (Bulgaria). 2001.
- Matthews K.* Report on the stable isotope analysis of three fragments from a marble ambo from Novae // Novae. Studies and materials. V. I. Poznan, 1995.
- Medeksza S.* Episcopal bath. Heating installations. Preliminary technical and functional analysis // Archeologia. V. XLVII. Warszawa, 1996.
- Michon E.* Debris de grands plats chretiens, en marbre conserves au Louvre, representant Daniel entre deux lions et Jonas rejete par la baleine // Bulletin de la Societe Nationale des antiquaries de France. 1900.
- Michon E.* Rebords de sculptes byzantins Bulletin de la Societe Nationale des antiquaries de France. 1908.
- Michon E.* Rebords de bassins chretiens ornes de reliefs [1] // Revue biblique. 1915. T. 12.
- Michon E.* Rebords de bassins chretiens ornes de reliefs [2] // Revue biblique. 1916. T. 13.
- Najdenova V.* Une jetée paléobyzantine récemment découverte sur la côte occidentale de la Mer Noire // Thracia Pontica. Вип. V. Варна, 1994.
- Pallas D.* Les monuments' paleochretiens de Grece decouverts de 1959 a 1973 // Sussidi allo studio delle antichita cristiana. V. 5. Citta del Vaticano, 1977.
- Parnicki-Pudełko S.* Rejon forum – odcinek X // Novae – Sektor Zachodni 1976, 1978. Poznań, 1981.
- Parnicki-Pudełko S.* The Early Christian Episcopal Basilica in Novae // Archaeologia Polona XXI–XXII. Warszawa, 1983.
- Parnicki-Pudełko S.* Wczesnochrześcijańska bazylika episkopalna w Novae // Balkanica Poznanensia. № I. Poznań, 1984.
- Parnicki-Pudełko S.* The Episcopal basilica in Novae // Archaeological research 1976–1990. Poznan, 1995.
- Poulter A.* "Gradishte" near Dichin: a new roman fortress on the Lower Danube // Der Limes an der unteren Donau

- von Diokletian bis Hiraklios / Eds von Bulow G., Milcheva A. Sofia, 1999.
- Prostko-Prostyński J.* Theodoric the Great in Novae: some remarks on the chronology of events // Late Roman and Early Byzantine cities on the Lower Danube from the 4th to the 6th century A.D. / Eds Biernacki A.B., Pawlak P. Poznan, 1997.
- Sarnowski T.* Die Principia von Novae in späten 4. und frühen 5. Jh. // Der Limes an der unteren Donau von Diokletian bis Hiraklios / Eds von Bulow G., Milcheva A. Sofia, 1999.
- Sodini J.P.* La sculpture architecturale a l'epoque paleochretienne en Illyricum // Rapports du Xe CAC Thessalonique, 1980.
- Sodini J.P., Kolokotsas K.* Alike II: La basilique double // Etude Thasiennes. V. 10. Paris, 1984.
- Sunaxarium Constantinopolitanum // ASS. 1917. № II, 2.
- Taft R.F.* The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Second Edition. Orientalia Christiana Analecta. Pont. Institutum Studiorum Orientalium. Roma, 1978.
- Theophylactus Simocatta, Historiae // Ed. de Boor C. Lipsiae, 1887.
- Thomas E.* Bruchstück einer Frühchristlichen Marmortschplatte mit Reliefverzierung aus Csopak // Acta Academiae Scientiarum Hungaricae. 1955. T. 3.
- Vaklinova M.* The Christian Rhodopes // Rhodopica. 1999. № 1.

Bishop complex of the 5th – the 6th cc. in Nova (Svishtov), in Bulgaria

A. B. Bernatsky, E. Yu. Klenina

Summary

The discussed architectural complex of the 5th – the 6th cc. in Nova (Svishtov), in Bulgaria is represented in the final essay concerning the results of long-term excavations. The works were aimed at investigations of one of the most eloquent architectural assemblages within the territory of Roman limes, which included the constructions of three-petal arch type. The complex in question is one of the most exhaustively studied objects of the type characterised by heterogeneous architectural program.

К ВОПРОСУ О “ДОЛЕЧНОЙ” ТЕХНИКЕ

© 2003 г. А. Е. Матюхин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Уже давно в литературе по палеолиту утвердилось мнение о том, что на его ранней и средней стадиях существовал особый способ раскалывания галек, валунов, желваков и обломков с целью получения запланированных отщепов со спинками (обушками) – “долечная техника”. Впервые об этом заговорил М. Бурлон (Bourlon, 1910. Р. 157–167), введя понятие “техника параллельных долек” или “техника колбасных ломтиков” (*en tranch de saucisson technique*). Однако всеобщее внимание к этому вопросу было привлечено после работ А. Бланка (Blanc, 1942. Р. 1–37) в гроте Гуатари в Монте-Чирчео. В многочисленных работах последующих лет чаще всего использовалось понятие “долечная техника”. Встречаются и другие определения, в частности “понтийская техника” (Gabori-Csánk, 1968. Р. 161) и др. Было дано обоснование этой “техники” введены различные, нередко экзотичные обозначения сколов со спинками, например, “дольки”, “цитроны”, “ломтики”, “скибки” и т.п. (см.: Pannochia, 1950. Р. 67–86; Octobon, 1956. Р. 3–78; Isetti et al., 1962. Р. 70, 71; Gabori-Csánk, 1968. Р. 115–120; Соловьев, 1971. С. 45, 46; Гладилин, Ситливый 1990. С. 8, 9; Ranov, 1995. Р. 737) Существенно, что эти термины применялись не только к сколам, снятым с галек, валунов и желваков и имеющим корочное покрытие, выпуклые, сферические очертания боковых краев, но также снятым с остроугольных обломков и плиток. В последнем случае один из боковых краев представляет отчетливую грань, расположенную под прямым углом или небольшим наклоном к одной из поверхностей. К подобного рода сколам более подходит термин, введенный французскими исследователями (Beugies, Voëda, 1983. Р. 275–279) – “сколы с боковыми гранями” (*éclats débordants*). Кроме того, к сколам со спинками многие исследователи относят не только предметы, имеющие крутой или полукрутой край, но также достаточно пологий и широкий участок, т.е. типичные отщепы полупервичные или отщепы с частичной коркой. Таким образом, к одной группе причисляются изделия, полученные при изготовлении орудий и расщеплении нуклеусов и имеющие разную морфологию и технологию, что на наш взгляд неверно. В тип-листе Ф. Борда (Bordes, 1961. Р. 33) присутствует орудие “нож с естественным обушком”. Еще раньше Д. Пейрони (Peugoni, 1934. Р. 38) говорил о ножах и остриях с естественной или гладкой обработанной спинкой.

Была предпринята попытка дать классификацию ножей с естественными обушками, показывающую морфологическое разнообразие изделий подобного рода (Любин, 1977. С. 119–121). Высказано мнение о том, что сколы со спинками получались со специальных нуклеусов, а следовательно, в ходе использования особой техники (Bordes, 1961. Р. 19; Isetti et al., 1962. Р. 99–101; Lumley, 1969. Р. 56; Beugies, Voëda, 1983. Р. 276, 277). Введено в оборот такое понятие как “долечная культура” (Vértes, 1970. Р. 9–30) и даже “скибочная культура” (Соловьев, 1971. С. 46).

Сколы с обушками выявлены в различных палеолитических индустриях. В большом количестве они присутствуют в тех раннепалеолитических памятниках, где в качестве сырья использовались гальки и валуны, например в лессовых стоянках Таджикистана (Ранов, 1992; Ranov, 1995. Р. 737–743), стоянке Вертешоллеш в Венгрии (Vértes, 1970. Р. 29; Dobosi, 1990. Р. 411–455), стоянках Средиземноморского побережья Франции (Lumley, 1969), Италии (Blanc, 1942. Р. 1–31; Pannochia, 1950. Р. 67–86) и Испании (Bordes, 1984. Р. 206, 207). То же можно сказать и в отношении некоторых мустьерских стоянок Венгрии, например Тата (Vértes, 1964) и Эрд (Gabori-Csánk, 1968). Не удивительно, что немало сколов с обушками выявлено в позднепалеолитических стоянках Сибири, где в качестве сырья использовались гальки и валуны (см. напр.: Абрамова, 1979. С. 129–150; Астахов, 1999. С. 49–117; Sitlivy-Escutenaire, Sitlivy, 1996. Р. 49–96). Изделия со спинками (округлыми и плоскими) часто встречаются в тех памятниках, где исходным сырьем служили желваки, плитки и обломки горных пород. Довольно многочисленны они в индустриях мустье с ашельской традицией (Bordes, Bourgon, 1951. Р. 10, 16), мустье типичное (Girard, 1978. Р. 65–209; Любин, 1977. С. 129, 130; Анисюткин, 1981. С. 48). Здесь важно подчеркнуть ряд моментов. Сколы со спинками практически не выделялись в позднепалеолитических индустриях, хотя в них они присутствуют. Во-вторых, говоря о таких сколах, исследователи как правило обращали внимание на выразительные сколы, так называемые ножи с естественными обушками. Однако во многих палеолитических коллекциях присутствует большое число грубых сколов со спинками, которые обычно не упоминаются. Вообще к обушковым формам следует

относить отщепы и пластины, у которых боковые участки достаточно узкие и крутые (не менее 70°). Заметим, что к сколам со спинками, особенно, если они сняты с валунов, галек и желваков, многие авторы неоправданно относят отщепы с широкими и довольно пологими необработанными участками. Поэтому число сколов со спинками в работах нередко завышается.

Основная цель статьи – на основе данных проведенных нами экспериментов, а также археологических материалов рассмотреть вопрос о технологических особенностях сколов с обушками: являются ли они случайными или преднамеренными продуктами обработки камня. Работа носит обобщенный исследовательский характер и не основывается на материалах каких-то отдельных памятников.

Вначале изложим результаты экспериментов по раскалыванию галек и валунов с целью получения орудий (чопперов, рис. 1), а также заготовок (нуклеусный вариант), которые, как нам кажется, могут пролить свет на природу тех или иных сколов со спинками, особенно так называемых цитрусовых долек, их морфологию и типологию. Используемые в экспериментах валуны имели зауженные пропорции. Ширина их колебалась в основном в пределах 7–12 см, а толщина – 6–10 см (рис. 2, III–IV; 3, IV; 4, I–II). Они представлены хорошо окремненными песчаниками и сланцами. Предметы в разной степени окатаны и имеют неодинаковую конфигурацию и толщину краев, что крайне важно, поскольку это обстоятельство оказывает большое влияние не только на форму отщепов (наличие спинок, а, главное, характер последних), но также на сам процесс их расщепления. В наших опытах раскалыванию подвергались как валуны с уплощенными боковыми краями, так и валуны с крутыми краями (рис. 2, III–IV; 4, I–II). Эксперименты проводились на галечниках разных рек, но в большей степени – Тиссы (Закарпатье). Они направлены как на понимание обушковых форм в целом, так и предметов подобного рода из отдельных коллекций, например, ашельских слоев Королево I в Закарпатье (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 37–65). Одной из важных задач, которую мы ставили перед собой – установить особенности раскалывания валунов (по принципу нуклеусов), имеющих разную морфологию без подготовки и подправки ударных площадок. Существенным представляется и выяснение взаимосвязи морфологии сколов со спинками и формы боковых краев валунов, по которым наносились удары. Отметим, что специальные эксперименты по моделированию отщепов со спинками при раскалывании обломков и плиток, т.е. собственно нуклеусов, нами не проводились.

Удары по валунам наносились отбойниками соответствующего веса из вязкого песчаника. Осо-

бенностью раскалывания галек и валунов является то, что снятие отщепов происходит с их необработанных участков, выступающих в роли ударных площадок. Это могли быть, с одной стороны, удобные для нанесения ударов участки, а с другой – наоборот, неровные излишне выпуклые, скошенные и т.п. После снятия очередного отщепа наносился или последующий удар, или производилась подправка карниза рабочей поверхности валунов-нуклеусов. В ряде случаев (иногда по усмотрению изготовителя) последняя операция компенсировалась нанесением ударов по участку, расположенному на значительном расстоянии от кромки ударной площадки. Вообще изготовление чопперов из галек и равномерно уплощенных по всей длине валунов (рис. 1, II–III; 3, IV), а также расщепление массивных валунов, имеющих отчетливо крутые боковые края (рис. 2, III–IV; 4, I–II) – это в технологическом отношении разные процедуры, что объясняется отличием не только в морфологии обрабатываемых предметов, но также неодинаковыми целевыми установками. В первом случае – это преимущественно изготовление орудий, а во втором – скалывание отщепов фактически с нуклеусов. При изготовлении чопперов из галек и плоских некрупных валунов снятие отщепов направлено на получение пригодного для совершения полезных действий рабочего края. Здесь отщепы являются на деле отходами производства. При раскалывании валунов-нуклеусов возникает немало правильных по форме отщепов. Наличие или отсутствие спинок, степень их крутизны зависят в первую очередь от места удара: средняя часть или краевые участки гальки или валуна. Когда отщепы снимаются с боковых краев, то существенным являются детали их морфологии, а также характер расположения конкретной плоскости расщепления (негатив скола). Так, отщепы с дуговидным обушком снимаются во всех случаях с участка валуна, имеющего соответствующую форму (рис. 1, 2–4, II–III; 2, I, III, IV; 4, IV; 5, VII). При строго плоскостном расщеплении существует одна общая рабочая поверхность. В соответствии с той или иной технологической ситуацией конкретная зона расщепления может заходить на боковой край, что приводит (или нет) к смене способа раскалывания, например переход от плоскостного параллельного к полуобъемному параллельному раскалыванию (рис. 2, III–IV; 3, IV). Часто такое захождение зоны расщепления бывает вынужденным, в частности не удастся снять отщеп в основной плоской зоне. Выход последней на боковой край (но не во всех случаях) приводит к скалыванию отщепов с пологими необработанными боковыми участками, т.е. обычных сколов с коркой, в том числе полупервичных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что морфология сколов, снимаемых с валунов и галек, обусловлена в значительной мере морфо-

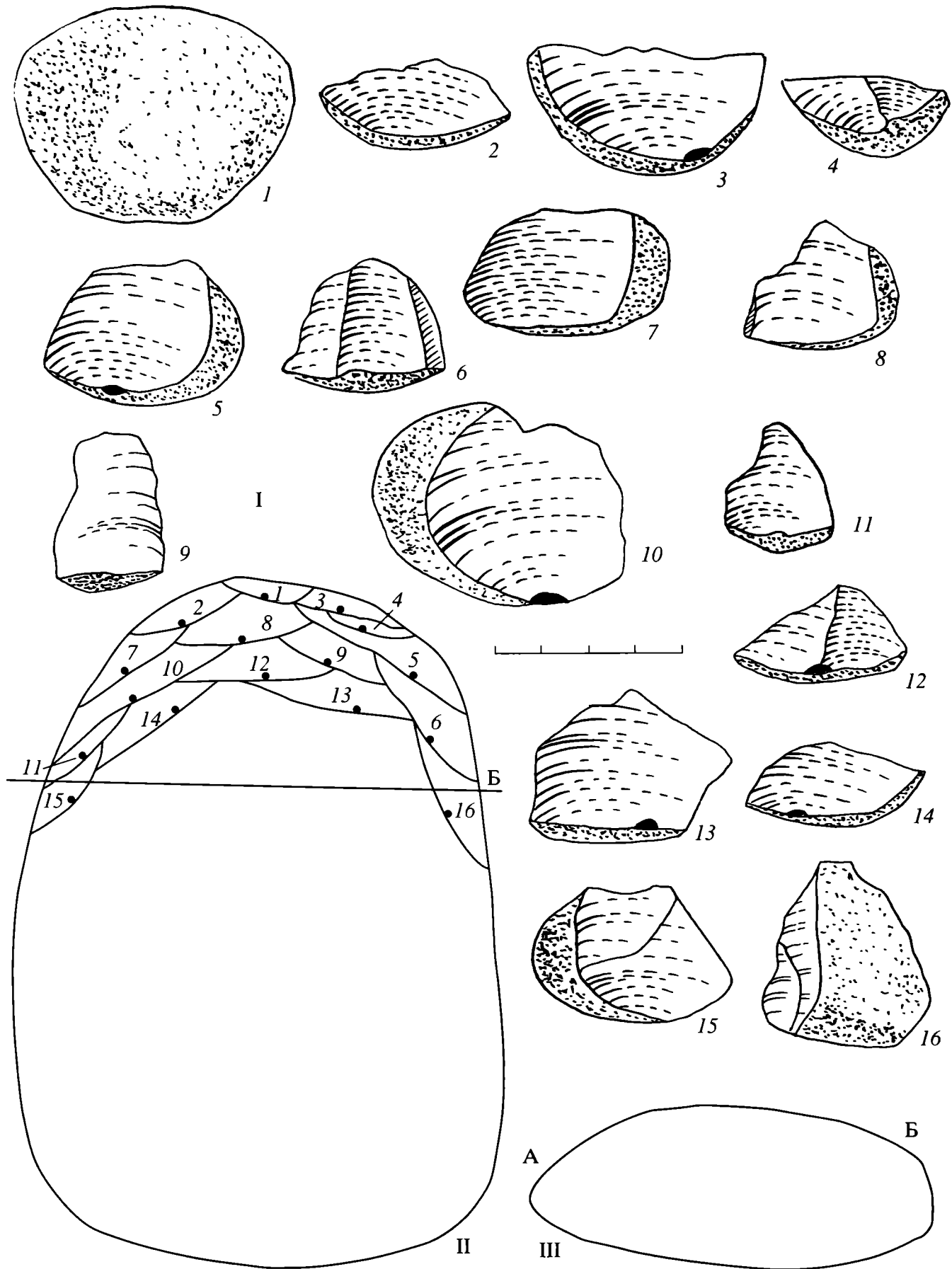

Рис. 1. Изготовление чоппера (эксперимент № 2). Арабскими цифрами показаны отщепы в порядке их скалывания. I – отщепы; II – последовательность снятия отщепов; III – сечение валуна.

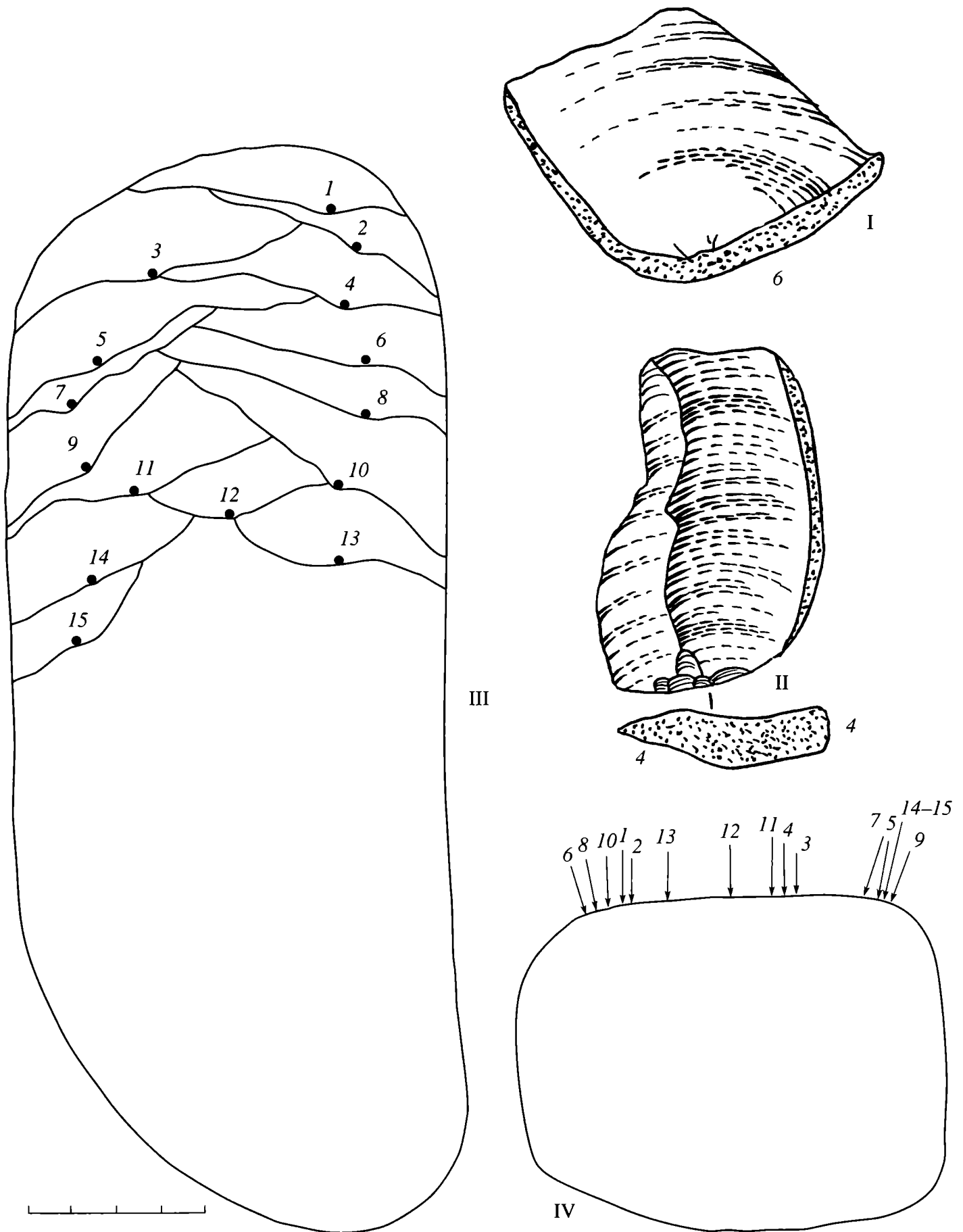

Рис. 2. Расщепление валуна (эксперимент № 3). I–II – отщепы; III – последовательность снятия отщепов; IV – сечение валуна и места нанесения ударов.

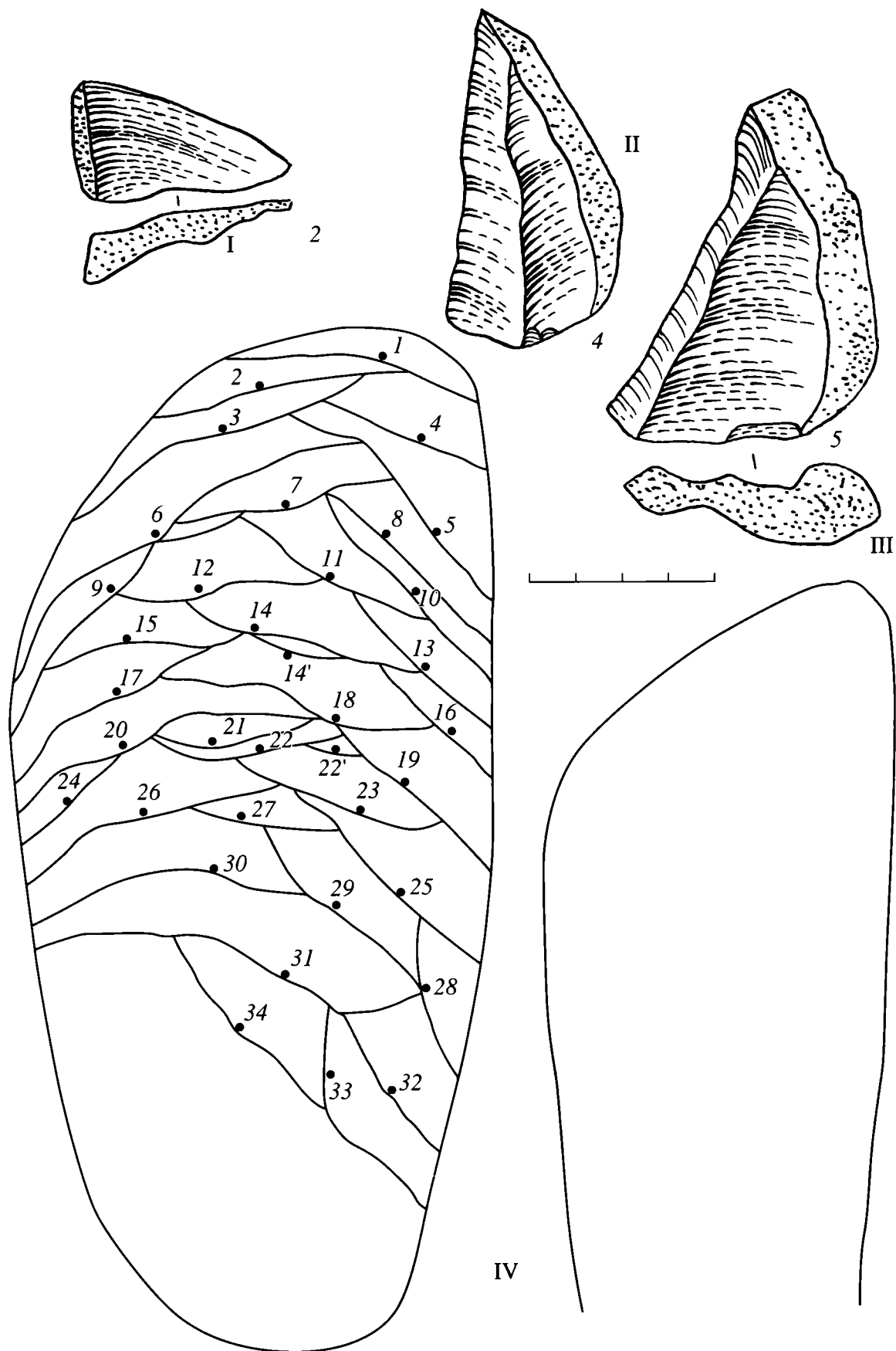

Рис. 3. Расщепление валуна (эксперимент № 14). I–III – отщепы; IV – последовательность снятия отщепов.

логией последних и конкретной технологической ситуацией. И действительно, если отщеп снимается со средней части гальки или валуна, то корка у него будет чаще всего только на ударной площадке (рис. 1, 6, 9, 11, 13; 5, III, IX; 6, I, III). При скалы-

вании отщепов с боковых краев возникают изделия со спинками и, соответственно, необработанными площадками (рис. 1, 5, 7; 2, II; 3, III; 5, I, II, IV–VI, VII–IX; 6, IV–V, VII–VIII). Если обработке подвергается немассивный валун, то удар проби-

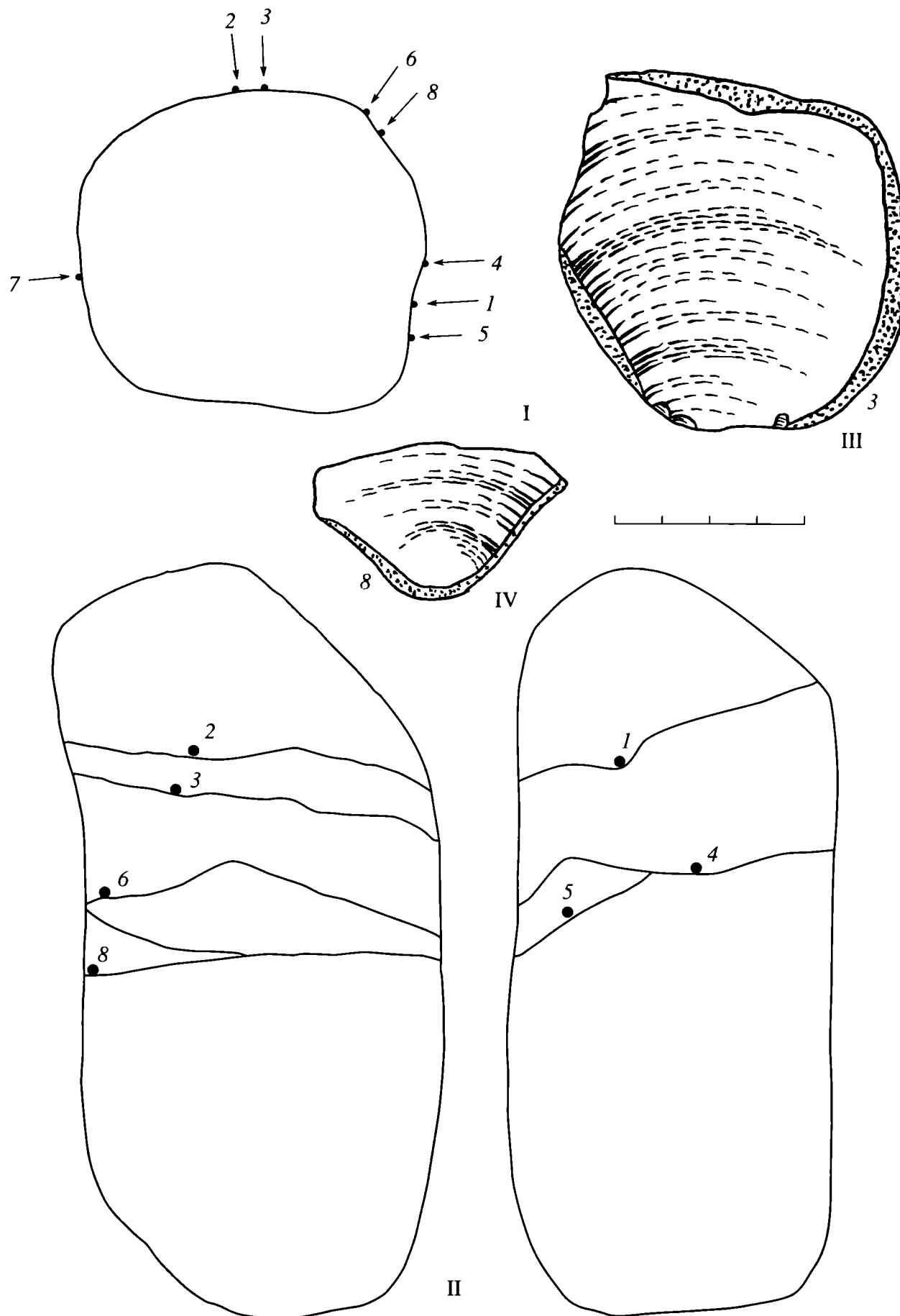

Рис. 4. Расщепление валуна (эксперимент № 17). I – сечение валуна и места нанесения ударов; II – последовательность снятия отщепов; III–IV – отщепы (выборочно).

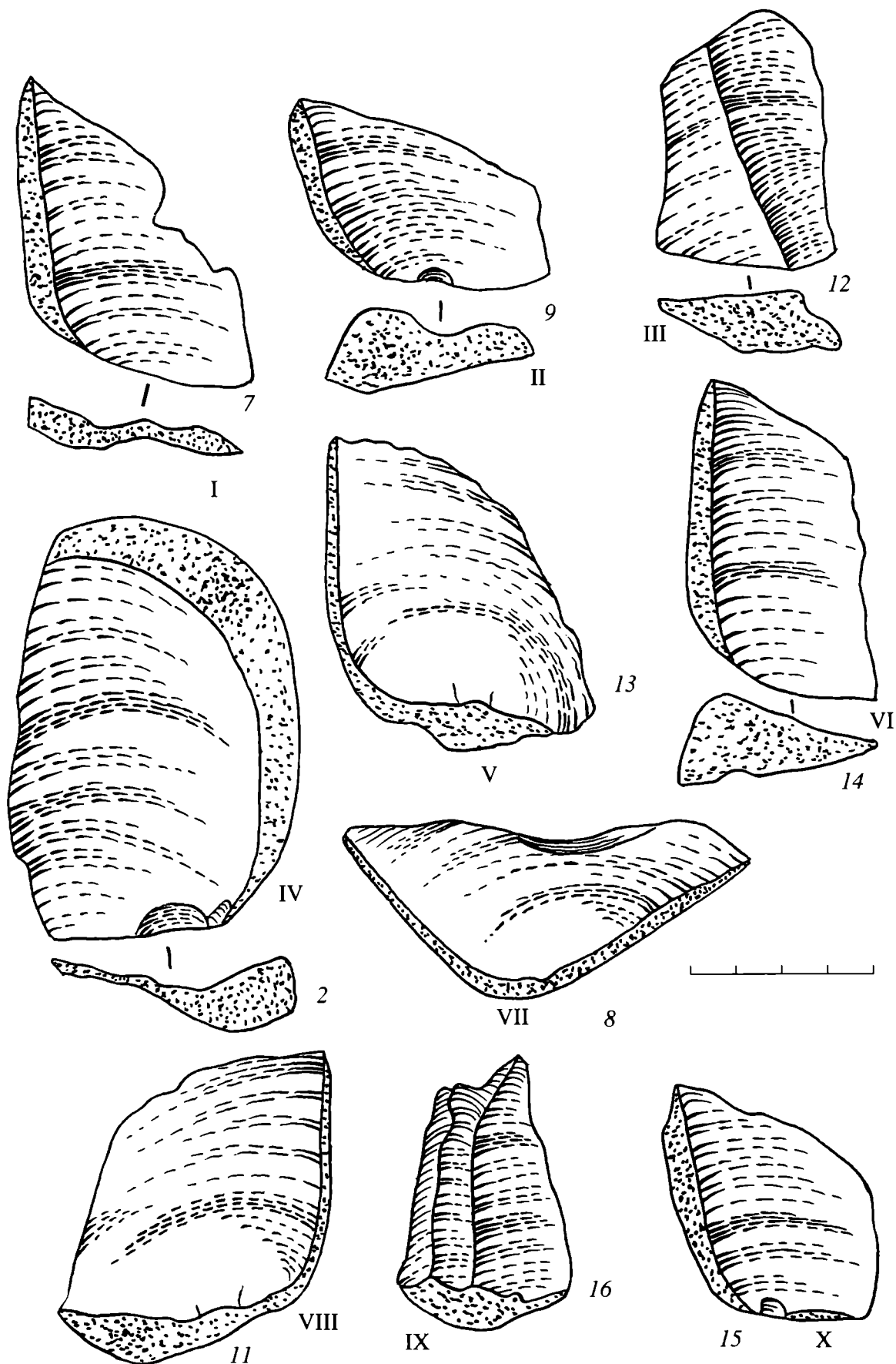

Рис. 5. Эксперимент № 3 (продолжение). Отщепы (выборочно).

вает его, приводя к снятию отщепа, у которого необработанными будут один боковой край и оба конца одновременно (рис. 4, III). Когда материал недостаточно изотропный, то не всегда удается менять общую поверхность расщепления, т.е. вы-

ходить за ее пределы (см. выше). Здесь следует принимать во внимание и степень окатанности боковых краев валунов, их толщину, другими словами, наличие удачного места для нанесения ударов. Если валун представлен окремненным сланцем

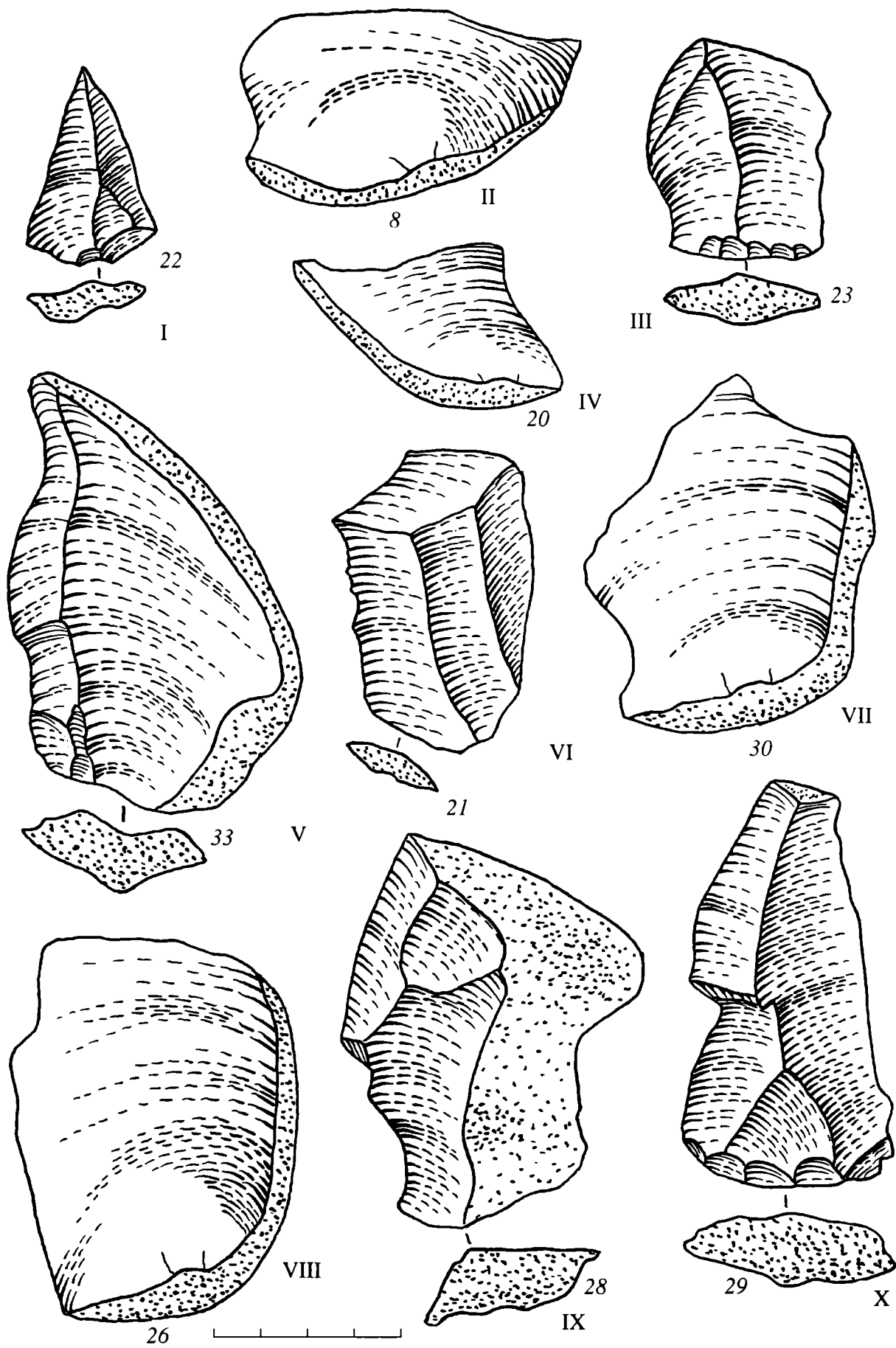

Рис. 6. Эксперимент № 14 (продолжение). Отщепы (выборочно).

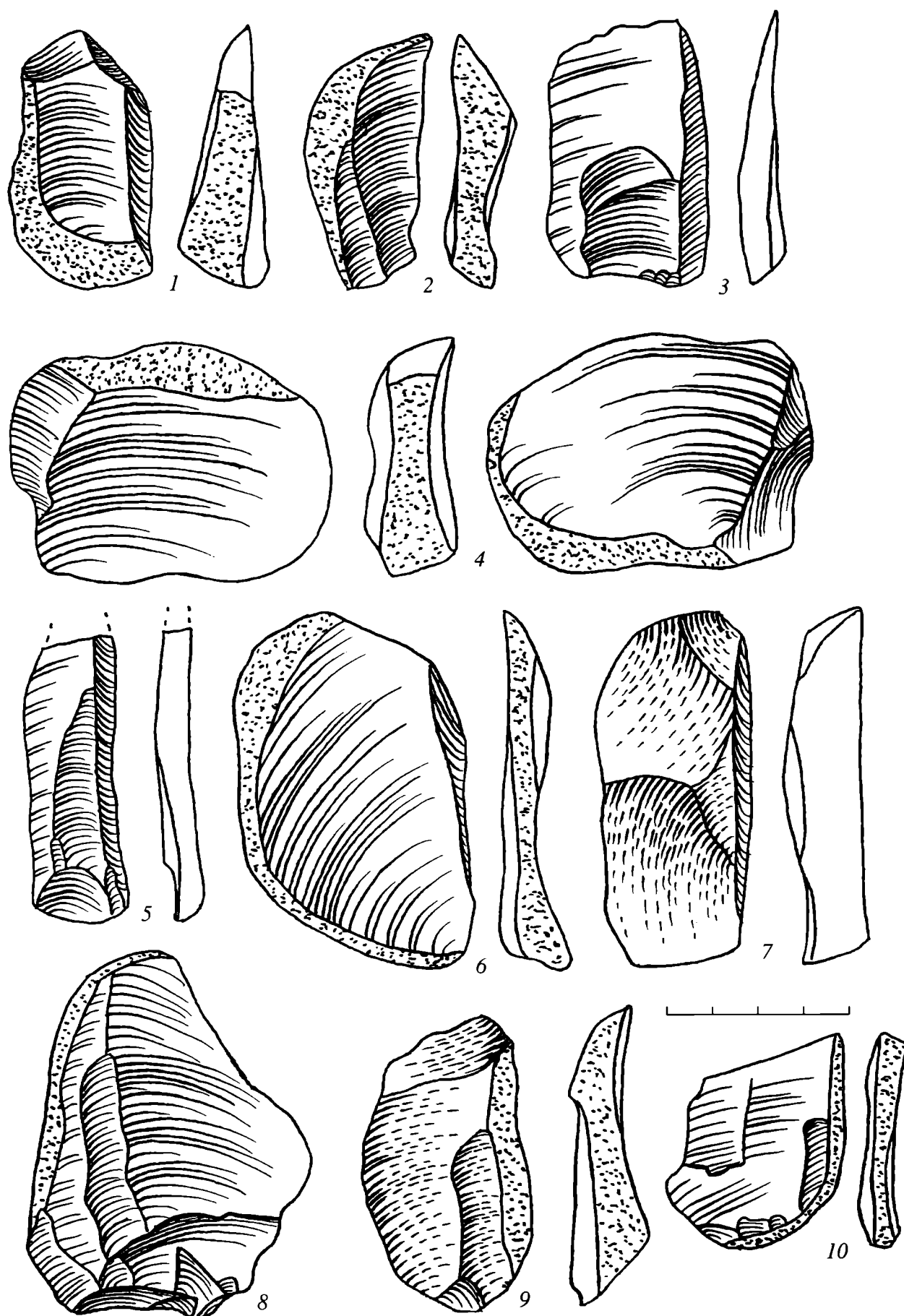

Рис. 7. Сколы с обушками из мустьерских (1–5, 7, 9) и позднепалеолитических (6, 8, 10) индустрий Северского Донца.

или песчаником и имеет толщину не более 7–8 см, то при снятии сколов угол между двумя смежными поверхностями будет небольшим – в пределах 65–75°. В отличие от подлинных нуклеусов, у которых обычно скошена ударная площадка, у таких валунов-нуклеусов заметно скошенной является рабочая поверхность, т.е. как при изготовлении чопперов (рис. 3, IV). В данной ситуации возникает больше возможностей располагать конкретную зону расщепления в той или иной плоскости. Наоборот, при расщеплении валунов, массивных в сечении, без уплощенных боковых краев и особенно представленных слабо окремненными породами, угол между обработанным участком (спинкой) края и брюшком окажется иным – 75–90° (рис. 2, III, IV).

Вообще снятие отщепов с относительно массивных валунов происходит в определенной степени по типу торцовых нуклеусов, а с валунов, имеющих уплощенные края, как при изготовлении чопперов. Однако отличие торцовых нуклеусов от валунов-нуклеусов заключается в том, что у вторых ударная площадка не оформляется. Непрерывно меняется только рабочая зона поверхности раскалывания, заходя частично на боковые края. Присутствие обушковых отщепов, снятых с валунов, указывает на то, что раскалывание последних не является случайной технологической операцией. Снятие отщепов с торцов валунов, а не по длинной их оси может быть объяснено рядом причин. В отдельных случаях удары нельзя наносить вдоль длинной оси валунов, поскольку это не согласуется со слоистостью исходного материала: происходит заламывание отщепов. Вторым важным моментом является принцип целесообразности: торцовое скалывание приводит к снятию большого количества отщепов. Наконец, надо иметь в виду индивидуальную манеру первобытного мастера, его привычки, целевые установки и т.п.

Стоит заметить, что при раскалывании галек и массивных валунов, несмотря на определенное технологическое отличие, во многих случаях возникают отщепы с близкой морфологией. Здесь многое зависит от места нанесения ударов, морфологии и характера последнего. Так, сколы с выразительными спинками (“цитрусовые дольки”) получаются во многих случаях при нанесении ударов по необработанным частям орудий. С другой стороны, раскалывание массивных в сечении валунов и обычных нуклеусов и особенно нуклеусов, представленных гальками, имеет много общего. Отсутствие сколов дуговидной формы при раскалывании многих нуклеусов объясняется в значительной степени формой и характером их боковых краев и ударной площадки и особенностью взаимосвязи между ними.

Таблица 1. Калитвенка 1в, верхний уровень. Типы отщепов со спинками

Типы отщепов	Характер спинок		
	необработанные	обработанные гладкие	итого
Первичные	39	29	68
Полупервичные	100	39	139
С частичной коркой	114	32	146
Без корки	–	67	67
Всего	253 (60.23)	167 (39.76)	420

Теперь обратимся к отдельным археологическим коллекциям, которые нам удалось изучить и где присутствуют сколы со спинками с целью технологической и морфологической характеристик последних. Интересны в этой связи мустьерские и позднелолитические мастерские, расположенные в долине Северского Донца, в Каменском и Константиновском районах Ростовской обл. (Матюхин, 1996). Первые приурочены к богатым выходам кварцита, а вторые кремня. Так, в кварцитовидной индустрии верхнего уровня мустьерской мастерской Калитвенка 1в (Матюхин, 1995. С. 24–44) выделены следующие способы расщепления: параллельный плоскостной (258 экз.), параллельный объемный (47 экз.), радиальный (3 экз.), смешанный (30 экз.), бессистемный (1 экз.). Выделено 113 торцовых нуклеусов. Большое число таких нуклеусов, видимо, обусловлено не только особенностью формы исходного сырья (валуны) и характером его слоистости, но и другими причинами.

В качестве заготовок нуклеусов использовались кварцитовые валуны и их обломки. Толщина валунов колеблется в диапазоне 5–12 см. Поверхности валунов – плоские, ровные. В коллекции много пробных нуклеусов и нуклеусов, оставленных на начальной стадии расщепления. Среди отщепов со спинками можно выделить несколько выразительных сколов, которые типологически оправданно относить к “ножам с естественным обушком”, хотя ясные следы использования на их “рабочих” краях отсутствуют (табл. 1). При этом отметим, что при расщеплении кварцита вообще возникает немало качественных сколов, что, видимо, связано с физическими характеристиками данной породы и особенностями морфологии исходных обломков. Выразительные отщепы с обушками выделены в инвентаре памятника Калитвенка I (рис. 7, 7, 9). Здесь подобного рода сколы также возникали при расщеплении нуклеусов. Причем нуклеусы оставлены преимущественно на средней и заключительной стадиях расщепления. Кроме того, явно преобладают нуклеусы параллельного плоскостного, в том числе торцово-

Таблица 2. Бирючья балка 2, слой 5в. Типы отщепов со спинками

Типы отщепов	Характер спинок		
	необработанные	обработанные гладкие	итого
Первичные	15	9	24
Полупервичные	94	58	152
С частичной коркой	16	19	35
Вез корки	–	45	45
Всего	125 (48.82)	128 (50%)	256 (17.21)

го расщепления. В индустрии Калитвенки 1а, где много радиальных и полурadiальных нуклеусов, а также незаконченных двусторонних орудий, эти сколы составляют 4.8% от общего числа отщепов. Во всех трех основных мустьерских слоях Бирючьей балки 2 (5, 5б, 5в) преобладают нуклеусы с параллельным плоскостным расщеплением. В коллекции мустьерских слоев присутствуют торцовые нуклеусы. Так, в слое 5б они составляют 15.87% от общего числа всех нуклеусов. Заготовками нуклеусов служили кремневые желваки и их обломки. Отщепы, происходящие из перечисленных слоев, в основной массе имеют грубые очертания и являются, таким образом, отходами (рис. 7, 1–4). Сколов с регулярной огранкой мало (рис. 7, 5). В инвентаре слоя 5б сколы со спинками составляют 13.97% от общего числа отщепов. Для отщепов слоя 5в этот процент несколько выше (табл. 2).

Проанализируем материалы 3-го (основного) позднепалеолитического слоя Бирючья балка 2 (Матюхин, 1994. С. 4–36). Для индустрий восточного участка данного памятника способы расщепления распределяются следующим образом: параллельный плоскостной – 163 экз., параллельный объемный – 27 экз., бессистемный – 4 экз., смешанный – 24 экз. Торцовые нуклеусы составляют 13.20% от общего числа нуклеусов. Заготовками нуклеусов выступали желваки, их обломки и остроугольные обломки.

Общее число сколов с естественными обушками по отношению ко всем отщепам со спинками составляет около 60% (рис. 7, 8, 10). Обработанные гладкие спинки представлены одним или несколькими крупными негативами (табл. 3). Описываемые отщепы получены в ходе расщепления нуклеусов, а так же изготовления двусторонних орудий, прежде всего треугольных острий. Немало отщепов со спинками отмечено также в инвентаре слоя 3а Бирючьей балки 1а, где практически отсутствуют нуклеусы, а орудия представлены двусторонними формами (рис. 7, 6). Определенная часть отщепов, выделенных в инвентаре Би-

Таблица 3. Бирючья балка 2, слой 3. Типы отщепов со спинками

Типы отщепов	Характер спинок		
	необработанные	обработанные гладкие	итого
Первичные	54	9	63
Полупервичные	481	156	637
С частичной коркой	444	221	665
Без корки	–	342	342
Всего	979 (57.35)	728 (42.64)	1707 (11.65)

рючьей балки 2 (мустьерские и позднепалеолитические слои) и Бирючьей балки 1а (позднепалеолитический слой 3а), могут быть названы, с типологической точки зрения, ножами с естественными обушками. Правда, почти у всех этих сколов нет выразительных макроследов износа от работы. На деле во всех случаях речь идет об отходах производства. Сколы правильных очертаний редки. Приведем кратко несколько примеров для других мустьерских памятников Русской равнины и Крыма. Так, во втором слое Кабази 2 на нуклеусах установлен преимущественно параллельный плоскостной способ расщепления (Колосов и др., 1993. С. 167, 168). В качестве сырья использовались кремневые желваки. Выделены сколы с естественными и обработанными гладкими обушками (Колосов и др., 1993. С. 170, 171). Данные отщепы получены с боковых участков нуклеусов. В значительной мере аналогичная связь между техникой расщепления и типами сколов с обушками характерна также для индустрии Заскальное 5 (Колосов, 1983) и Заскальное 6 (Колосов, 1986). В то же время здесь немало радиальных и полурadiальных нуклеусов. Число отщепов со спинками не так уж велико. Упомянем интересный мустьерский памятник Пронятин в окр. г. Тернополя в Западной Украине (Сытник, 1994. С. 101–120). Многие нуклеусы из коллекции этого памятника относятся к леваллуазским, параллельным плоскостным и объемным. “Ножи с естественным обушком” составляют здесь 15% от общего числа орудий (Сытник, 1994. С. 106). Судя по рисункам, некоторые сколы снимались с небольшим заходом на боковой край нуклеуса. При этом рабочая поверхность нуклеуса становилась выпуклой.

Несомненный интерес представляют мустьерские и позднепалеолитические памятники, расположенные в долине Десны, в частности, Бетово (Тарасов, 1977. С. 18–31) и Коршево I (Тарасов, 1986. С. 146–153), которые приурочены непосредственно к богатым выходам плитчатого кремня. В индустриях обоих памятников немало парал-

лельных плоскостных и торцовых нуклеусов, а также отщепов с обушками. Здесь, как и во многих других случаях, важным моментом является наличие у нуклеусов (точней, у исходных заготовок – плиток) плоских и ровных боковых краев. Несколько подробнее остановимся на отщепах с обушками, происходящими из ашельского комплекса Королево I. Нами была детально изучена коллекция обушковых форм из 6-го комплекса данного памятника. Нас будут интересовать отщепы, сколотые не с кусков андезита, а с галек и валунов из песчаников и сланцев. Практически все эти отщепы названы первыми исследователями Королево I ножами с естественными обушками, скреблами, ножами и зубчатым орудиям (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 41–64). В действительности, к обушковым изделиям авторами причислены не только сколы собственно, со спинками, но также обычные отщепы, имеющие широкие и сильно окошенные участки, покрытые коркой (рис. 8, 2, 4, 10). Сюда отнесены даже некоторые первичные отщепы (рис. 8, 3), и в равной мере отщепы, у которых необработанной является только ударная площадка (рис. 8, 6) или, наоборот, дистальный конец. Очевидно, здесь магически действует присутствие на поверхности сколов галечной корки. Любопытно, что андезитовые отщепы подобного рода отнесены к обычным сколам, однако в коллекции 6-го комплекса выделено несколько выразительных обушковых форм, как орудий и так отщепов без вторичной обработки. Назовем следующие разновидности изделий со спинками: а) с широкой дуговидной и ударной площадкой (рис. 8, 1); б) с необработанным боковым краем и ударной площадкой (рис. 8, 8); в) с необработанным боковым краем (рис. 8, 7, 9).

Изделия с дуговидной ударной площадкой представлены скреблами и отщепами без обработки. Ударная площадка у таких отщепов незаметно переходит в боковой край. Некоторые из них в самом деле напоминают цитрусовые дольки. Как свидетельствуют эксперименты сколы подобного рода снимались с галек и валунов, имеющих заметно выпуклую одну из поверхностей. Удар приходился по самому выпуклому (дуговидному) участку. Таким образом своеобразная морфология данных отщепов обусловлена особенностью формы исходного предмета. Речь не идет об использовании каких-то особых технологических приемов. Однако трудно ответить во всех случаях на вопрос: наносились ли удары в это место с целью получения отщепов такой формы, т.е. преднамеренно или в силу определенной (вынужденной) технологической ситуации. Вероятными представляются оба варианта.

Вторая группа изделий является самой многочисленной. У них боковой край плавно граничит с ударной площадкой. Боковая грань (обушок) располагается в плоскости брюшка или спинки, или

одновременно и того и другого. Совершенно очевидно, что данные отщепы снимались с боковых необработанных участков валунов. Конкретная зона расщепления или полностью совпадала с торцовой частью валуна, или слегка выходила на боковой участок. Многие сколы имеют правильные очертания. Аналогичные сколы были получены в ходе экспериментов. К этой же группе изделий относятся сколы, у которых необработанным является и дистальный конец, представляющий собой грань, т.е. обушок. Последний располагается или горизонтально или под небольшим углом к оси отщепы. Судя по всему, отщеп снимался с недостаточно массивного валуна, поскольку ударный импульс свободно прошел через предмет и отделил часть противоположной поверхности. Сколы, у которых обушок располагается только на боковом крае, в коллекции 6-го комплекса малочисленны. Вероятней всего, они скалывались с гладких обработанных ударных площадок нуклеусов. Наконец, отметим, что сколы только с необработанной ударной площадкой хотя и не являются обушковыми формами, но тем не менее показательны. Многие из них имеют правильные очертания. Эти отщепы сняты со средней части валунов-нуклеусов. Вдобавок к сказанному отметим, что на тонких краях некоторых отщепов с обушками отмечена регулярная и нерегулярная псевдоретушь, которая имитирует различные типы орудий, в том числе скребла, ножи, зубчатые и выемчатые формы. Другими словами, число орудий в комплексе 6, как впрочем и во всех других ашельских комплексах, заметно преувеличено.

Таким образом, в коллекции ашельского комплекса 6 присутствуют достаточно выразительные отщепы без ретуши и оформленные орудия, имеющие на краях обушки. Исходя из имеющихся данных, оправданно будет считать, что основная часть сколов снималась с необработанных поверхностей валунов-нуклеусов. Отдельные отщепы скалывались с гладких обработанных ударных площадок нуклеусов, заготовками для которых служили валуны и массивные крупные гальки. Определенная часть обушковых форм могла возникнуть при раскалывании галек и уплощенных валунов с целью изготовления чопперов. Вероятней всего, исходные валуны были не полностью окатаны и имели брусковидную форму. Резонно будет полагать, что первобытным мастерам, видимо, важно было получать прежде всего не сколы со спинками как таковые, а качественные заготовки из кремневых сланцев и песчаников. Другими словами, ими применялся экономный и продуктивный прием раскалывания валунов по принципу торцовых нуклеусов. Обушковые формы могли выбираться среди прочих в случае какой-то необходимости. Однако правомерно и другое освещение этого вопроса. Речь идет о направленном, т.е. преднамеренном выборе торцового приема расщепления заужен-

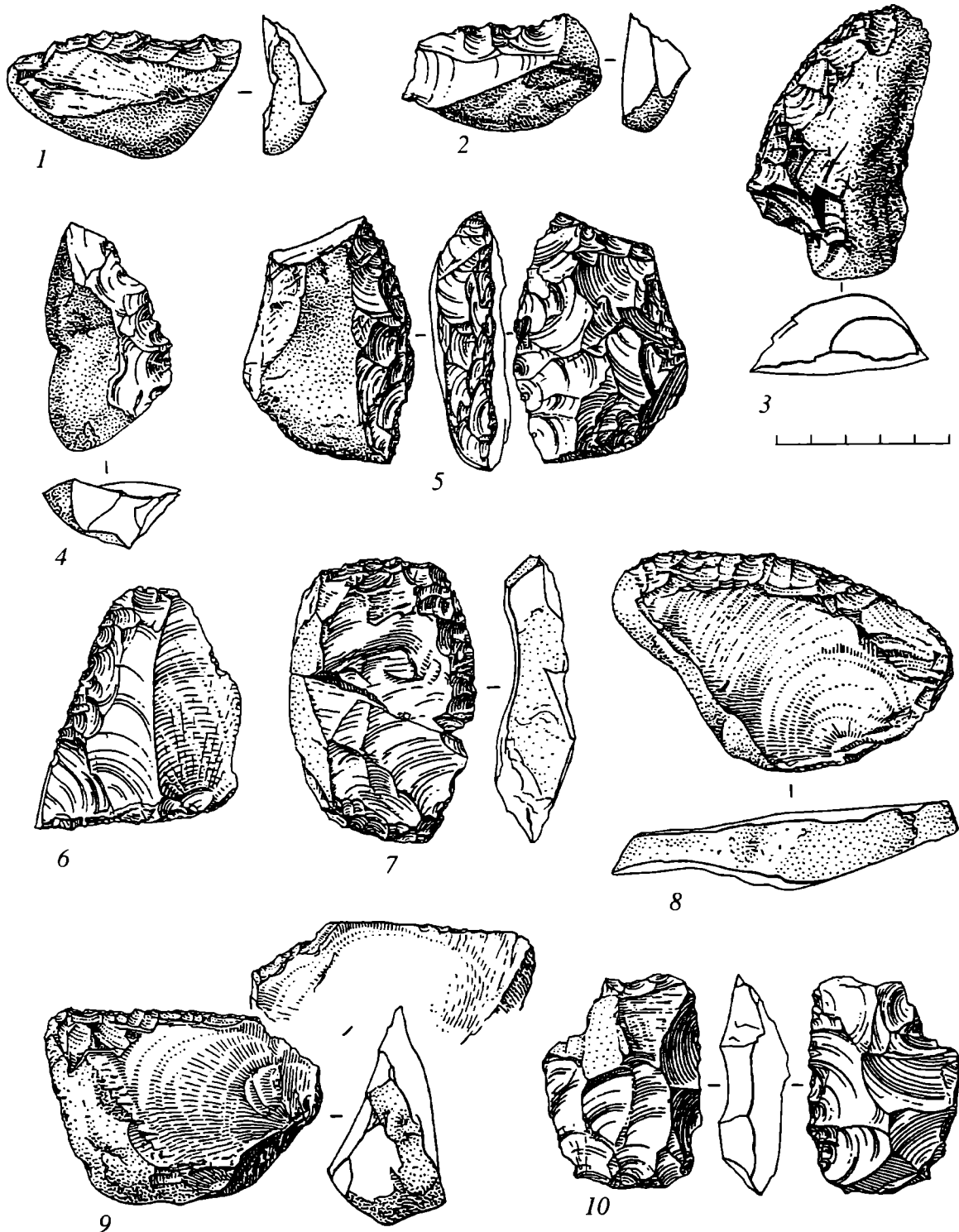

Рис. 8. Королево I. Комплекс 6. Орудия из отщепов (по: Праслов, 1984).

ных и относительно массивных валунов с целью получения заготовок именно со спинками, которые служили удобным аккомодационным элементом. При этом следует обратить внимание на достаточно большое число обушковых форм сколов с необработанными ударными площадками прежде всего в 6-м комплексе. По-нашему мнению, нужно принимать во внимание оба изложенных варианта.

В итоге уместно сделать вывод, что ничего специфического в технологическом отношении в

самом скалывании отщепов со спинками, вопреки мнению многих исследователей, нет. Неоправданно ставить вопрос об использовании какой-то особой техники снятия этих сколов. С одной стороны, сколы подобного рода возникали случайно или естественным путем, например при раскалывании нуклеусов с определенной морфологией боковых краев, а с другой, удлиненных зауженных валунов и галек. Расщепление массивных валунов в определенной мере является своеобразным технологическим приемом. Однако в целом

он базируется на тех же условиях и правилах, что и прием раскалывания нуклеусов, в первую очередь торцовых, но в несколько упрощенном виде. Здесь, очевидно, многое зависело от целевых установок древних мастеров. Нельзя согласиться с теми авторами (Гладилин, Ситливый, 1990. С. 8), которые считают, что получение сколов с обушками технологически примитивный прием, заметно отличающийся от процесса раскалывания нуклеусов. Спорным является также тезис о том, что “долечная техника” является самостоятельным способом первичного расщепления наряду с леваллуазским, радиальным, протопризматическим и дроблением (Гладилин, Ситливый, 1990). Едва ли оправданно в современных работах по палеолиту использовать термин “техника колбасных ломтиков” (Sitlivi-Escutenaire, Sitlivi, 1996. P. 49–96). Логично считать, что в палеолите сколы с обушками в большом количестве получались при изготовлении чопперов и чоппингов из галек и уплощенных валунов, а также – раскалывании нуклеусов с использованием параллельного способа расщепления. Более направленным следует признать скалывание отщепов с торцовых нуклеусов всех типов. Несмотря на некоторое своеобразие в морфологии, тем не менее отщепы с обушками являются обычными сколами. Непонятное смущение у отдельных исследователей (Dobosi, 1990. P. 412; Ranov, 1995. P. 739) вызывают отщепы зауженных пропорций с трехгранным сечением, которые они называют клиньями. Это типичные боковые сколы, снимаемые с целью подготовки и подправки рабочей поверхности нуклеусов, а также возникающие при изготовлении чопперов из галек и валунов. Такие сколы по своей общей морфологии присутствуют практически во всех памятниках каменного века, где проходило первичное расщепление. Своеобразную, но вполне объяснимую, морфологию имеют также сколы с дуговидной ударной площадкой. Вообще именно сколы со спинками, снятые с галек и валунов, породили главным образом представление о них как специфической группе отщепов, полученных с помощью особой техники. В определенной степени это относится к отщепам, сколотым с желваков и обломков. По-нашему мнению, с целью типологического упорядочения сколов с обушками и придания им реального смысла целесообразно не употреблять такие названия, как “цитрусовые дольки”, “цитроны”, “ломтики”, “скибки”, “клинья” и т.п., и не закреплять за ними какого-то особого смысла. Более оправданно использовать термины “сколы со спинкой” или “сколы с обушками”, “сколы с гранями”.

Основная часть сколов со спинками является типичными отходами первичного расщепления. Об этом уже давно писал Е. Гобер (Gobert, 1952. P. 66). Существует такая точка зрения и в настоящее время (Dictionaire..., 1988. P. 315; Казарян,

1990. С. 74–78). В то же время наряду с отходами возникало немало отщепов правильных очертаний, т.е. качественных заготовок, которые часто использовались древними мастерами.

Как мы стремились показать, получение сколов с обушками происходит в силу ряда причин объективного порядка. Однако первобытные изготовители могли придать этому процессу направленный характер, например выбирая соответствующие заготовки для нуклеусов, удерживая поверхность расщепления в одной плоскости или сознательно используя торцовое расщепление. Стоит, безусловно, обращать внимание на присутствие большого числа обушковых форм в ряде палеолитических памятников. Это не случайный факт и он требует объяснения.

Видимо, следует признать, что выделенный Ф. Бордом термин “нож с обушком” не представляется удачным, поскольку имеет функциональное содержание, выявить которое на уровне типологического анализа нельзя. Наличие спинки само по себе еще не свидетельствует, что она реально служила аккомодационным элементом. Ф. Борд (Bordes, 1961. P. 33) указывает на наличие следов износа на тонком крае, который называется рабочим. Но разве можно определить функцию резания типологически и к тому же на основе нерегулярных фасеток ретуши? Для этого нужно проводить специальное трасологическое исследование. Довольно часто следами износа называют фасетки повреждения или обработки. Не секрет, что многие археологи относят к ножам с естественным обушком не только сколы без всяких макроследов предполагаемого износа, но также сколы неправильной формы, т.е. отходы.

Продолжая тему “ножей”, попутно отметим, что неверно, по-нашему мнению, относить двусторонние асимметричные формы с обушками, широко представленные в некоторых среднепалеолитических памятниках Германии (Bosinski, 1967), Крыма (Колосов, 1978. С. 6–20; 1983. С. 35–41; 1986. С. 17, 18), Русской равнины (Гладилин, 1976. С. 66, 67), к ножам. Правы Р. Шильд и Ф. Вендорф (Schild, Wendorf, 1977. P. 35–43), назвав эти орудия “бифасами со спинкой”. Едва ли можно признать перспективной и плодотворной попытку некоторых исследователей (Кулаковская и др., 1994. С. 57–70) дать новое типологическое определение категории “нож”. Повторим, что нож является функциональной, а не типологической категорией. Таким образом, мы склонны считать, что термин “нож с естественным обушком” целесообразно исключить из общего номенклатурного списка орудий, составленного Ф. Бордом, как несоответствующий своему морфологическому и функциональному статусу. Оправданно также вообще отказаться от типологической категории “нож” по той же причине. Как нам представляется, сокра-

щение типологического списка орудий Ф. Борда за счет изъятия спорных типов (а их немало) придаст ему более логичный и рабочий характер.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 02-06-80462а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова З.А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979.
- Анисюткин Н.К.* Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М., 1981.
- Астахов С.Н.* Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. СПб., 1999.
- Гладилин В.Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.
- Гладилин В.Н., Ситливый В.И.* Ашель Центральной Европы. Киев, 1990.
- Казарян Р.П.* К вопросу об орудийности ножей с натуральным обушком // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси, 1990.
- Колосов Ю.Г.* Специфические типы орудий аккайской мустьерской культуры в Крыму // Орудия каменного века. Киев, 1978.
- Колосов Ю.Г.* Мустьерские стоянки района Белогорска. Киев, 1983.
- Колосов Ю.Г.* Аккайская мустьерская культура. Киев, 1986.
- Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.И.* Ранний палеолит Крыма. Киев, 1993.
- Кулаковская Д.В., Козловский Я., Собчик К.* Микокские ножи: определение и классификация // Археологический альманах. № 3. Донецк, 1994.
- Любин В.П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- Матюхин А.Е.* Многослойный палеолитический памятник Бирючья Балка 2 // Донские древности. Вып. 4. Азов, 1994.
- Матюхин А.Е.* Палеолитическая мастерская Калитвенка 1 в // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1995.
- Матюхин А.Е.* Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. СПб., 1996.
- Праслов Н.Д.* Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Т. 1. М., 1984.
- Ранов В.А.* Генезис и периодизация памятников каменного века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. Душанбе, 1992.
- Соловьев Л.Н.* Памятники каменного века Абхазии. Тбилиси, 1971.
- Сытник А.С.* Мустьерская стоянка Пронятин и ее место в палеолите Восточной Европы // Археологический альманах. № 3. Донецк, 1994.
- Тарасов Л.М.* Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- Тарасов Л.М.* Многослойная стоянка Коршево 1 // Палеолит и неолит. Л., 1986.
- Beyries S., Boëda E.* Étude technologique et traces d'utilisation des éclats débordants de Corbehem (Pas-de-Calais) // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1983. Т. 80. № 9.
- Blanc A.C.* I paleantropi di Saccopastore e del Circeo // Quartär. 1942. Bd 4.
- Bordes F.* Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen // Publication de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Memoire № 1. Bordeaux, 1961.
- Bordes F.* Leçons sur le paléolithique. Т. 2. Le paléolithique en Europe // Cahiers du Quaternaire. 1984. V. 7.
- Bordes F., Bourgon M.* Le complexe moustérien: moustérien, levalloisien et tayacien // L'Anthropologie. 1951. Т. 55. № 1–2.
- Bosinski G.* Die mittelpaläolitischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta. Bd 4. Köln, 1967.
- Bourlon M.* L'industrie des foyers supérieurs au Moustier // Revue Préhistorique. 1910. Т. 5.
- Dictionnaire de la Préhistoire. Paris, 1988.
- Dobosi V.T.* Areal and vertical distribution of the archeological material Vérteszölös site, man and culture. Budapest, 1990.
- Gabori-Csánk V.* La station du Paléolithique moyen d'Erd-Hongrie. Budapest, 1968.
- Girard C.* Les industries moustériennes de la Grote de l'Hyene à Arcy-Sur-Cure. XIe Suppl. A Gallia Préhistoire. Paris, 1978.
- Gobert E.G.* El Mexta station princeps du Capsien // Karthago. 1952. № 3.
- Isetti G., Lumley H. de, Miskovsky I.-C.* Le glacimento moustérien dell'grotta dell'Armato Presso Bussana (Sanremo) // Rivista di Studi Liguri. 1962. Т. 28.
- Lumley H. de.* Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. Т. 1. Paris, 1969.
- Octobon F.C.E.* Technique de débitage des galets et industrie de l'éclats dans la grotte du Lazaret // Bulletin du Musée d'anthropologie préhistorique de Monaco. 1956. № 3.
- Pannochia F.L.* L'industria pontiniana della grotta di S. Agostino (Gaeta) // Rivista di Scienze Preistoriche. 1950. V. 4. Fasc. 1–4.
- Peyroni D.* La Ferrassie-Moustérien, Périgordien, Aurignacien // Préhistoire. 1934. № 3.
- Ranov V.* The "loessic palaeolithic" in South Tadjikistan Central Asia: its industries, chronology and correlation // Quaternary Sciences Reviews. 1995. V. 14.
- Schild R., Wendorf F.* The prehistory of Dakhlu Oasis and adjacent desert. Warszawa, 1997.
- Sitlivy-Escutenaire C., Sitlivy V.I.* Variabilite des technologiques laminaires avant le Paléolithique supérieur classique dans la région du lac Baïkal (Sibérie, Russie) // Préhistoire Européene. 1996. V. 8.
- Vértes L.* Tata. Eine mittelpaläolitische Travertin-Siedlung in Ungarn. Budapest, 1964.
- Vértes L.* "Zitrus" (epi-chopper) industrien in Ungarn // Fundamenta. Bd 2. Köln, 1970.

On the problem of the “slicing” technique**A. E. Matyukhin****Summary**

In the article the problem of so-called slicing technique is reviewed. The author has carried out a number of experiments (Figs. 2–6) and has examined collection of several Paleolithic sites (Figs. 7, 8). Backed flakes are proved to originate from utilisation of pebbles, boulders, nodules, and blocks with broad smooth edges. These derive from knapping parallel plane cores, particularly on the wedges. The morphological characteristics of backed flakes depend on the initial edges shape of the blanks (Figs. 2–6). Many backed flakes were formed occasionally. At the same time the prehistoric knappers were also able to produce them deliberately. Nevertheless, it would be unjust to define some special knapping technique: the discussed artefacts are the ordinary flakes. It seems necessary to discard some special terms, among them the denominations “naturally backed knife”, “wedge”, “zitron”, etc.

ДИГОРСКИЕ “ПЕКТОРАЛИ” ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА

© 2003 г. С. Б. Вальчак, А. Ю. Скаков

Институт археологии РАН, Москва

В последнее время среди исследователей кавказских древностей эпохи раннего железа наблюдается повышенный интерес к достаточно редкой и яркой категории находок – бронзовым “пекторалам”. Эти изделия, являющиеся конскими нагрудниками, подробно проанализированы в работе С.В. Махортых и Е.В. Черненко (1995). Приведенная ими сводка “пекторалей” была дополнена публикацией подобного изделия И. Мотценбеккером в составе коллекции А. Коссниерской из Музея пред- и праистории в Берлине (Motzenbacher, 1996. S. 157. Taf. 23, 4). Внимание российских исследователей обратила на эту “пектораль” В.И. Козенкова (1998а. С. 33; 1998б. С. 53; 1999. С. 228). Опубликованная “пектораль” происходит из депортированных раскопок конца XIX в. на могильнике Верхняя Рутха в Дигорском ущелье Северной Осетии.

Пектораль из Верхней Рутхи сохранилась частично, ее длина составляет 25.4 см, максимальная ширина – 12.2 см, сохранившаяся высота – 26.2 см (рис. 1). Наиболее близкими аналогиями для нее являются “пекторали” из погребения 14 могильника Клин-Яр III и из Эшери (Махортых, Черненко, 1995. Рис. 1, 1, 4). Основной особенностью данного предмета является наличие помимо трех, центральных конусов из концентрических кругов шести дополнительных конусов меньшего размера, расположенных по три по обе стороны от центральных. Как и у большинства других “пекторалей”, у экземпляра из Верхней Рутхи в средней части имеется несколько (в данном случае четыре) сквозных отверстий. Вероятно, эти отверстия предназначались для крепления изделия на органическую основу.

В фондах Государственного Исторического музея нами были обнаружены два предмета, считавшихся ранее навершиями кобанских булавок¹. При детальном изучении выяснилось, что они являются фрагментами “пекторалей”. Сохранились лишь центральные части, украшенные тремя конусами из концентрических кругов, боковые дуги утрачены.

¹ Благодарим В.Б. Ковалевскую, обратившую наше внимание на эти предметы, и А.П. Мошинского за предоставленную возможность их изучения. Рисунки выполнены А.Н. Трифионовой.

Первая “пектораль” (ГИМ, Б, 497/619), происходящая из могильника Фаскау в Дигорском ущелье (коллекция Б. Дзелихова), имеет максимальную сохранившуюся длину 11.4 см и ширину 11.6 см (рис. 2). Помимо трех конусов из концентрических кругов, центральная часть “пекторали” была украшена пуансонным орнаментом по краю. На ее обороте сохранились три фрагмента пластины, соединенной с основной частью с помощью пяти заклепок. Вероятно, пластина не представляет собой следы ремонта, а изначально является частью конструкции, так как пуансонный орнамент прослеживается на обеих частях предмета.

Вторая “пектораль” (ГИМ, Б, 497/233), также происходящая из могильника Фаскау (коллекция Б. Дзелихова), имеет максимальную сохранившуюся длину 10 см и ширину 9.3 см (рис. 3). Центральная часть предмета украшена тремя конусами из концентрических кругов. Края пластины обрваны, что может являться следствием ремонта.

Для ремонта данной “пекторали” была использована бронзовая пластина с изображением двух змей, выполненных в пуансонной технике, являющаяся, вероятно, фрагментом пояса. При этом она была подрезана для придания ей полукруглой формы. Пластина прикреплена к основной части тремя заклепками.

Пояса с изображениями змей хорошо известны в погребениях Тлийского могильника. Наиболее близкой аналогией является пояс из погр. 276 с изображением двух змей, обращенных головами друг к другу (Техов, 1980. Рис. 116, 14, 15). Другие схожие пояса найдены в погр. 82, 101, 112, 141, 148а, 158а и 256 (Техов, 1980. Рис. 59, 7; 66, 10; 71, 5; 80, 21; 81, 8; 109, 15; Техов, 1981. Рис. 60, 6). Несколько выделяются пояса из погр. 208 и 266, имеющие дополнительные орнаментальные пояски (Техов, 1980. Рис. 90, 24; 115, 12) и пояса из погр. 18 и 50 с изображением двух змей, расположенных друг над другом (Техов, 1980. Рис. 36, 13; 45, 2). Также две змеи, изображенные друг над другом, украшают пояс из погр. 104 (152) могильника Красный Маяк (Трапш, 1969. Табл. XXVI, 2, 8). Информативными по поддающимся датировке категориям инвентаря являются одиночные (№ 50, 101, 256, 266, 276) или парные (№ 18, 112) погр. могильника Тли. По орнаментированным топорам погребение 18 (потревоженный костяк) относится

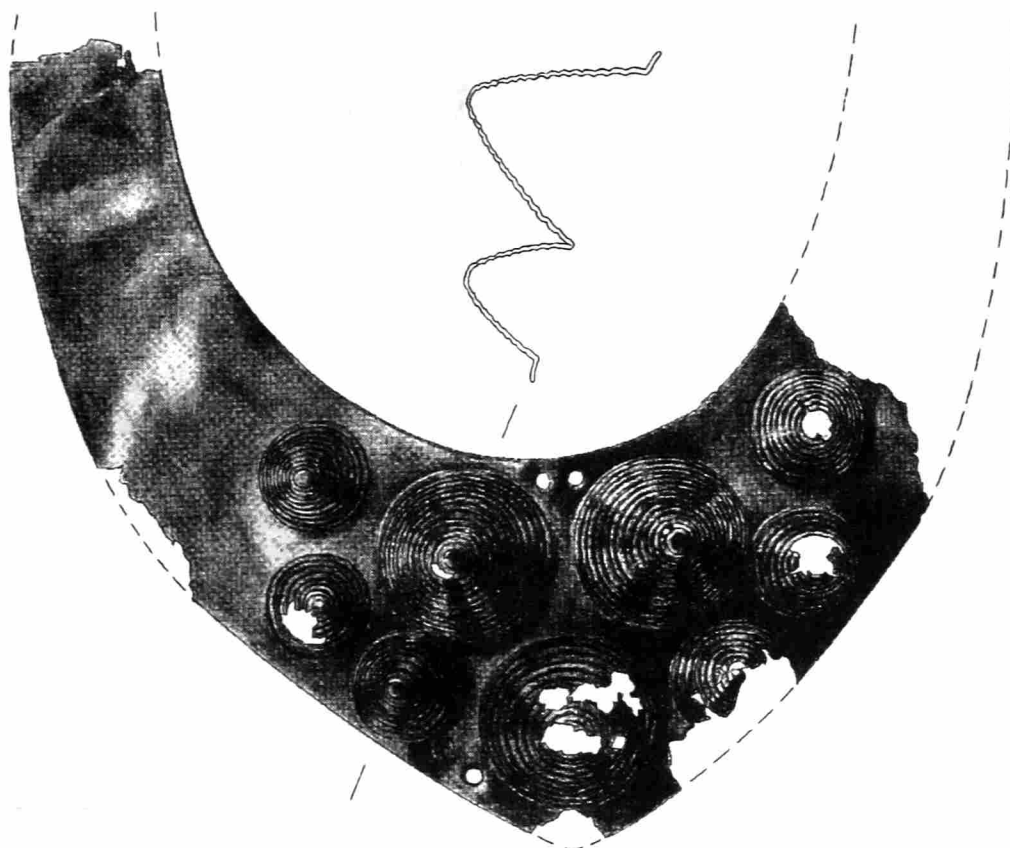

Рис. 1. “Пектораль” из Верхней Рутхи (по Motzenbacher, 1996).

к первому периоду в развитии графического стиля, погр. 50 и 101 – к второму периоду, погр. 266 – к четвертому периоду (Скаков, 1997). Такая широкая датировка подтверждается бронзовыми кинжалами – черешковым пламевидным из погр. 101, с подтреугольным черешком с отверстиями из погр. 112, с биметаллической плоской рамочной рукоятью из погр. 266. Относительно поздними являются фибулы со слегка раздутой орнаментированной дужкой и расширенным приемником из погр. 112 и 266. Таким образом, существование подобных поясов относится к достаточно широкому хронологическому диапазону в рамках X–VII вв. до н.э.

С.В. Махортых и Е.В. Черненко датируют “пекторали” последней четвертью VIII – началом VII вв. до н.э. (Махортых, Черненко, 1995. С. 27). К датировке изделий IX–VIII или VIII – началом VII вв. склоняется и В.И. Козенкова (1995. С. 96, 97). К сожалению, дигорские “пекторали”, как и большинство других находок из этого ущелья, депаспортизированы и не могут быть точно датированы. В других регионах Северного Кавказа бронзовые “пекторали” в четырех случаях встречены в ином археологическом контексте (Махортых, Черненко, 1995. С. 21). Степень достоверности этих “комплексов” существенно различна.

Набор предметов вооружения, конского убора и литой котел были найдены в 1951 г. на северо-западном склоне Бештау случайно. Хотя находки

“видимо, полностью поступили в Пятигорский музей” (Иессен, 1954. С. 124, 125. Рис. 13, 14), обстоятельства их обнаружения заставляют осторожно относиться к факту наличия или отсутствия здесь погребения и к полноте комплекса.

Три погребения могильника Султангорский 1 (совхоз “Южный”) “рабочие “исследовали” подбodem”, так что обряд захоронения и инвентарь каждого из погребений реконструировались А.П. Руничем “со слов рабочих” (Рунич, 1964. С. 1, 2. Рис. 1). Некоторая условность распределения вещей по погребальным комплексам отражается и в последующих публикациях. В отчете А.П. Рунича к погр. 1, где обнаружена и “пектораль”, приписаны двое удилов с двумя (?) псалями (Рунич, 1964. С. 2. Рис. 1, 7, 8). Одни двуколычатые удила то исчезают из публикаций (Виноградов, Рунич, 1969. С. 105. Рис. 13; Виноградов и др., 1980. С. 191. Рис. 5, 1–10), то без каких-либо объяснений появляются вновь (Дударев, 1999. Рис. 107). Согласно отчету, в погр. 2 имелись только одни двуколычатые удила (Рунич, 1964. С. 2). Позднее в комплексе то появляются, то исчезают два псаля (Виноградов и др., 1980. С. 193. Рис. 5, 11–14; Дударев, 1999. Рис. 108, 1–3), опять же без комментариев публикаторов.

Воинское погребение, открытое в 1987 г. на могильнике Клинь-Яр III, было нарушено строителями, но профессионально доследовано Я.Б. Березиным (Дударев, 1991. С. 51, 52. Табл. 8, 15, 17;

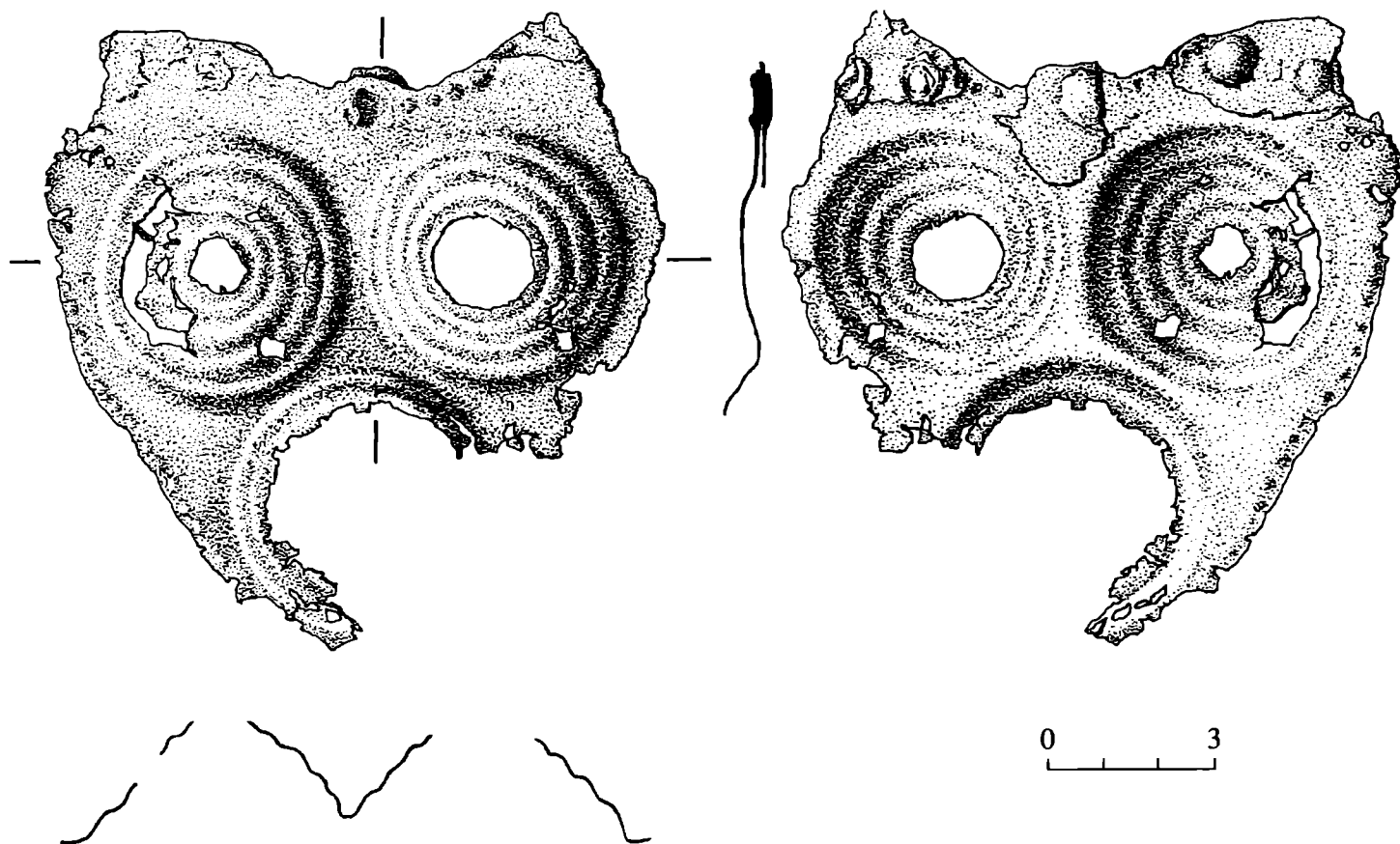

Рис. 2. "Пектораль" из Фаскау (ГИМ, Б, 497/619).

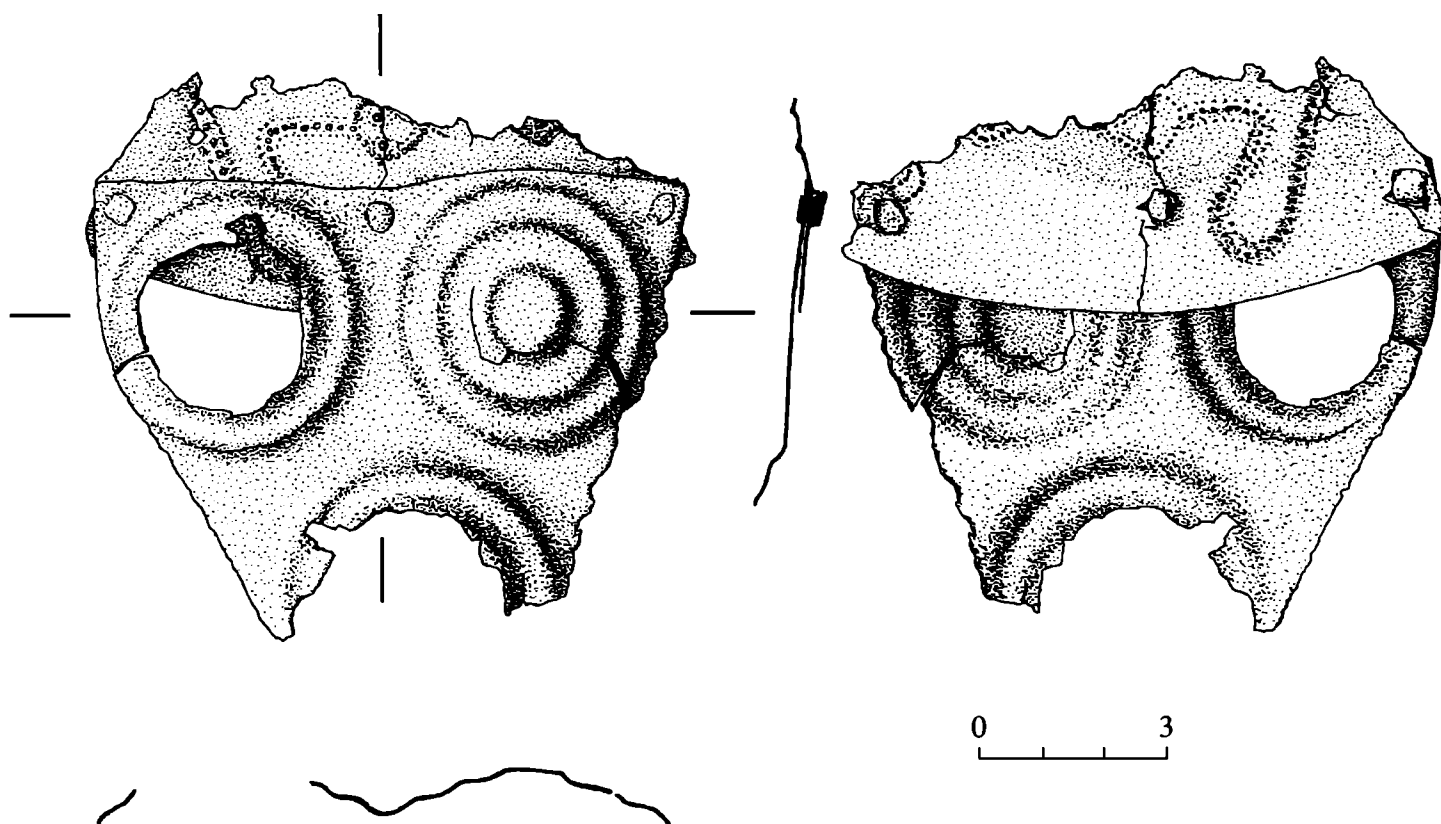

Рис. 3. "Пектораль" из Фаскау (ГИМ, Б, 497/233).

Berezin, Dudarev, 1999. Abb. 7, 8). Тем не менее нельзя исключать утрату некоторых вещей из комплекса при его нарушении.² Безусловно достоверным комплексом с “пекторалью” является только погр. 14 могильника Клинь-Яр III (Дударев, 1991. С. 51, 52. Табл. 13, 16, 22; Berezin, Dudarev, 1999. Abb. 2, 1; 11, 12).

Для определения относительной хронологической позиции комплексов с бронзовыми деталями конского нагрудника – “пекторальями” – важны встреченные в них бронзовые удила и псалии.

Приписываемые погр. 1 могильника Султангорский I двукольчатые удила с дополнительными звеньями для присоединения повода были найдены в комплекте с трехпетельчатыми псалиями второго (классического) варианта (по классификации С.Б. Вальчака) Новочеркасского типа (Рунич, 1964. Рис. 1, 7, 8; Виноградов и др., 1980. С. 191. Рис. 5, 9, 10; Вальчак, 1997. С. 97–100). На стержнях удил присутствует имитирующий шнур или веревочку рельеф – в виде выпуклых поясков, разделенных косыми насечками. Такой рельеф характерен в основном для района Кавказских Минеральных вод. Чаще всего он встречается на однокольчатых удилах в комплексах второй хронологической группы развития бронзовых уздечных принадлежностей Северного Кавказа (Вальчак, 1997. С. 99, 100. Табл. 1–3). Двукольчатые бронзовые удила с таким рельефом редки. Псалии классического варианта новочеркасского типа являются финальной формой в генезисе бронзовых псалиев с тремя петлями на внутренней стороне и относятся к третьей хронологической группе. В уздечных комплексах этой группы “веревочный” рельеф стержней удил, как правило, уже не встречается.

Не противоречат такой хронологической позиции и другие бронзовые элементы узды из трех погребений могильника Султангорский I. Возможно, принадлежавшие погр. 1 двукольчатые удила без дополнительных звеньев либо аналогичны предыдущим, либо имеют однорядно-прямоугольный рельеф стержней, характерный для третьей хронологической группы (Рунич, 1964. Рис. 1, 7; Дударев, 1999. Рис. 107, 9; Вальчак, 2000. С. 141–143). Для второй и третьей хронологических групп узды предскифского периода характерны двукольчатые удила с двурядно-прямоугольным рельефом из погр. 2 и 3 рассматриваемого могильника (Рунич, 1964. Рис. 1, 15, 17; Дударев, 1999. Рис. 108, 2, 7; Махортих, 1992. Рис. 4, 1; Вальчак, 1997. С. 99, 100. Табл. 1–3; 2000. С. 139–143). Изогнутые трехпетельчатые псалии типа Баксан-Филипповская из погр. 3 (Рунич, 1964. Рис. 1, 17; Дударев, 1999. Рис. 108, 6, 8) наиболее часто встречаются в уздечных комплексах второй хро-

нологической группы (Вальчак, 1997. С. 96, 97. Табл. 1. Рис. 12). Таким образом, даже если в погребении с “пекторалью” находились не указанные А.П. Руничем, а какие-либо другие удила и псалии могильника Султангорский I, факт синхронизации находки со второй-третьей группами уздечных комплексов (втор. пол. VIII – первая пол. VII в. до н.э.) не вызывает сомнения.

Уздечка верхового коня из Бештау состояла из двукольчатых удил с дополнительными звеньями для присоединения повода и пары псалиев классического варианта новочеркасского типа. К узде, вероятнее всего, принадлежала и небольшая чумбурная(?) пряжка (Иессен, 1954. С. 125. Рис. 14). Подобные удила и псалии являются одним из наиболее типичных сочетаний для уздечных комплексов третьей хронологической группы. Чумбурная пряжка из этого комплекса абсолютно чужеродна предскифским древностям Восточной Европы. Ближайшей аналогией этому изделию является пряжка из Чесноково-I на Алтае (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 74, 75. Рис. 55, 8). По особенностям формы бештаугорская пряжка близка округло-фигурным подпружным (седельным) пряжкам типа Солонечного Белка (VII–V вв. до н.э.) и может быть синхронизирована с их ранними экземплярами (Марсадолов, 1998. С. 12–14).

Двурядно-прямоугольный рельеф на стержнях двукольчатых удил из погр. 14 могильника Клинь-Яр III (Дударев, 1991. Табл. 22, 2) характерен для большинства аналогичных удил третьей группы, хотя появление его уверенно можно относить к предшествующей хронологической группе (Вальчак, 1994. С. 131–133. Рис. 1, 1; 1997. С. 99, 100. Табл. 1–3). В пользу достаточно поздней даты удил из этого погребения свидетельствует необычное размещение прямоугольных выступов (фактически превращенных в шипы) на гранях стержней. Аналогичное размещение двух рядов острых шипов отмечено на одних удилах позднейшего предскифского комплекса – кургана Уашихту (Эрлих, 1994. С. 25. Табл. 5). Трехпетельчатые псалии с зооморфными завершениями верхних концов из погр. 14 могильника Клинь-Яр III уникальны. Их завершения наиболее близки скульптурным головкам коней на псалиях цельнолитого уздечного комплекта из могильника Верхний Кобан, который, вероятно, датируется не ранее последней четверти VIII в. до н.э. (Вальчак, 1996. С. 32–34; Белинский, Вальчак, 1998. С. 154, 155, 158–160. Рис. 7). Усложненная профилировка завершений на коротких концах псалиев из Клинь-Яра (Дударев, 1991. Табл. 22; Berezin, Dudarev, 1999. Abb. 12, 1, 2) в виде разделенной надвое шляпки сближает их с псалиями типа Фарс 14 из комплекса 1973 г. из Приэльбрусья (паспорт “Эльбрус”) и первого варианта (предклассический) типа Новочеркасск из гробницы 3 могильника Терезе (Козенкова, 1995. Табл. XXVII, 9; XXIX,

² Благодарим Я.Б. Березина за предоставленную информацию об обстоятельствах находки погребения.

10, 12). В этих уздечных комплексах псалии встречены с однокольчатыми удилами с рельефами в виде “веревочки” и ее комбинации с острыми шипами (Козенкова, 1995. Табл. XXVI, 7; XXIX, 11), характерными для второй хронологической группы (Вальчак, 1997. С. 93, 94, 97–100).

Таким образом, бронзовые детали узды из Султан-горы и Клинь-Яра III обладают признаками второй и третьей хронологических групп, бештаугорские – только третьей.

Присутствующие в комплексе 1951 г. из Бештау наконечники стрел новочеркасского типа вместе с уздечными комплексами известны в таких памятниках заключительного этапа предскифского периода (третья хронологическая группа), как погребения (разной степени достоверности) у Бутенок и Кабан-горы, курганы у Квиток, Носачева, Олышаны, Зольного и курган Уашхиту I (Эрлих, 1994. С. 52–75).

В некоторых из этих погребений имеются и аналогичные бештаугорскому железные мечи без гарды (Скорый, 1999. С. 36, 37. Рис. 8, 11; 26, 16). Форма эта, по всей вероятности, восходит к северокавказским биметаллическим кинжалам и мечам с уплощенной рукоятью. С уздечными комплексами первой и второй хронологических групп подобные мечи пока не найдены.

В разрушенном погребении, открытом в 1987 г. на могильнике Клинь-Яр III, деталей узды не оказалось, что, учитывая состав ранее рассмотренных комплексов, являющихся воинско-всадническими, представляется странным. Не исключено, что удила и псалии были утрачены при частичном разрушении погребения. Особую значимость для датировки комплекса могли бы приобрести предметы вооружения. К сожалению, нам неизвестны среди предскифских древностей Северного Кавказа точные аналогии массивным железным наконечникам копий с очень длинными втулками (Дударев, 1999. Рис. 126, 3; Berezin, Dudarev, 1999. Abb. 7, 3, 4). Уникален и длинный биметаллический меч с гладкой округлой рукоятью и короткой гардой (Дударев, 1999. Рис. 126, 1; Berezin, Dudarev, 1999. Abb. 7, 1). Можно сказать, что в комплексах с уздечными комплексами первой и второй хронологических групп подобных изделий мы не знаем. Тем большее значение для датировки приобретает найденный в погребении бронзовый шлем (Дударев, 1999. Рис. 124; Berezin, Dudarev, 1999. Abb. 8, 1). Аналогичный шлем найден в погр. 186 могильника Клинь-Яр III, датированном рубежом VIII–VII – серединой VII в. до н.э. (Белинский, 1990. С. 190–195. Рис. 3).

Необходимо отметить, что вряд ли данные изделия можно рассматривать исключительно как часть защитного доспеха. Трудно предполагать, что бронзовый лист толщиной 1 мм (Белинский, 1990. С. 190) мог сколько-нибудь существенно защитить голову воина от рубящего или колющего

удара, особенно если удар наносился тяжелым оружием типа меча, найденного в погребении 1987 г. Соответственно “шлемы” надо рассматривать как парадный головной убор. Его назначением была не столько защита, сколько обозначение социального статуса воина. Следовательно, рассмотрение этих изделий наряду с литыми боевыми шлемами, бытовавшими в армиях древневосточных государств, не вполне корректно. Тем более вряд ли оправдано их полное отождествление с изображениями литых шлемов на рельефах (Белинский, 1990, Рис. 2, 3; 3, 1). Информативность реальных вещей и изображений существенно различна. Сходство общей формы кавказских и переднеазиатских шлемов может иллюстрировать только факт связей между регионами. Технологическая разница в изготовлении литых и кованых изделий могла отразиться и на точности копирования формы предмета.

Комплексы с “пекторальными” и “шлемами ассирийского типа” мы считаем близкими по времени. При датировке данных изделий ведущую роль должны играть материалы достоверных комплексов, известных на Северном Кавказе. Следует отметить, что комплексы с “пекторальными” на территории Абхазии представляются сомнительными. Обстоятельства их обнаружения являются неясными, и, возможно, в данных случаях мы имеем дело не с одним, а с двумя или более одновременными погребениями (Скаков, 2000. С. 132).

Предметы, найденные в 1930 г. в Эшери, происходят из трех погребений в урнах, “расположенных в расстоянии 15 м друг от друга на одной и той же горизонтали” (Ивашенко, 1935. С. 58, 59). В одном из этих погребений инвентаря не было (Ивашенко, 1935. С. 63). Как отмечает Б.А. Куфтин, “не удастся окончательно установить, происходят ли все вещи из одного, или двух разных погребений”. Б.А. Куфтин осторожно предполагает принадлежность всего инвентаря к одному парному погребению, “хотя полной уверенности в этом нет” (Куфтин, 1949. С. 155, 156).

Набор вещей, обнаруженных около 1975 г. у села Анухва Армянская, Я.В. Доманский считает комплексом лишь на основании “единства, однородности, однокультурности всех образующих группу предметов”, хотя признает, что “остался открытым вопрос о наличии признаков захоронений, вообще следов обстановки, окружавших обнаруженные вещи” (Доманский, 1978. С. 73; 1979. С. 23, 31).

Использование недостоверных комплексов для далеко идущих хронологических построений представляется неоправданным и методически неверным. В частности, мы не можем согласиться с тем, что при датировке бронзовых шлемов “ассирийского типа” А.И. Иванчик опирается на опубликованную в 1926 г. находку из Приморского

(Иванчик, 2000а. С. 204–207). Найденные там вещи, по словам находчиков, были сложены в два сосуда, т.е. представляли инвентарь двух урновых погребений (Стражев, 1926. С. 106, 107; Иващенко, 1935. С. 51; Куфтин, 1949. С. 139). Не исключено, что эти погребения могли быть близкими по времени, хотя и в этом случае датировка их второй пол. X – началом IX в. представляется необоснованной³.

Тем более недопустимо использование сомнительных “погребений” из Абхазии для передатировки более достоверных северокавказских комплексов. А.И. Иванчик, по сути, предлагает на основании сомнительных комплексов и спорной закавказской хронологии удревнить до X в. до н.э. погребения новочеркасского этапа из Клинь-Яра III (Иванчик, 2000а. С. 220; 2000б. С. 70).

Несколько более сложным является вопрос об абсолютной дате погр. 13 из могильника Бешташени, отнесенного А.И. Иванчиком к XIII–XII вв. до н.э. (Иванчик, 2000а. С. 207, 208). Обосновывая дату погребения предметами вооружения и уздой, исследователь игнорирует застежку с перехватом в средней части (Куфтин, 1941. Табл. XLVI; Иванчик, 2000а. Рис. 4, 3; Черненко, 1981). Практически аналогичная костяная застежка обнаружена в погр. 14 могильника Шесхарис близ Новороссийска (Дмитриев, 1973. С. 35. Фото 118). В этом же погребении присутствовал бронзовый двулопастный наконечник стрелы с короткой втулкой и узкой удлинненно-ромбической головкой. Наиболее ранними комплексами с подобными наконечниками являются погребения в курганах близ селений Квитки и Ольшана на Украине и Белоградца в Болгарии (Ковпаненко, Гупало, 1984. С. 49. Рис. 9, 42; Скорый, 1999. С. 33, 34. Рис. 11, 28; 12, 2; Topčeva, 1980. Pl. X, 2). Комплексы эти содержат позднейшие формы развития бронзовых уздечных принадлежностей предскифского времени: двукольчатые удила с многорядно-прямоугольным рельефом на стержнях, трехпетельчатые псалии классического варианта новочеркасского типа, производные от них цельнолитые уздечные комплекты типа Константиновка 376 – Енджа. Синхронизируются эти комплексы и по наличию бронзовых наконечников стрел новочеркасского типа. Ряд исследователей датирует данные памятники не ранее конца VIII до н.э. (Эрлих, 1991; 1994; Скорый, 1999; Дударев, 1999). Основой для датировок в том числе являются и предметы закавказского или переднеазиатского происхождения. Подобные же наконечники стрел встречаются и в более поздних памятниках Северного Кавказа: кург. 9 у хутора Красное Знамя, кург. 20 могильника Нар-

тан, кург. 41 могильника Фарс/Клады, погр. 1 кург. 4 могильника Холмский I (Петренко, 1990. С. 62–65. Рис. 1, В 1–5, Д 2–4; Батчаев, 1985. С. 41. Табл. 48, 28; Эрлих, 1988; Лесков, Эрлих, 1999. С. 27, 28, 35, 36, 69, 70. Рис. 39, 17, 18; Василиненко и др., 1993. С. 30. Рис. V, 18–23, 27, 28). Таким образом, застежки с перехватом типа Бешташени 13 зафиксированы в достаточно поздних памятниках. Аналогичные и типологически близкие застежки известны в комплексе из Сарычобана (Азербайджан) и погребении 41 (содержит разновременный материал) могильника Нареквави в Грузии (Джафаров, 1993. Рис. 5, 50, 51; Mtskheta..., 1999. P. 112. Tabl. XXXIV, 456). По застежкам и узде данные комплексы синхронизируются с курганами Мингечаура, датируемыми IX – началом VII (Погрехова, 1984. С. 44–46) или даже второй пол. VII в. до н.э. (Тереножкин, 1971. С. 82).

Безусловно, комплекс погр. 13 могильника Бешташени содержит ряд достаточно архаичных предметов, позволяющих синхронизировать его с кладом из Сасирети. Тем не менее вопрос об их абсолютной датировке остается открытым. Даже сторонники “длинной” хронологии предскифских и раннескифских древностей Восточной Европы датируют данное погребение IX–VIII вв. до н.э. (Полин, 1998. С. 54).

Таким образом, опорными для датировки “пекторалей” и шлемов остаются комплексы Северного Кавказа. Состав комплексов с бронзовыми “пекторальями” и морфологические особенности входящих в них деталей уздечки и оружия позволяют определять дату их появления концом VIII в. или рубежом VIII–VII вв. до н.э.

Представляется неоправданной попытка В.И. Козенковой отнести появление “пекторалей” к “значительно более раннему времени, чем начало передвижения кочевников через Кавказский хребет”, и связать их с “какими-то военными событиями регионального значения конца IX – первой пол. VIII в. до н.э.” (Козенкова, 1998а. С. 33). На основании разновременных и внекомплексных вещей из коллекции А. Косниерской сделать такой вывод не представляется возможным.

Такие предметы, как “шлемы” и “пекторали”, вероятно, принадлежали участникам военных кампаний, маркируя их статус среди соплеменников. Учитывая относительную немногочисленность находок и отсутствие в дальнейшем местной линии развития, следует предположить, что период бытования подобных изделий вряд ли был очень долгим. Конские нагрудники, украшенные бронзовыми “пекторальями”, скорее всего, вышли из употребления вместе с поколением участников “киммерийских” походов.

Связывая проникновение самой идеи “пекторали”, как и некоторых мотивов их декоративного убранства, с Передней Азией (Махортых, Чернен-

³ Приведенные А.И. Иванчиком рисунки фибулы, кинжала и гривны из Приморского не вполне соответствуют фотографиям этих вещей у Б.А. Куфтина (1949. Табл. X, 4, 5, 8; Иванчик, 2000а. Рис. 1, 2, 3, 8). Характер орнаментации этих предметов передан неправильно.

ко, 1995. С. 26, 27), мы тем не менее предполагаем их изготовление на месте, в регионе Западного и Центрального Кавказа. Об этом, в частности, свидетельствует орнамент из выпуклых конусовидных кругов, хорошо известный на кобанских булавах. Так, из могильника Фаскау известны два пластинчатых лопатовидных навершия булавок с закрученным в трубочку верхним краем (ГИМ, Б, 497/180, 181). Одно из наверший украшено рядом из трех (?) выпуклых кругов, другое – двумя рядами из четырех выпуклых кругов в каждом. В фондах Государственного Эрмитажа известны две булавки из Кобанского могильника с пластинчатыми сердцевидными навершиями, украшенными тремя выпуклыми кругами (Доманский, 1984. Ил. 68; ГЭ, ОАВЕС, № 1731/64–65). Техника изготовления и характер выпуклых кругов на навершиях булавок и на “пекторалях” одинаковы.

В составе Бештаугорского клада находится бронзовый диск с чеканным орнаментом, украшенный ромбами и пятью конусами из концентрических кругов, аналогичных конусам на “пекторалях” и булавах. А.А. Иессен трактовал этот предмет как обивку щита, В.И. Козенкова – как нагрудную деталь комбинированного доспеха (Иессен, 1954. С. 125; Козенкова, 1995. С. 97. Рис. XXIV, 7). Аналогичный предмет, отличающийся отсутствием чеканных ромбов, известен в Чабарухском кладе и предположительно считается обивкой щита (Unterwegs..., 1995. S. 284. № 229). Клад из Чабарухи, на наш взгляд, представляет собой набор приношений в святилище и состоит из разновременных предметов. Орнаментированные топоры Чабарухского клада относятся ко второму, третьему и четвертому периодам в развитии графического стиля (Скаков, 1997. С. 75, 77, 84) и позволяют датировать клад в широких рамках IX – первой пол. VII в. до н.э. Такую широкую датировку подтверждают и типологически различные фибулы Чабарухского клада (Unterwegs..., 1995. S. 282. № 224, 225).

С кобано-колхидским искусством мы связываем и изображения змей на “пекторалях”, присутствующие как минимум на четырех экземплярах и находящие полные аналогии на рассмотренных выше бронзовых поясах. Поэтому неслучайным представляется тот факт, что для починки одной из “пекторалей” могильника Фаскау был использован пояс (?) с изображением змей, не являющийся, кстати, характерным для кобанских памятников Дигории. У трех “пекторалей” оконечности боковых дуг выполнены в форме змеиных голов и в то же время имеют фаллическую форму. Вероятно, изображение змей на поясах и на боковых дугах “пекторалей” было связано с определенными мифологическими представлениями. Как известно, в фольклоре змея прочно ассоциируется с поясом, а “змеиный пояс” воплощает мужскую сексуальную силу (Байбурин, 1992. С. 11).

Возможно, еще одна “пектораль” происходит из доследованного М.И. Рыбенко в 1958 г. погр. № 1 могильника Эшкакон. Судя по описанию погребения, в нем кроме бронзовых предметов конской упряжи (12 псалиев, 5 удилов, более 15 круглых блях), трех мисок, трех ведерок, четырех серпов и двух топоров из бронзы, двух наконечников копий и одного кинжала из железа найден “фрагмент предмета (размером 23 × 14 см) из листовой бронзы с орнаментом” (Фоменко, 1998. С. 10)⁴. Не исключено, что данный предмет представляет собой остатки “пекторали”.

Думается, что среди группы вещей, найденных около 1975 г. у села Анухва Армянская, имеются фрагменты не одной, а двух бронзовых “пекторалей”. От второй “пекторали” сохранилась средняя часть со следами рельефного ребристого орнамента, боковые дуги обломаны. По очень осторожному предположению Я.В. Доманского (1979. С. 26, 34. Рис. 8, 2), этот предмет был обломком поножей. В том случае, если данный предмет является “пекторалью”, он значительно отличается от известных к настоящему времени на Кавказе экземпляров, поскольку не имеет орнамента из выпуклых кругов.

Таким образом, на сегодняшний день на Кавказе известна серия из девяти достоверных и двух предполагаемых “пекторалей”. Три из них происходят из Бзыбской Абхазии (два из Анухвы, один из Эшери), пять из района Кавказских Минеральных Вод (два из Клинь-Яра, по одному из Бештау, Султан-горы, Эшкакона), три из Дигорского ущелья (два из Фаскау, один из Верхней Рутхи). Мы согласны с мнением И. Мотценбеккера и В.И. Козенковой о том, что находки этих предметов фиксируют точное направление связей между Северным Кавказом и Закавказьем (Козенкова, 1999. С. 228). В этой связи неслучайной представляется находка серии “пекторалей” в Дигорском ущелье. Дигория в данный период являлась одним из ключевых звеньев, связывающих Северный Кавказ с Закавказьем, выполняя роль своеобразного “проходного двора”, куда, благодаря торговым связям и военным контактам попадали предметы различного происхождения (Скаков, 1999. С. 121, 130).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XLV. СПб., 1992.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985.

⁴ Благодарим В.А. Фоменко за предоставленную информацию.

- Белинский А.Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1990. № 4.
- Белинский А.Б., Вальчак С.Б.* Оригинальная группа предскифских уздечных комплектов Северного Кавказа: европейские и закавказские параллели // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь, 1998.
- Вальчак С.Б.* К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана // РА. 1994. № 2.
- Вальчак С.Б.* Два уникальных уздечных комплекта кобанской культуры из собрания ГИМ // Тез. докл. Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996.
- Вальчак С.Б.* Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалями (происхождение и хронология) // Древности Евразии. М., 1997.
- Вальчак С.Б.* Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В.* Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования. Вып. I. Краснодар, 1993.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969.
- Джафаров Г.Ф.* Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // РА. 1993. № 4.
- Дмитриев А.В.* Отчет об археологических разведках в районе Новороссийска в 1973 году // Архив ИА РАН. 1973. Р–1. № 5823.
- Доманский Я.В.* Пополнение коллекции древнекавказских бронз Эрмитажа // СГЭ. 1978. Вып. XLIII.
- Доманский Я.В.* Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // Тр. ГЭ. 1979. Т. XX.
- Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984.
- Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
- Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.
- Иванчик А.И.* О так называемых “передневосточных” шлемах, найденных на Кавказе // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000а.
- Иванчик А.И.* “Передневосточные” шлемы с Северного Кавказа и киммерийская проблема // Таманская старина. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). Тез. докл. междунар. конф. СПб., 2000б.
- Иващенко М.М.* Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии // Известия НИИ кавказоведения. Вып. 3. Тифлис, 1935.
- Иессен А.А.* Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д.* Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. 1995. Вып. В2–5. М., 1995.
- Козенкова В.И.* К интерпретации малоизвестной коллекции кобанских древностей из Берлинского музея древней истории // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тез. докл. СПб., 1998а.
- Козенкова В.И.* Кобанские древности в малоизвестных европейских собраниях // Международные XX “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1998б.
- Козенкова В.И.* Рецензия на книгу: Motzenbacher I. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Bd. 3. Berlin, 1996 // РА. 1999. № 2.
- Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Тбилиси, 1941.
- Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Ч. I. Тбилиси, 1949.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс//Клады. М., 1999.
- Марсадолов Л.С.* Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998.
- Махортых С.В.* Пам’ятки типу Новочеркаського скарбу (за матеріалами Північного Кавказу) // Археологія. 1992. № 1.
- Махортых С.В., Черненко Е.В.* О кавказских “пекторалах” VIII–VII вв. до н.э. // РА. 1995. № 2.
- Петренко В.Г.* К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
- Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
- Полин С.В.* О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской) // РА. 1998. № 4.
- Рунич А.П.* Отчет о полевых исследованиях по району Кавминвод за 1964 год // Архив ИА РАН. 1964. Р–1. № 2869.
- Скаков А.Ю.* К вопросу об эволюции декора кобанско-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997.
- Скаков А.Ю.* Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

- Скаков А.Ю.* К вопросу о хронологии некоторых закавказских кладов эпохи поздней бронзы // XXI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 2000.
- Скорый С.А.* Киммерийцы в Украинской лесостепи. Киев; Полтава, 1999.
- Стражев В.И.* Бронзовая культура в Абхазии // Известия Абхазского научного общества. Вып. 4. Сухум, 1926.
- Тереножкин А.И.* Дата мингечаурских удил // СА. 1971. № 4.
- Техов Б.В.* Глийский могильник. Т. I. Тбилиси, 1980.
- Техов Б.В.* Глийский могильник. Т. II. Тбилиси, 1981.
- Трапиш М.М.* Труды. Т. 2. Древний Сухуми. Сухуми, 1969.
- Фоменко В.А.* Эшкаконский могильник // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 2. Ставрополь, 1998.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Эрлих В.Р.* Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени Среднего Закубанья // Материальная культура Востока. Ч. I. М., 1988.
- Эрлих В.Р.* Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии комплексов предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
- Berezin J.B., Dudarev S.L.* Neue praskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // EA. 1999. Bd. 5.
- Motzenbacher I.* Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Bd. 3. Berlin, 1996.
- Mtskheta.* 1998. Narekvavi I. Tbilisi, 1999.
- Tončeva G.* Necropole tumulaire pres du village Belogradec du VII-e s. av. n. ere // Thracia. 1980. № V.
- Unterwegs zum goldenen Vlies.* Archäologische Funde aus Georgien. Saarbrücken, 1995.

The Digori pectorals of the pre-Scythian period

S. B. Valchak, A. Yu. Skakov

Summary

The paper is devoted to the publication of the horse breast-collars (“pectorals”) from the Digori gorge in North Ossetia. The finds are considered against the background of similar artefacts from the North Caucasus and Transcaucasus. The Caucasian “pectorals” originate from unreliable associations. The Caucasian “pectorals” seem to be coeval to the helmets of Assyrian type, consequently, they should be dated back to late 8th – the early part of the 7th cc. BC. The suggested chronology is confirmed by the finds of horse harness and weaponry attributed to the cavalrymen.

КУРГАНЫ У ПОСЕЛКА КОЛОДНЯ НА ДНЕПРЕ

© 2003 г. В. В. Енуков

*Курский государственный педагогический университет, Курск**Светлой памяти учителя
Данила Антоновича Авдусина
посвящается*

В 20-х годах прошлого века на правом берегу Днепра, у пос. Колодня (ныне вошел в черту г. Смоленска) А.Н. Лявданский открыл курганную группу. Им был составлен план, а также раскопаны две слившиеся насыпи (№ 8, 9 по нумерации исследователя) (рис. 1). Одна из них содержала трупосожжение на месте в материковой ямке, которую накрывал перевернутый лепной горшок. В захоронении были найдены обломки бронзовых спиралек и гривны, а также бляшки от ремня. В насыпи имелось более позднее безынвентарное погребение, совершенное по обряду ингумации. Оно было сильно повреждено при сооружении второго кургана, в котором захоронение отсутствовало (Лявданский, 1930. С. 294–296).

В 1955, 1956 и 1964 гг. исследованием курганов занимался Е.А. Шмидт. К моменту начала работ насчитывалось 16 насыпей, из которых 8, расположенных компактной группой в юго-восточной части могильника, были раскопаны. Все они содержали трупосожжения, которые, как по обряду, так и по инвентарю, представляли собой классический образец памятников культуры смоленских длинных курганов (далее – КСДК) (Шмидт, 1983а. С. 117–120).

В 1983–1984 гг. изучение древнего кладбища, в ходе которого было раскопано шесть курганов, было продолжено автором. Деятельное участие в организации работ принял Д.А. Авдусин. В составе руководимой им Смоленской археологической экспедиции МГУ на базе исторического факультета Волгоградского государственного университета был создан специальный отряд, перед которым была поставлена задача исследования погребальных древностей, расположенных в ближайшей округе двух уникальных памятников русского средневековья – Смоленска и Гнездова.

К этому времени в Колодне сохранилось восемь насыпей и край еще одной, уничтоженной речным обрывом (рис. 1). Курганы вытянулись цепочкой вдоль береговой линии, с северо-запада на юго-восток. В целом ситуация, зафиксированная Е.А. Шмидтом в 1955 г. (Шмидт, 1955), заметно из-

менилась. Линия речного обрыва сдвинулась к северу, в результате чего пострадал кург. 10. Отсутствовали какие-либо следы кург. 12. Однако между кург. 11 и 14 была обнаружена небольшая расплывчатая насыпь, отсутствовавшая на плане Е.А. Шмидта, которой и был присвоен данный номер. Между кург. 14 и 15 прослеживались отвалы раскопанного А.Н. Лявданским двойного кургана.

Кратко мы уже касались материалов раскопок в Колодне (Енуков, 1990. С. 117–120). Однако обращение к ним по прошествию ряда лет привело к их определенному переосмыслению, что в первую очередь касается места, которое ранее отводилось этому весьма интересному памятнику в общей эволюции погребальной обрядности населения Смоленского Поднепровья последней четверти I тыс. н.э. Настоящая работа призвана ввести в научный оборот наиболее полную информацию о проведенных исследованиях¹.

Кург. 11 имел овальную в плане форму (12.5 × 7.6 м, высота 0.6–0.8 м) и располагался параллельно реке (рис. 2). Вдоль его оси шла грабительская траншея, выброс из которой прослеживался под дерном на отдельных участках поверхности кургана. В насыпи выделялись две части, граница между которыми была очень нечеткой. Нижняя состояла из супеси с небольшой примесью угольков и золы, которые в отдельных местах образовывали незначительные по размерам тонкие прослойки. Перед возведением кургана площадка была выжжена, о чем свидетельствует тонкая, до 2–3 см толщиной, золистая прослойка с отдельными угольками. Еще одна аналогичная прослойка, но значительно меньших размеров, располагалась выше. Возможно, она соответствует второму ритуальному костру, разведенному уже в процессе сооружения кургана. Верхняя часть насыпи была несколько более светлой за счет отсутствия про-

¹ Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность А.М. Обломскому за консультацию по вопросам морфологии керамики поздне римского-раннесредневекового времени.

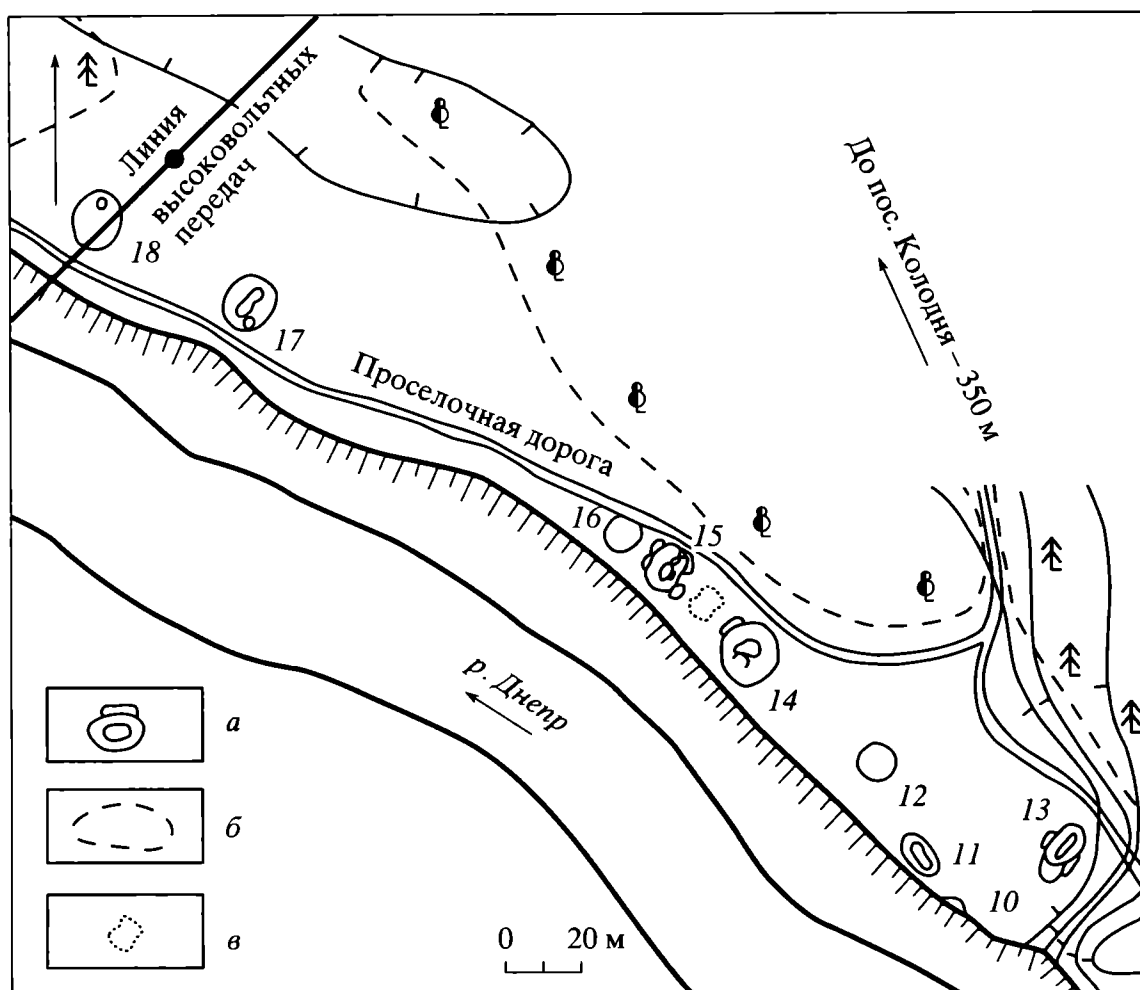

Рис. 1. План курганной группы около поселка Колодня: а – курган; б – граница лесопосадок; в – курганы 8, 9, раскопанные А.Н. Лявданским.

дуктов горения. Вероятно, такое членение насыпи – результат распашки.

Погребение, расположенное в насыпи, было обнаружено в сильно потревоженном распашкой виде на границе отмеченных слоев. Сохранились только нечеткие границы нижней части ямки диаметром 35 см, глубиной 7 см, стенки которой плавно переходили в скругленное дно. Ее заполнение состояло из супеси с примесью золы, мелких кусочков пережженного гранита и отдельных угольков. В верхней ее части было несколько мелких обломков одного лепного сосуда, в тесте которого присутствовала примесь крупной дресвы. Здесь же встречены отдельные кальцинированные косточки.

Курган 12 имел форму шарового сегмента диаметром 10.5–10.85 м, высотой 0.3–0.5 м. Стратиграфия насыпи близка кургану 11: нижняя более темная часть (но без ритуального костра) и верхняя – распаханная. Следов погребения не обнаружено.

Курган 13 был вытянутых в плане пропорций (16.75 × 9.7–10 м при высоте до 2.25 м) и располагался перпендикулярно Днепру (рис. 3). Он находился ближе всего к насыпям, исследованным

Е.А. Шмидтом. Его юго-западная часть, отклоняясь от основной оси, имела вид своеобразного “хвоста”. Вдоль вершины кургана проходила кладоискательская траншея.

Последовательность совершения захоронений была следующей. Сначала прямо на дерне был разведен ритуальный костер. Ему соответствовала тонкая (2–3 см) прослойка, которая, однако, имела значительные в плане размеры (7.50 × 5–6.10 м) и интенсивный маслянисто-черный цвет. В кострище была вырыта ямка диаметром 25 см и глубиной 10 см, прорезавшая погребенный дерн (погребение 3). Она была заполнена темным горелым грунтом с примесью углей, золы и кальцинированных костей (рис. 4). Аналогичное заполнение имел и помещенный вверх дном внутрь ямки лепной горшок (рис. 5, 3). Общий вес костей достигал 600 г. В ямке были также обнаружены два оплавленных кусочка бронзы и несколько фрагментов бронзовой подковообразной фибулы с концами в виде перевернутой пирамиды. Обломки подошли друг к другу, однако из них собралась только часть застежки (рис. 6, 7). Похоже, фибула была специально сломана в процессе погребения. Кроме того, в 2.5 м к северо-востоку от ямки в горелой прослой-

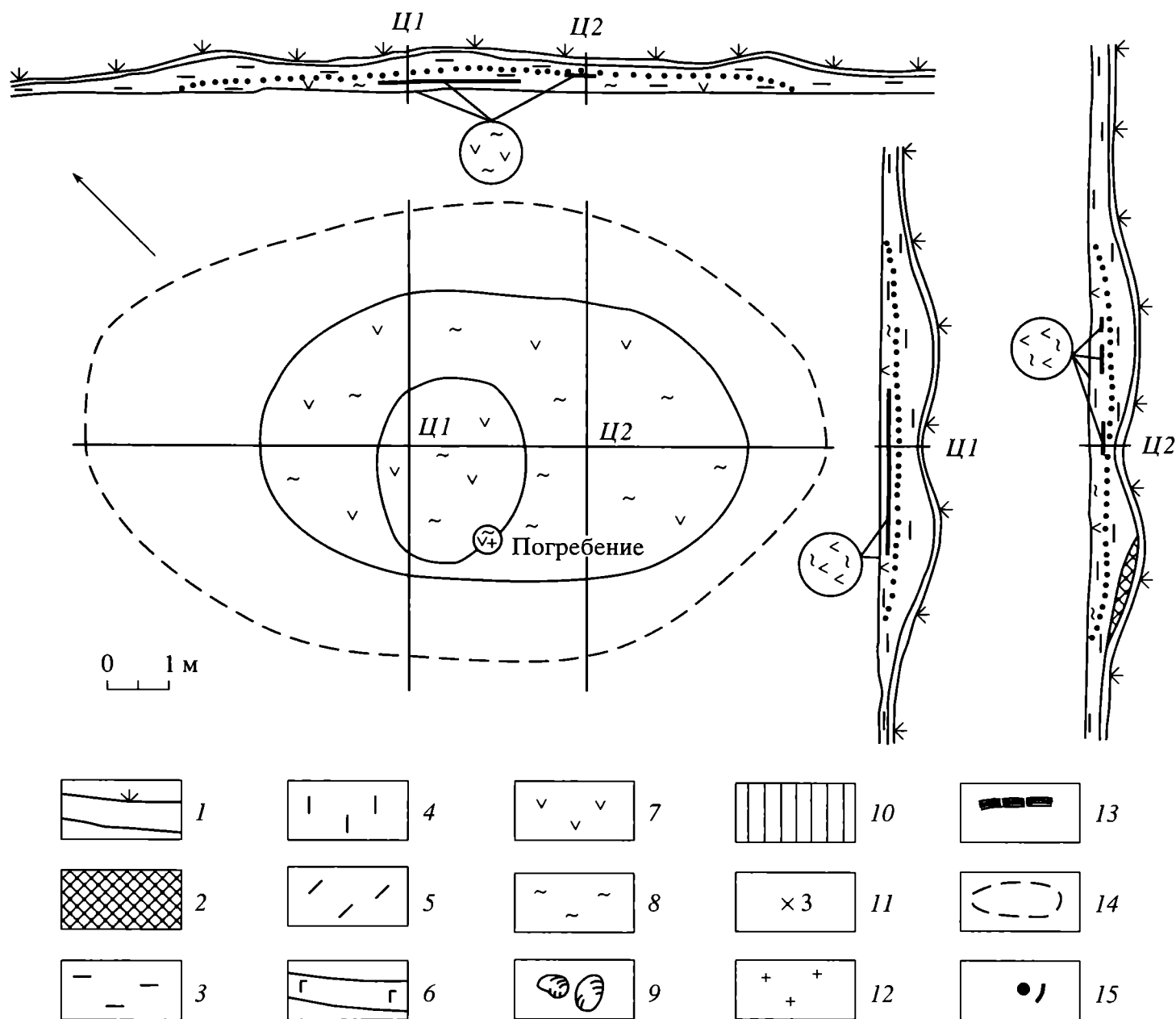

Рис. 2. Курган 11: 1 – дерн; 2 – перекоп; 3 – супесь; 4 – серо-желтый суглинок; 5 – гумусированный суглинок; 6 – погребенный дерн; 7 – угли; 8 – зола; 9 – камни; 10 – суглинок красноватого цвета; 11 – находки; 12 – кальцинированные кости; 13 – горелое дерево; 14 – границы насыпей и ровиков до раскопок; 15 – сосуды в погребениях.

ке было найдено несколько кальцинированных косточек и предметы из бронзы: две бизовидные подвески, спиралька и язычок от пряжки (рис. 6, 5, 6, 8).

Над погр. 3 была возведена первоначальная насыпь из темно-желтой супеси с примесью угольков, золы и мелких камней, а также отдельных крупных (иногда до 0.5–0.6 м, в одном случае более 1 м) валунов. Ее размеры составили 9.5 × 6.5–7 м.

Позднее вершина насыпи была выровнена и на полученной площадке был разведен костер, однако менее интенсивный, нежели при совершении предыдущего погребения (прослойка толщиной до 5 см при размерах 2.85 × 3.50 м). В кострище была вырыта подпрямоугольная яма, имевшая размеры 1 × 0.6 м при глубине 0.2 м, в которую наряду с продуктами горения были помещены кальцинированные кости человека вместе с пережженными костя-

ми крупного животного общим весом 3.8 кг (погр. 2) (рис. 4). Отдельные косточки встречались по всей горелой прослойке. В заполнении ямы найдены три обломка одной бронзовой спирали (рис. 6, 3) и стеклянные бусы: шарообразная с желтыми, красными и бирюзовыми продольными полосками (рис. 6, 1), четыре 14-гранных и подкубических голубых, среди которых из-за воздействия огня хорошо сохранила форму только одна (рис. 6, 2), и три сильно оплавленных, судя по всему глазчатых. Над ямкой вверх дном был помещен лепной горшок (рис. 5, 1).

Далее курган был досыпан темно-желтой супесью с мелкими камнями и отдельными валунами, не образующими каких-либо конструкций. На площадку, выровненную на его вершине, были высыпаны остатки трупосожжения на стороне (погр. 1) (рис. 3). Они представляли собой про-

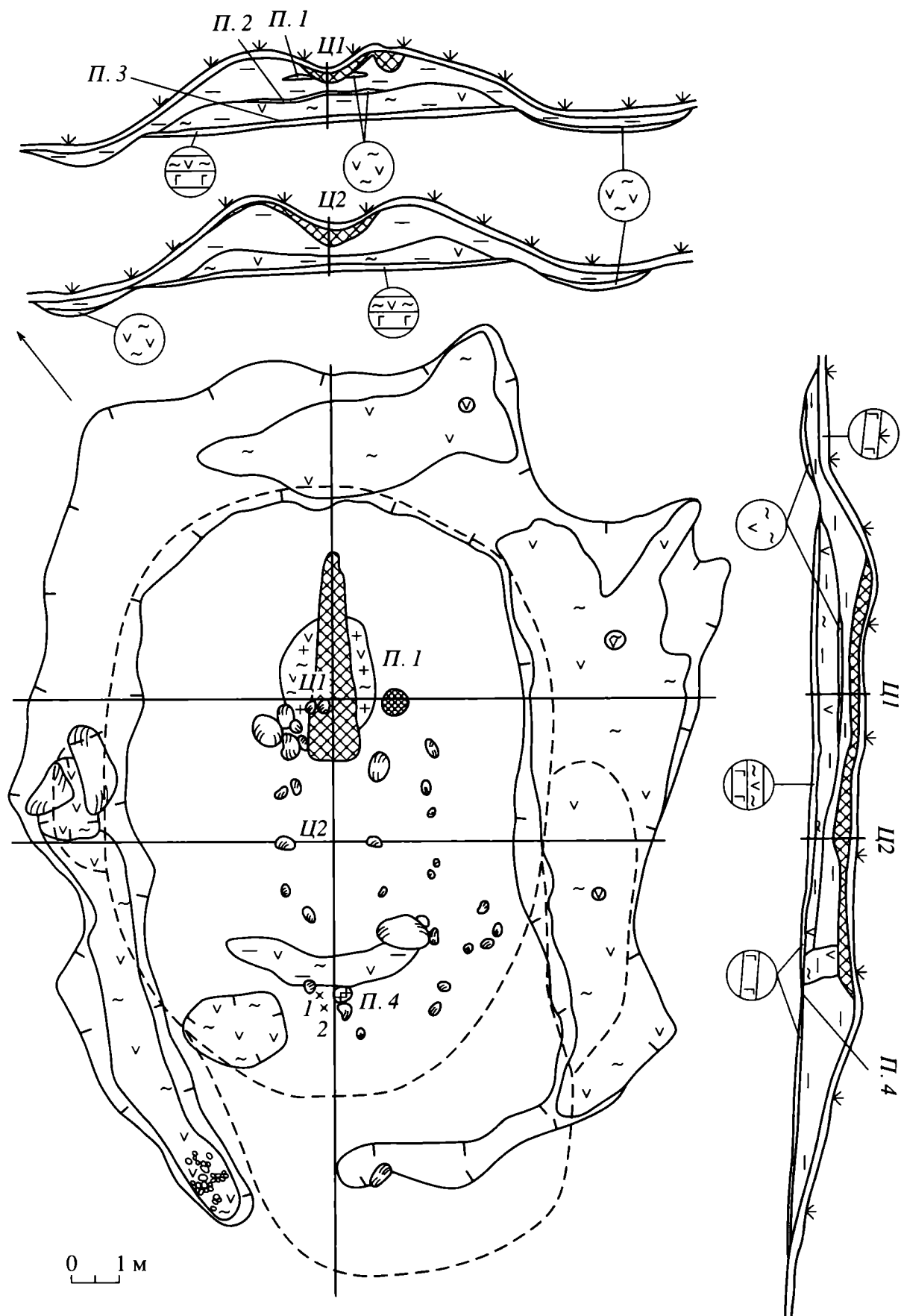

Рис. 3. Курган 13: 1 – обломки лепного горшка; 2 – пряслице.

слойку размером 2.75×2 м при толщине до 5–8 см, состоящую из пережженных костей (1.5 кг) с небольшим количеством золы и отдельными угольками. Центральная часть захоронения была унич-

тожена перекопом. Далее курган был еще раз до-сыпан.

Перед совершением погр. 4 юго-западная часть насыпи была срезана почти вертикально вплоть до

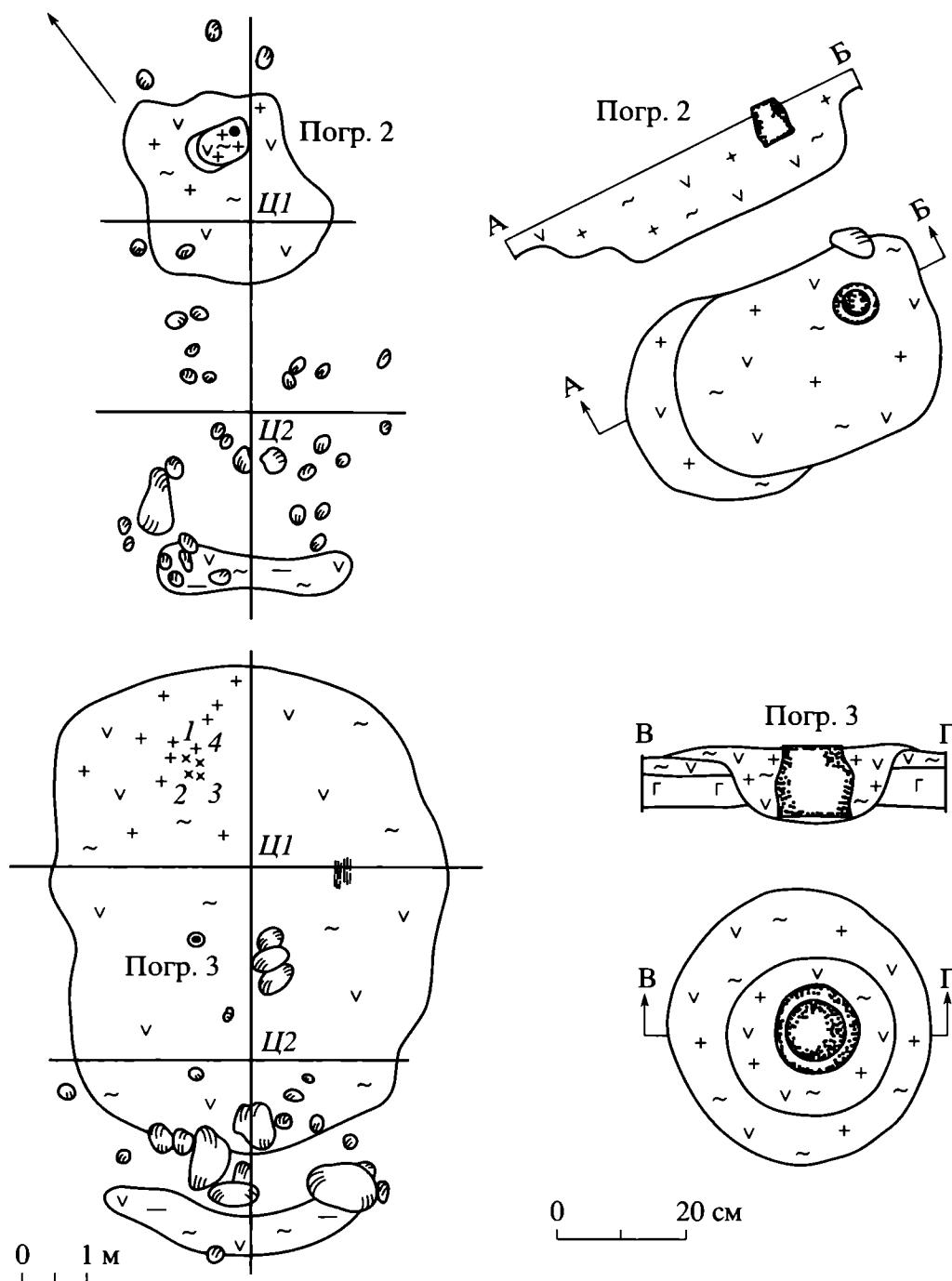

Рис. 4. Курган 13. Планы погребений 2 и 3. 1, 2 – бисовидные подвески; 3 – спираль; 4 – язычок от пряжки.

основания кургана. Получившаяся стенка была как-им-то образом укреплена, что отражает подковообразный в плане слой супеси с заметными золисто-угольными включениями (рис. 3). К юго-западу от нее, на полученной площадке, на уровне расчищенной и частично срезанной погребенной почвы были помещены остатки трупосожжения на стороне в виде небольшого скопления костей (около 50 г) диаметром 30–35 см. Рядом обнаружены обломки разбитого в ритуальных целях лепного горшка, значительная часть которого отсутствовала, что не позволило реконструировать его форму, а также фрагмент глиняного биконического пряслица (рис. 6, 10). Не исключено, однако, что последняя находка не связана с погребением и попала

сюда случайно, при возведении насыпи. В 1 м к западу от захоронения, на уровне погребенной почвы была прослежена яма с золисто-угольным заполнением глубиной до 0,7 м, местами имевшая следы прокала. Возможно, она также не имеет отношения к кургану.

После совершения погр. 4 курган был досыпан и приобрел окончательный вид. Насыпь была окружена рвом, имевшим перемычку в юго-западной части. Внешние его границы, в отличие от внутренних, были очень неровными. Вероятнее всего, это объясняется тем, что грунт из него при совершении погребений брался неоднократно. Однако не вызывает сомнений то, что при поэтапном возведении кургана значительная часть грунта, в ко-

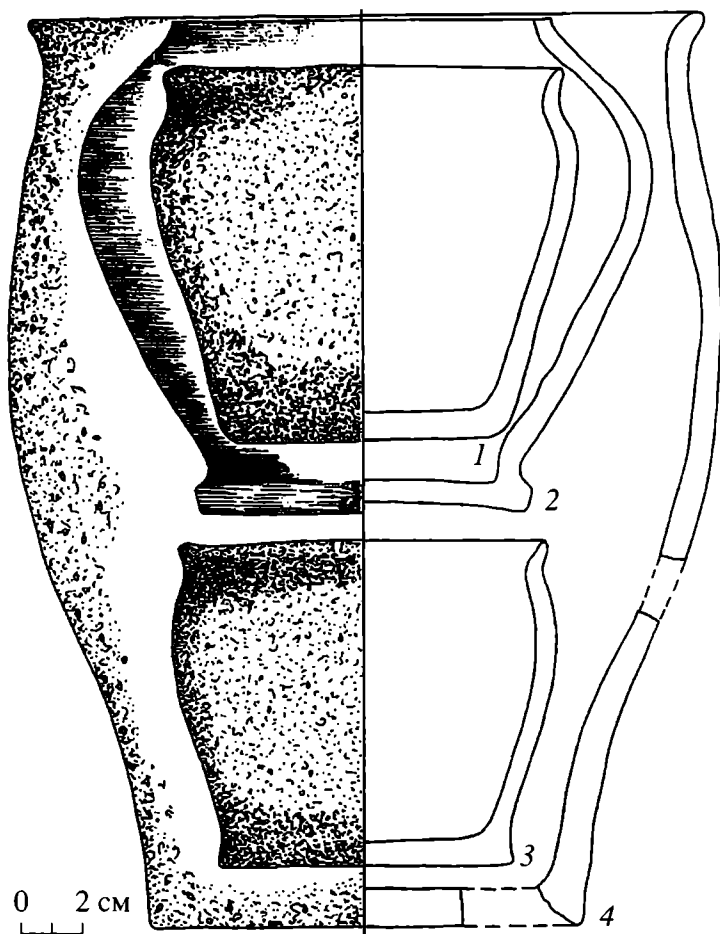

Рис. 5. Керамика из курганов. 1 – курган 13, погр. 2; 2 – курган 14, насыпь; 3 – курган 13, погр. 3; 4 – курган 15, погр. 2.

торый попали остатки культурного слоя, расположенного где-то поблизости поселения, была принесена со стороны.

В ровике отмечено три кострища, из которых выделяется расположенное в его юго-западной части (рис. 3). С севера оно ограничивалось большими валунами, явно располагавшимися здесь и до возведения кургана. Их основания уходили гораздо ниже дна рва. С юга к валунам примыкала яма чашевидной формы, дно которой находилось на глубине около 30 см от нижней границы рва. Кострищная прослойка в этом углублении была значительно интенсивнее. В южной части кострища имелось скопление пережженных кусков гранита, среди которых также отмечено повышенное содержание углей и золы. Судя по всему, это – остатки ритуальных очагов. В обоих случаях присутствовали фрагменты лепных сосудов.

Курган 14 имел форму шарового сегмента, однако насыпь была сильно попорчена ямами в центре и юго-восточной части. Ее диаметр колебался в пределах 16.5–17 м, высота доходила до 2.43 м (рис. 7).

Процесс сооружения кургана выглядел следующим образом. Первоначально площадка была полностью очищена от дерна. Затем была выры-

та квадратная яма, имевшая размеры 4.6–4.75 м при глубине 1–1.1 м. Углами она была ориентирована по сторонам света. По всему периметру ее дна шла неглубокая канавка, имевшая пологие внутренние стенки, тогда как внешние образовывали со стенами основного котлована почти прямой угол. С юго-запада к квадратной яме примыкала круглая яма диаметром 1.5 м. До глубины 0.6 м она имела плавную чашевидную форму, затем резко сужалась и заканчивалась круглой, диаметром 0.27–0.29 м, ямкой с отвесными краями, дно которой находилось на 3–4 см глубже дна основного котлована. Однородное, в виде суглинка с гумусированными включениями заполнение свидетельствует в пользу одновременности всего сооружения.

Дно квадратной ямы, включая канавку, покрывала подстилка, которой соответствовала прослойка плотной органической массы черного цвета без следов горения толщиной 1–2 см. В центральной части дна, на пересечении диагоналей квадрата находилось плавное углубление диаметром 0.3 м, в котором была столбовая ямка диаметром 0.13–0.14 м и глубиной 0.92 м от поверхности материка.

На дне круглой ямы, примыкавшей к основному котловану, стоял череп (обозначен как погр. 3), лицом ориентированный примерно на юго-запад (азимут 205°), т.е. к реке, а затылочной частью, соответственно, внутрь камеры. Нижняя челюсть и передние зубы отсутствовали, височная часть с правой стороны была проломлена, что явно свидетельствует о насильственной смерти покойного.

В заполнении ямы было встречено более двух десятков мелких фрагментов лепной керамики серовато-коричневого цвета, а также сильно коррозированный железный предмет и практически потерявший форму нож. Скорее всего, они не имеют непосредственного отношения к комплексу, а попали сюда вместе с остатками переотложенного культурного слоя. У северо-западной стенки котлована от верхней границы заполнения шла яма перекопа, которая доходила до дна и прорезала органическую подстилку.

Камера была “вписана” внутрь двух concentрических ровиков. Внешний в южной части имел перемычку. Их сооружению предшествовала специальная разметка, о чем свидетельствует их симметрия и исключительная аккуратность, причем глубокая столбовая ямка практически соответствовала центру окружностей, ограниченных ровиками. В их заполнении встречены неопределенный железный предмет и обломки лепной керамики, среди которых значительное место занимали фрагменты посуды эпохи неолита.

После непродолжительного промежутка времени, а вероятнее всего, сразу же, камера была засыпана до уровня первоначальной площадки. В противном случае яма после дождей неминуемо

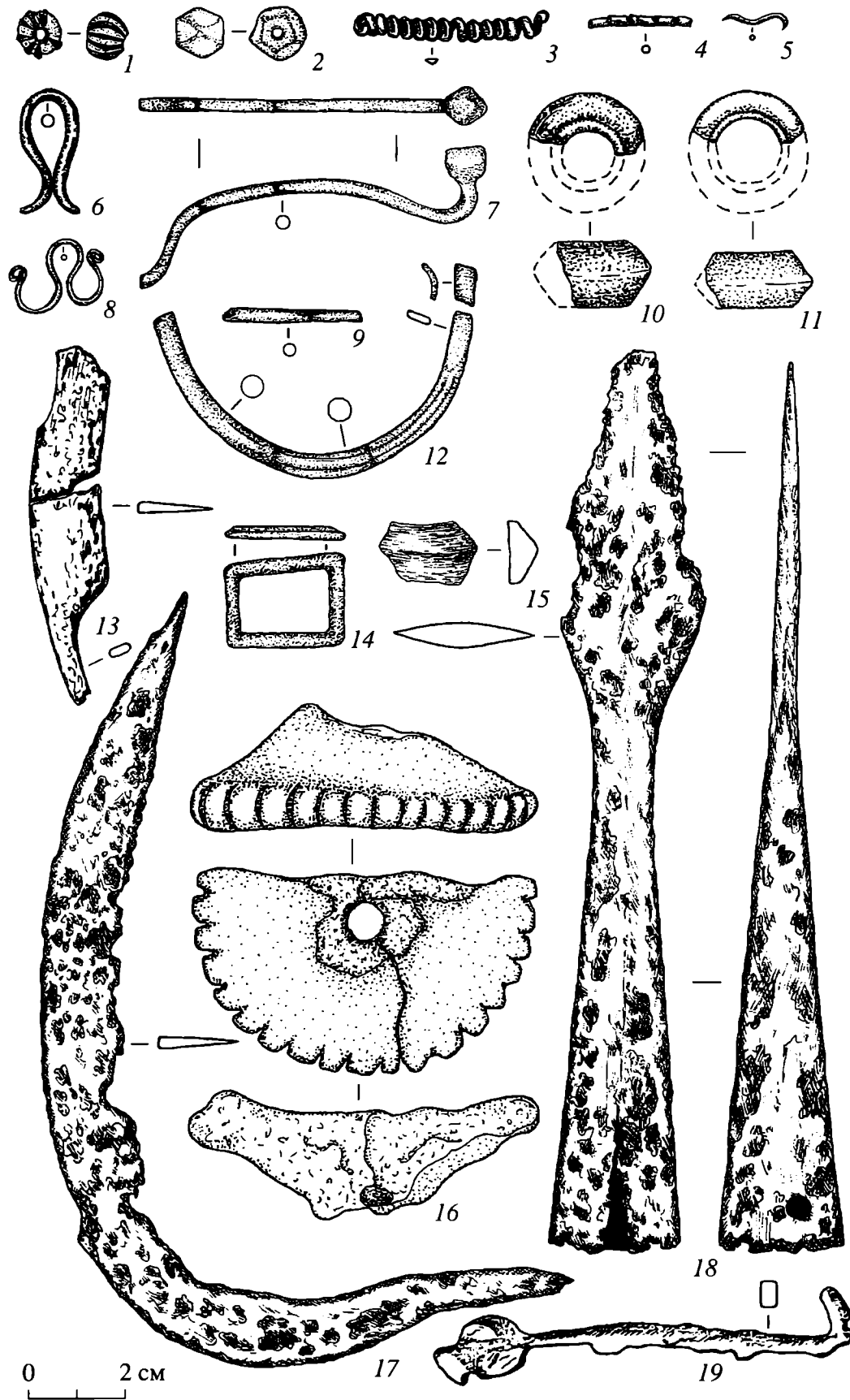

Рис. 6. Находки из курганов. 1-3 – кург. 13, погр. 2; 4-8 – кург. 13, погр. 3; 9, 12, 14 – кург. 15, погр. 1; 10 – кург. 13, погр. 4; 11 – кург. 14, насыпь; 13, 15 – кург. 15, насыпь; 16 – кург. 16, насыпь; 17-19 – кург. 15, погр. 2.

наполнилась бы водой, при этом отвесные стенки котлована без специального укрепления (его следы отсутствовали) были бы размыты и рухнули. В этом воочию убедились участники экспедиции, так как пасмурная погода, сопутствующая раскоп-

кам, по сути дела, способствовала естественному проведению подобного рода “эксперимента”. Теряло бы смысл и органическое покрытие дна камеры, которое задержало бы воду и моментально начало бы гнить. Тот факт, что столб возвышался над по-

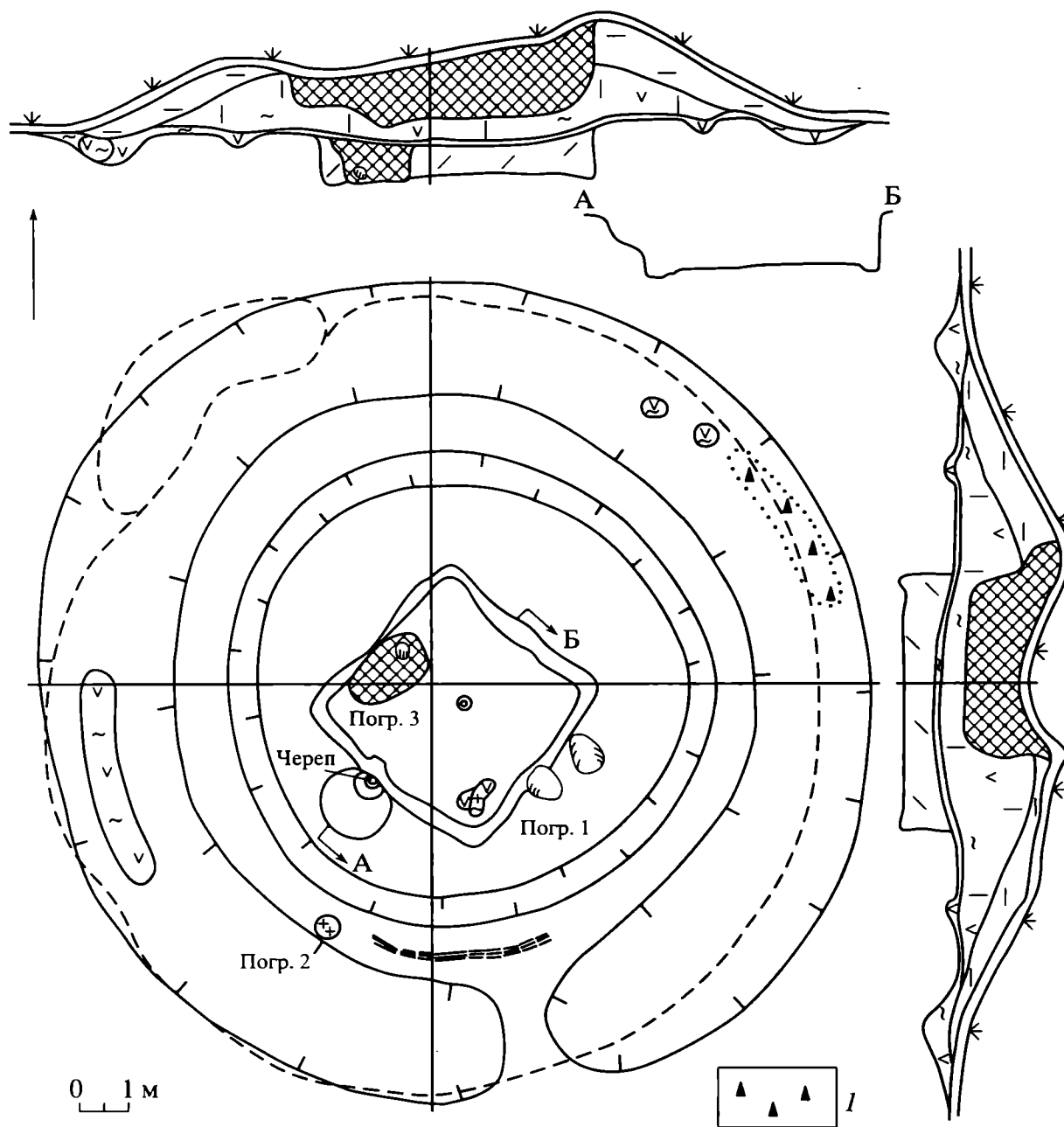

Рис. 7. План кургана 14. I – обломки сосуда черняховской культуры.

лученной площадкой, подтверждается значительной по глубине (почти метр) столбовой ямкой в дне камеры. Это позволяло его очень прочно укрепить, чего не требовалось бы, если бы столб выполнял роль опоры возможных перекрытий, остатки которых не прослеживались. Кроме того, без этого сильно затруднялась и разметка ровов.

Полученное сооружение какое-то относительно продолжительное время не имело насыпи. Это доказывает яма перекопа, что отражает попытку проникнуть внутрь комплекса. Следы “грабительского” колодца отсутствовали в насыпи (мелкие золистые включения были не нарушены), а его верхняя граница была перекрыта неповрежденной горелой прослойкой.

Позднее между ровиками, неподалеку от перемычки, на уровне материка было совершено погребение 2. Остатки трупосожжения на стороне в виде

кальцинированных костей (около 100 г) и продуктов горения занимали очень плавную западину диаметром 50 см при глубине 7 см. Среди них было встречено несколько мелких фрагментов лепной керамики, однако они могут относиться и к переотложенному слою, который частично использовался при возведении насыпи.

Возведению насыпи предшествовал костер на всей площадке в пределах внешней границы большего ровика, разведенный скорее всего из веток и хвороста (крупные угли отсутствовали). Только у перемычки были встречены остатки крупной горелой плахи. В западной части внешнего ровика имелась прослойка с заметно большим содержанием золы и углей. С противоположной стороны отмечены два небольших округлых пятна, аналогичных по составу.

После проведения ритуальных действий с огнем была возведена насыпь, края которой практически точно совпадали с внутренней границей большого ровика. Насыпь состояла из серо-желтого суглинка с заметной примесью золы, попавшей сюда из кострища. На ее вершину были высыпаны остатки сожжения на стороне (погр. 1), состоящие из кальцинированных костей (около 300 г), золы и углей, причем кости располагались только в восточной части скопления. Здесь же было найдено шесть мелких обломков лепного сосуда.

После совершения погребения 1 курган был досыпан грунтом в виде супеси и приобрел окончательный вид. В обеих частях насыпи встречались камни, иногда крупные валуны, которые не образовывали каких-либо конструкций. С остатками культурного слоя поселения связаны находки фрагментов лепной керамики, в том числе и неолитической, обломков кругового горшка черняховской культуры (рис. 5, 2) и части биконического пряслица (рис. 6, 11). Ранее нами указывалось, что рядом с перемышкой были обнаружены обломки амфоры (Енуков, 1990. С. 118). Однако при более внимательном изучении выяснилось, что ручка с небольшим прилегающим участком принадлежит позднему кувшину. В краю полы были найдены обломки еще одного горшка нового времени.

Курган 15 отличался от остальных своей формой: в плане он имел подпрямоугольные очертания с размерами 13 × 10 м при высоте до 1.72 м и был ориентирован перпендикулярно реке (рис. 8). Его центральная и северо-восточная части были попорчены ямами, выбросы из которых легли на древнюю поверхность насыпи.

Перед возведением кургана дерн был посыпан чистым серо-желтым суглинком (прослойка толщиной 2–5 см), после чего на площадке был разведен ритуальный костер (золисто-угольная прослойка толщиной 3–5 см). Отдельные горелые плахи встречались и за его пределами. Затем в северной части кострища была вырыта ямка диаметром 35 см и глубиной 28 см. На ее дно были высыпаны часть остатков трупосожжения на стороне в виде золы, углей, большого количества кальцинированных костей и мелких обломков специально разбитого лепного сосуда (погр. 2). У северо-восточной стенки ямки на полученную прослойку был помещен в вертикальном положении, венчиком вверх, крупный обломок того же горшка. Затем ямка была засыпана примерно до уровня погребенной почвы серо-желтым суглинком, в котором присутствовала небольшая примесь золы. Сверху была высыпана оставшаяся часть трупосожжения (зола, угольки, кальцинированные кости и мелкие обломки упомянутого выше сосуда). Исполнители похоронного ритуала сгребли их к центру скопления, где был сформован аккуратный

холмик с уплощенной вершиной. Продукты кремации были принесены с погребального костра очень горячими и представляли собой спекшуюся массу. Отдельные косточки обнаружены и в части ритуального кострища, примыкающей к ямке.

За пределами кострища, у его юго-западного края, на одной линии, перпендикулярной длинной оси кургана, были положены не носившие следов огня наконечник дротика (острием ориентирован вдоль длинной оси кургана), плохо сохранившийся предмет из железа и серп (рис. 6, 17–19). Затем была возведена первоначальная насыпь из суглинка с отдельными вкраплениями золы и редкими горелыми плашками.

Позднее вершина полученной насыпи была выровнена и практически по всей площади посыпана суглинком красноватого цвета (прослойка толщиной 1–3 см). Затем в западной части был разведен небольшой костер (слабая золистая прослойка толщиной 1–2 см). Отдельные вкрапления золы и редкие угольки встречались по всей площадке. К востоку от костра были высыпаны остатки трупосожжения на стороне в виде небольшого количества костей и золы, которые образовали тонкую прослойку, имевшую в плане размеры: СЗ–ЮВ – 26 см, ЮЗ–СВ – 20 см. Поблизости отмечены отдельные кальцинированные косточки. В скоплении были найдены фрагменты специально поломанной бронзовой подковообразной из 8-гранного дрота фибулы, а также круглой в сечении бронзовой проволоки (игла фибулы?) (рис. 6, 9, 12). По сохранившемуся раскованному окончанию и некоторым мелким обломкам фибула имела спиралеконечные завершения. Неподалеку были обнаружены обломок той же фибулы и 4-угольная бронзовая пряжка (рис. 6, 14). Затем курган был досыпан супесью до окончательного вида. В этой части насыпи, практически сразу под дерном, был найден плохо сохранившийся нож (рис. 6, 13).

Ровик в виде подковы окружал северную часть кургана. Он был сооружен, судя по стратиграфическим наблюдениям, еще при совершении более раннего погребения 2, а затем несколько углублен. Нижнюю часть его заполнения составлял слабо горелый слой.

Курган 16 в современном состоянии приближался к шаровому сегменту (диаметр 9.5–10.85 м, высота – до 0.57 м). Как оказалось, большая часть насыпи, за исключением небольшого участка в центре, повреждена распашкой. Погребение уничтожено. От него сохранились отдельные кальцинированные косточки, встреченные в разных частях кургана. В насыпи был обнаружен грузик дьякова типа (рис. 6, 16).

Культурно-хронологическая интерпретация курганов около Колодни существенным образом затруднена в силу отсутствия прямых аналогий в материалах других языческих кладбищ. Исключение

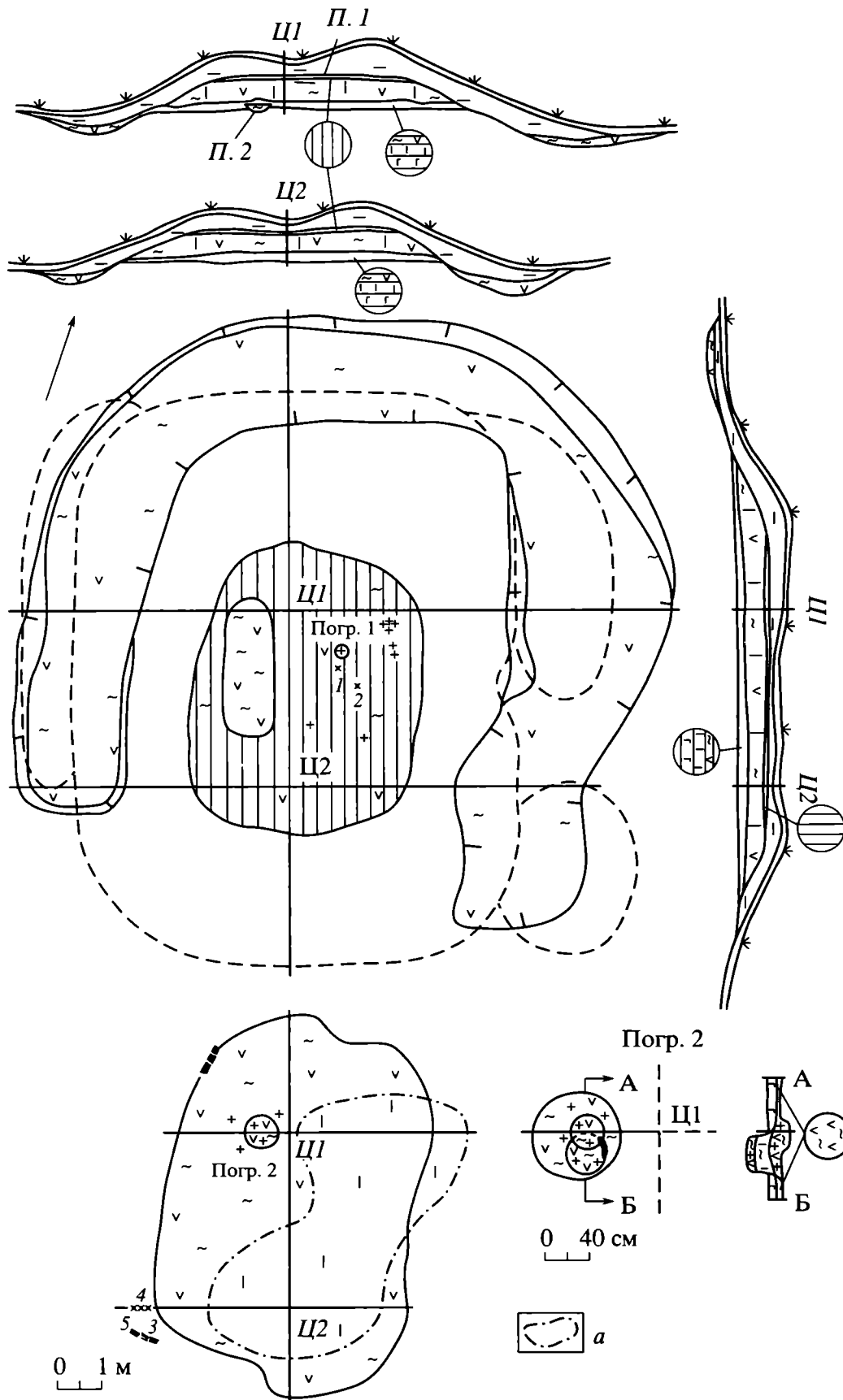

Рис. 8. План кургана 15: 1 – обломок фибулы; 2 – четырехугольная пряжка; 3 – серп; 4 – железный предмет; 5 – наконечник дротика. *a* – граница подсыпки из суглинка.

составляет курган 13, представляющий собой как по обрядности, так и по инвентарю типичный пример памятника КСДК последней четверти I тыс. н.э., носители которой на сегодняшний день практически бесспорно отождествляются с криви-

чами смоленско-полоцких земель. Располагаясь ближе всего к насыпям, исследованным Е.А. Шмидтом, он составлял неотъемлемую часть могильника этой культуры. Предметы из бронзы, встреченные в кургане 13, имеют достаточно широкий диапазон

бытования и не дают возможности для уточнения хронологии в указанных пределах. В определенной мере это относится и к импортным украшениям, представленным бусами. Изготовленные из палочек голубые 14-гранные и кубические со сглаженными гранями бусы поступали в самые разные регионы Европы, хотя некоторая их концентрация наблюдается в междуречье Днепра и Двины (Школьникова, 1978. С. 101). Ю. Кальмер, исследовавший бусы Скандинавии, полагает, что эти украшения встречаются на позднее IX в. (Callmer, 1977. P. 80). Но, как показывают материалы Старой Ладogi и Гнездова, в континентальных условиях Восточной Европы они какое-то время имели хождение и в X в. (Львова, 1968. С. 90; Рябинин, 1982. Табл. 1; Лихтер, Щапова, 1991. С. 247. Табл. 3). Тем не менее находки таких бус в Гнездове чрезвычайно малочисленны, что указывает на финальную стадию в их использовании населением Смоленского Поднепровья.

Бусина с продольными полосками разных цветов из погребения 2 технологически примыкает к лимонкам, ввозившимся на территорию Восточной Европы в больших количествах на протяжении длительного времени вплоть до начала – середины XI в. (Колчин, 1982. С. 168). Следует, однако, отметить, что в Старой Ладoge полосатые лимонки встречаются преимущественно в напластованиях до последней четверти IX в. (Рябинин, 1982. С. 171).

Таким образом, в импортной части инвентаря фиксируются некоторые ранние признаки, что находит свое соответствие и в обрядности. По сочетанию типов погребений курган 13 относится к группе 3 (по классификации автора), основная часть насыпей которой предположительно была возведена в период до IX в. (Енуков, 1990. С. 77, 78). Косвенно относительно ранний характер кургана подтверждается и размещением в погребении 3 лепного сосуда внутри ямки, а не над ней, что весьма нехарактерно для смоленских длинных курганов, зато является обычным для предшествующих тушемлинских захоронений.

Остальные исследованные курганы не имеют ярко выраженных признаков культурной атрибуции. Их отличие от кургана 13 и насыпей, исследованных Е.А. Шмидтом, помимо всего проявляется в планиграфии. Если первые, как уже отмечалось, были вытянуты в цепочку вдоль береговой линии, то вторые располагались “кучно” и на некотором удалении от реки, занимая небольшую мысообразную возвышенность, выходящую к Днепру.

В некоторой степени уточнить хронологию позволяют отдельные находки из насыпей, связанных с переотложенным культурным слоем. Основная их масса принадлежит эпохе бронзы (орнаментированная керамика, отдельные орудия из кремня). Вычлняются также обломки до-

вольно грубой керамики с заметной примесью дресвы, явно относящейся к более позднему времени. К сожалению, малые размеры фрагментов не дают оснований для твердых культурно-хронологических определений, за исключением кругового горшка из кургана 14, форма которого была реконструирована почти полностью (отсутствовала только крайняя часть венчика). Его обломки связаны со вторым, поздним этапом сооружения насыпи и были обнаружены на небольшой глубине (часть фрагментов была встречена сразу под дерном). Сосуд имеет многочисленные аналогии в материалах черняховской культуры (рис. 5, 2; 7) (Березовец, Петров, 1960. Рис. 13; Сыманович, 1967. Рис. 10, 1, 5, 7; 11, 2; 12, 6; Кравченко, 1967. Рис. VII, 7; VIII, 10; Винокур, Островский, 1967. Рис. 11, 3). Эта находка представляет собой заметный интерес, являясь едва ли не самой северной из числа известных на сегодняшний день.

В насыпи кургана 16 был обнаружен грузик дьякова типа. Подобные предметы, хорошо известные к западу от ареала дьяковской культуры вплоть до Литвы, достаточно широко распространены на Смоленщине (Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 4, 20, 39, 11, 15, 16а, 16б; 51, 3; 69, 4, 5 и т.д.; Шмидт, 1992. Табл. 33–38). Несмотря на обломанную верхнюю часть, грузик из Колодни можно уверенно отнести к типу 1 по классификации К.А. Смирнова, который датируется II–V вв. н.э. (Смирнов, 1971. С. 96).

Таким образом, использованный при сооружении насыпей культурный слой сформировался до середины I тыс. н.э., чему не противоречит и нож с изогнутой спинкой из кургана 15 (рис. 6, 13). Это позволяет отнести начало функционирования могильника, с учетом определенного промежутка времени, прошедшего с момента прекращения жизни на поселении, ко второй пол. I тыс. н.э.

Особую роль при определении места в погребальных древностях Смоленщины языческого кладбища в Колодне играет кург. 15. Реконструированный лепной сосуд из погр. 2, изготовленный из теста коричневатого-серого цвета с заметной примесью дресвы, имеет полные аналогии в материалах памятников типа верхнего слоя Тушемли, в том числе и хорошо известного грунтового могильника в Акатово (Шмидт, 1963. Рис. 1, 2). У наконечника дротика, связанного с этим же погребением, была длинная втулка при коротком листовидно-ромбическом пере. Такие находки также встречаются в тушемлинских древностях VI–VII вв., хотя в целом подобные предметы вооружения были распространены довольно широко и не являются культурным индикатором (Шмидт, 1995. С. 108. Рис. 1, 4).

Курганы вытянутых пропорций с тушемлинской керамикой ранее на Смоленщине не отмечались. В Северной Белоруссии, в пределах ареала КСДК, известны памятники типа псковских длин-

ных курганов, которые содержали сосуды, нередко морфологически близкие тушемлинской и банцевской керамике (Атоки, Повалишино, Дорохи I, III, IV и VI, возможно, Старое Село). Но включить в эту группу кург. 15 из Колодни мешает ряд обстоятельств. Поэтапность возведения насыпи, обычай посыпать площадку перед погребением суглинком, глиной или материковым грунтом, перпендикулярное относительно реки расположение составляют отличительные черты памятников КСДК (Седов, 1974. С. 14; Шмидт, 1983б. С. 30, 31; Енуков, 1992. С. 59–63). В тушемлинской культуре неизвестны серпы с сильно изогнутым клинком, подобные находке из кургана 15. Такие орудия труда появляются позднее у населения, оставившего памятники типа КСДК (Шугайлово, Глинище) (Штыхов, 1966. Рис. 3, 3; Шмидт, 1982а. Рис. 6), и в дальнейшем становятся безраздельно господствующими. По мнению Р.С. Миносяна, в лесную зону они могли попасть только с юга с приходом славянских племен (Миносян, 1976. С. 84).

Мысль о непосредственном участии остатков тушемлинского населения в формировании КСДК, основанная на отдельных параллелях в погребальном обряде и некоторых косвенных данных, в литературе высказывалась (Шмидт, 1982б. С. 103; Енуков, 1990. С. 128). Кург. 15 в Колодне дает конкретное, материальное, подтверждение этому. Располагавшийся рядом с ним кург. 8, 9 из раскопок А.Н. Лявданского содержал погребение, дающее практически стандартный набор признаков более древней первой традиции в обрядности КСДК (Енуков, 1987. С. 80–83). Некоторое, да и то относительное, отклонение от канона заключается только в месте проведения кремации (на месте). В целом этот ритуал нельзя отнести к числу распространенных в данной группе захоронений, однако он зафиксирован почти в пятой части от их общего количества. Украшения из бронзы, хотя и не содержат предметов класса культурных атрибутов, вполне укладываются в рамки инвентаря КСДК. Отличие наблюдается только в морфологии найденного сосуда. В погребениях первой традиции КСДК обычно помещались небольшие, высотой до 13 см приземистые мискообразные сосуды, у которых диаметр горла равен или превышает высоту (Енуков, 1990. С. 87, 88). Этими параметрами обладает и миска из кургана 8, 9. Но ее плавный профиль с достаточно высоким, немного отогнутым венчиком не характерен для КСДК, однако обычен для тушемлинской керамики (Лявданский, 1930. Табл. VI).

Заметно выделяется на кладбище у Колодни кург. 14. Четкие аналогии комплексу обрядовых признаков подобного рода отсутствуют. С известной долей уверенности можно только полагать, что данная насыпь синхронна выделенной более ранней группе курганов, в пользу чего свидетельствуют некоторые косвенные данные. Так, его

насыпь планиграфически четко вписана в единую цепочку курганов. При ее возведении, как и в остальных случаях, частично был использован культурный слой поселения, сформировавшийся к середине I тыс. н.э. Сооружение кургана происходило с учетом принципа поэтапности. Это, с одной стороны, характерно для обрядности КСДК, с другой – подобная особенность отмечена и в кургане 15. Два погребения из трех были совершены по обряду кремации, что также обычно для курганов в Колодне.

Все сказанное позволяет интерпретировать имеющиеся материалы следующим образом. Скопление курганов, исследованных Е.А. Шмидтом, к которым примыкал и раскопанный нами кург. 13, представляет собой обычное для КСДК кладбище. Остальные насыпи, отличающиеся своим расположением (цепочка вдоль Днепра, более близкое размещение к реке), содержали погребения, свидетельствующие о непосредственном участии тушемлинского населения в процессе формирования КСДК. В материальном облике этой культуры, несмотря на более чем вековую историю изучения, в целом слабо прослеживаются следы предшественников, что свидетельствует в пользу высокой активности проходивших ассимиляционных процессов. Некоторые общие типы украшений вполне могли быть не связаны напрямую эволюционной цепочкой. В связи с этим фиксация контактов двух хронологически смыкающихся культур, отмеченных на уровне такой относительно консервативной в своем развитии категории инвентаря, как лепная керамика, является весьма важной. В целом быстрое изживание тушемлинских черт, присутствующих в Колодне, указывает на то, что по крайней мере часть колоднских курганов была сооружена на самом раннем этапе формирования КСДК, начало которого приходится на первую пол. – середину VIII в. (Енуков, 1990. С. 75). Отсутствие отчетливо выраженных атрибутов культурной принадлежности в других курганах Колодни не противоречит отнесению размещенных в линию насыпей к периоду становления КСДК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березовец Д.Т., Петров В.П.* Лохвицкий могильник // МИА. 1963. № 82.
- Винокур И.С., Островский М.И.* Раковецкий могильник // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967.
- Енуков В.В.* Эволюция погребального обряда культуры смоленских длинных курганов // Вестник МГУ. 1987. Сер. 8. История. № 3.
- Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
- Енуков В.В.* Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) // СА. 1992. № 1.

- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982.
- Кравченко Н.М.* Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М. Кравченко в 1961–1964 гг.) // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967.
- Лихтер Ю.А., Шапова А.Л.* Гнездовские бусы. По материалам раскопок и поселений // Смоленск и Гнездово. М., 1991.
- Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi // АСГЭ. 1968. Вып. 10.
- Ляўданскі А.Н.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні // Працы археолёгічнай камісіі. Менск, 1930.
- Миносян Р.С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. 1976. № 19.
- Рябинин Е.А.* Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Седов В.В.* Длинные курганы кривичей // САИ. 1974. Вып. Е1–8.
- Смирнов К.А.* К вопросу о систематизации грузиков “дьякова типа” // МИА. 1971. № 184.
- Сьманович Э.А.* Новые работы в селе Черняхове // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А.* Древние городища Смоленщины. М., 1963.
- Школьникова Н.А.* Стекланные украшения I тысячелетия н.э. на территории Поднепровья // СА. 1978. № 1.
- Шмидт Е.А.* Отчет о раскопках памятников на территории Смоленской области в 1955 г. // Архив ИА РАН. 1955. Р–1. № 1102.
- Шмидт Е.А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. // МИА. 1963. № 108.
- Шмидт Е.А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. I. М., 1982а.
- Шмидт Е.А.* Тушемлинская культура на Верхнем Днепре и формирование смоленских кривичей // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982б.
- Шмидт Е.А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. II. М., 1983а.
- Шмидт Е.А.* Погребальный обряд смоленских кривичей VIII–X вв. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983б.
- Шмидт Е.А.* Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. М., 1992.
- Шмидт Е.А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // Гісторычна-археалагічны зборнік. 1995. № 6.
- Штыхов Г.В.* Раскопки курганов под Полоцком // Вопросы истории и археологии. Минск, 1966.
- Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A.D. Lund, 1977.

The Burial Mounds near the Kolodnya Community on the Dnieper

V. V. Enukov

Summary

In the publication the materials from six mounds investigated by the author are presented. The kurgans were situated near the Kolodnya community (now within the border of Smolensk). Two chronological groups of the mounds were conventionally singled out. The first one includes kurgan 13 together with those studied earlier by E.A. Shmidt. They formed a cluster typical of the necropolises of the Smolensk long barrows. The second group comprised the mounds arranged in a chain along the Dnieper bank. In two kurgans (one of them was investigated in 1920-s by A.N. Lyavdansky) the vessels were found similar to the pottery of Tushemlya sites. They are attributed to the initial period of the formation of the Smolensk long barrows, their preliminary date is defined as the first half – the middle of the 8th c. Probably, kurgan 14 is chronologically close to the discussed monuments. The burial rite recorded in mound 14 was rather complicated. The burial chamber contained the skull of a man who died a violent death, two cremation were of somewhat later period.

КИТАЙСКИЙ ФАРФОР С БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2003 г. М. Д. Полубояринова

Институт археологии РАН, Москва

Фарфор был изобретен в Китае около V в.н.э. (Кверфельд, 1940. С. 5), а начиная с IX в. он стал проникать на Ближний Восток, о чем говорят находки в Самарре (Sage, 1925) и других городах. В XII в. восточные торговцы привезли китайский фарфор в Европу. Были затрачены огромные усилия, чтобы разгадать секрет состава фарфора. В Иране подражания фарфору изготавливались из фаянсовой массы со специально подобранными по цвету глазуриями. Славилась подражаниями и Турция, и европейские страны – Голландия, Германия.

Китайский фарфор, имеющий более чем тысячелетнюю историю, конечно, менялся во времени, но это ремесло отличалось глубокой традиционностью, что во многих случаях создает трудности при определении дат. В статье рассматривается коллекция китайского фарфора, найденного в Болгаре и хранящегося в Болгарском Государственном историко-архитектурном заповеднике.

Фарфор этой коллекции представлен несколькими группами – монохромными сосудами и расписанными. Находки фарфора всех видов на Болгарском городище относятся к золотоордынскому слою (вторая половина XIII–XIV вв.).

МОНОХРОМНЫЙ ФАРФОР

Монохромные виды фарфора представлены в коллекции из Болгара фрагментами разного цвета – белого, серовато-белого, голубовато-белого, голубого, темно-голубого. Цвет фарфора иногда является показателем мастерской или местности, в которой сосуд изготовлен. Поэтому монохромные сосуды рассмотрены по цветам.

Белый фарфор. Имеется 30 фр. – одно донце, 7 венчиков, остальные – стенки.

Донце (рис. 1, 1) принадлежит блюду, судя по слабому изгибу стенок. Кольцевой поддон диаметром 7 см, толщина дна в центре 1.5 см, у поддона – 1.2 см. Толщина стенок на максимальном удалении от поддона – 0.8 см. В центре блюда слабым нечетким рельефом дан растительный узор. Снизу, внутри кольца поддона видны концентрические круги – след формовки на гончарном круге.

Пять венчиков относятся к одному типу чаш – открытых сверху и с ровными стенками. Толщина стенок 0.20–0.25 см. Диаметр венчиков 20 см. У одной из чаш снаружи в 0.5 см от края идет гра-

вированная линия. В двух случаях на внутренней поверхности венчика тонкой подглазурной гравировкой дан прекрасный рисунок: на одном – крупный цветок лотоса, на другом – растительный побег (рис. 2, 1, 2). Цветок лотоса очень частый элемент орнамента китайского фарфора, аналогию мотиву растительного побега по краю чаши также не трудно найти (Евтюхова, 1965. Табл. XXII, 6; XXV, 3; Арапова, 1977. С. 61. № 50). Остальные два венчика белого фарфора принадлежали маленьким чашам – пиалам одинаковой формы, со слегка отогнутым краем. Один из венчиков имеет фестончатый край, его диаметр неизвестен, толщина стенки 0.5 см (рис. 1, 6). Другой, диаметром 12 см, имеет стенки толщиной 0.3 см.

Девять стенок от сосудов белого фарфора орнаментированы: один по внешней поверхности, остальные – по внутренней. На внешней стороне стенки изображен гравировкой растительный мотив. На внутренней поверхности рельеф обычно плохо различимый. Можно отметить цветок ромашки, закрученный в виде волноты побег (рис. 1, 3), плетенку (рис. 1, 5), листья. На одном фрагменте, возможно, изображено крыло птицы (журавля?) и полоса, заполненная растительным побегом (рис. 1, 2). Журавль с раскрытыми крыльями довольно распространенный сюжет на фарфоровых сосудах, он изображен, например, рельефом на чаше Танской эпохи из Британского музея (Gray, 1953. Pl. 45). Толщина стенок с орнаментацией 0.2–0.8 см. У одного из сосудов снаружи заметно горизонтальное рифление.

Таким образом, из белого фарфора изготовлены блюдо, чаши, пиалы. Орнамент, исполненный подглазурным рельефом, обычно помещался на внутренней поверхности сосудов.

Чисто белый фарфор встречается в коллекциях средневекового Китая не так уж часто. Считается, что его изготавливали в императорских мастерских¹. Материалы с Селитренного городища, хранящиеся в ГИМе, содержат несколько обломков белого фарфора, часть которых орнаментирована подглазурным рельефом.

Серовато-белый фарфор. Всего в коллекции 10 фр.: 3 венчика, остальные – стенки. Венчики

¹ Сообщение заведующей отделом Китая ГМВ Л.А. Шмотиковой.

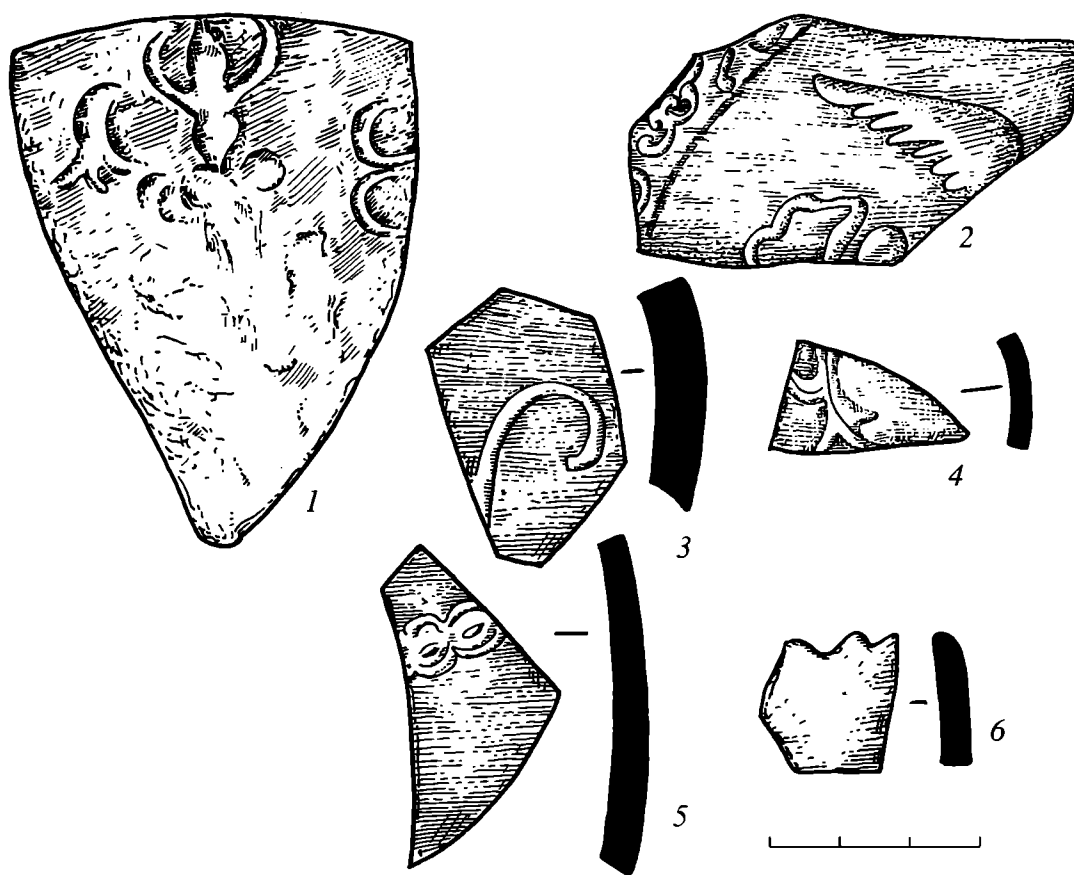

Рис. 1. Фрагменты стенок фарфоровых сосудов с подглазурным рельефом (1–5) и с фестончатым краем (6).

двух типов: прямые вертикальные, как у чаш белого фарфора – 2 экз., и один наклоненный внутрь. Венчики прямые вертикальные принадлежат, видимо, чашам. Толщина их у края 0.2 и 0.4 см, диаметр более тонкостенного 12 см, другого неизвестен. Венчик, наклоненный внутрь, также очень тонкий (0.2 см) при большом диаметре – 23 см. Такой большой тонкий сосуд (чаша?) должен быть очень хрупким.

Четыре фрагмента стенок серовато-белого фарфора имеют подглазурный рельеф: три – на внутренней поверхности (все плохо различимы), один – на внешней – в виде ветки с отростками (рис. 1, 4). Толщина последнего 0.35 см. Толщина остальных стенок 0.3–1.0 см. Снаружи некоторые имеют легкое вертикальное рифление.

Голубовато-белый фарфор. Представлен двумя фрагментами: крупным обломком полусферической чаши на кольцевом поддоне и стенкой другого сосуда. Обломок стенки толщиной 0.35–0.50 см имеет на внутренней поверхности слабый подглазурный рельеф – видимо, растительные мотивы. Более интересен фрагмент полусферической чаши. Диаметр кольцевого поддона 5 см, его высота 1 см. В центре дна снизу конический выступ, толщина дна здесь 1.3 см. Толщина стенок чаши у поддона – 1 см, выше – 0.5 см. На внутренней поверхности чаши четким подглазурным рельефом изображен крупный цветок (пион?) на

стебле, с пятилопастными листьями. Наружный контур цветка, листьев и стебля дан двойной линией. Стебель под цветком имеет ромбовидное расширение. Изгибы лепестков цветка и листьев подчеркнуты штриховкой. Изображение необыкновенно красиво. Над одним листом помещен знак в виде креста (рис. 3).

Голубой фарфор. В коллекции 4 фрагмента – три венчика, одно донце. Венчики принадлежат небольшим чашам, плавно открытым сверху. Две из них имеют диаметр 13 и 15 см при толщине 0.3–0.4 см. У меньшего сосуда стенки к краю утоньшаются, а у большего верхняя часть венчика утолщена. У меньшего снаружи стенки покрыты легким горизонтальным рифлением. На внутренних поверхностях чаш гравированный узор в виде изогнутых линий (рис. 2, 3) и овалов (рис. 2, 4).

Донце имеет в центре снизу конический выступ, его толщина по центру 0.8 см. Диаметр поддона 3 см, высота 1 см. Дно принадлежало небольшой чаше.

Темно-голубой фарфор. 12 фрагментов – пять венчиков, возможно, от двух сосудов и семь стенок.

Венчики диаметром 20 см, слегка наклонены внутрь, край округлый. Толщина – 0.5 см, в нижней части слегка утолщается. Отличие этих венчиков от всех остальных монохромных фарфоров в светло-коричневой полосе на краю сосуда.

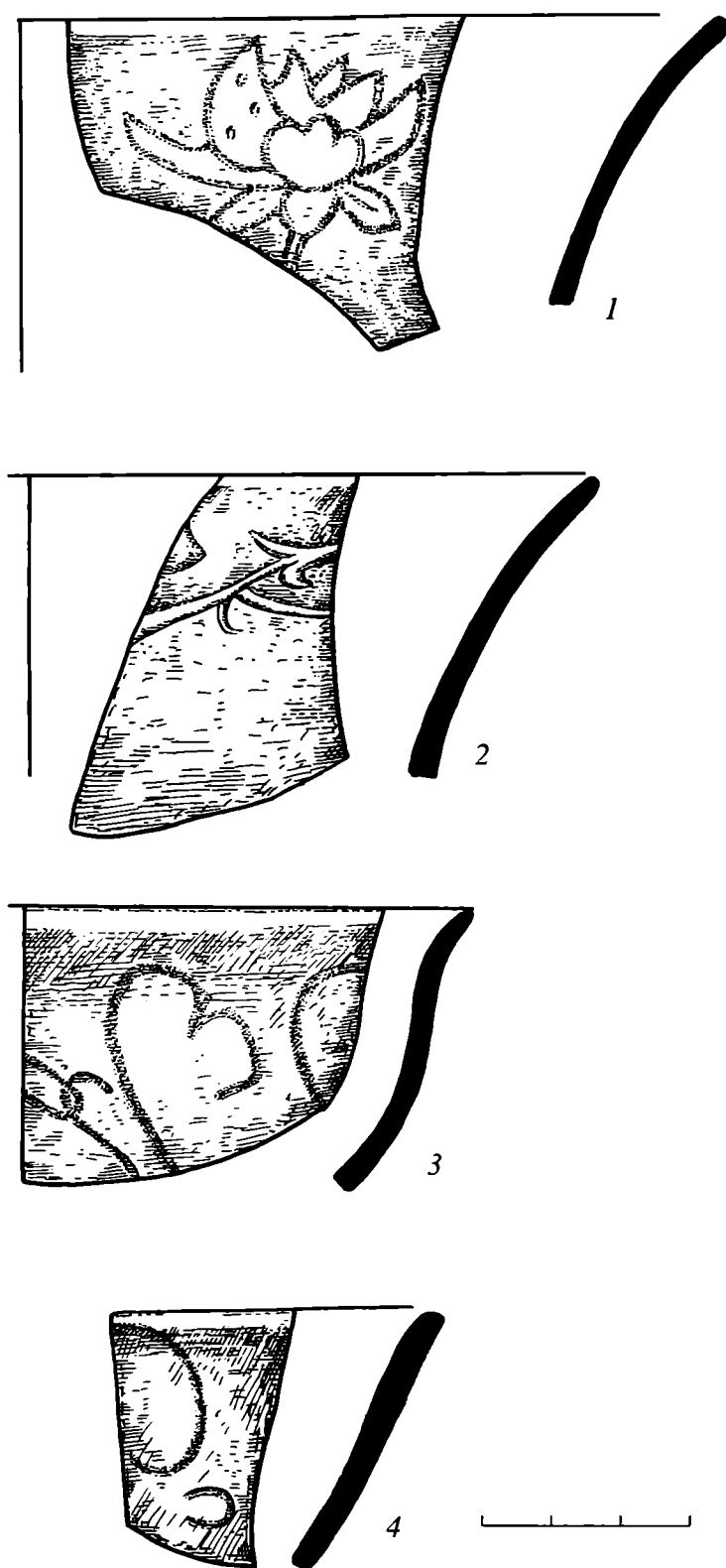

Рис. 2. Венчики чаш с подглазурным рельефом на внутренней поверхности.

Ширина этой полосы внутри чаши 0.5 см, снаружи – 0.15 см. Возможно, эта светло-коричневая полоса не специально нанесенный орнамент, а то, что китайцы называют “железный рот” (коричневато-бурая окраска края сосуда). Объясняется появление этого цвета, как и красновато-бурый цвет донцев, в местах, непокрытых поливой, выступанием частиц железа из фарфоровой массы

при обжиге (Кверфельд, 1947. С. 27). С острого края сосуда полива могла стечь и появилась желе-зистая окраска.

Фрагменты стенок темно-голубого цвета все толстые (0.6–0.8 см), т.е. они относятся к тем же довольно крупным и толстостенным округлым чашам, что и венчики этого цвета.

Перечисленные фрагменты монокромных фарфоровых сосудов могли быть сделаны в нескольких ремесленных центрах Китая, соответственно могут относиться к разным типам. Голубой фарфор, найденный в Кара-Коруме, относится к типу цзиндэчжень – сосуды с подглазурным выпуклым растительным и меандровым орнаментом, выполненный тонкой иглой (Евтюхова, 1965. С. 247). Светло-голубые чаши определены как тип интин, которые относятся как раз к юаньскому времени (монгольская династия 1279–1368 гг.), по определению китайских археологов, а по мнению Л.А. Евтюховой, могли появиться и раньше, так как они иногда встречаются в нижних слоях Кара-Корума. Уточнить атрибуцию болгарских находок китайского фарфора по рисункам невозможно.

Довольно известен на золотоордынских памятниках Поволжья и расписной китайских фарфор (Булатов, 1969. С. 255–258). В нашей коллекции это единичные экземпляры, дающие тем не менее представление о составе китайского импорта на Волге в XIV в.

ФАРФОР С КОБАЛЬТОВОЙ РОСПИСЬЮ

Эта группа фарфоровых изделий представлена краем блюда, ручкой и пятью фрагментами стенок.

Блюдо диаметром 25.5 см с отогнутым плоским бортиком шириной 3.5 см и слегка приподнятым краем (рис. 4, 7). Орнаментальная полоса по бортику имеет ширину 2.8 см, ограничена линией и заполнена растительными побегами с листьями. В центре крупный цветок лотоса – традиционный мотив для всех типов китайской керамики (Евтюхова, 1965. Табл. XIX, 1; XXII, 6), в том числе и для кобальтовой (Арапова, 1977. № 3, 9).

Ручка из светло-серого теста с белой поливой слегка изогнута. Ее длина 4 см, диаметр 0.6 см. Роспись подглазурная кобальтовой краской состоит из двух колонок значков, разделенных чертой (рис. 4, 5). Эта ручка – пока вторая среди фрагментов фарфоровых сосудов из Болгара и, кажется, других золотоордынских городов Поволжья. Основание еще одной маленькой ручки сохранилось на кувшинчике, описанном ниже. Подобную круглую в сечении ручку имеет фарфоровый кувшинчик для вина XVI в. (Арапова, 1977. С. 41. № 13). В нашей коллекции есть еще одна овальная в сечении ручка от селадонного сосуда.

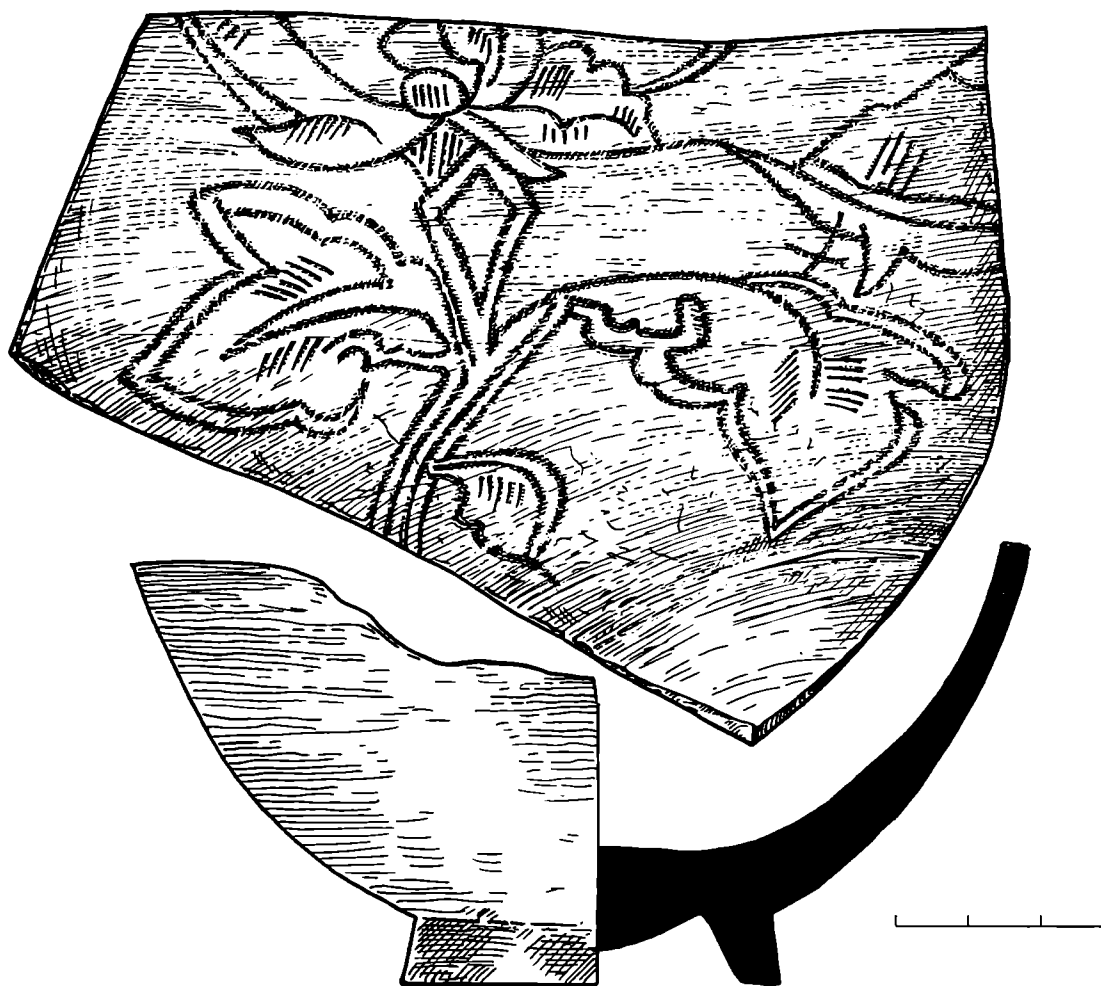

Рис. 3. Чаша с подглазурным рельефом на внутренней поверхности.

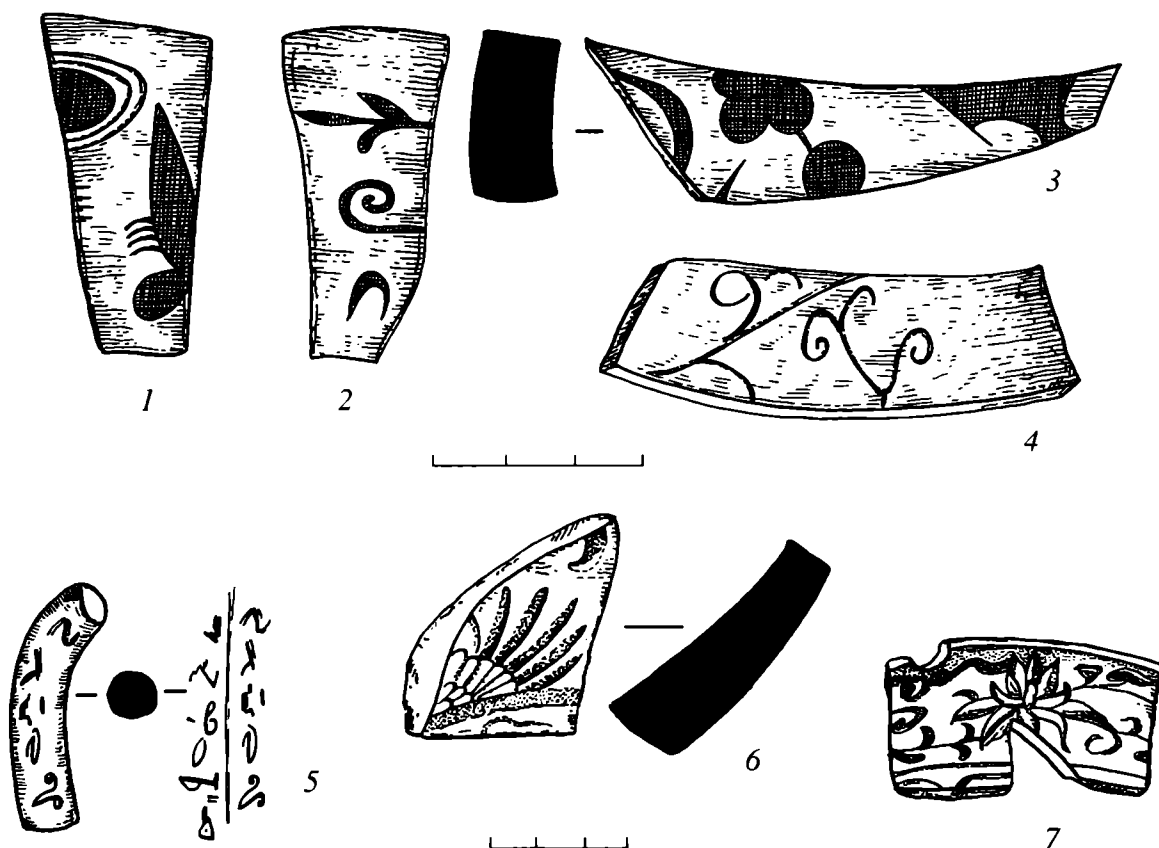

Рис. 4. Фрагменты фарфоровых сосудов с кобальтовой росписью.

Четыре фрагмента стенок с серо-белой и голубовато-белой поливой имеют большую толщину (0.8–1.3 см) и слабый изгиб, что говорит о крупном размере сосудов. Роспись подглазурная, выполненная кобальтовой краской разной интенсивности по наружной поверхности, представляет растительные мотивы: четырехлепестковый цветок (рис. 4, 3), листья, ветки, изогнутые побеги (рис. 4, 1, 2, 4). Сосуды, от которых происходят эти обломки, видимо, представляли собой большие вазы.

Один обломок принадлежит придонной части чаши. Толщина черепка 0.6–1.0 см. Наружная поверхность без орнамента, а внутри помещен тонкий рисунок кобальтом, от которого сохранилось изображение крыла птицы или куста (рис. 4, 6).

Подобные сосуды с прозрачной бесцветной поливой и подглазурной росписью кобальтом широко известны в Китае как в средние века, так и в более позднее время. Посуда белого или серо-белого фарфора с кобальтовой росписью изготавливалась в период Юаньской династии (1279–1368 гг.) в городе Цзиндэчжэнь в провинции Цзянси. Позднее, при династии Мин, этот тип фарфора приобрел ведущее значение (Арапова, 1977. С. 7). Считается, что такой способ орнаментации заимствован китайскими мастерами из Ирана, где находятся залежи лучшего кобальта (Кверфельд, 1947. С. 39) и где роспись кобальтом начала применяться еще в X–XI вв. Позднее, в XV в. стал употребляться и китайский кобальт. Китайское название красителей с окисью кобальта подчеркивает их происхождение с мусульманского Востока – “голубой камень Мухаммеда” (Сайко, 1969. С. 118), “мусульманская краска” (Арапова, 1977. С. 7).

В Кара-Коруме сосудов с кобальтовой росписью немного, причем на более древних находках в нижних слоях синий цвет очень блеклый. Л.А. Евтюхова, вслед за китайскими археологами, относит это явление за счет еще плохо освоенной техники, заимствованной из Ирана. В более поздних слоях Кара-Корума кобальт ярче (Евтюхова, 1965. С. 248. Прим. 168. Табл. XXVIII, 3).

Фарфор с кобальтовой росписью изредка находят на Селитренном городище, известны такие находки с Маджарского городища на Северном Кавказе (Булатов, 1969. С. 255).

ФАРФОР ТИПА ЦЫЧЖОУ

Название “цычжоу” объединяет большую и разнообразную группу китайской поливной керамики, которая изготавливалась в городе с этим названием, расположенном недалеко от Кайфыня (Евтюхова, 1965. С. 221, 222). В нашей коллекции насчитывается восемь фрагментов и один почти целый сосуд этого типа.

Самый крупный из фрагментов принадлежал большому сосуду закрытой формы. Толщина стенки 0.6–0.8 см. Внутренняя поверхность с горизонтальным рифлением без поливы. Внешняя покрыта серо-белой поливой с крупным цеком. Роспись подглазурная исполнена коричневой краской. Изображен большой семилопастный лист, изогнутый ствол или побег и еще какая-то часть растения (крупного цветка?). Роспись выполнена в свободной живописной манере (рис. 5, 1).

Возможно, одному сосуду принадлежат два фрагмента стенок толщиной 0.6 см, покрытые снаружи сероватой, а внутри более светлой поливой. На одном из них нанесены коричневой краской две линии – узкая и более широкая (рис. 5, 3). На другом черепке с внутренней стороны – легкое горизонтальное рифление (рис. 5, 2). Еще две небольшие стенки, вероятно от одного сосуда², покрыты снаружи поливой кремового цвета, а внутри лишены поливы. Толщина 0.6 и 0.8 см. Цвет теста коричневый. Роспись коричневой краской изображает, видимо, листья (рис. 5, 4, 5).

Более понятный орнамент несут два фрагмента стенок одного сосуда. Фон белый, роспись коричневая. На одном – скрученный в спираль тонкий растительный побег (рис. 5, 6), на другом – ветка с листьями (рис. 5, 7). Подобные орнаменты встречаются на сосудах типа цычжоу из Кара-Корума (Евтюхова, 1965. Рис. 124, 2; 126. Табл. XVIII, 5). Внутри оба фрагмента покрыты темно-коричневой поливой, имеют горизонтальное рифление.

Еще один фрагмент толщиной 0.6 см коричневого теста, неполивной внутри, снаружи белый с голубоватыми пятнышками (узор?).

Почти целый сосуд – округлый кувшинчик с узким отверстием горла (венчик не сохранился) и основанием ручки около горла (рис. 6). Высота кувшина 16 см, диаметр наибольшего расширения тулова 16 см, поддон кольцевидный диаметром 9 см, высота 0.6 см, диаметр ручки 0.6 см, диаметр основания ручки – 1 см, диаметр горла 2 см, толщина стенок 0.5–0.8 см, толщина дна в центре 1 см. Кувшин снаружи покрыт серой поливой, кроме нижней части. Ниже края поливы на 1 см поверхность покрыта белым ангобом. По плечикам и ниже середины тулова два пояска из двух параллельных линий: на верхнем – линии на расстоянии 0.4 см друг от друга, на нижнем – 0.8 см. Поверхность под поливой покрыта круглыми пятнами разной величины (0.3–1.0 см) помещенными без определенного порядка. Пятна и пояски нанесены коричневой краской.

Близкий по форме сосуд, но намного более крупный, с коричневой росписью из Кара-Корума опубликован Л.А. Евтюховой, где ему приведены аналогии (Евтюхова, 1965. С. 228. Рис. 126).

² Находки 1954 г., хранятся в ГИМ.

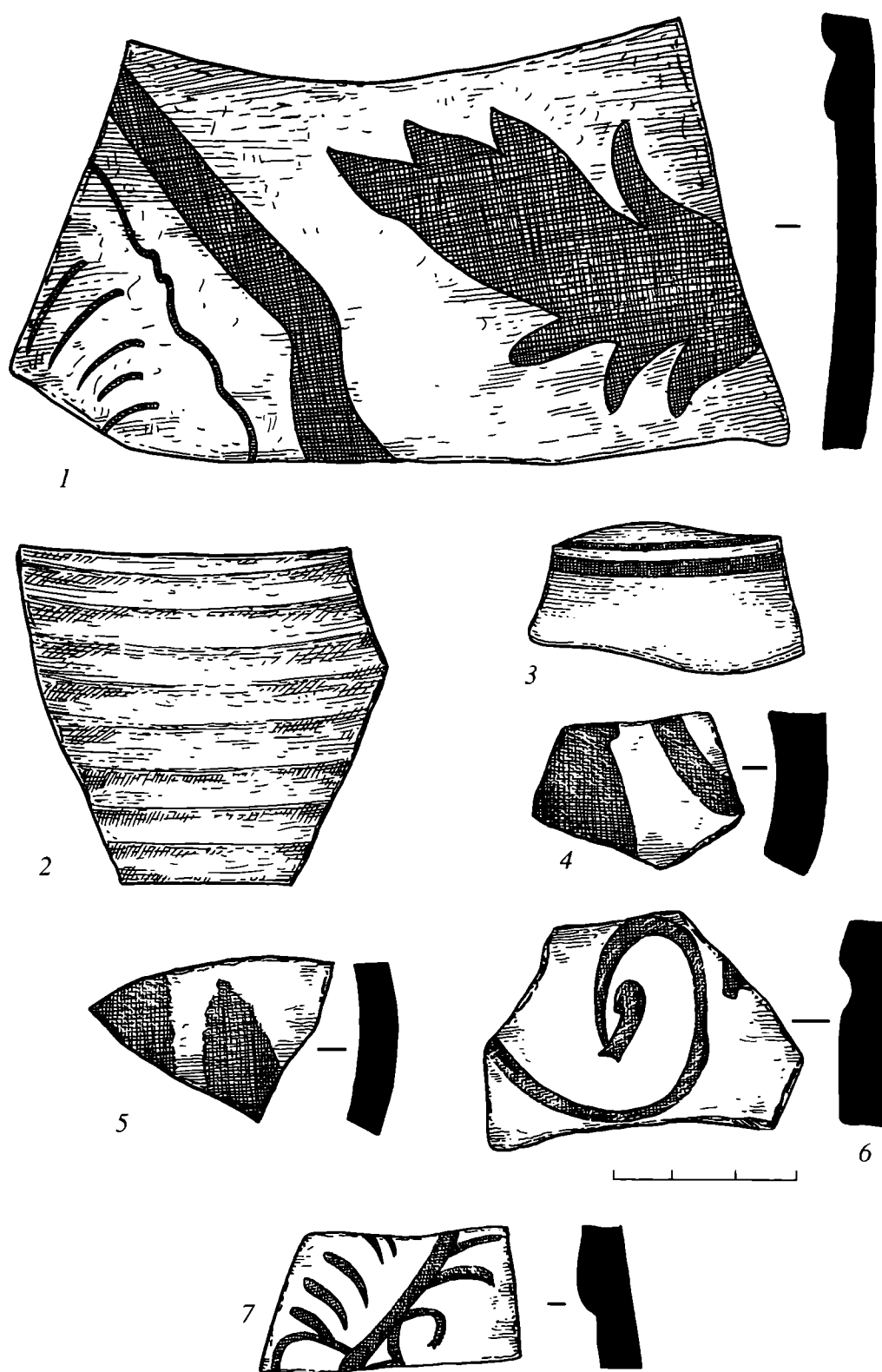

Рис. 5. Фрагменты сосудов группы "цычжоу".

У этого сосуда четыре петельчатые ручки у горла, есть фрагменты подобных сосудов с двумя ручками.

Сосуды типа цычжоу с серовато-белой поверхностью и подглазурной росписью коричневатой или черной краской представлены разными формами, в том числе и закрытыми. Подобная орнаментация применялась в эпоху Сун и последовав-

шую за ней Юань. В более позднее время такой керамики нет. В коллекции с Болгарского городища цычжоу – это крупная закрытая ваза. Прекрасные вазы XII–XIV вв. типа цычжоу, близкие болгарским находкам, находятся в экспозиции Государственного музея Востока.

Описанные выше виды китайского фарфора, монохромного и расписанного представлены бо-

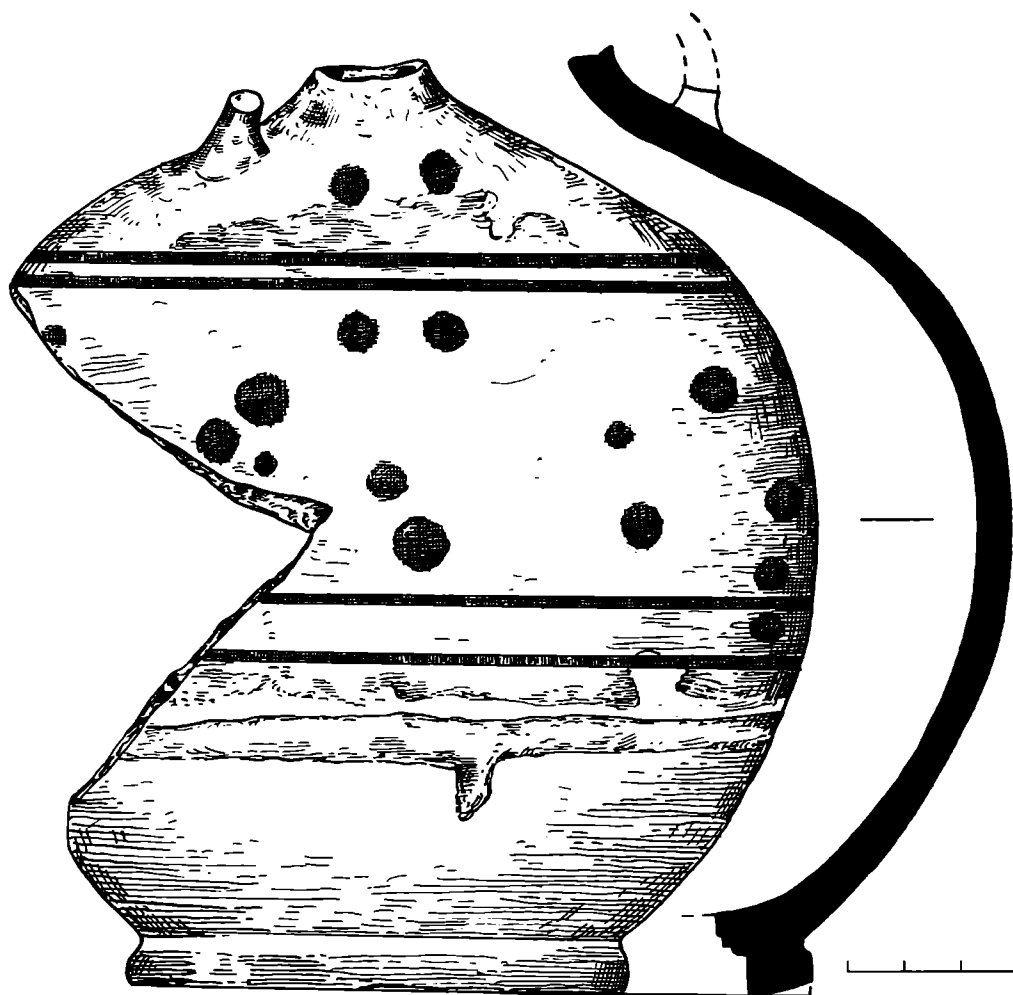

Рис. 6. Кувшин группы “цычжоу”.

лее чем 70 фрагментами и одним целым сосудом из Болгара. Это меньшая часть китайского керамического импорта, представленного в коллекции. Большую часть составляет селадон.

Фарфор характеризуется плотным спекшимся черепком, не пропускающим воду. Тесто для фарфоровых изделий готовится из смеси каолиновых глин, кварца и полевого шпата. Тесто должно обладать пластичностью, огнеупорностью, чтобы оно не деформировалось при высоких температурах, и способностью приобретать после обжига белизну или хотя бы близкий к ней цвет. Фарфоровое тесто значительно менее пластично, чем у других видов глиняных изделий, что зависит от состава. Тесто восточных фарфоров (китайского и японского) все-таки более пластично, чем у европейских фарфоров, что объясняется присутствием в восточном каолине до 20–25% пылевой слюды (Крупский, 1902. С. 331).

Для придания пластичности фарфоровому тесту его должны были подвергать сложной обработке – вылеживанию, гноению и усиленному перемешиванию. При вылеживании и гноении тесто изменяет свой цвет, в нем происходят химические изменения. Еще в недалеком прошлом было известно, что китайцы придавали этим процессам при

производстве фарфора большое значение и выдерживали фарфоровое тесто иногда по несколько десятков лет (Крупский, 1902. С. 332).

Часть сосудов изготавливалась на гончарном круге. Китайские мастера при работе на круге прибегали, видимо, к механическим приемам современных керамистов – профилям, формам, выгнутым и вогнутым, соединенным с гончарным кругом (Lion-Goldschmidt, 1957. P. 16).

Для формования фарфоровых изделий должны были применяться и другие способы – прессование в формах, отливка и, наконец, ручная лепка. От руки лепились ручки, носики и другие объемные детали, причем часть их могла изготавливаться в формах. Готовые детали прилеплялись к корпусу сосуда при помощи барботина – жидкой глины. Места соединения на древних сосудах часто видны: их стали тщательно замазывать и заглаживать с XVIII в. (Lion-Goldschmidt, 1957. P. 17).

Прессование в формах было, по-видимому, основным способом формовки фарфоровых сосудов, особенно открытых (чаш). В этом процессе было важно равномерно заполнить форму, не порвав тесто. Для этого тесто, особенно очень тонкое, раскатывали на мокром холсте или коже и

осторожно переносили в форму, которую смазывали жиром. Формы делались из гипса или специальных отощенных шамотом глин, которые способны впитывать влагу из теста. Когда тесто подсыхало в форме, сосуд легко можно было оттуда вынуть. Вероятно, изготовленные в форме сосуды, подсохшие, а может быть, подвергнутые первичному обжигу, обрабатывались на гончарном круге, где их обтачивали, выравнивали швы от составных форм, увлажняя при этом тесто мокрой губкой. Возможно, что концентрические круги на дне многих селадоновых сосудов оставлены ножом, с помощью которого обрезали лишнее тесто при обточке на круге.

Для получения узкогорлых высоких сосудов с очень тонкими стенками могла применяться отливка, когда в форму наливалось очень жидкое тесто, прилипавшее к стенкам. Эта процедура могла повторяться несколько раз. Возможно, что форму с жидким тестом раскручивали на круге, чтобы жидкое тесто прижималось к стенкам формы.

Обжиг фарфоровых изделий очень сложен, так как фарфоровая масса при больших температурах размягчается. Обжиг фарфора должен производиться дважды: сначала подсушенные изделия подвергали слабому обжигу при температуре до 800°. Потом сосуд покрывали глазурью и подвергали вторичному, более сильному обжигу в течение длительного времени. При дровяном топливе такой обжиг фарфора должен проходить 48 часов (Крупский, 1902. С. 333). При этом спекание массы черепка происходит одновременно с плавлением глазури, что отличает фарфор от фаянса. В тех случаях, когда на сосуд наносилась надглазурная роспись, требовался, видимо, третий, легкий обжиг. В фарфоровых глазурях никогда не применялись олово и свинец; глазури были прозрачные, приготовленные на полевом шпате.

Орнаментация китайского фарфора требовала большого искусства. Роспись была в основном подглазурная, но встречается и надглазурная. Гравировки и резьба стали главным украшением и монохромных фарфоров (Lion-Goldschmidt, 1957. P. 32). Оба вида декора всегда выполнены с безукоризненной точностью и изяществом, что требовало высокой техники и художественного мастерства. Рельеф, как более сложный и выразительный орнамент, помещался обычно на внутренней поверхности чаш, а гравировка – на наружной. Это можно назвать рисунком, выполненным резцом, или резьбой по сухой глине (Pore, 1956. P. 155). Варьируя глубину и ширину наносимой линии, мастера достигали эффекта светотени в зависимости от толщины покрывающей узор глазури. Большое значение имела глубина резьбы – разные уровни деталей узора под поливой дают разные оттенки. Иногда используется прием “*champ leve*” (“устраненное поле” или “резерв”),

когда снимается слой вокруг изображения и оно оказывается выпуклым.

Дж. Поуп считает, что резцом выполнялись и рельефы, все зависело от степени наклона инструмента в одну или другую сторону, чем достигалась разная ширина проводимой линии. Однако для выпуклых сложных орнаментов мог использоваться рельеф, полученный другими способами – налепляли на стенку тесто, иногда сгущали в этом месте ангоб. Рельеф могли отлить в форме отдельно и прилепить на сосуд при помощи барботина (Lion-Goldschmidt, 1957. P. 32). Возможно также получение рельефов в специальных формах, где орнаментация производилась одновременно с формовкой. Находки гипсовых форм с углубленным орнаментом для изготовления кашинной керамики это подтверждают (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 223, 224).

О широких торговых связях Болгара свидетельствуют различные категории находок. В их числе китайская керамика – фарфор и селадон. Фарфор и селадон пока не отмечены в Поволжье, да и на других территориях Восточной Европы ранее конца XIII–XIV вв. То же самое можно утверждать и в отношении нефрита, который добывали и обрабатывали в основном в Китае (Полубояринова, 1991. С. 108). Отсюда следует, что Поволжье и его крупнейший торговый центр Болгар, в домонгольское время не были связаны с Китаем торговыми отношениями. Торговые пути из Китая на Волгу начали функционировать, видимо, только тогда, когда власть Чингизидов объединила эту огромную территорию и создала условия для прохода торговых караванов на многие тысячи километров.

В Китай с Волги можно было двигаться различными путями. Во-первых, через Сарайчик к Аральскому морю, по Сыр-Дарье к Отрару, через Баласагун, Семиречье и Монголию. Это был довольно прямой степной путь, хорошо охраняемый. Другой путь советовал избирать итальянским купцам Пеголотти, который писал, что тот, кто захочет отправиться в такое путешествие, должен везти с собой ткани, продать их в Ургенче и следовать в Китай (Pegolotti, 1936. P. 21). Таким образом, этот путь начинавший в Сарае, шел через Сарайчик, плато Усть-Юрт до Ургенча через Хорезм, Самарканд и далее на Восток. Арабский автор Аль-Омари указывал путь непосредственно из Болгара в Сибирь (район Чулыма), далее на восток к Кара-Коруму и в Китай (Тизенгаузен, 1884. С. 238).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арапова Т.Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Конец XIV – первая треть XVIII века. Л., 1977.

- Булатов Н.М.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
- Евтюхова Л.А.* Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
- Кверфельд Э.К.* Фарфор. Л., 1940.
- Кверфельд Э.К.* Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
- Крупский А.К.* Фарфор // Энциклопедический словарь. Издатели Брокгауз Ф.А. и Эфрон И.А. Т. XXXV. СПб., 1902.
- Полубояринова М.Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.
- Сайко Э.В.* Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе, 1969.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М.* Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Gray B.* Early chinese pottery and porcelain. London, 1953.
- Lion-Goldschmidt.* Les poteries et porcelaines chinoises. Paris, 1957.
- Pegolotti F.B.* La Pratica della Mercaturo. Cambridge-Massachusetts, 1936.
- Pope J.A.* Chinese Porcelains from the Ardebil Shrine. Washington, 1956.
- Sarre Fr.* Die Ausgrabungen von Samarra. Bd. II. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925.

The Chinese porcelain from the Bolgar fortified site

M. D. Poluboyarinoва

Summary

Porcelain was invented in China around the 5th c. AD. In the 12th c. appeared in Europe. In the article the collection of Chinese porcelain is discussed originating from the town of Bolgar. The finds were recovered from the cultural deposits dated to the second half of the 13th – the 14th cc., now they are preserved in the Bolgar reserve. Monochrome and painted vessels are represented in the collection. The former fragments include white, grey, and light-blue sherds of bowls. Many of them are decorated with relief and engraved underglaze ornamentation. Painted vessels are divided into two groups: ones with cobalt painting over white background, and those with brown painting on grey-white background (tsichou type). The vessels are adorned with underglaze painting; dishes, bowls, and vases are represented. Totally 70 fragments and one practically whole vessel are considered. The porcelain paste is made of mixed kaolin clays, quartz, and feldspar. The majority of the vessels were shaped in moulds and impoved on potter's wheel and underwent replicated firing – before and after they were covered with glaze. Chinese porcelain made its appearance in the Volga basin in the Golden Horde period marked by unification of the vast territory under the power of khans, which provided favourable conditions for development of caravan trade from China to the Volga.

“КАМЕНЬ АСПИДЕН ЗЕЛЕН”. ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ДРЕВНЕРУССКИХ КРЕСТОВ ИЗ ПОРФИРИТА

© 2003 г. А. Е. Мусин

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

Среди каменных древнерусских крестов-тельников, обнаруженных как в процессе археологических раскопок, так и происходящих из подъемного материала, можно выделить целый ряд предметов, изготовленных из характерного темно-зеленого камня со светло-зелеными вкраплениями правильной геометрической формы длиной до 12 мм. Большинство находок происходит из Новгорода, где известно 10 таких крестов и 2 фрагмента породы, из которой они изготовлены:

1. Крест четырехконечный (Н-54, 17/18-14-667; НГОМЗ № КП-17608/18), 27 × 17 × 10 мм, 1130–1160-е гг. (рис. 1, 1).

2. Крест четырехконечный (Н-95, Тр-ХII, +1-1395), 42 × 39 × 9 мм, конец XIII – первая пол. XIV в. (рис. 1, 2).

3. Крест четырехконечный (НГОМЗ № 18А/68ПМ/25408), 45 × 40 × 10 мм, найден при зачистке дна реки Волхов, в описи датирован второй пол. XII – первой пол. XIII в. (рис. 1, 3).

4. Крест четырехконечный (НГОМЗ № КП-2237/10), 45 × 33 × 3 мм, происходит из подъемного материала, ушко для подвешивания отсутствует, что позволяет охарактеризовать его как заготовку, созданную в местной мастерской (рис. 1, 4).

5. Крест четырехконечный из коллекции В.С. Передольского, находится в экспозиции НГОМЗ (зал 10, витрина 7, № 2240-2).

6. Крест четырехконечный из коллекции В.С. Передольского, находится в экспозиции НГОМЗ (зал 10, витрина 7, № 2237-11), в топографической описи экспозиции материал обоих крестов, со ссылкой на М.Д. Полубояринову, определен как листовинид, а сами кресты датированы XVI–XVII вв.

7. Три подобных креста, небольших по размерам, также экспонируются в экспозиции НГОМЗ, все они являются случайными находками и происходят из депаспортизованных коллекций.

8. Еще один крест хранится в фондах РЭМ (Санкт-Петербург, 2248-1, 80 × 65 мм), он поступил в музей в 1909 г. из коллекции иеромонаха Антония (Кирилловский уезд Новгородской губернии), однако, учитывая, что даритель долго проживал в са-

мом Новгороде, крест можно считать новгородским (рис. 1, 5).

9. Камня фрагмент подпрямоугольной формы (Н-56, 23/24-26-1245, НГОМЗ № КП-34767/А 78/2208), обработанный с обеих сторон, 26 × 30 × 21 мм, вторая пол. XI в. (рис. 1, 6).

10. Камня фрагмент неправильной формы (Н-91, Тр-IX, 6-966, НГОМЗ № КП-38944/А123/304), обработанный с обеих сторон, 42 × 37 × 16 мм, первая пол. – середина XIV в. (рис. 1, 7). Последние две находки могут рассматриваться как отходы камнерезного производства.

В работе, посвященной новгородским изделиям из полудрагоценных камней, М.Д. Полубояринова определяет породу камня как порфирит, рассматривая эти изделия как предметы импорта. Исследовательница указывает 6 экземпляров подобных крестов (Полубояринова, 1994. С. 80). Однако находки подобных крестов древнерусского времени не ограничиваются Новгородом. Несколько крестов происходят из кладов в Старой Рязани:

1. Крест, материал которого авторами публикации предположительно определен как “змеевик”, по внешнему виду определенно идентифицируется с интересующей нас группой христианских древностей. Он имеет серебряную оправу, украшенную зернью и сканью. Происходит из клада 1970 г. (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 11. Табл. XVI, 5; Даркевич и др., 1971. С. 81–85). Размеры 53 × 43 × 15 мм. Крест считается привезенным из Крыма (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 7; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 56). В целом клад представлен изделиями рязанских мастеров, и оправу крестов можно считать произведением местного ремесла. Он найден на пахотной земле в прибрежной части Южного городища, в 100 м к северу от фундаментов Борисоглебского собора. Культурный слой в этом месте датируется концом XII – первой третью XIII в. и клад может быть отнесен ко времени до 1237 г. (рис. 2, 1).

2. Крест-тельник, 33 × 25 мм, из темно-зеленого камня (“змеевика”, по определению авторов публикации) с серебряными накладками на концах с зерневым орнаментом в виде ромбов и ромбовидного креста происходит из Старорязанского

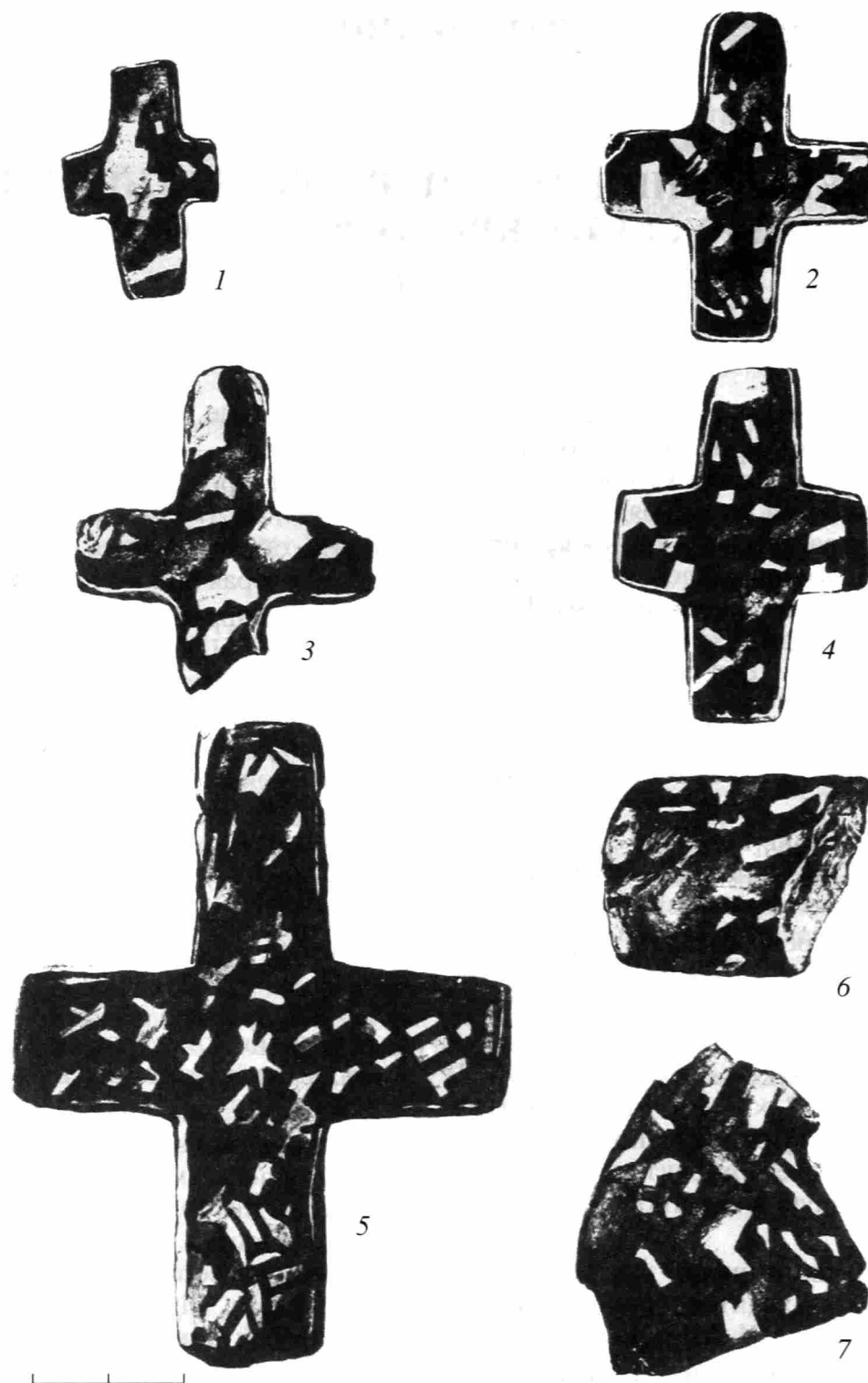

Рис. 1. Кресты XII–XIV вв. и фрагменты породы плагиоклазового порфирита. Новгород. 1 – Неревский раскоп (НАЭ, 16/17-14-667); 2 – Троицкий раскоп (НАЭ, +1-1395); 3 – случайная находка (НГОМЗ, КП25408/А18/68ПМ); 4 – случайная находка (НГОМЗ, КП2237/10); 5 – случайная находка (РЭМ, № 2248-1); 6 – Неревский раскоп (НАЭ, 23/24-26-1245); 7 – Троицкий раскоп (НАЭ, 6-966).

клада 1950 г. Клад относится к XIII в., сокрытые в нем предметы имеют местное происхождение (Монгайт, 1955. С. 151, 152. Рис. 118, 8) (рис. 2, 2).

3. Необходимо добавить, что идентичный по оформлению крест из аналогичного камня с серебряными насадками с узором из зерни находится в собрании ГИМ и был представлен на выставке “Россия. Православие. Культура” (ноябрь 2000 –

февраль 2001 гг.), однако в каталоге не упомянут (Россия..., 2000. С. 17–24).

Ряд крестов происходит из Киева и его ближайшей округи:

4. Крест “темно-зеленого мрамора” из городища Княжа гора, Черкасского уезда Киевской губернии (Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1900. Табл. 18. Рис. 171).

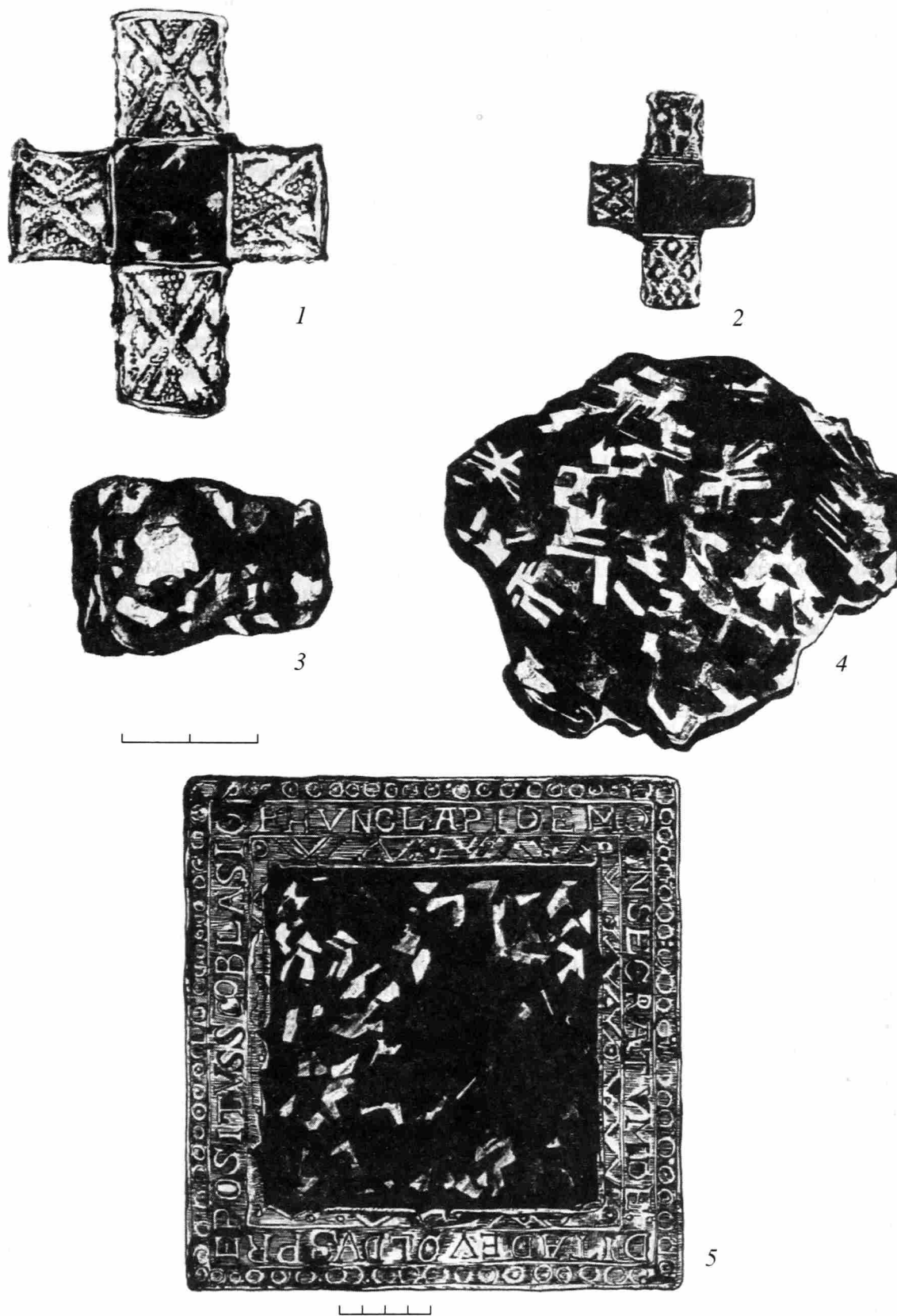

Рис. 2. Изделия из плагиоклазового порфирита и фрагменты породы. XI–XIII вв. Древняя Русь, Центральная Европа. 1 – Старая Рязань, клад 1970 г.; 2 – Старая Рязань, клад 1950 г.; 3 – Киев, раскопки И. Хойновского, 1892 г.; 4 – Шепетовка, Украина, раскопки М.К. Каргера; 5 – алтарная плита из сокровищ герцога Генриха Льва, вторая пол. XI в.

5. Крест из “темно-зеленого камня” с серебряной окантовкой на верхней ветви происходит из села Монастырек Каневского уезда Киевской губернии (Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1900. Табл. 18. Рис. 177).

6. И. Хойновский в 1892 г. в Киеве (усадьба Трубецкого, угол Владимирской и Трехсвятительской улиц) обнаружил расколотый на куски шиферный розовый саркофаг, связанный железными прутьями. В погребении был обнаружен фрагмент “мра-

морного зеленого креста” и согнутый пополам меч в отделанных золотом ножнах. Территория усадьбы могла относиться к Андреевскому Янчину монастырю, основанному в 1086 г. Летопись сообщает о погребении здесь князей Ярополка Владимировича в 1139 г. и Владимира Андреевича в 1170 г. Порода камня в публикации определена как *Verdo antiquo*; И. Хойновский пишет: “Кусочки этой исчезнувшей породы мрамора попадают в развалинах дворца Кесаря в Риме, раскопанных Наполеоном III, где я их приобрел для своего музея. Побитый крест очень поврежден, но по найденному куску перекрестия видно, что он был шлифован, поверхность его гладкая без орнамента, вероятно, крест этот был из того рода крестов, какие кладут в руки покойников” (Хойновский, 1893. С. 38. Табл. 15. Рис. 83) (рис. 2, 3).

7. Крест размером 30 × 20 мм происходит из раскопок В. Хвойко в 1908 г. на территории фундаментов Десятинной церкви (№ НМГУ В-4553/133, XII–XIII вв.) (Церква Богородиці..., 1996. С. 150, 152. Рис. 16).

8. Крест размером 23 × 19 × 7 мм был найден на Фроловской горе в Киеве, первоначально находился в коллекции В.Е. Гезе, а с 1916 г. – в коллекции И.С. Остроухова, откуда попал в собрание ГТГ (№ 12137), грани ветвей у перекрестья слегка стесаны, в публикации датирован X–XII вв. (Государственная Третьяковская галерея..., 1995. С. 214).

9. Крест размером 31 × 22 × 7 мм из собрания ГТГ (№ 12177), датируемый в публикации X–XII вв., был найден на юге России и происходит из той же коллекции (Государственная Третьяковская галерея..., 1995. С. 218). Г.В. Сидоренко относит описанные кресты к разряду “корсунчиков” (Сидоренко, 1991. С. 1055, 1056).

10. Два креста происходят из Владимирского клада 1865 г. Размер 32 × 27 мм. В публикации порода камня определена как серпентин. Н.П. Кондаков предполагал, что на них была золотая или серебряная оправа, ныне отсутствующая (Толстой, Кондаков, 1897. С. 109, 110. Рис. 159).

11. Фрагмент подобной породы камня происходит из раскопок городища Шепетовка под Киевом (Изяславль, ГП-60/105, ОП 40–41, 1.2–1.4) (рис. 2, 4).

12. Есть сведения о находке фрагментов исследуемого камня в Звенигороде Галицком в виде плитки из порфирита (раскопки И.К. Свешникова, 1987 г.)¹.

Таким образом, к настоящему времени выявлен 21 крест домонгольского времени и 4 фрагмента характерного темно-зеленого камня со светло-зелеными вкраплениями, определяемого исследователями различно (порфирит, листовинид, серпентин, змеевик). Следует обратить внимание

на принципиальное единство внешнего вида крестов, их компактное бытование в течение XII – начала XIV в., а так же на факт происхождения большинства крестов и отходов камнерезного производства из культурного слоя Новгорода, местом производства которых и мог быть этот средневековый город.

Временем изготовления рассматриваемых настоящих крестов мы полагаем середину XII в., так как второй половиной этого столетия – первой третью XIII в. датируется выпадение некоторых из них из среды бытования. Фрагмент камня, найденный на Неревском раскопе (23/24-26-1245, середина – вторая пол. XI в.) представляется нам оторванным от основной серии находок. Этот крест происходит из квадрата в юго-западном углу раскопа (Труды..., 1959. Рис. 1), и мог выпасть из слоев более позднего времени. Находка двух кусков поделочного камня, идеально обработанных с обеих сторон, помогает раскрыть технологию производства. Из первоначального объема выпиливались пластины определенной толщины, из которых непосредственно вырезались сами кресты. Пропорции креста обуславливались формой и размерами самой заготовки.

Большинство крестов происходит из подъемного материала. В тех случаях, когда мы можем что-либо сказать об археологическом комплексе, характеризующем среду, в которой бытовали наши кресты, то речь должна идти о высоком социальном и имущественном ранге их владельцев. В Киеве такой крест происходит из Андреевского монастыря и вполне мог относиться к одному из княжеских погребений. Состав рязанских кладов также не оставляет сомнений в их принадлежности местной знати.

Крест (17/16-14-667) происходит с усадьбы Д Неревского раскопа, которая входила в домен городского землевладения бояр Мишиничей – Оницифоровичей. Он найден на территории каменного фундамента “чюдного двора” Юрия Оницифоровича (Колчин, 1956. С. 62, 95, 97. Рис. 11, 32, 33). То же можно сказать и о фрагменте породы с усадьбы И Неревского раскопа (23/24-26-1245), которая также принадлежала этому боярскому клану (Янин, 1981. С. 28–30).

Фрагмент камня (6–966) происходит с территории пограничья усадеб М и К Троицкого раскопа. Незначительный комплекс происходящих отсюда берестяных грамот, в ряде случаев связанных с товарно-денежными операциями, в целом малоинформативен для социальной характеристики проживающих на усадьбах лиц (Янин, Зализняк, 1993. С. 71, 77, 98, 99, 100; 2000. С. 13, 14, 19, 37, 38, 39, 46–49). Однако соседние усадьбы, связанные в XIII–XIV вв. с администрацией Новгородского архиепископа, для XII – начала XIII в. традиционно рассматриваются как часть боярской патронимии (Янин,

¹ Благодарю к.и.н. с.н.с. ИИМК РАН А.А. Пескову, сообщившую мне об этом открытии.

1998. С. 267–390). Известно, что в быту Мирошкиничей, проживавших по соседству, использовались нательные крестики из полудрагоценных камней, что засвидетельствовано материалами погребения Георгиевского собора Юрьева монастыря, которое М.К. Каргер и В.Л. Янин атрибуируют Дмитру Мирошкиничу (Каргер, 1946. С. 175–224; Янин, 1988. С. 98, 99). В составе погребального инвентаря обнаружен фрагмент “крестика из яшмы”. Крест, найденный на Троицком – XII раскопе (+1–1395), происходит с территории усадьбы Е, которая в XII в. была местом проведения смешанного суда, а ранее, во второй пол. XI в. могла быть административным центром Людина конца, если не всего Новгорода (Янин, 2001. С. 6–23). Это определенно свидетельствует о высоком социальном и имущественном статусе ее владельцев.

Сама порода и расцветка камня представляется уникальной для Древней Руси. Неслучайно в научной литературе возникло мнение об изготовлении таких крестов в Византии. Однако по-настоящему вопрос об определении породы этого камня никогда не ставился. В настоящее время данный камень, по результатам петрографического анализа, проведенного с.н.с. ЦНИГРМ С.В. Мамоновым (Санкт-Петербург), может быть определен как плагиоклазовый андезитовый порфирит, близкий по своим параметрам к породам суйсарского гранитного комплекса, известного на территории Карелии. Данная порода сходна с ними по следующим признакам: 1) по составу плагиоклаза – альбит, 2) по особенностям минерального состава – присутствие пироксенов и авгита, рудного минерала, 3) по характеру вторичных изменений – гидрослюдизации и хлоритизации². Зеленый цвет обусловлен присутствием окислов железа. Твердость по шкале Мооса составляет около 6 единиц, что серьезно отличает его от листовинида, который значительно мягче и характеризуется 3–4 единицами.

Экспертное заключение с.н.с. Института геологии КНЦ РАН к.г.м.н. А.Д. Лукашова и н.с. В.Г. Пудовкина (Петрозаводск), также определившее породу камня как плагиоклазовый порфирит, указывает месторождения такого камня в Финляндии – севернее г. Тампере и юго-восточнее г. Порво. По их мнению, обломок порфирита мог оказаться в районе Новгорода в результате ледниковой деятельности в четвертичном периоде, был

² Его порода имеет порфиристую структуру с гиалопилитовой основной массы, которая на отдельных участках переходит в микроандезитовую (офитовую). Вкрапленники представлены плагиоклазом-альбитом и редкими зернами авгита. Плагиоклаз сильно замутнен микровключениями гидрослюды и хлорита. Серицит редок и составляет менее 1%. Основная масса представляет собой трудно диагностируемый агрегат гидрослюды, хлорита, пироксена, микролитов плагиоклаза и рудного вещества. Вторичные изменения характерные для данной породы – слабые гидрослюдизация и окварцевание, хлоритизация и эпидотизация.

случайно обнаружен и использован в камнерезном ремесле для изготовления исследуемых крестов.

Однако породы аналогичного состава под названием “виданский порфирит” выходят на поверхность земли в районе Сямозера в Карелии. С учетом ряда историко-археологических реалий XII–XIV вв. возможно предположить “карельское” происхождение изучаемого камня и его появление в Новгороде в результате целенаправленной деятельности человека. В берестяной грамоте № 131 (конец XIV в.), в которой речь идет о сборе “празги” в Прионежье, упоминается Сямозеро (Арциховский, Борковский, 1958. С. 68–71). Текст грамоты свидетельствует, что в момент ее написания сямозерцы находились в Новгороде. Этот регион Карелии попадает в сферу древнерусского влияния уже в XII–XIII вв. (Макаров, 1994. С. 156–166; 1997. С. 18–47). Здесь известны находки древнерусской круговой керамики (Лахта-I, Малая Суна-IX, Суна-VI) и проушных топоров конца X–XIII вв. (Черанга-III) типа V и VI по А.Н. Кирпичникову. Поступление в районы Русского Севера стандартных типов древнерусских вещей должно рассматриваться как свидетельство колонизационных процессов и распространения русских даней на указанной территории. Оригинальная порода камня могла попасть в Новгород из Карелии в результате торгово-данныческих операций. Постоянные торговые и политические контакты Новгорода с Южной и Северо-Восточной Русью могут объяснить появление здесь новгородских крестов из плагиоклазового порфирита (Рыбина, 1978).

Необходимо отметить, что в Центральной и Южной Европе известны месторождения породы, схожей по расцветке и структуре рисунка с интересующим нас плагиоклазовым порфиритом, который именуется там *marbr lasonicus Spartaе*. Мы не можем исключить, что в ряде случаев эта порода могла попасть в южнорусские земли непосредственно из Европы, однако достоверность этой гипотезы зависит от результатов петрографического анализа. Среди европейских христианских древностей существуют реликвии, изготовленные из подобного камня. В частности, из сокровищ герцога Саксонского (1142–1182 гг.) и Баварского (1156–1180 гг.) Генриха Льва (+1195 г.) происходит *altare portotile* второй пол. XI в., изготовленный из породы, определенной как *porfirido verde antico* и имеющей, предположительно, итальянское происхождение (рис. 2, 5). Каменная основа размером 14 × 14 см имеет серебряную оправу с латинской надписью: “Hunc lapidem consecratum dedit Adeuoldus prepositus sco Blasio” (Neumann, 1891. S. 126–128).

Представляется маловероятным происхождение породы, послужившей основой изготовления предметов христианского культа как в Древней Руси, так и в Центральной Европе, из единого месторождения. Стоит предположить, что особенности

религиозной эстетики как на Востоке, так и на Западе обусловили независимое друг от друга использование данного камня для изготовления христианских святынь.

Однако на этом истории крестов из зеленого порфирита, происхождение которых мы связываем с Новгородом XII в., не кончается. Среди русских древностей есть целый ряд крестов, которые изготовлены из камня, морфологически схожего с только что описанным, но датирующихся тем не менее XVI–XVII вв.:

1. Крест четырехконечный с оглавием и серебряными накладками на концах, 91 × 51 × 15 мм, из ризницы Троице-Сергиевой лавры (№ 151/1866). Т.В. Николаева определяет его материал как “порфирит миндалекаменный”, Ю.А. Олсуфьев – как “зеленую яшму”. Размеры каменного креста 70 × 50 × 15 мм. На лицевой стороне креста помещена крестообразная пластина с литым изображением Распятая низкого рельефа. У большой перекладки литые изображения фигур Божией Матери и Иоанна Предтечи. На трех серебряных накладках проволокой сделаны надписи “ИС, ХС, НИ”. На нижнем конце накладка новая с резной надписью “МЛРБ”. Оглавие литое с Образом Нерукотворного Спаса. Концы креста соединены жгутиками, обвитыми проволокой. В описи 1641 г. крест значится как “крсть аспиден зелен, на нем Распятые Гдне литое, по ручкам обложен сребром, золочен”. В описи 1673 г. крест, описанный как “крсть аспиден зелен, обложен сребром, позлачен”, помещен среди вкладов Ивана Грозного. Дата – XVI в. Место изготовления – Москва (Николаева, 1960. С. 307, 308; Олсуфьев, 1921. С. 40. № 42/44) (рис. 3, 1).

2. Крест четырехконечный, концы обложены золоченым серебром, 53 × 30 × 8 мм, из ризницы Троице-Сергиевой лавры (№ 152/1860). Т.В. Николаева считает, что крест изготовлен из талькового сланца, а Ю.А. Олсуфьев – из зеленой яшмы. Размеры самого каменного креста 37 × 30 × 8 мм. На лицевой стороне помещена крестообразная пластинка с литым изображением Распятая низкого рельефа. Над изображением Христа резная надпись “ИС ХС”. На накладках резные надписи “ЦРЬ СЛАВЫ, ИС ХС НИКА”. На оглавии резное изображение Нерукотворного Спаса. Концы креста соединены проволокой, обвитой жгутиками, на которых укреплено по жемчужине. В лаврской описи 1641 г. крест значится как “крсть аспиден зелен, на нем Распятые Гдне литое, глава серебряная гладкая, по ручкам обложен сребром, золочен, между ручками четыре жемчужины невелики”. Крест считается вкладом Ивана Грозного (Николаева, 1960. С. 308; Олсуфьев, 1921. С. 40).

3. Крест четырехконечный с золочеными накладками и оглавием, 100 × 63 × 12 мм, из ризницы Троице-Сергиевой лавры (№ 154/1869). Архимандрит Леонид (Кавелин) считает, что крест “яшмо-

вый”, Т.В. Николаева определяет материал как порфирит миндалекаменный. Размеры самого каменного креста 78 × 63 × 12 мм. На концах креста серебряные с золочением накладки, соединенные между собой проволокой, на которых помещены три красных камня (четвертый на нижней ветви утрачен). На лицевой стороне серебряная крестообразная пластинка с закрепленным на ней изображением Распятая и резной надписью “ИИЦ”. На серебряной обкладке верхней ветви надпись “ЦРЬ СЛАВЫ”, на боковых “ИС ХС”, на нижнем конце креста изображение черепа и скрещенных костей. В оглавии на лицевой стороне резное изображение Нерукотворного образа Спасителя. На обороте на серебряной обкладке верхнего выступа резная надпись: “ЛЕТА ЗРОЕ ГОД МЦА АКТАБРЯ А ДН САСТРОИЛ СЕ КРСТЬ СТОЛНИКЪ ЮАН ВАСИЛЕВИЧ ЯНОВ”. На оглавии с оборотной стороны имеется резное изображение херувима с надписью “ХЕРОВИМ”. Крест является вкладом московского стольника Ивана Васильевича Янова, его ювелирное оформление датируется 1 октября 1666 г. (Николаева, 1960. С. 309, 310; Олсуфьев, 1921. С. 76; Леонид (Кавелин), 1881. С. 51. № 189) (рис. 3 2, 3).

Подобные кресты из зеленого порфирита есть и в других собраниях:

Москва (ГИМ. № 55236. ОК 688). Четырехконечный крест с наложенным литым Распятые назван в публикации “корсунским” и датирован XVI в. Серебряное золоченое оглавление многогранно, с резными буквами и литым изображением Спаса Нерукотворенного. Вес 106.94 г, (серебра – 32.0 г), размеры 105 × 65 × 13 мм (Россия..., 2000. С. 242). Его происхождение неизвестно.

Псков (ПГОИХАМЗ № 298). Четырехконечный крест с серебряным оглавием, размеры вместе с оглавием 85 × 50 мм.

Известны еще два креста такого же камня из экспозиции Переяславль-Залесского художественно-исторического и архитектурного музея-заповедника, имеющие подобные серебряные оглавия³.

Очевидно, что ювелирное оформление этих крестов обоснованно датируется XVI–XVII вв., но это время – лишь *terminus ante quem* для изготовления самих каменных крестов. Мы не исключаем возможность того, что кресты из зеленого порфирита могли изготавливаться и в эпоху позднего средневековья. Вместе с тем внешнее сходство камня, из которого изготовлены как ранние, так и поздние русские кресты, позволяет считать, что весь исследуемый корпус синхронно изготовлен из одной плагиопорфиритной породы. Это подтверждается и

³ Наши неоднократные обращения к директору музея Г.М. Петровниной и главному хранителю Н.Р. Герасимовой с просьбой сообщить хотя бы коллекционные номера указанных крестов не получили никакого отклика.

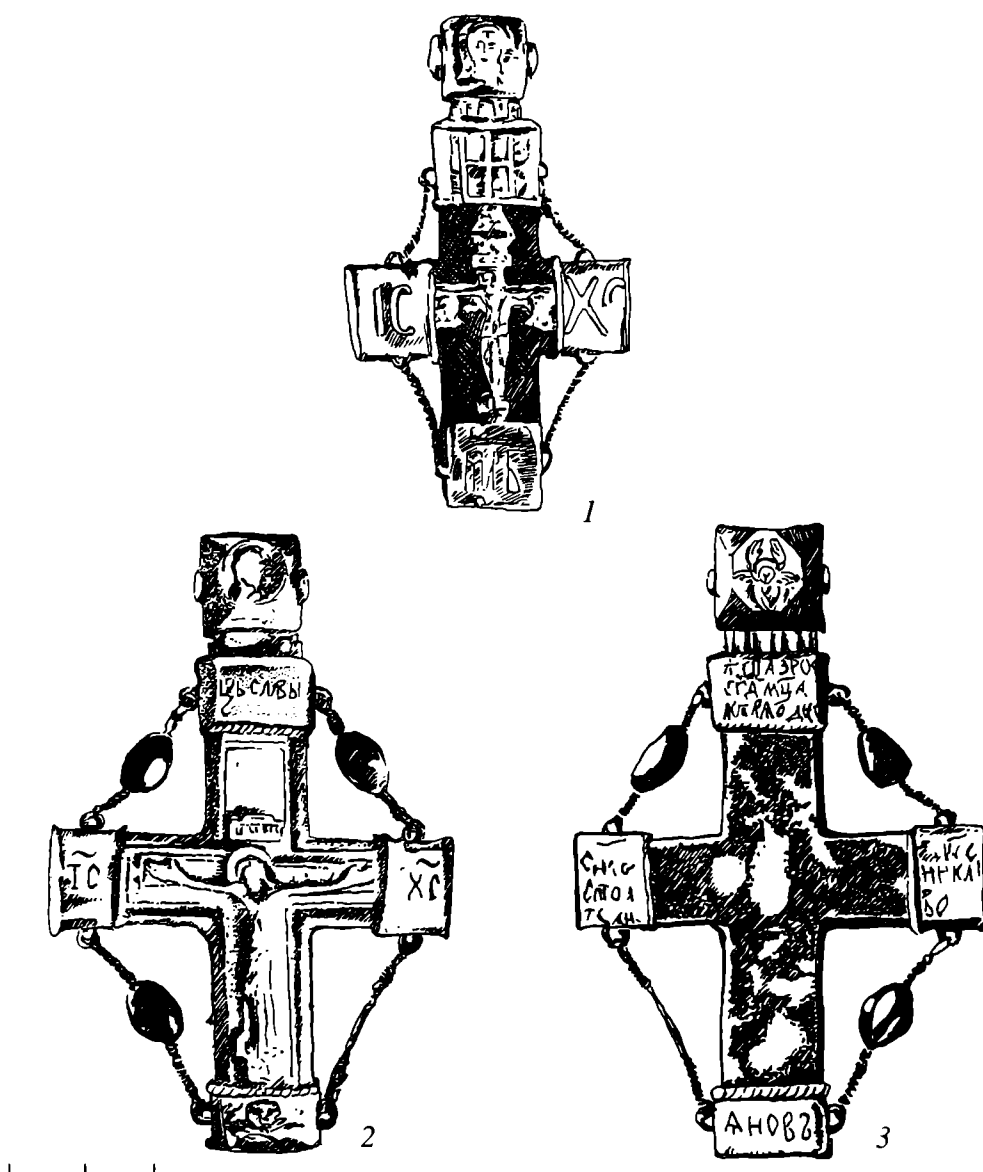

Рис. 3. Кресты из плагиоклазового порфирита с ювелирным оформлением XVI–XVII вв. 1 – Ризница Троице-Сергиевой лавры (№ 151/№1866); 2 – Ризница Троице-Сергиевой лавры (№ 154/№1869), лицевая сторона; 3 – Ризница Троице-Сергиевой лавры (№ 154/№1869), оборотная сторона.

фактом принадлежности интересующих нас предметов к элитной княжеско-боярской культуре своего времени.

Столь длительное переживание крестов из плагиоклазового порфирита в культуре средневековой Руси требует своего объяснения. Стоит обратить внимание на наименование исследуемой породы камня в лаврских описях XVII в. – “камень аспиден зелен”. Термин “аспид” использовался для обозначения яшмы (jaspis) (Срезневский, 1989. Ст. 31, 32). М.И. Пыляев считает, что этим термином мог обозначаться “простой грифельный сланец” (Пыляев, 1888. С. 195). Н.В. Покровский полагает, что понятие “кресты аспидные” прилагались ко всем вообще каменным крестам без различия материала (Покровский, 1913. С. 17. Табл. V, 1–5). Вообще, древнерусские названия драгоценных и полудрагоценных камней не тождественны их со-

временным аналогиям, которые заимствовались непосредственно из латыни и установились только в конце XVII в. (Макеева, 1986. С. 3). Определение породы камня в монастырских описях должно свидетельствовать, что в Древней Руси он воспринимался как змеевик.

Понимание того места, которое занимали кресты, изготовленные из зеленого порфирита, в сознании и культуре Древней Руси, может быть дополнено сведениями об апотропеических функциях змеевика, как они виделись средневековому мировоззрению. Это может дать дополнительные аргументы для обоснования их длительного переживания в средневековой культуре. Роль камня в культуре Средневековья, особенно редкого камня с особой расцветкой, в целом хорошо известна. Целые сборники средневековой письменности – “лапидарии” – были посвящены целительным и за-

щитным свойствам различных камней. Англичанин Горсей сообщает о своем свидании с Иваном Грозным незадолго до кончины царя, во время которого великий князь демонстрировал свою веру в магическую силу драгоценных камней (Пыляев, 1888. С. 10, 11). Однако именно с цветом камня, а не с его породой, ассоциировался у человека прошлого вполне определенный набор его сакральных свойств.

Символика зеленого цвета вообще и его психологическое воздействие на человека сводятся к следующим основным моментам. Считается, что зеленый цвет стимулирует жизненный тонус, он ассоциируется с культом плодородия и бессмертием природы, он спокойный, уверенный и освежающий. В символике европейской схоластики это цвет надежды, девства, созерцательной жизни (Николаев, 1995. С. 28, 29). В силу этого камни различной породы, но схожей гаммы зеленого цвета (гелиотроп, змеевик, изумруд, малахит, яшма) в средневековых представлениях обладали одинаковыми свойствами (Николаев, 1995. С. 121, 169, 171–173, 284). Активное использование яшмы-ясписа в церковной культуре должно быть связано с его освященностью авторитетом Священного Писания, где он упоминается 6 раз (Исх. 28:20; Иез. 28:13; Откр. 4:3, 20:18–19, 21:11). Малахит вообще превращается в детский амулет-оберег. Известна западноевропейская поэма о камнях, принадлежащая епископу Марбодию Реннскому (1035–1123 гг.), где малахиту посвящены такие слова: “Силой своей малахит колыбели детей охраняет и отвращает от них всевозможные беды, чтобы недобрая доля их нежным телам не вредила” (Николаев, 1995. С. 198). Особое место в ряду целебных свойств зеленых камней занимал собственно змеевик, названный так из-за своего пятнистого рисунка и зеленой окраски. Он считался не только исцеляющим от укуса змеи, но и позволял владельцу такого камня избежать самого укуса. Змеевик способствовал исцелению ран и заживлению переломов. Интерполируя древнерусскому сознанию то, что нам известно о зеленых камнях из отечественной этнографической и европейской письменной традиции, с достаточной долей уверенности можно предположить, что этот камень в представлениях средневекового русского человека в полной мере обладал всей совокупностью целебных и защитных свойств зеленых камней.

Очевидно, перед нами передававшиеся по наследству семейные реликвии. Факт наследования нательных крестов надежно зафиксирован в источниках. Духовные грамоты великих и удельных князей неоднократно упоминают о таких случаях. Кресты упоминаются уже в составе ранних духовных, например у великого князя Ивана Ивановича (1358 г.), и завещаются на протяжении XV–XVI вв. (Духовные и договорные грамоты..., 1950. С. 16,

№ 4; 175, № 57; 197, № 61; 249, № 71; 276, № 74; 345, № 86; 351, № 88; 362, № 89; 408, № 98; 433, № 104). Особое внимание стоит обратить на то, что материал некоторых крестов не упоминается – “цепь велика золотая с крестом”, “цепь огничатая с кресты”, “цепь хресчатая”. Следует обратить на передаваемые по наследству предметы личного благочестия, изготовленные из камня. Так, в духовной рузского князя Ивана Борисовича (1503 г.) упоминается “икона Благовещения камня серебром обложена”, а княгиня Юлиания, вдова Бориса Васильевича Волоцкого, завещает около 1503 г. ожидаемому в будущем внуку, сыну князя Феодора, “икону камень зелен (!) обложену золотом”, а так же “три кресты камни с золотом” (Духовные и договорные грамоты..., 1950. С. 349, № 87; 351, № 88).

Таким образом, существование передаваемых по наследству крестов-реликвий в княжеской среде надежно зафиксировано источниками. Генеалогия рода Яновых способна подтвердить нашу гипотезу относительно крестов из зеленого порфирита как фамильных реликвий социальной верхушки древнерусского общества. Яновы в XVI–XVII вв. являются одними из постоянных и богатых вкладчиков в Троице-Сергиеву лавру. Кроме уже упомянутого креста известно еще шесть предметов с вкладных надписями этого семейства. Синодик рода Яновых выписан на иконостасе в лаврской церкви Сошествия Святого Духа над местным образом Спасителя: “Род Яновых: инока Феодосия, иноку Ираиду, схимника Варлаама, схимницу Марию, Иоанна, княгиню Феодору, девицу Евдокию, Марию, Дмитрия, Симеона убиенного, схимницу Ефросинью и сродников преставльшихся” (Леонид (Кавелин), 1881. С. 9. № 10). Вкладная надпись на серебряной ладанице в форме шестигранного храма на круглом поддоне с резным изображением Деисуса, двух ангелов и прп. Сергия гласит: “149 (1641) году дал в дом Животворящей Троицы и великого чудотворца Сергия и Никона сию ладоницу Василий Федорович Янов по дочери своей Евдокее девице” (Леонид (Кавелин), 1881. С. 57. № 231). В ризнице Троице-Сергиевой лавры есть икона Божией Матери “Умиление” с венцом и серебряной цатой сканной работы с финифтью в серебряном окладе с чеканными изображениями свт. Николая и прп. Сергия и надписью на обороте: “Моление образ Пречистыя Богородици Василия Янова и жены его Марфы” (Леонид (Кавелин), 1881. С. 64. № 255). Еще один вклад представляет собой подсвечник у гроба прп. Никона с серией надписей, упоминающих представителей различных поколений этого рода (Леонид (Кавелин), 1881. С. 14. № 19). Иван Янов вложил в лавру два шитых золотом и жемчугом покровца с изображением иконы Смоленской Божией Матери и св. Николая (Леонид (Кавелин), 1881. С. 62. № 245). Последний вклад Яновых – серебряный напрестольный крест – сделан после 1677 г.,

т.е. после смерти самого Ивана его вдовой (Леонид (Кавелин), 1881. С. 51. № 188).

Вкладная монастырская книга 1673 г. знает еще целый ряд вкладов, начиная с нескольких значительных, сделанных Михаилом Яковлевичем Яновым в 1534/35 и 1539/1540 гг. (Веселовский, 1975. С. 601). В 1611 г. Феодор Осипович Янов вносит в монастырь спорок золотого венецианского бархата. 27 февраля 1641 г. Василий Федорович Янов на погребение своей дочери Евдокии жертвует 150 рублей. В сентябре 1641 г. им жертвуется серебряная лампада. Опись знает 15 медных подсвечников, которые были вложены в 1641/1642 и 1643/44 гг. Супруга Василия Федоровича, Марфа Семеновна 5 апреля 1657 г. жертвует в обитель 100 рублей. В 1655 г. Василий Федорович вкладывает по душе своей жены, ставшей в иночестве Марией, два паникадила. Два небольших вклада сделал Иван Васильевич Янов в 1666/1667 и 1671/72 гг. Однако главный фамильный вклад – это внесенные на перестройку и украшение Хотьковского монастыря в 1643/44–1655/56 гг. 1500 рублей. Семейство Яновых предстает перед нами весьма состоятельным.

В итоге, нам известны пять поколений рода Яновых: Михаил Яковлевич, Осип Михайлович, казненный в опричнину (Веселовский, 1974. С. 381), его сыновья Василий и Феодор Осиповичи, дьяки начала XVII в. (Веселовский, 1975. С. 600, 601; Боярские списки..., 1979. Кн. 1. С. 268; Кн. 2. С. 46), Василий Федорович и его жена Марфа Семеновна, их дочь Евдокия Васильевна и их сын стольник Иван Васильевич Янов с женою Параскевой Федоровной. Очевидно, либо Михаилу Яковлевичу, либо его внуку Феодору Осиповичу принадлежит белокаменное надгробие второй пол. XVI – начала XVII в., найденное среди других летом 1985 г. в юго-западном секторе ограды Успенского собора лавры (Вишневецкий, 1998. С. 72–87). Учитывая традицию предсмертного монашеского пострига и тот факт, что монашеские имена обычно начинались с той же буквы, что и мирские, логично предположить, что упомянутые в синодике надписи Святодуховской церкви схимник Варлаам и схимница Мария и есть Василий Федорович и Марфа Яновы. Тогда инок Феодосий и инокиня Ираида не кто иные, как Федор Янов и его супруга, имя которой начиналось с буквы “И” (Ирина?). Следовательно, эта надпись – самая поздняя и датируется временем после 1677 гг., поскольку совершена после кончины всех Яновых. Не исключено, что схимница Ефросиния и есть вдова Ивана Янова Параскева. Княгиня Феодора надписи, очевидно, дочь Василия Осиповича, бывшая замужем за окольным князем Василием Львовым, который в 1652/53 г. дал в лавру по ее душе 500 рублей (Веселовский, 1975. С. 600).

О Яновых сообщается, что они “царю Шуйскому по жене племя” (Веселовский, 1975. С. 600). Не ясна, но возможна связь между нашими Яновыми и князем Иваном Яновым Ростовским, переписывавшим в 1559 г. Звенигородский уезд (Веселовский, 1947. С. 358; Духовные и договорные грамоты..., 1950. С. 423). Скорее всего, семейство Яновых в своей генеалогии восходит к Ивану Андреевичу Яну Ростовскому, известному в середине XV в. и давшему начало роду князей Яновых-Ростовских (Веселовский, 1975. С. 381).

Таким образом, род Яновых может быть связан с династией ростовских удельных князей. Он предстает перед нами древним, знатным и состоятельным, и среди его семейных реликвий вполне могли находиться предметы домонгольской эпохи. Эти кресты, возможно имевшие серебряные накладки на концах, украшенные зернью, очевидно, в последующее время переделывались в соответствии с новыми художественно-эстетическими представлениями. Один из них Иван Янов и “састроил” 1 октября 1666 г., украсив его рельефным Распятием и серебряными накладками с гравировкой.

Представляется, что отмеченный выше ряд исторических моментов в своем единстве – традиция бережного отношения к христианской святыни, передача фамильных реликвий по наследству, материальная ценность предмета, связанная с редкостью камня и возможным наличием серебряных накладок с ювелирной орнаментацией, особенности исторической психологии, воспринимавшей данный камень в комплексе с его символическими, эстетическими и психотерапевтическими свойствами, – и определили столь длительное, вплоть до XVI–XVII вв., бытование в княжеской среде Московской Руси каменных крестов, вырезанных в Новгороде из порфирита в середине – второй пол. XII в. Попадание этих реликвий в монастырские ризницы в качестве вкладов может быть связано с разрушением традиционного семейного быта княжеских родов в условиях создания централизованного Российского государства, что повлекло за собой переоценку значения крестов из “аспидного камня” в системе средневековых ценностей. Это позволило крестам, основа которых была создана в домоногольское время, сохраниться в монастырской культуре вплоть до революционных бурь XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1953–1957 гг. М., 1958.
- Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 года. Указатель состава государева двора по фонду разрядного приказа. Ч. 1. Кн. 1–2. М., 1979.

- Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947.
- Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
- Вишневский В.И.* Новые находки средневековых надгробий некрополя Троице-Сергиева монастыря // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. М., 1998.
- Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Древнерусское искусство X – начала XV века. М., 1995.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Даркевич В.П., Кравченко Т.А., Монгайт А.Л., Раппопорт П.А.* Раскопки на городище Старая Рязань // АО–1970. 1971.
- Даркевич В.П., Монгайт А.Л.* Клад из Старой Рязани. М., 1978.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Каргер М.К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // КСИИМК. 1946. Вып. 8.
- Колчин Б.А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. 1956. № 55.
- Леонид (Кавелин), архимандрит.* Надписи Троице-Сергиевой лавры. СПб., 1881.
- Макаров Н.А.* Колонизация Русского Севера в X–XIII вв.: некоторые итоги археологических исследований // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
- Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.
- Макеева И.И.* История названий драгоценных камней в русском языке XI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49.
- Николаев С.М.* Камни. Мифы, легенды, суеверия... Новосибирск, 1995.
- Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960.
- Олсуфьев Ю.А.* Опись крестов Троице-Сергиевой лавры до XIX века и наиболее типичные XIX века. Комиссия по охране памятников искусств и старины Троице-Сергиевой лавры. Б/м., 1921.
- Покровский Н.В.* Древняя Софийская ризница в Новгороде. М.; СПб., 1913.
- Полубояринова М.Д.* Полудрагоценные камни и янтарь в Древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
- Пыляев М.И.* Драгоценные камни. Их свойства, местонахождение и употребление. СПб., 1888.
- Россия. Православие. Культура. Каталог выставки. Ноябрь 2000 – февраль 2001 г. М., 2000.
- Рыбина Е.А.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.
- Сидоренко Г.В.* Кресты-“корсунчики” из коллекции Гезе-Остроухова в собрании Государственной Третьяковской галереи // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. Т.2. М., 1991.
- Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. I. Ч. I. М., 1989.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897.
- Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2 // МИА. 1959. № 65.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев, 1900.
- Хойновский И.А.* Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года. Археологически-историческое исследование. Киев, 1893.
- Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 ліття освячення. Київ, 1996.
- Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.
- Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.
- Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М., 1998.
- Янин В.Л.* У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000.
- Neumann W.A.* Der Reliquienschatz des Hauses Braunschweig–Lüneburg. № 12. Wien, 1891.

On certain group of ancient Russian crosses made of porphyrim

A. E. Musin

Summary

In the present paper for the first time the collection of ancient Russian crosses of the 12th – the 14th centuries made of plagioclase porphyrim are analysed. The material used represents deep-green stone with the inclusions of light-green colour and regular geometric shape. The collection includes 21 crosses and 4 fragments of the

discussed stone, the artefacts originate from the archaeological excavations, some of them are occasional finds. The majority of finds were discovered in Novgorod (10 finished items and 2 nonfinished blanks), this town could have been the centre of their production. The other artefacts originate from Staraya Ryazan (2), Kiev and its vicinity (7), Vladimir (2), and Zvenigorod Galitsky. The deposits of similar stone are disposed in Central and South Europe, it was termed *marbr laconicus Spartaee*, or *porfirido verde antico* and used for manufacturing Christian relics. The ancient Russian crosses were of different origin: the results of petrographic testing permit to establish that they were produced of the deposits of the stone in question located in Karelia. This fact correlates with manufacturing of the crosses in Novgorod. The crosses were discovered in different archaeological associations (plots, hoards, burials) marked by high social status of their owners' the latter could have been princes or boyars. At least 5 crosses dated from the 16th – the 17th centuries are known from the museum collections (Troitse-Sergiev, Pskov, Moscow, Pereyaslavl-Zalessky), they were made of similar material and adorned with silver images of Crucifixion and settings of the same metal. These crosses were deposited in the monasteries by princes and boyar families, among them the tsar John the Terrible and the Moscow boyar family of the Yanovs. The author proves that porphyry crosses in ancient Russia circulated in the social elite as hereditary relics until the 17th century. In the period of the late Middle Ages they were decorated according to the aesthetic standards of the epoch. The long period of functioning of the discussed crosses was caused by a number of reasons, such as the reverence paid to the relics, the rare kind of stone, and the ideas of the medieval man concerning the healing properties of green stones.

О ТАТЬЯНЕ СЕРГЕЕВНЕ ПАССЕК

© 2003 г. А. А. Формозов

Институт археологии РАН, Москва

Когда в 1947 г. я познакомился с Татьяной Сергеевной Пассек, она была одной из центральных фигур в советской археологии. Ее имя знали все археологи СССР. Слышали о ней и более широкие круги. Помню статью тех лет в журнале “Советская женщина”, печатавшемся на многих языках, с портретом Пассек и фотографиями ее находок. Грустно, что сегодня надо напоминать о столетии со дня ее рождения и что статью к юбилею писать пришлось мне (рис. 1).

Рис. 1. Т.С. Пассек, 15 августа 1963 г.

Что же произошло за полвека? Перефразируя Маяковского, можно сказать: мы говорим Пассек – подразумеваем Триполье, говорим Триполье – подразумеваем Пассек. Трипольской культуре посвящены четыре книги и десятки статей Татьяны Сергеевны. Она отдала этой теме 40 лет, разработала периодизацию культуры, раскопала несколько важных ее памятников. Как в театре бывают роли выигрышные (“самоигральные”) и не выигрышные, так и среди археологических материалов есть более и менее выигрышные. Триполье, безусловно, из числа выигрышных: изящные расписные сосуды, статуэтки людей и животных, поселения со сложной планировкой и элементами архитектурного оформления построек. Это производит впечатление на всех. Сравним хотя бы со срубной культурой, занимавшей не менее обширную территорию и не менее важной в ранней истории Восточной Европы. Грубо слепленные горшки, жилища-землянки интересны для археологов, но не для сторонних наблюдателей.

Открывший Триполье в конце XIX в. В.В. Хвойко видел в носителях этой культуры предков славян. Естественно, к открытию проявили пристальное внимание историки. Схема Хвойки: с непрерывной линией развития от Триполья – к скифам, от них – к культуре полей погребений, а от нее к славянским памятникам – почти без изменений излагалась в 1944 г. акад. Н.С. Державиным в официальной брошюре “Происхождение русского народа”, в статьях тех же лет П.Н. Третьякова и Б.А. Рыбакова.

В этом контексте изыскания Пассек выглядели значительней, чем сегодня, когда схема Хвойко оставлена, а трипольцев считают скорее предками фракийцев, чем славян. К тому же все памятники трипольской культуры оказались теперь вне пределов России – на Украине и в Молдавии.

На современников всегда оказывает влияние личность исследователя, для следующих поколений трудно уловимая. Татьяна Сергеевна была писаная красавица: хорошего среднего роста, пропорционально сложенная брюнетка с правильными чертами лица, плавными движениями, с уложенной вокруг головы толстой косой и широкими черными бровями, придававшими ее облику особую выразительность. К этим природным данным добавлялось превосходное воспита-

ние. Она была неизменно ровна, тактична, в меру оживлена, приветлива, умела вовремя пошутить. Собеседников подкупало выражение заинтересованного внимания на ее лице.

Были у нее верные друзья и поклонники, пронесшие свои чувства через всю жизнь, но нельзя сказать, что Пассек пользовалась всеобщей любовью. Основной фон в археологии, чем дальше, тем больше, составляли не выходцы из старой интеллигенции, а те, кого в 1920–1930-х годах называли выдвигенцами. Люди вроде Т.С. Пассек казались в этой толпе белыми воронами. Ее называли “советской княгиней”, “советской графиней Уваровой”.

Те, кто участвовал в экспедициях Пассек (я был с ней на Днестре в 1949 г.), знали ее иной: очень увлеченной своей работой (рис. 2). Помню ее восклицание: “Как это волнительно!”. Те, кто посещал театры и концерты, часто встречали там Татьяну Сергеевну – тонкого ценителя искусства. Ну а те, кто общался с ней в домашней обстановке, запомнили ее как интересного собеседника, безусловно глубокого человека. Она близко знала Д.Д. Шостаковича, Н.А. Обухову, талантливую, рано умершего актера М.М. Названова – своего дальнего родственника – и других видных деятелей нашей культуры. Со дня смерти Т.С. Пассек прошло более трети столетия. Как же рассказать о ней?

В 1963 г. к шестидесятилетию Пассек журнал “Советская археология” заказал о ней статью ее ближайшей ученице Е.К. Черныш. Не сомневаюсь, что Татьяна Сергеевна внимательнейшим образом отредактировала этот текст (Черныш, 1963. С. 5–9). Позднейшие публикации – некрологи, разделы в других изданиях – повторяют приведенный в 1963 г. набор фактов. Между тем биографии советской эпохи всегда неточны: что-то в них замалчивается, а что-то неоправданно выставлено на первый план. Нужны архивные изыскания, чтобы нарисовать более объективную картину. По словам Е.К. Черныш, незадолго до смерти Татьяна Сергеевна уничтожила свои дневники и, видимо, большую часть переписки. Об этом нельзя не пожалеть. Письма близкого друга Пассек Б.А. Латынина, опубликованные Н.Г. Горбуновой и Н.К. Качаловой, – ценный источник по истории нашей археологии и, в частности, к биографии Татьяны Сергеевны.

Попробую передать то, что мне удалось собрать о жизни Пассек, именно о жизни, а не о ее научной деятельности. Об этом достаточно подробно говорилось ранее (Евтюхова, 1969. С. 236–241; Научная деятельность..., 1970. С. 3–7; Мерперт, 2000. С. 185–188).

Между датой рождения (15 августа 1903 г.) и датой поступления в ВУЗ (1920) в официальной биографии пробел. Есть лишь повторявшиеся всюду слова о прадедушке и прабабушке по отцу:

Рис. 2. Т.С. Пассек на раскопках.

В.В. Пассеке и Т.П. Пассек (Кучиной) – друзей А.И. Герцена – и бабушке по матери А.Н. Пешковой-Толиверовой – участнице гарибальдийского движения. И то и другое верно. Но многочисленных потомков известной еще в XVII–XVIII вв. семьи Пассек Татьяна Сергеевна совсем не знала. Бабушка же Толиверова была сестрой милосердия у Гарибальди в юные годы, а позднее печаталась в самых разных изданиях, вплоть до пресловутого “Нового времени”, и известна более как автор поваренных книг и рассказов для детей. Внучка должна была ее помнить, поскольку бабушка умерла, когда ей было уже 15 лет.

Напоминание о предках не говорит о революционных традициях семьи. Это дань времени. Традиции семьи были не революционные, а вполне обычные для дворянского круга: хорошее воспитание, знание французского языка, лучшая петербургская гимназия, поездки в Париж.

В автобиографии, сданной в дирекцию ИИМК 4 апреля 1950 г. (Архив ИА РАН. Р-6. № 83), Та-

тьяна Сергеевна сообщала, что ее отец Сергей Владимирович окончил юридический факультет Петербургского университета и служил в Министерстве финансов. Он не эмигрировал и работал после революции по специальности. Умер в 1933 г. Родители Т.С. Пассек разошлись в 1913 г. Мать Вера Сергеевна вышла замуж вторично за инженера-технолога Владимира Александровича Чоголова. И он не эмигрировал и пошел на службу советской власти. После его смерти в 1931 г. Вере Сергеевне, которая никогда не работала, дали персональную пенсию. Таким образом, близкие Татьяны Сергеевны выбрали путь сотрудничества с новой властью, а не эмиграции. Однако даже добросовестная служба коммунистам не спасала от репрессий. В.А. Чоголов побывал на допросах в ГПУ, хотя избежал обвинения. Об отчине Татьяна Сергеевна всегда говорила хорошо. Отмечала, что он привил ей серьезное отношение к деньгам, умение тратить их разумно.

Поступив в гимназию в 1914 г., Татьяна Сергеевна окончила в 1920 уже советскую трудовую школу. Дальнейшую учебу она продолжила в Петербургском археологическом институте. В 1922 г. институт был передан как отделение в Петроградский университет. Его и окончила Пассек по отделению археологии в 1923 г.

Высшие учебные заведения в 1920–1923 гг. по духу еще дореволюционные. Возглавлял отделение проф. А.А. Миллер. В разговорах Татьяна Сергеевна вспоминала о нем очень тепло, восхищалась его лекциями по первобытному искусству, когда преподаватель умело воспроизводил мелом на доске рисунки палеолитических художников. Но в печатных работах Пассек упоминаний о Миллере нет. В 1934 г. он был арестован по “делу славистов” (или Русского музея), выслан в Казахстан, где через год умер. Пассек училась у историков и искусствоведов, сформировавшихся на грани XIX и XX вв. Денег на полевую практику студентов у вузов не было, и на раскопки они не ездили.

На I курсе Пассек познакомилась со студентом Борисом Александровичем Латыниным. Он был старше ее (род. в 1899 г.), уже кое-что повидал в жизни и принадлежал к тому же кругу дворянской петербургской интеллигенции, что и она. Латынин стал близким другом и верным поклонником Татьяны Сергеевны до конца своих дней.

После окончания курса Латынин и Пассек были оставлены при университете для дальнейшей подготовки по специальности. Ученые степени и диссертации были отменены в 1918 г., но аспирантура с 1926 г. при ЛГУ была учреждена; и Пассек, и Латынин стали аспирантами.

Тема “квалификационного сочинения” Пассек – “Трипольская керамика”. Кто подсказал эту тему, неясно. В официальной биографии упомянуты А.А. Спицын, Б.Л. Богаевский и И.И. Мещанинов.

Спицын исследовал трипольское поселение Колодистое, Богаевский и Мещанинов писали о расписной керамике, но нельзя забывать и о А.А. Миллере. Его статьи 1920-х годов шли в русле начатой еще до революции А.А. Спицыным и В.А. Городцовым работы по систематизации и классификации древностей России. Миллер создал классификацию древностей Северного Кавказа. Тогда же сложились периодизации памятников эпохи палеолита П.П. Ефименко (для Русской равнины), Г.А. Бонч-Осмоловского (для Крыма), С.Н. Замятина (для Кавказа), хронологические колонки для Минусинской котловины С.А. Теплоухова и для Волго-Окского бассейна Б.С. Жукова. На материалах керамики Пассек должна была предложить классификацию коллекций из поселений трипольской культуры, хотя не видела еще ни одного поселения и ни одной коллекции в украинских музеях.

Во второй половине 1920-х годов сбылась мечта молодых археологов: они впервые побывали на раскопках и смогли поехать по стране, знакомясь с коллекциями музеев.

Гражданская война окончилась. Был введен нэп. Казалось, на родине налаживается нормальная жизнь. Средствами на экспедиции располагали тогда не старые научные центры, а национальные республики. Подъем их экономики и культуры власти считали более важным, чем развитие русских областей. Так возникла экспедиция Азербайджанского музея во главе с И.И. Мещаниновым. Активным участником ее стал А.А. Миллер, имевший большой опыт полевой работы. Миллер и пригласил в экспедицию своих учеников. Пассек и Латынин приняли участие в раскопках Ходжалинских курганов конца бронзового века и в исследовании ряда других памятников в Нагорном Карабахе и Нахичеванской автономной области.

В 1926 и 1927 гг. в Баку в “Известиях Общества обследования и изучения Азербайджана” вышли три статьи, написанные совместно Пассек и Латыниным (я не буду давать ссылки на упоминаемые публикации Пассек. Список их см. (Евтюхова, 1969. С. 239–241)).

Пассек и Латынин побывали тогда и в Тбилиси, и в Ереване. Оба обращались к кавказским древностям и позднее. Вместе с А.А. Иессеном Татьяна Сергеевна составила ценную сводку “Золото Кавказа” (1935), а в 1937 г. исследовала Джафарханский могильник раннего железного века в Муганской степи.

Другое важное событие этих лет – поездки с Латыниным по музеям Юга России. Ездили с марта по октябрь поездом в бесплацкартных вагонах и на всяком попутном транспорте. Начали с Запада. В 1925 г. были в Одессе и Умани. Постепенно, расширяя область обследования, к 1930 г. добрались до Нижнего Поволжья (Судьба ученого, 2000. С. 23).

Наиболее удачными были поездки 1928 и 1929 гг. в Брянск, где музеем заведовал хороший краевед С.С. Деев. Пасек и Латынин изучили собранные им коллекции, осмотрели памятники около Брянска, уделив особое внимание могильникам среднеднепровского типа в Речице и Брасове. В 1946 г. Пасек опубликовала важную статью о среднеднепровской культуре в целом.

В Днепропетровском музее археологов заинтересовали два каменных изваяния воинов с оружием скифского типа. Заметка об этих стелах положила начало изучению монументального искусства скифов. Она увидела свет в сборнике в честь А.А. Спицына, выпущенном А.М. Тальгреном в Хельсинки. С ним завязалась оживленная переписка.

Но главным был сбор материалов по трипольской культуре. Он велся в музеях Москвы, Киева, Одессы, Херсона, Винницы, Каменца-Подольского, Умани, Тульчина, Остра. На Украине Татьяна Сергеевна впервые увидела и сами трипольские поселения.

Существует представление, что после Хвойки по-настоящему занялась Трипольем именно Пасек. Это не так. В 1920-х годах памятники этой культуры целеустремленно изучали украинские археологи. Н.Е. Макаренко исследовал Халепье и Евминку, М.Я. Рудинский – Кадиевцы, В.Е. Козловская – Веремье и Сушковку, С.С. Гамченко – Колодяжное, В.П. Безвенглинский – Владимировку и Майданецкое, М.Ф. Болтенко – Усатово, П.П. Куринный – Томашевку и открытую Н.Ф. Беляшевским Борисовку. Итоги этих работ подведены в сборнике “Трипольська культура на Україні” (том I), вышедшем в Киеве в 1926 г. Здесь мы найдем статьи названных археологов, а также С.С. Магуры, В.М. Щербаковского и Л.Е. Чикаленко.

Таким образом, Пасек пришла отнюдь не на пустое место. В ее распоряжении оказался огромный материал. Заслуга ее не в том, что она его выявила, а в том, что она его обобщила и систематизировала, выделив определенные группы трипольских памятников. Шире, чем у украинских коллег, была использована иностранная литература.

Работа была завершена к концу 1920-х годов, защищена в 1931 г., но опубликовать ее хотя бы по частям, долго не удавалось. В 1926 г. на Археологическое совещание в Керчи был направлен первый доклад о Триполье, зачитанный Спицыным, но не напечатанный. Для сборника в честь Д.И. Багалея были предложены три статьи: о классификации трипольской керамики, южной группе Триполья и керамике из Евминок, но не издали и их. Из письма Пасек и Латынина к Тальгреному видно, что все три работы были совместными (Судьба ученого, 2000. С. 67, 68). В “Трипольской керамике” доклад на конференции

в Керчи также назван совместным (Passek, 1935. С. 164). Следовательно, вклад Латынина в первое большое исследование Пасек был велик.

В рукописном перечне печатных работ, сданном Пасек в дирекцию ИИМК, фигурирует ее односторонняя заметка в “Вестнике Одесской комиссии краеведения” 1925 г. (№ 2–3. С. 47) – самая ранняя ее публикация вообще и по Триполью в частности. В журнальный список она не вошла. Может быть, автор считал свой первый опыт несолидным.

В биографии Пасек 1963 г. и в некрологе 1969 г. говорится, что по окончании аспирантуры она стала работать в Академии искусствознания (ГАИС). В издании “Институт археологии. История и современность” сказано иначе: в 1924–1932 гг. Пасек работала в Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде (Мерперт, 2000. С. 186). И то и другое не совсем так.

С 1 января 1924 г. по 1 января 1931 г., т.е. ровно 7 лет, Пасек была научным сотрудником возглавляемого Н.Я. Марром Яфетического института, ставшего затем Институтом языка и мышления АН СССР. Поступил туда и Латынин. Сотрудничество с Марром и публикации в духе его “Нового учения о языке” после статьи Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” (1950) были поставлены Пасек в вину, что заставило ее подправить биографию.

В 1925 г. Пасек и Латынин провели экспедицию в Чувашию, несомненно, связанную с идеей Марра о “чуваших-яфетидах на Волге”. По собранным этнографическим материалам написаны две заметки в “Яфетическом сборнике”. В сборниках к 45-летию научной деятельности и к 70-летию Марра помещены статьи Пасек о методах сравнения памятников материальной культуры и “Круг чувашских праздников”. В сборнике института “Тристан и Изольда” мы найдем статью Пасек и Латынина об отголосках этого сюжета в русской сказке.

Насколько органичным было сотрудничество Пасек с Марром? Думается, речь шла не просто о необходимости заработать кусок хлеба и стремлении найти покровителя среди ученых, поддерживаемых советской властью. В 1949 г. Татьяна Сергеевна говорила мне, что у Марра было очень интересно: все время новые идеи, новые люди, приезжающие со всех концов страны. В январе 1928 г. Пасек и Латынин писали Тальгреноу: “мы работаем у академика Марра... Наши интересы направлены... в сторону приложения яфетидологии как метода в истории материальной культуры и этнологии” (Судьба ученого, 2000. С. 68).

Работа друзей у Марра прекратилась почти одновременно. Латынин перешел в ГАИМК, где быстро выдвинулся, а Пасек переехала в Москву и поступила в ГАИС. Это было связано с тем, что

она вышла замуж за художника и постановщика Художественного театра И.Я. Гремиславского.

Это судьбоносное решение, принятое Татьяной Сергеевной в 1930 г., могло быть обусловлено не только личными обстоятельствами. После “Года великого перелома” (1929) начался разгром гуманитарных наук в СССР. Шли аресты. Был выслан в Казахстан и навсегда исчез принимавший Пассек и Латынина в Брянске С.С. Деев. В ГАИМК Латынину пришлось писать письмо Тальгрёну с осуждением его акций в защиту преследуемого властями акад. С.А. Жебелева. Показательно, что из девяти писем Латынина в архиве Тальгрёна это единственное, на котором нет подписи Пассек (Судьба ученого, 2000. С. 72, 73).

Сама Татьяна Сергеевна 1 ноября 1928 г. тоже была зачислена в ГАИМК по совместительству и проработала там 2 года, до 1 января 1931 г. В печатных изданиях академии этих лет ни одной статьи Пассек не появилось.

Служба в ГАИС, куда попала Пассек по переезде в Москву, продолжалась недолго. В 1932 г. археологический отдел был передан оттуда в ГАИМК в качестве его Московского отделения. Там – в ГАИМК, с 1937 г. – МОИИМК, с 1945 г. – в ИИМК и с 1956 г. – в ИА АН СССР и протекала вся дальнейшая научная деятельность Пассек. В отделе было человек десять. Татьяна Сергеевна вошла в новый коллектив, где у нее сложились дружеские отношения с А.В. Арциховским, С.В. Киселевым (и его женой Л.А. Евтюховой, работавшей тогда в Историческом музее), Б.Н. Граковым, А.А. Потаповым.

Первоначально Пассек занималась довольно случайными темами: в 1932–1934 гг. участвовала в археологических разведках в зоне строительства канала Москва–Волга, в 1933–1934 – в надзоре за строительством I очереди Московского метрополитена, опубликовала отчетные статьи по этим работам. Было в эти годы и совместительство – Пассек служила в Музее народоведения.

Любимая трипольская тема, не нашедшая еще отражения в печати, оставалась все же главной. Прежде всего надо было защитить “квалификационную работу” о керамике Триполья. История книги не так проста, как это выглядит в биографиях. Заниматься трипольской посудой Пассек начала, видимо, в 1924–1925 гг., когда была оставлена в университете для повышения квалификации, а тема мыслилась как систематизация материала из раскопок. Аспирантом ЛГУ Пассек стала уже будучи сотрудницей Марра. В аспирантуру рекомендовал он, и тема была сформулирована иначе: “Орнамент керамики так называемой трипольской культуры и его анализ”. Упор делался скорее на семантику. Закончена работа была к концу 1928 г. т.е. в тот момент, когда факультет общественных наук ЛГУ был закрыт. Кафедра истории материальной культуры во главе с

Б.Л. Богаевским (уже не археологии и не с Миллером) оказалась на факультете языка и материальной культуры (Ямфак). Богаевский почему-то тормозил обсуждение рукописи. Может быть, потому, что период был крайне острый, а может быть, видя в аспирантке конкурента. Защита состоялась только в 1931 г., когда Пассек жила уже в Москве (Архив ИА РАН. Ф. 11. № 72).

Издана работа была в 1935 г. отдельной книгой в серии “Известия ГАИМК” на французском языке. В начале 1930-х годов в ГАИМК поощрялись сочинения совсем другого плана – оторванные от конкретного материала социологические штудии. Ситуация изменилась после решений ЦК ВКП(б) о возобновлении преподавания истории в школе. Потребовались книги иного рода – фактологичные, в стиле традиционной науки. Тут в ГАИМК и вспомнили о диссертации Пассек и о монографии С.Н. Замятина, посвященной палеолитической стоянке Гагарино. Выход этих двух книг сделал имена авторов известными и уважаемыми среди зарубежных коллег.

Книга Пассек издана, по тем временам, хорошо. В ней более 160 стр. большого формата, 37 одноцветных таблиц и 4 цветных. В основе ее тщательное изучение форм и мотивов орнамента трипольской керамики. Волновали Марра проблемы семантики почти не затронуты. Это чисто археологический труд. Главное в нем – систематизация материала, выделение определенных территориальных и хронологических групп (стадии А, В, С).

В СССР книга была встречена по-разному. А.Я. Брюсов написал отрицательную рецензию, говоря о рецидиве буржуазного вещеведения, но ее не издали (хранится в фонде Пассек в архиве ИА). В Киеве ворчали, что Пассек “делает карьеру на костях украинских археологов”. Но работа была столь добротна, фундированна, что оспаривать ее достоинства трудно. Авторитет тридцатидвухлетнего ученого заметно поднялся.

Это и изменение общей ситуации способствовали тому, что Татьяна Сергеевна наконец смогла приступить к полевым исследованиям трипольских поселений.

В биографии 1963 г. утверждается, что в 1934 г. Т.С. Пассек возглавила Трипольскую археологическую экспедицию, провела масштабные раскопки поселения Коломыйщина I, доказала, что глинобитные площадки – остатки жилищ, впервые исследовала поселение широкой площадью, что позволило выявить его круговую планировку. В этом есть определенная неточность.

В 1920-х годах украинские археологи не хотели печатать у себя статьи молодых ленинградцев по Триполю, осмысляя этот круг памятников в рамках своей национальной школы. В 1933–1934 гг. произошел разгром гуманитарных наук на Украине. Исследователи Триполья Макаренко, Рудинский и

Болтенко были репрессированы. Им ставился в вину украинский национализм. После этого киевским археологам пришлось пойти на сотрудничество с учеными из Ленинграда и Москвы.

Раскопки в Коломыйщине начал еще в 1932 г. С.С. Магура. Ему помогали молодой археолог К.Ю. Коршак и аспирантка Н.Л. Кордаш. В 1934 г. решено было включить в экспедицию сотрудников ГАИМК Т.С. Пассек и Е.Ю. Кричевского (Магура, 1935. С. 104; Пассек, 1937. С. 223). Кричевский был моложе Пассек (род. в 1910 г.), но числился видным марксистским теоретиком, был членом ВКП(б) и действительным членом ГАИМК. Таким образом, говорить о Трипольской экспедиции во главе с Пассек для 1934–1936 гг. никак нельзя.

К тому времени у нее был не слишком большой полевой опыт. Раскопки курганов в Азербайджане, разведки под Брянском и Москвой, надзор при строительстве метро не могли помочь исследованию поселений с глинобитной архитектурой. Кричевский был человек книжный, не имевший вкуса к полевой работе. Так что методика раскопок трипольских поселений Пассек, безусловно, восприняла у С.С. Магуры, не один сезон изучавшего трипольские памятники.

То, что площадки – это остатки жилищ, установили еще в 1912 г. А.А. Спицын и Н.Ф. Беляшевский в Колодистом. Вскрытие поселения широкой площадью с целью выявления его планировки для 1930-х годов действительно ново. Первый опыт в этом направлении сделал в 1930–1931 гг. немецкий археолог В. Бутлер на поселении культуры линейно-ленточной керамики Кельн-Линденталь. Кричевский пропагандировал этот метод, и в дальнейшем он был применен в Поднепровье на памятниках ранних земледельцев.

Раскопки Коломыйщины I продолжались 7 лет, до 1938 г. Пассек и Кричевский раскапывали отдельные площадки. Подвести итоги экспедиции довелось уже не Магуре. В 1937 г. и он, и Коршак были арестованы и расстреляны. Упомянуть их имена в печати не разрешалось.

Винить в этом Пассек – составителя книги, где подведены итоги раскопок Коломыйщины, – нельзя. Скорее надо благодарить тех, кто ввел в научный оборот материал, который мог погибнуть, как погибли огромные материалы экспедиции на Днепрострое.

Менее понятно, почему Пассек не вспоминала о Магуре после 1956 г. Видимо, это связано с тем, что репрессированные киевские археологи числились “украинскими националистами”, а борьба с национализмом продолжалась на Украине и при Хрущеве.

Так или иначе Пассек оказалась в 1937 г. в очень сложной ситуации. Есть два показательных момента. В 1937 г. Пассек неожиданно вернулась к раскопкам в Азербайджане, исследовав вместе с

А.А. Потаповым Джафарханский могильник. Возможно, мелькала мысль оставить работы на Украине, оказавшиеся столь опасными.

В возникшем в 1937 г. журнале “Вестник древней истории” в 1938–1941 гг. появилось семь статей Пассек по трипольской тематике. Одна из них “О дилетантизме в науке” представляет собой резко отрицательную рецензию на книгу Б.Л. Богаевского “Орудия производства и домашние животные Триполья”. Богаевский, антиковед по подготовке, человек сугубо книжный, зря взялся за занятия археологией. В его “Технике первобытно-коммунистического общества” и книге о Триполье много элементарных ошибок и надуманных построений. Татьяну Сергеевну, уже глубоко вникшую в проблематику, это раздражало. После перипетий с защитой диссертации отношения с Богаевским испортились. Все же тональность рецензии связана с чем-то более общим, не исключено, что с обострившейся политической ситуацией и судьбой ленинградских ученых. Исчез Латынин, и никто не знал, жив ли он. Надо было отмежеваться от одиозных людей. Богаевский, выпустивший свою “Технику” под редакцией и с предисловием Н.И. Бухарина, был одним из них.

Постепенно острота ситуации сгладилась. Новый директор Института археологии АН УССР бывший ленинградец Л.М. Славин просил Татьяну Сергеевну продолжить и возглавить исследования трипольских памятников на Украине. Статьи во ВДИ выходили. Не стоило отказываться от успешно начатой работы.

В 1940 г. в Киеве вышел толстый том “Трипольска культура”. Естественно было бы назвать его “Трипольска культура на Україні”, том II. Но слова “на Украине” опущены, а сборник имеет обозначение “том I” (второго не было и в этом случае). На фортитуле имена трех редакторов, в том числе Пассек. Несомненно, она и готовила том к печати. Тут есть статьи о поселениях Городск и Белый Камень, но они занимают менее 100 стр., а 460 – отведены Коломыйщине. Пассек принадлежат общий отчет о раскопках 1934–1937 гг. (заметим – без 1932–1933) и статьи об изучении четырех площадок. Еще четыре описаны Кричевским, одна – Кордаш. Охарактеризовано 9 площадок, а всего на поселении раскопано 39. Судьба графических и рукописных материалов по площадкам, исследованным Магурой и Коршаком, а также результатов их работ 1932–1933 гг. неизвестна. Статьи Пассек не содержат каких-либо исторических выводов, но это хорошо проработанный экспедиционный материал, что в советских археологических публикациях тех лет было редкостью.

В 1940 г. в Киеве в АН УССР была проведена сессия и развернута выставка, посвященные трипольской культуре. Ее с интересом осмотрел наш великий биолог Н.И. Вавилов и получил на па-

мать книгу о Триполье. Вавилов ехал в экспедицию в Западную Украину. Там он был арестован.

Другим итогом работ Пассек по Триполью стала ее научно-популярная книга “Трипольская культура”, вышедшая на украинском языке в Киеве в 1941 г. Здесь обрисованы особенности хозяйства, быта, искусства Триполья. Любопытно, что столь обычных для работ тех лет социологических построений из арсенала ГАИМК: жилища – аналог общинных домов американских индейцев (по Л. Моргану), мотыжное земледелие, матриархат – здесь нет, нет и цитат из “классиков марксизма”.

В 1940 г. в Москве в Отделении общественных наук АН СССР состоялась сессия по этногенезу славян. В преддверии войны руководство страны обратилось к национальной идее. Среди выступавших была и Пассек, прочитавшая доклад о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна. Бегло коснувшись археологических и социологических аспектов темы, она сосредоточилась на этнической проблематике. Доклад вряд ли можно назвать удачным. Заметна оглядка на апробированные свыше фантастические построения Марра. Схематичные женские статуэтки расценены как вполне реалистичные изображения арменоидов.

Завершив работы в Коломыйщине I, Татьяна Сергеевна в 1939 г. исследовала поселения Коломыйщина II и перенесла раскопки на другой район – Южный Буг. В 1939–1940 гг. изучалась стоянка Владимировка, открытая директором Уманского музея В.Н. Безвенглинским.

В целом предвоенный период был для Пассек очень плодотворен. Возрождались археология как наука. Можно было вести раскопки, печатать статьи и книги. Конечно, все, что происходило вокруг, тревожило: аресты, гибель друзей, надвигающаяся война.

Годы Отечественной войны Татьяна Сергеевна провела в Москве. В 1941 г. ее назначили научным секретарем МОИИМК. Она регулярно писала о том, как идут дела, директору института М.И. Артамонову. По опубликованным отрывкам из писем видно, что в трудное время маленький коллектив сплотился, жил дружно и не прекращал научную работу (Платонова, 1991. С. 53–55).

С полей сражений приходили печальные вести. На фронте погибло много молодых археологов. Блокада Ленинграда унесла жизни Богаевского и Кричевского. Во Львове фашисты замучили в гестапо исследователя трипольского поселения Бильче Злоте О. Кандыбу. С отступающими оккупантами ушли из Киева Куринный, Козловская и Кордаш.

Татьяна Сергеевна осталась в сущности единственным в СССР специалистом по Триполью. Она взялась за подготовку обобщающей работы

по этой культуре – будущей докторской диссертации.

В 1945 г. центр ИИМК был перенесен из Ленинграда в столицу. При напряженных отношениях московских и ленинградских археологов Пассек как ученому секретарю выпала важная роль. Учтившаяся вместе с теми, кто в 1940-х годах составлял костяк ЛОИИМК, дружившая с Замятником, Иессеном, Артамоновым, она отстаивала интересы питерцев в Москве и внушала им, что москвичи вовсе не хотят подавить своих коллег с берегов Невы. Умела ладить Пассек и с директорами института историками Б.Д. Грековым и А.Д. Удальцовым, не знавшими нужд археологов, находила любезный прием у президента Академии С.И. Вавилова и вице-президента В.П. Волгина. Очень помогала и поддержка С.В. Киселева – заместителя директора, а по сути дела руководителя института.

Тогда же Татьяне Сергеевне поручили издание “Кратких сообщений ИИМК”. Все археологи знают эти серо-голубые книжки, но мало кто помнит, каким событием стал выход первого после войны выпуска XII, какое значение имели эти тетради в 1940–1950-х годах. До появления журнала “Советская археология” КСИИМК были основным печатным органом советских археологов. С регулярностью журнала они выходили по четыре выпуска в год, оперативно отражали полевые открытия и новые исследования.

Сначала Пассек значилась заместителем редактора, а редактором – тот или иной директор. После XX съезда партии редактором мог стать и беспартийный. С 1958 г. (вып. 71) и до конца дней Татьяна Сергеевна – полноправный редактор. Последний выпуск КСИИМК, на котором стоит ее подпись, – 120 – вышел после ее смерти в 1969 г. За 23 года она подготовила 109 книжек – целую библиотеку.

Справиться с таким объемом работы в одиночку было невозможно. Редколлегия носила парадно-представительный характер. Помощников Татьяна Сергеевна нашла среди институтской молодежи. В подготовке выпусков по славяно-русской археологии помогал А.Л. Монгайт, по скифо-сарматской – А.И. Мелюкова, по первобытной – я. В 1952 г. удалось взять в штат на пост ответственного секретаря издания Т.Г. Оболдуеву – участницу экспедиций Латынина начала 1930-х годов в Среднюю Азию – бесконечно преданного ему человека.

Сама Пассек опубликовала в КСИИМК много статей, главным образом о работе своей экспедиции. В первый раз после войны Татьяна Сергеевна выехала на Украину в 1945 г., проведя разведки по р. Рось. В 1946–1947 гг. были продолжены довоенные раскопки Владимировки. В экспедициях подрастали ученики Пассек – специалисты по Триполью: Т.Д. Белановская из Ленинграда,

Т.Г. Мовша из Киева, студентка МГУ Е.К. Черныш, надолго ставшая для Татьяны Сергеевны близким человеком.

Итоги довоенных исследований по Триполью Пассек подвела в докладе на Всесоюзном археологическом совещании 1945 г. (изданы материалы к нему) и в монографии “Периодизация трипольских поселений”. 27 апреля 1947 г. эта работа была защищена как докторская диссертация. Оппонентами были А.В. Арциховский, С.В. Киселев и С.П. Толстов. В 1949 г. книга вышла в серии МИА (№ 10), а в 1950 награждена Сталинской премией.

Со времени выхода книги прошло более полувека. Что-то в ней устарело, но как добротная сводка сделанного за предшествовавшие 50 лет, она сохраняет свое значение. Периодизация, намеченная Пассек при изучении трипольской керамики, полностью сохранила свою силу. Выделены этапы Триполья А, В и С и поздняя усатовская группа памятников (гамма). Много внимания уделено типам и планировке поселений, домостроительству. Книга хорошо иллюстрирована (100 таблиц, хотя цветная среди них лишь одна).

Б.А. Латынин, выпущенный в 1944 г. по инвалидности из концлагеря и получивший, благодаря помощи И.И. Мещанинова, место в Сызранском музее, жадно читал недоступную для него около десяти лет научную литературу. Труд старого друга он оценил так: “Результат очень кропотливой в первую очередь регистрации вещевого материала, когда о нем составляется не “общее впечатление”, увы, еще очень обычное в наших археологических штудиях..., [а результат] особого рода археологической арифметики и энного количества трудодней адовой и упорной систематической и единообразной работы” (Судьба ученого, 2000. С. 113).

Это очень верно. Я знал большинство сверстников Пассек. Преобладали люди, увлеченные полевой работой, разведками и раскопками, но не любившие возиться с собранными коллекциями, часто оставлявшие их совсем не разобранными. Такие археологи писали о своих первых полевых впечатлениях о материале, публиковали рисунки двух-трех разовых находок, чем и ограничивались. Людей, умевших трудиться и в поле, на раскопках, и в камеральной лаборатории, день за днем перебирая коллекции и вдумываясь в них, в 1940–1950-х годах было меньше. И Пассек в этом отношении была на большой высоте.

Таких археологов тогда упрекали в узости, приземленности. Даже Латынин в цитированном письме к Оболдуевой говорит, что книга Пассек скучна: основные выводы были сделаны еще в 1920–1930-х годах. Читатель не найдет здесь широких обобщений, исторической картины. Автор этого остерегался. Раздел о происхождении и

судьбах Триполья написан довольно невнятно. Сила работы не в этом.

Заговорив о Латынине, скажу о том, как сложились его отношения с Пассек в 1940–1960-х годах. На поселении он сразу же написал своим друзьям. Оболдуева откликнулась 18 марта 1945 г. Ответа же от Пассек, видимо, не было. 15 сентября 1945 г. Латынин справлялся о ней и судил о ее делах по публикациям (Судьба ученого, 2000. С. 76–84). В 1947 г. Латынин смог приехать в Москву. Тогда я его и увидел в обществе Татьяны Сергеевны. Должно быть, она не сразу решила, как вести себя с освобожденным, но все еще неполноправным старым товарищем. Позиция Мещанинова (в ту пору очень влиятельного, одного из немногих ученых, удостоенных звания Героя социалистического труда) показала, что, соблюдая осторожность, поддержать пораженного в правах коллегу можно. Пассек посылала ему в Сызрань продуктовые посылки, помогала денежно, способствовала защите его кандидатской диссертации в ИИМК. Свою старую работу о мировом древе (1933) Латынин защитил в 1948 г. Оппонентами были Т.С. Пассек и Б.А. Рыбаков.

Сразу после смерти Сталина директор Эрмитажа М.И. Артамонов взял Латынина в штат музея. Положение его улучшилось. И в 1956, 1957, 1959, 1960 гг. в КСИМК были опубликованы статьи Латынина.

1950 год – год награждения Сталинской премией – был апогеем в жизни Пассек. Однако в тот же год разразилась так называемая “Лингвистическая дискуссия”. После выступления Сталина марризм был осужден, и всем приверженцам его полагалось каяться. Среди московских археологов только Пассек работала непосредственно с Марром. Дирекция ИИМК требовала от нее статьи “О марровских ошибках в изучении трипольских племен”. И Татьяна Сергеевна, и ленинградские авторы тянули с подачей текстов. Сборник “Против вульгаризации марксизма в археологии” вышел уже после смерти Сталина, когда это в сущности перестало быть нужным. В статье Пассек критикует свой доклад 1940 г. о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна, а также работы Н.С. Державина, П.Н. Третьякова, Е.Ю. Кричевского, не затрагивая ни свой главный труд, ни старые статьи о чувашах и о Тристане и Изольде.

Неприятности преследовали и Гремиславско-го. Ему пришлось по сути дела расстаться с родным театром, перейдя на педагогическую работу. Далось это нелегко. Иван Яковлевич тяжело заболел и весной 1954 г. скончался.

Латынин, с увлечением вернувшийся к работе, не смог осуществить свои замыслы. Здоровье его было подорвано. После второго инсульта он стал полным инвалидом и в 1967 г. умер.

В 1962 г. не стало С.В. Киселева, всегда поддерживавшего Пассек. Она предполагала, что ей предложат освободившееся место заведующего сектором неолита и бронзового века ИА. Еще в 1951 г., когда Киселев получил пост в Президиуме АН СССР, стоял вопрос, что сектор передается Пассек. При его командировках в Китай она всегда замещала его. Но директор института Б.А. Рыбаков сделал заведующим сектором Е.И. Крупнова.

С 1957 г. стал выходить журнал “Советская археология”. Большинство специалистов предпочитали публиковаться там, а не в КСИА. Вначале Пассек была и в редколлегии СА, но в 1964 г. Рыбаков вывел ее из состава редколлегии, заменив тем же Крупновым.

Не берусь судить, чем определялось отношение Рыбакова к Пассек. Скорее всего в те годы, когда они познакомились, она не проявила к молодому археологу из чуждой ей среды должного уважения. В последние годы Татьяна Сергеевна опасалась, что Рыбаков предложит ей выйти на пенсию. Уверен, что Рыбаков этого не сделал бы. Но удержаться от того, чтобы ни унижить, оскорбить при случае нелюбимого человека он органически не мог.

Готовилась двенадцатитомная “История СССР”. Редактор первого тома – Рыбаков заказал статью о Триполье В.М. Массону: “Пассек может написать о черепках, а нужна история”. Подобные выпады безмерно травмировали Татьяну Сергеевну.

Чувствовала она и то, что былой монополизм в изучении Триполья утрачен. После присоединения к СССР Западной Украины на Днестр устремился С.Н. Бибииков, занимавшийся ранее каменным веком Крыма. Он раскопал поселение Лука Врублевецкая. Материал был для него незнакомый. Пытаясь в нем разобраться, Бибииков часто выдвигал сомнительные предположения. Поселение он объявил не трипольским, а дотрипольским, не земледельческим, а скотоводческим, не матриархальным, а патриархальным. Пассек это очень нервировало, но вступать в открытую полемику с ним она не решилась.

Примерно то же произошло с книгой А.Я. Брюсова “Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху” (1952). В ней среди прочего сделана попытка пересмотреть выводы Пассек о Триполье. То, что ранние поселения связаны с Поднестровьем, а поздние с Поднепровьем, свидетельствует о расселении трипольцев на восток, чего Пассек не уловила. Татьяне Сергеевне “Очерки” Брюсова не нравились, но дирекция ИИМК выдвинула их на Сталинскую премию и обязала Пассек и М.Е. Фосс напечатать положительные рецензии. С неохотой они это сделали, но премию Брюсову не присудили.

На Украине появилась группа людей, занявшихся Трипольем. Среди них были и дельные, но вверх рвался человек без научной подготовки и

склонный ко всяческим фантазиям – В.Н. Даниленко. Стоял вопрос о защите им докторской диссертации. Пассек предложили стать оппонентом. Ей очень не хотелось, но согласие она дала. Смерть избавила ее от лишнего компромисса.

В начале 1960-х годов к Триполью в связи с поисками истоков славянского язычества обратился сам Рыбаков. Пользуясь консультациями сына индолога, он стал расшифровывать семантику трипольского орнамента, исходя из мифологии древней Индии. Фантазий и здесь хватало. Чего стоят змеи, охранявшие трипольские посевы! Спорить с подобными фантазиями Пассек не решилась.

Было бы, однако, ошибкой говорить о 1950–1960-х годах как о времени спада научной деятельности Пассек. Напротив, в двух отношениях ей удалось тогда заметно продвинуться вперед. Еще в 1947 г. Татьяна Сергеевна приняла предложение Молдавского филиала АН СССР включить Молдавию в зону исследований Трипольской экспедиции. Сперва работы шли там параллельно с завершением раскопок Владимировки. Потом все силы были сосредоточены в Поднестровье.

Правобережье Днестра археологически было изучено слабо, а памятников ранних земледельцев здесь множество. За 1947–1965 гг. экспедиция исследовала такие выразительные памятники Триполья, как Бернова Лука, Солончены, Голерканы (стадия А), Поливанов яр (стадия В), Выхватинский могильник усатовского типа.

Еще важнее то, что удалось выявить памятники других раннеземледельческих культур, до того на территории СССР не известных. Интереснейшее поселение Флорешты, открытое в 1956 г., дало два слоя – нижний с линейно-ленточной керамикой и верхний – раннетрипольский. Поселения Болград в Одесской обл., Вулканешты и Озерное в Молдавии содержали комплексы культуры Гумельница.

В экспедиции участвовали давние помощники Пассек – Е.К. Черныш и А.И. Мелюкова и молодое поколение археологов – Н.К. Качалова, А.П. Погожева, Т.А. Попова, С.В. Студзицкая, В.С. Титов.

Итоги исследований Триполья на Днестре подведены в монографии Пассек “Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья” (МИА. 1959. № 84). Памятникам культуры линейно-ленточной керамики посвящен составленный вместе с Черныш выпуск серии САИ (1963. Б1–11). О других материалах увидели свет лишь предварительные сообщения. Наиболее важна статья “Новые открытия на территории СССР и вопросы поздне-неолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья” (СА. 1958. № 1).

По сравнению с публикациями 1930–1940-х годов эти труды отличаются гораздо более широким использованием зарубежной литературы.

После смерти Сталина железный занавес немного раздвинулся. Ученым стали предоставлять заграничные командировки. Находившиеся под советским протекторатом “страны народной демократии” оказались более доступными, чем страны “буржуазные”. И Татьяне Сергеевне удалось побывать в 1957 г. в Польше (с Б.А. Рыбаковым), в 1958 – в Румынии и Болгарии (с А.И. Мелюковой), в 1959 – в Чехословакии (с Н.Я. Мерпертом). Пассек руководила советско-румынским археологическим семинаром в Кишиневе в 1958 г. и в Бухаресте – в 1962. В 1962 г. вместе с Рыбаковым она участвовала в V конгрессе доисториков и protoисториков в Риме, где сделала доклад “Взаимоотношения между Западной и Восточной Европой в эпоху неолита”, а в 1963 г. как турист побывала в Париже.

Благодаря всему этому Татьяна Сергеевна познакомилась с рядом коллег, увидела много интересных для себя коллекций, смогла увязать собственные наблюдения с данными о культурах Центральной Европы. Зарубежные ученые в свою очередь убедились, что археологи СССР отнюдь не дикари: они целеустремленно работают, и со сделанным ими надо считаться.

И успешные раскопки на Днестре, и контакты с зарубежными коллегами сулили новый взлет в деятельности Пассек, но к середине 1960-х годов она была уже тяжело больна. Трипольская экспедиция продолжала работать под именем Пассек, но сама она выезжала в поле все реже и на все более короткие сроки. Раскопки вели Е.К. Черныш и В.С. Титов. Последний раз на Днестре Татьяна Сергеевна была в 1965 г.

В начале 1968 г. пришлось лечь в академическую больницу. Там 4 августа 1968 г. Татьяна Сергеевна скончалась. Она очень страдала физически и душевно. Надо было думать, как устроить жизнь беспомощной матери (ей суждено было пережить дочь менее чем на полгода). Прощание с покойной прошло в институте. Тело было кремировано, а урна с прахом захоронена в могиле И.Я. Гремиславского на Новодевичьем кладбище на участке МХАТ.

С научным наследием Пассек дело обстоит неважно. Среди ее бумаг, поступивших в архив ИА, нет не только личной переписки, но и научных материалов, полевой документации, картотек, фотографий, зарисовок, неопубликованных рукописей. Работы Трипольской экспедиции прекратились в 1987 г., когда дирекция вывела на пенсию Е.К. Черныш. Через год та же участь постигла занявшуюся Триполем в конце жизни Пассек А.П. Погожеву. В 1990 г. умер В.С. Титов. Материалы раскопок 1960-х годов, прежде всего во Флорештах, не были доведены до печати.

Центр изучения Триполья теперь уже не ИА РАН, а институты археологии Украины и Молдавии. Это, может быть, естественно, и все же жаль,

что деятельность Пассек после ее смерти не нашла продолжения в Москве.

Как же видится эта деятельность сегодня – через 100 лет после рождения и 35 лет после смерти Пассек? Она была высококвалифицированный археолог, достойная ученица А.А. Спицына и А.А. Миллера. Именно археолог, а не “историк материальной культуры” в том значении, какое пропагандировалось в ГАИМК 1930-х годах. Небезынтересные, но слабо обоснованные социологические построения тех лет не пленили Татьяну Сергеевну. Она была приверженцем фактов, любила и умела работать и в поле, в экспедициях, и в камеральной лаборатории с материалами раскопок. Это и дало долголетие ее трудам. Она типолог, мастер археологической классификации, что для советской археологии большая редкость.

Исторические построения Пассек не производят сейчас сильного впечатления. Пожалуй, не проявила она себя и в анализе трипольской глиняной пластики и орнаментики с точки зрения искусства.

Редким для ее времени было хорошее знание зарубежной литературы, умение работать на европейском научном уровне. Помимо выдающихся полевых открытий, методики раскопок поселений с глинобитной архитектурой нельзя забывать и о роли Пассек как редактора “Кратких сообщений”, долго остававшихся основным печатным органом наших археологов.

Ну а что касается человеческих слабостей, то Татьяна Сергеевна была наделена ими в той же мере, как и любой из нас. Многое определялось той эпохой, когда ей суждено было жить и работать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [Евтюхова Л.А.] Памяти Татьяны Сергеевны Пассек // СА. 1969. № 2.
- Магура С.С. Дослідження т.зв. трипільської культури // Наукові записки Інституту історії матеріальної культури Української Академії Наук. Кн. 3–4. Київ, 1935.
- Мерперт Н.Я. Пассек Татьяна Сергеевна // Институт археологии. История и современность. М., 2000.
- Научная деятельность Т.С. Пассек // КСИА. 1970. Вып. 123.
- Пассек Т.С. Новые исследования в области трипольской культуры в СССР // СА. 1937. Т. III.
- Платонова Н.И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Археология и социальный прогресс. Вып. I. М., 1991.
- Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина. СПб., 2000.
- Черныш Е.К. К шестидесятилетию Татьяны Сергеевны Пассек // СА. 1963. № 3.
- Passek T.S. La céramique Tripolienne // ИГАИМК. 1935. Вып. 122.

АННЕ ЕПИФАНОВНЕ АЛИХОВОЙ 100 ЛЕТ

© 2003 г. Р. Ф. Воронина

Институт археологии РАН, Москва

В 2002 г. Анне Епифановне Алиховой исполнилось бы 100 лет. Она была моим научным руководителем, другом и второй матерью. Она принадлежит к той плеяде крупнейших археологов XX в., влюбленных в свое дело и преданно служивших ему, которые создали советскую и современную российскую археологию. Ее научные интересы охватывали широкий круг проблем от неолита и бронзы до средневековья.

Алихова родилась в Москве 14 июля 1902 г. Отец ее был банковским служащим, а мать имела небольшую швейную мастерскую, которая располагалась на той же лестничной площадке, где была их квартира. После революции 1917 г. она была уплотнена и превратилась в коммунальную. В этой квартире в старинном двухэтажном доме на Малой Лубянке прошло детство и большая часть жизни Анны Епифановны.

В 1917 г. Алихова окончила гимназию и поступила на физико-математический факультет Московского университета. В этот период при МГУ существует Отделение антропологии и этнографии. С 1922 г. Анна Епифановна принимает активное участие в экспедициях этого Отделения под руководством профессора Б.С. Жукова. Вместе с молодыми людьми, в недалеком будущем знаменитыми археологами, Екатериной Ивановной Горюновой и Отто Николаевичем Бадером и др., она участвовала в обследовании Ветлуги. В 1930 г. Алихова экстерном заканчивает кафедру антропологии. Всю жизнь Алихова с большой теплотой вспоминала своего руководителя Б.С. Жукова, а себя называла его ученицей – жуковкой. После окончания университета она работает в областном краеведческом музее, с 1934 по 1935 гг. – в МОГАИМК, а в 1935–1938 гг. – в ГИМе. В 1938 г. Анна Епифановна начинает работать лаборанткой на кафедре археологии истфака МГУ. Вместе с Артемием Владимировичем Арциховским она принимала участие в создании Кабинета археологии, хорошо известного всем выпускникам истфака в старом здании МГУ на ул. Герцена, 5. Во время Великой Отечественной войны семья Алиховых была эвакуирована в Ташкент, а после возвращения из эвакуации в 1943 г. Алихова поступает в аспирантуру ИИМКа. В 1947 г. она оканчивает аспирантуру и защищает диссертацию на тему “Древние мордовские могильники X–XIV вв.”.

Эта была блестящая работа, написанная на основе анализа материалов Лядинского и ряда других могильников. Алихова скрупулезно исследует каждый могильник, каждую категорию вещей, создавая их типологию и хронологию. Эта хронология не утратила своей актуальности вплоть до наших дней. Работа была построена на анализе археологического материала и письменных источников. Большое место в ней было отведено проблеме возможности отождествления мордвы-мокши с племенем буртасов. Этот тезис нашел своих сторонников после выхода в свет работы В.В. Гольмстен “Буртасы” (вып. XIII, КСИИМК). Еще И.Н. Смирнов, а затем А.Н. Грен отвергли отождествление буртасов с мордвой. Вслед за ними Алихова при работе над источниками обнаружила ряд несоответствий и связала проблему

буртасов с проблемой местонахождения центра Хазарского каганата, города Итиля. Грен предположил, что Волга в низовьях прежде имела иное течение, свидетельством чему может служить старое русло, которое идет от Ахтубы к Северному Кавказу и оканчивается у Кумы, недалеко от Маджарских развалин. Анализируя древние источники, начиная с Флавия и Аммиана Марцела, а также геологические карты с аллювиальными отложениями, Алихова пришла к выводу, что древние авторы, указывая, что Танаис берет начало с Рифейских (Кавказских) гор, отождествляли Танаис с Западным Манычем, более полноводным в те времена. Говоря о местоположении столицы Хазарского каганата Итиле, Алихова приводит сообщение переселившихся в эти места в XVIII веке калмыков, которые называли это русло руслом Итиля. В связи с этим Итиль следует искать не около Астрахани, а на реке Куме. По мнению Алиховой, приведенные данные вполне согласуются с ответным письмом Хазарского кагана Иосифа испанскому еврею, в котором он перечисляет народы, живущие по реке Итиль и платящие ему дань. Это перечисление начинается с юга упоминаются Бур-гас, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис. Важно уже само расположение буртас по соседству с болгарами, но не с волжскими, а скорее с теми, которые жили в степях у Меотиды, у Предкавказья. Они остались на старом месте после ухода основной массы на север по Волге и образовавших там Волжскую Болгарию. Это один из аргументов, выдвинутых Алихова против отождествления мордвы-мокши и буртасов. Вторым аргументом было ретроспективное исследование могильников мордвы XVI–XVII вв. и могильников мордвы-мокши X–XIV вв., обнаружившими большое сходство с последними. После защиты кандидатской диссертации с 1950 по 1956 г. она руководит отрядом, занимающимся исследованием памятников эпохи неолита и бронзы и раннего железного века, находящихся в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Алихова была неутомимым полевым исследователем, знатоком археологии и создателем собственной методики раскопок. В этот период она не только копает разнообразные памятники, но анализирует и публикует их в МИА, КСИИМКах: “Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области”, “Комаровские поселения у Моечного озера (по материалам Куйбышевской экспедиции)”, “Авдеевское селище и могильник”. В этот же период Алихова проводит исследование Курского Посеймья и знаменитых памятников этого региона: Кузиной горы, Лысой горы, Переверзева. Обширные коллекции с Кузиной горы хорошо помнят сотрудники института. Археологам хорошо знакомы и публикации этого уникального памятника раннего железного века: “Особый тип сооружений на городище “Кузина гора””, “Древние

городища Курского Посеймья”, “К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова” и др.

Она была своего рода новостроечницей. Была в числе людей, проводивших исследования культурного слоя Москвы, при строительстве Московского метрополитена, а также на строительстве канала Москва–Волга.

Однако при всем многообразии интересов Алиховой, при всей широте круга проблем, которыми она занималась, особое место в ее работе занимала археология мордовского народа. Ею исследованы и опубликованы древности Пиремчалковского, Серповского могильников, могильников у поселка Красный Восток и могильника Кошибеевского типа у села Польно Ялтуново. Она принимает активное участие в подготовке кадров и в создании научной, основанной на фактах, древней истории мордовского народа. В 1959 г. выходит в свет ее обобщающее фундаментальное исследование “Из истории мордовских племен конца I – начала II тысячелетия”, где она дает картину развития этих племен, их ремесел, военного дела, проследила распад родовых отношений и зарождение в недрах старого родового строя новых феодальных отношений. Особое место в научных интересах Алиховой занимало исследование города Наровчата – Мухши древней мордвы, а затем и татарской резиденции. Она посвятила ему целый ряд статей: “Мавзолеи города Мухши-Наровчата”, “Мавзолеи и бани города Мухши” и др. В 1961 г. она проводит разведки по Мордовии, обследует большое количество поселений и городищ-твердей древней мордвы, начинает раскопки Кельгининского могильника.

Выйдя на пенсию в 1963 г., Алихова не оставляет любимого дела и продолжает активно работать. В 1965 г. она приступает к подготовке публикаций материалов из мордовских Цнинских могильников, оставленных энтузиастом краеведом и археологом П.П. Ивановым. В работе “Средне-Цнинская мордва VIII–XI вв.” Алихова пришла к выводу о том, что на среднем течение Цны обитало древнемордовское племя, неизвестное по письменным источникам. При публикации она приводит массу аналогий и дает датировку большим категориям вещей. Исследования Алиховой отличает большая точность, скрупулезная подробность описания и обоснованность выводов. Ее вклад в различные области археологической науки очевиден, а ее работы широко используются, и в этом отношении ее научная жизнь никогда не прерывалась.

Сейчас, когда ушли из жизни ее сверстники, любовно называвшие ее наша “Анфан”, все меньше и меньше остается коллег, знавших ее как человека. Мне, связанной с А.Е. Алиховой 40-летней дружбой, хочется рассказать о ней не

только как о большом ученом, но и как о человеке.

Мы познакомились с ней летом 1956 г., когда я, студентка истфака, пришла устраиваться к ней в археологическую экспедицию. Это была красивая, немолодая женщина с белоснежной кожей с легким румянцем на щеках, с яркими губами, никогда не тронутыми помадой, и с удивительно бархатистыми карими глазами. Черные волосы ее были собраны в пучок. У нее был тихий голос и что-то спокойное во всей манере держаться. Такой я ее и запомнила.

В Курской экспедиции, а затем и в Мордовии я узнала ее ближе, и мы стали друзьями. Она была очень доброй и отзывчивой к людям, готовой, не дожидаясь просьбы, помочь. Алихова никогда не выходила из себя, всегда была сдержанна и убедительна. Ее семья отличалась гостеприимством.

У нее было много друзей. Очень часто, придя вечером к ней домой, мы обнаруживали чей-то чемодан, принадлежащий кому-то приехавшему из провинции. Соседи, зная, где лежат ключи, открывали дверь приехавшему, ставили чемодан, а поздно вечером мы узнавали, кто же приехал и кому он принадлежал. Алихова была увлеченным, много знающим человеком, и научные разговоры продолжались далеко за полночь.

Несмотря на тяжелую, продолжительную болезнь (с 1979 г. Анна Епифановна была прикована к постели), она по-прежнему оставалась внимательной, чуткой собеседницей, сердечным человеком, не утратившим интереса ко всему, что было связано с ее родным институтом и любимым делом – археологией. Такой она и осталась в нашей памяти.

НОВЫЕ САРМАТСКИЕ ТАМГИ В ПОДОНЬЕ

© 2003 г. А. С. Скрипкин*, В. В. Дворниченко**

* Волгоградский государственный университет

** Институт археологии РАН, Москва

В 1964 г. Астраханской экспедицией, руководимой В.П. Шиловым, были начаты раскопки курганного могильника у станции Жутово Октябрьского района Волгоградской области, который состоял из нескольких десятков курганов, цепью вытянувшихся по террасе вдоль правого берега реки Аксай, левого притока Дона.

В одном из курганов (№ 12) был обнаружен предмет, который в отчете о раскопках описан следующим образом: “костяное навершие, изготовленное из подквадратной в сечении трубчатой кости животного. Один конец навершия моделирован в виде сильно стилизованной головы лося с длинными треугольными ушами. Глаза, рот, ноздри не обозначены. На втором конце навершия отверстие (имелась ввиду втулка. – А.С.; В.Д.) Длина навершия 13.1 см, сечение 1.9 × 1.5 см” (Шилов, 1964). Втулка широкая (1.6 × 1.1 см), глубина ее 3.5 см, отверстий для закрепительных штифтов нет.

В настоящее время эта находка хранится в Астраханском краеведческом музее (АКМ 17757/18). При передачи вещи В.П. Шилов назвал ее рукоятью ножа. Внимательный осмотр ее позволяет говорить о достаточно высокой квалификации мастера, который сумел передать реалистическое изображение “лося” с прижатыми к шее ушами. Ручка как бы изображает вытянутую шею зверя, находящегося в состоянии быстрого бега или прыжка (рис. 1, 1). Была выявлена и еще одна весьма любопытная деталь, о которой в отчете ничего не говорится. На поверхности костяного “навершия” были нанесены семь (может быть, восемь) тамгообразных знаков, отдельные из которых просматриваются достаточно слабо, поскольку кроме одного изображения, процарапанного достаточно глубоко на поверхности под нижней челюстью, все остальные прорисованы тонкой иглой (рис. 1, 2–8). И хотя эта вещь была найдена во время раскопок уже почти 40-летней давности, обнаруженные на ней изображения тамг мы относим к новым открытиям, поскольку распознаны они были буквально в последнее время.

Время этой находки ориентировочно можно определить как по данным самого кургана № 12, так и курганов, располагавшихся в непосредственной близости от него. Курган № 12 имел высоту 0.5 м и наибольший диаметр по линии З–В 20 м.

В центре его находилась подпрямоугольной формы могильная яма, которая была окаймлена выкидом из материковой глины. Размеры ямы по дну 2.30 × 2.10 м, длинной осью она ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Глубина ее от уровня погребенной почвы 1.5 м. Погребение оказалось ограбленным. В засыпи ямы встречались кости от двух скелетов взрослых людей. В одной из них, в правой бедренной кости, обнаружен застрявший трехгранный железный черешковый наконечник стрелы. Кроме того, в засыпи найдены серебряные бляшки и обломок железной скобы. На дне могилы в северо-восточном углу *in situ* находились кости голени и стоп взрослого человека, позволяющие говорить, что погребенный лежал на спине вытянуто по диагонали ямы головой на ЮЗ. Слева от ног этого костяка у стенки как раз и найдено описанное выше костяное “навершие”. Справа от места, где должен был находиться череп погребенного, найден железный нож с черенком, на котором сохранились следы дерева. Длина ножа 14.5 см.

Вдоль северо-западной стенки ямы лежал второй, частично разрушенный костяк взрослого человека, головой ориентированный на ЮЮЗ. У него отсутствовали: череп, кости правого предплечья, таза и большая часть правой бедренной кости.

Между обоими костями в анатомическом порядке на дне ямы лежали два позвонка человека, что позволило автору отчета высказать предположение о возможном присутствии здесь еще и третьего погребенного. Однако достаточно уверенно можно говорить о наличии в могильной яме двух погребенных, один из которых был положен по диагонали ямы и, видимо, занимал главное положение; второй, располагавшийся вдоль стенки, – подчиненное.

Сарматские погребения в квадратных ямах с диагональным положением костяков в Волго-Донском регионе широкое распространение получают в I–II вв. (Скрипкин, 1997. С. 65–69). Материал самого погребения из кургана № 12 не дает возможности уточнить время его сооружения. В этой же части Жутовского могильника находилось еще несколько курганов с квадратными ямами и диагональным положением в них погребенных (№ 1, 2, 3, 10). Они сближаются с курганом № 12 размерами насыпей и материковыми выки-

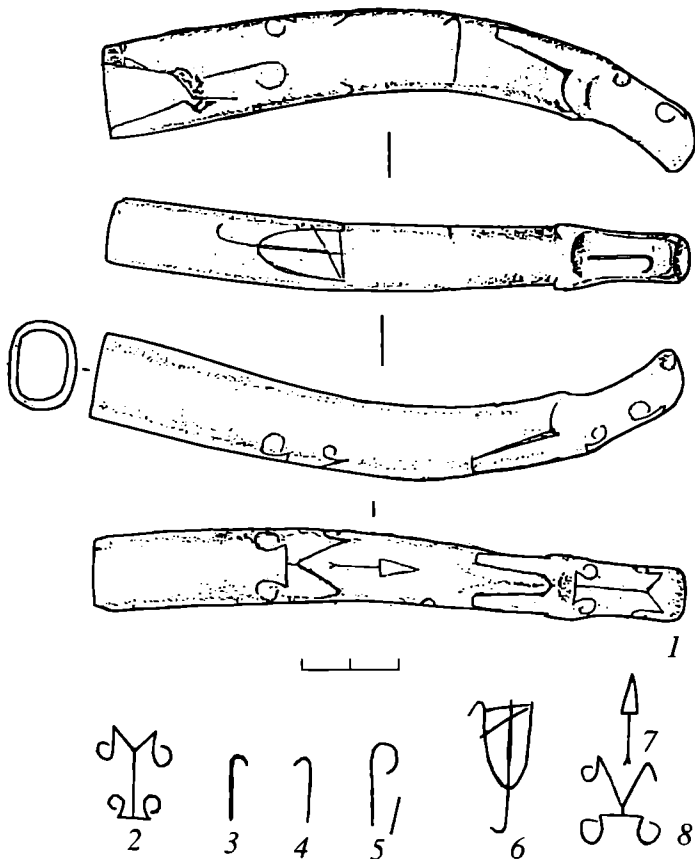

Рис. 1. 1 – костяное “навершие” из Жутовского кургана № 12; 2–8 – тамги, изображенные на “навершии”.

дами вокруг ям. Материалы этих курганов дают более точное представление о времени их возведения. В них, в частности, прослеживается ряд черт, характерных для позднесарматской культуры. Так, в кургане № 1 череп погребенного был искусственно деформирован, а в кургане № 2 погребенный был ориентирован головой на север. В курганах № 2 и 10 обнаружены курительницы кубической формы, часто встречаемые в позднесарматских комплексах. Сочетание этих черт с диагональным положением погребенных, как правило, в подквадратных ямах наиболее характерно для II в. н.э. (Скрипкин, 1997. С. 69). Найденные в курганах № 2 и 3 бронзовые профилированные фибулы позднего варианта, скорее всего, свидетельствуют о середине – второй пол. II в. н.э. (Скрипкин, 1977. С. 113). Видимо, к этому времени и относится сооружение указанных курганов в могильнике с диагональным положением погребенных, в том числе и кургана № 12.

В отчете, как уже говорилось, интересующий нас костяной предмет назван навершием без уточнения, хотя при передаче в фонды музея автор раскопок определил его как рукоять ножа. Аналогичный предмет из рога с изображением головы “лошади” (определение В.П. Шилова) был найден той же экспедицией и в том же году в погребении кургана № 7 могильника Капитанский хутор в Астраханской области (рис. 2). Он также хранится

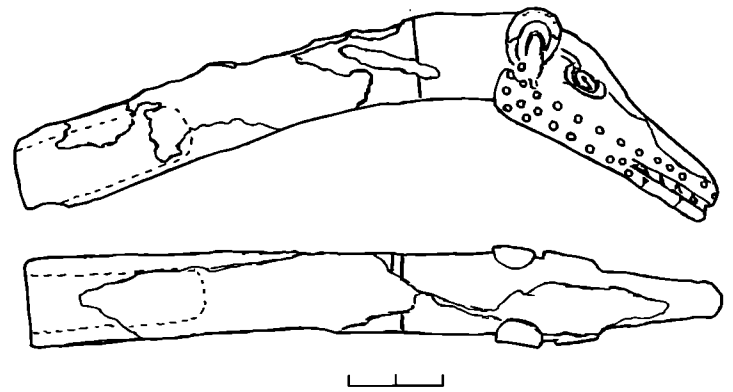

Рис. 2. Костяное “навершие” из погребения кургана № 7 у хут. Капитанского.

в Астраханском музее (АКМ ВХ 1501), его размеры ненамного отличаются от жутовского “навершия” (длина – 15.5 см; сечение 2×1.9 см, сечение втулки 1.4×1.3 см; глубина втулки 4 см; отверстия для закрепительных штифтов отсутствуют). Хотя предметы очень похожи, можно усомниться в видовом определении животного на рукояти из Капитанского: этому не соответствует изображение уха, глаза и зубов во рту травоядного животного (о редчайших случаях подобных изображений мы упоминали ранее – см.: Дворниченко, 2000. С. 155). Судя по описанию, погребение из кургана № 7 у хут. Капитанского гораздо старше жутовского погребения. Наличие в нем частей туши лошади в качестве ритуальной пищи, большого (диаметр 16.8 см) бронзового плоского зеркала с ручкой, расширенной книзу (длина ручки – 13.7 см), такого же зеркала, но меньших размеров (диаметр – 13.5, длина ручки – 10.5 см), двух бронзовых браслетов с концами в виде стилизованных головок хищников, бронзового наконечника стрелы и некоторых других вещей, при южной ориентировке погребенных, может свидетельствовать о времени, примерно, IV–III вв. до н.э. (Шилов, 1964. С. 17–22).

На наш взгляд, эти костяные предметы могли бы быть и ручками ножей. В том и другом погребениях были найдены лезвия железных ножей в целом и фрагментированном состоянии. В качестве аналогий сарматским находкам можно указать целую серию рукояток ножей из кости, окончания которых оформлены в виде голов медведя, лося, волка из городищ и могильников ананьинской культуры VI–III вв. до н.э. территории Волго-Камья (Васильев, 2001. С. 77–80. Рис. 2). Однако этому противоречит наличие в ряде случаев деревянных рукоятей, отсутствие отверстий для штифтов, крепящих железный предмет в кости и очень широкие и неглубокие втулки, а также тонкость стенок втулок. Не исключено, что в сарматских погребениях эти вещи могли являться и рукоятками плеток. Само изделие из кости с изображением головы лося из Жутовского кургана выглядит несколько архаично для первых веков

н.э. Кость, как материал для изготовления вещей, выполненных в зверином стиле, не типична для сарматских памятников этого периода, чаще для этой цели она использовалась в скифское время. Возможно, эта рукоять, являющаяся частью какого-то предмета, длительное время находилась в употреблении и сменила не одного хозяина.

Значительный интерес представляют тамги, изображенные на рукояти. Они располагались на ней следующим образом: тамга (рис. 1, 2) была нанесена на морду лося сверху; тамги (рис. 1, 7, 8) – на шею сверху; (рис. 1, 3) – на нижней челюсти; (рис. 1, 4, 5) – на шею справа; (рис. 1, 6) – на шею снизу, возможно, остаток еще одной тамги помещался рядом с тамгой 5, от которой осталась лишь одна короткая черта (ниже втулка оказалась разрушенной).

Отдельные из этих тамг достаточно известны и имеют широкий ареал распространения в сарматское время (рис. 1, 3–5, 7), другие не находят абсолютно точных аналогий, но обнаруживают близкое сходство с изображением тамг Средней Азии и Северного Причерноморья (рис. 1, 2, 8). Несколько обособленно стоит тамга, изображенная на шее снизу (рис. 1, 6). По линии верх–низ она сориентирована, как и другие тамги, по самой рукояти, голова которой является ее верхней частью. Однако наиболее близкие к ней образцы, известные нам по специальным изданиям, обычно изображаются в обратном ракурсе.

Тамги в виде крючка (рис. 1, 3–5) известны на территории Монголии, в различных районах Средней Азии, в Иране, на Нижнем Дону и Кубани, в различных пунктах Северного Причерноморья (Драчук, 1975. Табл. III, 42; XXXVII, 176, 177; XLVI, 44; Яценко, 1993. С. 60–72. Рис. 2; Ольховский, Яценко, 2000. С. 302, 303. Рис. 5, III, A2; Яценко, 2001. Рис. 4, 5, 6, 12; 14, J; 17, IIIa, 2; 28, I, 37, IV, 141; 33, d 8, 35, 109). Примерно в том же обширном ареале, но несколько реже, встречается изображение тамги в виде стрелки, (близкие тамги известны и в более позднее время, например, у средневековых алан (Драчук, 1975. Табл. IX, 604; Яценко, 2001. Рис. 32, 55; 35, 76; 36, 95). На жутовской тамге конец древка стрелки раздвоен, что может расширить круг непрямых аналогий (Яценко, 2001. Рис. 32 в, 53, 54; 35 с, 70).

Наиболее близкой, хотя и не идентичной, аналогией, которую удалось подобрать тамге на жутовской рукояти (рис. 1, 2), является тамга из серии знаков сасанидского Ирана (Драчук, 1975. Табл. XXVI, 26). Гораздо чаще встречаются изображения тамг, близкие жутовской (рис. 1, 8). Они известны на территории Средней Азии (Бактрия, Кангюй) и Северного Причерноморья (Драчук, 1975. Табл. VI, 388; Яценко, 1993. Рис. 2; Симоненко, 1999. С. 114). Изображение тамгообразного знака на жутовской костяной рукоятке (рис. 1,

б) дано, видимо, в перевернутом виде. Не исключено, что на него наложилась другая тамга в виде “единицы”, изображение которой известно на территории Сарматии (Яценко, 2001. Рис. 4, 13; 5, 80). Если убрать предполагаемую наложившуюся тамгу, то мы получим изображение тамги, в перевернутом виде встречающееся на территории Хорезма и Центральной Монголии (Яценко, 2001. Рис. 27, 104; 35, 138–140). Возможно, однако, что это единая тамга, представляющая собой редкий вариант.

К настоящему времени тамгам, в том числе и сарматским, посвящена достаточно обширная литература. При определенных сложностях решения многих проблем, связанных с их генезисом, характером распространения, интерпретацией смыслового значения, исследователи, опираясь на этнографический материал, полагают, что тамги сарматского времени должны свидетельствовать, в первую очередь, о принадлежности к определенному коллективу, которым могли быть семья, род, клан, племя, племенная группа (Ольховский, 2001. С. 107; Яценко, 2001. С. 11–26). Тамги, таким образом, при дальнейшей разработке методики их исследования все больше становятся ценным историческим источником в изучении таких сложных вопросов истории сарматов, как происхождение отдельных их объединений, их политической истории, характера собственности и других, которые зачастую не находят положительного решения на основе только лишь археологических материалов.

Сходство тамг в сарматское время от Монголии до Северного Причерноморья в определенной мере свидетельствует о взаимосвязи на этой огромной территории этноисторических процессов, о родстве отдельных группировок кочевников и их миграциях зачастую на большие расстояния, что в общем-то находит подтверждение и в источниках других типов (Габуев, 1999; Скрипкин, 2000. С. 17–33; Гутнов, 2001).

В отношении тамг, изображенных на рукоятке из Жутовского кургана № 12, хотелось бы обратить внимание на следующий интересный факт: часть из них (рис. 1, 3–5, 8) аналогичны тамгам, происходящим из кургана № 28 этого же могильника. Находки из этого кургана уже достаточно известны специалистам. Под насыпью кургана № 28 находилась большая яма подквадратной формы, оказавшаяся ограбленной. Однако сохранившаяся незначительная часть вещей свидетельствует о богатстве этого захоронения. Здесь были обнаружены конская узда с фаларами, выполненными в золотобирюзовом стиле, и великолепный набор серебряной посуды. Все это говорит о том, что данное погребение принадлежало одному из высших представителей сарматской знати, видимо, того же статуса, что и погребенные в ряде других курганов Нижнего Дона, именуемых “цар-

скими". Тамги в кургане 28 были нанесены на серебряные тарелку и чашу (Мордвинцева, 2000. Рис. 1 в, г, д; 2 б). Тамга на чаше близка изображению тамги на костяной ручке из кургана № 12 (рис. 1, 8), хотя и имеет некоторые отличия (отсутствует закругленный конец на левом верхнем крюке, а правая планка не имеет крюка). Одна из тамг, нанесенных на тарелке, является прямой аналогией трем тамгам на той же рукоятке (рис. 1, 3–5), особенно близка она тамге 5 с закругленным окончанием.

В.П. Шилов датировал сооружение кургана № 28 первой пол. I в. н.э. (Шилов, 1973. С. 62). В.И. Мордвинцева, специально изучавшая набор серебряной посуды из этого кургана, пришла к заключению, что он формировался в течение длительного времени со II в. до н.э. по I в. н.э. (Мордвинцева, 2000. С. 152). Достаточно уверенно можно считать, что погребение из кургана № 28 датируется I в. н.э., по крайней мере не позже этой даты. Погребение же в кургане № 12, если только мы правильно определили его время, было сооружено позже, возможно, разница между ними колеблется в пределах века. Таким образом, сарматские погребения Жутовского могильника I–II вв. н.э. принадлежали одной группировке кочевников, использовавших одни и те же тамги, некоторая часть из них, видимо, принадлежала господствующему роду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев С.В.* Предметы неизвестного назначения из фондов Казанского музея // *Евразия сквозь века.* СПб., 2001.
- Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.
- Гутнов Ф.Х.* Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
- Дворниченко В.В.* Новые поступления в составе Хошеутовского комплекса уздечных принадлежностей // *Скифы и сарматы в IV–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология.* М., 2000.
- Драчук В.С.* Система знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.
- Мордвинцева В.И.* Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово // *РА.* 2000. № 1.
- Ольховский В.С.* Тамга (к функции знака) // *ИАА.* 2001. Вып. 7.
- Ольховский В.С., Яценко С.А.* О знаках-тамгах на святилище Байте III на Устьюрте (предварительное сообщение) // *Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии.* М., 2000.
- Симоненко О.В.* Сарматське поховання з тамгами на території Ольвіської держави // *Археологія.* 1999. № 1.
- Скрипкин А.С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // *СА.* 1977. № 2.
- Скрипкин А.С.* Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.
- Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // *НАВ.* 2000. Вып. 3.
- Шилов В.П.* Отчет о работе Астраханской экспедиции за 1964 год // *Архив ИА РАН.* 1964. Р–1. № 3156.
- Шилов В.П.* К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // *КСИА.* 1973. Вып. 138.
- Яценко С.А.* Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // *ПАВ.* 1993. Вып. 3.
- Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов // *Древности раннего Средневековья.* М., 2001.

О РАЗГРАБЛЕНИИ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

© 2003 г. М. Б. Рысин, А. В. Субботин, С. В. Красниенко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

В 2002 г. Северокавказская экспедиция ИИМК РАН (начальник экспедиции к.и.н., н.с. ИИМК РАН М.Б. Рысин) продолжила паспортизацию на территории Карачаево-Черкесской Республики. Экспедиция зафиксировала 150 памятников археологии: 115 курганных могильников и одиночных курганов (300 курганов); 6 грунтовых могильников; 9 городищ; 20 поселений и усадеб. Памятники были выявлены в результате инвентаризации 1994 г. (под руководством н.с. ИИМК РАН М.Б. Рысина) и разведок 2000–2002 г. На каждом памятнике были проведены инструментальная съемка, фотофиксация его совре-

менного состояния и первичное описание. Все памятники были привязаны к системе географических координат при помощи прибора спутниковой навигации Garmin III и Global Positional System (GPS). За 2000–2001 гг. сотрудниками Северокавказской экспедиции ИИМК РАН были подготовлены и сданы в ГИОПИК КЧР паспорта еще на 150 памятников археологии. Всего за три сезона паспортизацией охвачено 300 памятников археологии. Такая работа в КЧР проводится впервые. В результате предварительных разведок и инвентаризации выявлено более 1000 памятников археологии, хотя известно, что это

Рис. 1. Карачаево-Черкесская Республика. Грунтовый могильник Усть-Джегута 2. Бульдозерная траншея с разграбленными погребениями в каменных ящиках. Вид с юга.

лишь малая часть памятников культурно-исторического наследия Республики.

Маршруты разведок этого года пролегли в основном по территории Усть-Джегугинского р-на: по левому берегу р. Кубань, от балки Байтал-Чапхан до хутора Псынодаха (вдоль дороги на гипсовый карьер); по правому берегу р. Кубань, от плотины Большого Ставропольского канала на южной окраине г. Усть-Джегутинск до скалы Токмак-кая; на плато Скалистого хребта, от аула Гюрюльдеук до обрыва Скалистого хребта (вдоль дороги на маслозавод).

Выяснилось, что большинство памятников археологии находится в аварийном состоянии. Отмечена опасная тенденция ухудшения их сохранности. Бросается в глаза прежде всего ужасная ситуация с разграблениями курганов. Памятники, особенно вокруг населенных пунктов, ограблены тотально. Судя по размерам шурфов (глубиной до 5 м), грабители работали регулярно и не спешили. В шурфах найдены бутылки с фитилем (для освещения грабительской ямы). Иногда грабители использовали экскаватор на базе трактора «Беларусь». Особенностью нынешнего сезона является то, что впервые весной 2002 г. три крупных кургана были разрушены грабителями уже с применением бульдозера (рис. 1, 2).

Грабители изъяли из сотен разрушенных могил сопровождающий погребенных инвентарь, представляющий не только высокую научную, но и значительную материальную ценность. Это украшения из золота, серебра, полудрагоценных камней, монеты, оружие и орудия из бронзы и железа, античные краснолаковые и стеклянные со-

суды и др. Трудно дать даже приблизительную оценку стоимости этих артефактов. Судя по настойчивости грабителей, плановости их деятельности и ее широком размахе, грабежи могил в КЧР – это результат деятельности хорошо организованных и технически экипированных групп (а не одиночек-гробокопателей). Следовательно, можно допустить, что организаторы этого преступного промысла нашли каналы сбыта награбленного антиквариата. Поскольку устойчивый спрос на подобные артефакты существует за пределами России, большинство ценностей, вероятно, уходит за границу.

Наши наблюдения в течение 3 лет выявили тревожную динамику грабежей памятников археологии в Усть-Джегугинском р-не КЧР. В 1994 г. у правого берега водохранилища (южнее плотины БСК) было обнаружено 56 курганов, 5 из которых были разграблены (9% от общего количества курганов). В 2002 г. в том же регионе обнаружено 58 курганов, 30 из которых разграблены (50%). У пос. Важное, по обеим сторонам р. Кубань, в 1994 г. было найдено 52 кургана, 2 из них разграблены (4%). В 2002 г. здесь обнаружено 66 курганов, 20 из которых разграблены (30%). На плато Скалистого хребта вдоль дороги на маслозавод в 1994 г. найдено 70 курганов, 1 из которых разграблен (1%). В 2002 г. на этом плато обнаружено 93 кургана, 8 из которых разграблены (9%). Всего в этих трех микрорегионах в 1994 г. из 178 зафиксированных курганов 8 были разграблены (4%), а в 2002 г. из 217 курганов уже 58 (27%). За 8 лет количество разграбленных курганов увели-

Рис. 2. Карачаево-Черкесская Республика. Курганный могильник Усть-Джегута 17. Курган 1, разрушенный грабителями с применением бульдозера. Вид с юго-запада.

Рис. 3. Карачаево-Черкесская Республика. Одиночный курган Усть-Джегута 15. Грабительский шурф, вырытый экскаватором. Вид с севера.

чилось в 7 раз и достигло трети от общего количества насыпей.

Эта динамика выглядит еще ужаснее, если рассматривать только памятники в долине р. Кубань вблизи от населенных пунктов. Так, южнее г. Усть-Джегутинска доля разграбленных курганов выросла с 9 до 50%, а у пос. Важное доля оскверненных гробкопателями памятников увеличилась с 4 до 30%. Иными словами, возле г. Усть-Джегутинска и пос. Важное за последние 10 лет

грабителями разрушено от трети до половины всех памятников археологии, и, к несчастью, их преступная деятельность продолжается совершенно безнаказанно (рис. 3). Обнаглевшие от такой безнаказанности вандалы разрывают древние могилы уже открыто, не скрываясь, используя бульдозеры и экскаваторы. Причем подобная ситуация сложилась не только в Усть-Джегутинском, но и в других районах КЧР. По сообщению сотрудника Государственной инспекции по охра-

не и использованию памятников истории и культуры Ю.И. Енченко, в Малокарачаевском р-не, в долине р. Подкумок и на плато Бийчесын курганы также подвергаются тотальному разграблению, в том числе с применением экскаваторов и бульдозеров. Если ситуацию не переломить, то через десяток лет в Карачаево-Черкесской Республике **большинство памятников археологии и древней истории будет безвозвратно уничтожено**, а бесценные древние изделия, которые могли бы составить гордость любого музея, попадут в частные коллекции.

В рукописном архиве ИИМК РАН мы обнаружили примечательный документ, посвященный критической ситуации с охраной памятников в КЧР в предвоенном 1940 году. Это отчет Л.А. Сердобольской и К.М. Петрелевича “О работе историко-археологической экспедиции в Карачаевской области в 1940 г.” (1940. Ф. 35. Оп. 1. Д. 7).

В отчете, в частности, сообщается: “Все городища и захоронения являются предметом систематических хищнических грабительских раскопочных работ. В каждом ауле можно найти семью – другую, для которой хищнические раскопки являются занятием их века... Поскольку золотоприемные пункты археологического золота не принимают – законом запрещается – то всякая хищнически добытая археологическая золотая вещь поступает

в ступку и обрабатывается пестом. И величайшая историческая ценность превращается в несчастный золотник золота – который уже спокойно принимается золотоприемным пунктом.” Как видно, разница только в том, что сегодняшние грабители находят возможности для сбыта древностей, не измельчая их в ступке. Далее в отчете читаем, что “население с увлечением разбирает во всех городищах и могильниках тесанный камень – который массой поступает на колхозные новостройки. И древние камни с надписями уходят в фундаменты колхозных скотных дворов. Как пример – разбор древнего Хумаринского городища...”. Даже по приведенным цитатам из отчета понятно, что ситуация с охраной памятников в КЧР за прошедшие 60 лет только ухудшилась.

Противопоставить этому можно лишь действенную программу мониторинга объектов культурного наследия Карачаево-Черкесской Республики – паспортизации памятников археологии, постановки их на государственную охрану и усиление контроля за их состоянием. Проведение мониторинга становится еще актуальнее в связи с принятием закона “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения”: оценка земель невозможна, если отсутствуют данные о расположенных на них памятниках археологии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Gorshenina S., Rapin Cl. De Kaboul à Samarcande. Les archéologues en Asie Centrale. Paris, Gallimard, 2001. 160 p., ills.

Рецензируемая книга вышла в известной серии “Découvertes Gallimard. Archéologie”. Она, как и все другие издания этой серии¹, имеет сравнительно небольшой объем, снабжена значительным количеством прекрасных иллюстраций, которые очень хорошо согласуются с текстом, а также безукоризненны с технической точки зрения. Важную роль играют и подписи под иллюстрациями, которые, как правило, достаточно развернуты и сообщают много дополнительной информации. Задача этой серии – предоставить читателю в живой и яркой форме самые достоверные и системно изложенные сведения по какой-либо из проблем или о какой-либо эпохе на базе важнейших археологических открытий. В данном случае – это попытка рассказать о результатах важнейших исследований в Средней Азии и Афганистане, причем сделать это таким образом, чтобы совместить это с собственно историей археологических открытий. Наконец, в книге присутствует еще и своего рода “общий фон”, т.е. описание общеисторической ситуации в регионе, что, естественно, влияло на выбор объектов исследований, их методов и интерпретаций.

Обычно не принято рецензировать те работы, которые имеют научно-популярный характер, однако, как ясно из сказанного выше, данная работа достаточно своеобразна, подобные книги, посвященные этому региону, в последние десятилетия, кажется, не издавались, и поэтому мне показалось полезным откликнуться на нее, тем более что она очень ясно и кратко выражает типичный западный взгляд на историю археологических исследований в этом регионе, на современное состояние их и дальнейшие перспективы.

Книга состоит из шести глав: “К стране гог и магог”, “Предшественники современной археологии”, “Центральная Азия между Советами и Западом”, “От первых цивилизаций до эллинистической эпохи”, “От кушан до ислама”, “Научное пространство без границ”. В конце книги имеется специальный раздел “Свидетельства и документы”. Он включает в себя короткие отрывки из сообщений первых путешественников по Центральной Азии, мнения более поздних и современных исследователей (также в виде коротких выдержек), свидетельства о связи археологических исследований с современными политическими проблемами и некоторые иные материалы, вплоть до информации о разрушениях талибами буддийских памятников Афганистана. В конце работы помещена хронологическая таблица, в которой указаны как собственно археологические периоды и важнейшие, с точки зрения авторов, политические события, так и хроника археологических исследований и открытий. Завершает работу библиография, естественно, главным образом на французском языке (хотя в нее включены и некоторые работы наших соотечественников, например Б.А. Литвинского и Б.Я. Ставиского, переведенные на французский язык).

Первую главу авторы начинают с рассказа о географических границах исследуемого региона, значении и понимании различных терминов, таких как “русский Туркестан”, “китайский Туркестан”, “Средняя Азия”, “Центральная Азия”,

“Иран”, “Туран”, “Великая Бухария”, “Малая Бухария” и т.д. Затем рассматриваются политические и административные границы в регионе, начиная с русского завоевания Средней Азии и вплоть до сегодняшнего времени. Отмечу, что, хотя авторы исходят из расширительного толкования границ Центральноазиатского региона, но в своем изложении они не переходят, практически, пределов бывших советских среднеазиатских республик и Афганистана, привлекая материалы Казахстана, Пакистана, Индии, восточного Ирана, Китая весьма редко.

Затем в этой главе суммарно приводятся факты политической истории региона, начиная с эпохи Ахеменидов.

История ранних путешествий (начиная с Плано де Карпини) и исследований (Т. С. Байер, Г. Роулинсон, Н. Бичурин, Анкетилль Дюперрон и т.п.) представлена очень кратко, но ярко и живо. Хорошо определены те основные темы, которые вызвали преимущественный интерес историков: походы Александра Македонского, связи между Римом и Индией и т.д.

Вторая глава посвящена главным образом XIX веку. С. Горшенина и К. Рапэн особое внимание уделяют русскому проникновению в Среднюю Азию, начало которому они видят во взятии Казани Иваном Грозным (?). Они, как кажется, знакомы с так называемым “Завещанием Петра I” и серьезно воспринимают эту фальшивку. Особое символическое значение имели, с их точки зрения, две даты: 1865 г. – взятие Ташкента, и 1868 г. – взятие Самарканда. Авторы считают, что завоевание способствовало развитию ориенталистики в России благодаря возросшим потребностям в кадрах, знающих страну, ее языки и культуру.

Определенное место занимает рассказ о первых коллекциях древностей и коллекционерах, о создании музеев, первых археологических учреждений, в частности Туркестанского кружка любителей археологии. Особое внимание, естественно, было уделено обстоятельствам открытия прославленного Амударьинского клада. Присутствует и информация относительно первых, более или менее научных, археологических раскопок. Можно полностью согласиться с авторами, когда они определяют методику раскопок конца XIX и начала XX вв. как “рудиментарную” как с точки зрения собственно проведения раскопок, так и их фиксации. Они также справедливо подчеркивают, что для всего духа экспедиций того времени было характерно стремление к “немедленному успеху”.

В третьей главе рассказывается о третьем периоде, охватывающем время от начала 20-х годов до Великой Отечественной войны. Здесь у авторов два репера: установление советской власти в Средней Азии и обретение Афганистаном независимости (1919 г.). В Средней Азии начинается новый этап в археологическом изучении прошлого, а в Афганистане начинает работать Французская археологическая делегация (DAFA), которая в течение нескольких десятилетий обладала монополией на археологические исследования в стране. Дальнейшее повествование об археологических исследованиях ведется путем сопоставления этих двух частей Азии. В советской Средней Азии отмечаются первые работы по сохранению памятников и первые раскопки и разведки

¹ В качестве примера см.: (Etienne R. et F., 1990).

(В. Л. Вяткин, Б.П. Денике и т.д.). В отношении Афганистана, естественно, все внимание уделяется первым исследованиям DAFA (Бамиан, Беграм, Хадда).

Особое значение авторы уделяют рассказу о методологических проблемах: созданию марксистской схемы развития общества, распространению ее на историю Востока и, в частности, на историю Средней Азии. Знаменитая концепция пяти общественно-экономических формаций называется авторами абсурдной. Отмечаются некоторые специфические выводы, которые следовали, как они считают, из марксистского понимания истории: отвержение схем циклического развития, отрицание роли внешних влияний, значения миграций и т.д. Тут же отмечаются и те специфические подходы к археологическим исследованиям, которые считались особенно важными, в частности необходимость исследовать объекты, дающие информацию об уровне развития производительных сил, жизни непосредственных производителей и т.д.

В конце главы говорится об организации первых больших экспедиций (имеются в виду Хорезмская, Южно-Туркменская и т.п.), хотя в этом отношении авторы уже несколько выходят за определенные ими хронологические рамки. Особо подчеркивается значительное финансирование и междисциплинарный характер этих экспедиций, “согласно марксистским параметрам”.

В четвертой главе освещаются результаты исследований последних десятилетий в области ранней истории Средней Азии (до эпохи кушан). Говорится, в частности, о раскопках в Хорезме, ряде памятников бронзового и раннежелезного веков. Параллельно освещаются результаты исследований и в Афганистане (в частности, раскопки Мундигака, Шортугая и т.д.). Подчеркивается новый подход к методике исследований: составление археологических карт, карт ирригационных систем, палеогеографические исследования, особое внимание к экономическим и социальным проблемам. Кратко рассказывают авторы и о кочевнических культурах раннего времени. Привлекают их внимание и развернувшиеся в это время дискуссии о характере Амударьинского клада, подогреваемые результатами раскопок в Тахти Сангине. Наконец, определенного внимания удостоивается и проблема результатов македонского завоевания, в связи с чем рассказывается о раскопках Ай-Ханум. С точки зрения авторов, не меньшее значение имели и раскопки в Тахти Сангине. Точно так же кратко говорится и о парфянской археологии Средней Азии (в частности, о раскопках в Старой Нисе).

В пятой главе основное место занимает изложение результатов исследований более позднего периода – периода от кушан до арабского завоевания. В ней говорится о Тиллятепе, открытии айртамского фриза, о Халчаяне, Дальверзине и т.д. Определенное внимание также уделяется Сурх-Коталу и другим памятникам кушанского времени, исследованным на территории Афганистана. Для более позднего периода упоминаются находки на горе Муг, раскопки Пянджикента, Варахши, Афрасиаба и т.д.

Наконец, в последней главе обрисовывается современное состояние археологии в среднеазиатском регионе. С некоторым удовольствием сообщается о том, что российские экспедиции здесь находятся отныне на том же положении, что и западноевропейские, американские и японские миссии. Выражается надежда на то, что новое научное пространство “без границ” приведет к новому историческому синтезу.

Отмечу сразу, что книга, несмотря на свой обзорный характер, полезна и дает неискушенному западному читателю достаточно яркую картину развития и современного состояния археологического изучения Средней Азии. Вместе с тем она не лишена и ряда недостатков.

Прежде чем говорить об основных, концептуальных недостатках книги, укажу на другой недостаток – на наличие всякого рода мелких ошибок, которые совершенно не заметны неискушенному читателю, но которые “режут глаз” специалисту. Не буду перечислять их все, отмечу только некоторые.

В разделе “Хронология” в самых первых строках, характеризуя халколит Средней Азии, авторы тут же упоминают в качестве самой яркой черты эпохи ирригацию в Геоксюре, который они помещают в Маргиану. Однако Геоксюрский оазис никогда не был частью Маргианы. Недоумение вызывает и следующий пункт: ранний бронзовый век (2500–1500 гг. до н.э.). В качестве характерной черты называется “бактро-маргианская городская цивилизация”, вслед за чем идет список памятников этой цивилизации. Но ни один собственно маргианский памятник здесь не назван. Отмечу, кстати, что в Маргиане цивилизация этого типа зафиксирована в более узких хронологических рамках: примерно от 2100 до 1780 гг. до н.э. В строках, характеризующих ахеменидский период (550 – 330 гг. до н.э.), упоминаются кочевые народы Средней Азии, но почему-то только на Сырдарье. Это не случайная оговорка, так как подобное утверждение присутствует и в других местах книги. Самое меньшее, что можно сказать об этом, что оно не соответствует действительности: кочевники обитали и в других частях Средней Азии: на Узбое, на плато Усть Урт, на окраинах ряда оазисов. Не совсем точно передана ахеменидская административная структура в Средней Азии. Авторы называют следующие сатрапии: Бактрия, Согдиана и Маргиана. Во-первых, они не упомянули такую важную сатрапию, как Парфия. Во-вторых, Маргиана присутствует только в одном документе – в Бисутунской надписи, причем она не названа здесь сатрапией. В дальнейшем она полностью исчезает из источников. Наиболее вероятное объяснение этого – она стала частью Бактрийской сатрапии. В той же самой хронологической таблице дворец в Топрак-кале датирован слишком ранним временем, примерно на один век. В тексте книги вдруг появляется “Институт Лазар”, хотя правильное название Лазаревский институт. Перечисляя исследовательские экспедиции конца XIX и начала XX вв., авторы строго разделяют российские и иностранные. Но почему-то в состав иностранных попадают экспедиции Г.К. Маннергейма и А. Хайкеля. Видимо, авторы не знают, что в это время Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи. При чтении соответствующего раздела книги (о русском завоевании) создается впечатление, что авторы всю железнодорожную сеть Средней Азии называют Закаспийской железной дорогой, хотя Закаспийской называлась только одна линия ее: от Красноводска (сейчас Туркменбаши) до Чарджоу (сейчас Туркменабад).

Пикантная ситуация с одним из любимых тезисов авторов – относительно так называемых комплексных экспедиций. С. Горшенина и К. Рапэн считают, что одной из наиболее характерных особенностей марксистского подхода к археологии является создание междисциплинарных (комплексных) экспедиций, в составе которых работали ученые, представлявшие различные науки: этнографию, лингвистику, экономику, естественные науки. Подробнее об этом своеобразном представлении авторов я буду говорить ниже, сейчас же укажу только на один смешной “ляп”. На с. 66 представлена обложка одного из томов Трудов ЮТАКЭ, и в подписи говорится о том, что здесь “публикуются результаты исторических, археологических и этнографических исследований, касающихся Маргианы”. Однако в представленном здесь шестом томе опубликована монументальная работа Г.А. Пугаченковой относительно истории архитектуры Южного Туркменис-

тана. Во-первых, в данном томе нет ничего кроме архитектуры, а во-вторых, там представлены памятники не только Мервского оазиса (Маргианы), но и всех остальных районов Южного Туркменистана (Ахала, Этека, Дахистана).

Можно возразить, что отмеченный мною просчет – мелочь. Однако мне кажется, что он очень показателен, он ярко указывает на второй – уже концептуальный – недостаток данной книги. Этот недостаток можно несколько условно определить как “взгляд сверху”. Авторы грешат безапелляционностью, они почему-то уверены в том, что им принадлежит истина в последней инстанции. Следствием этого является определенное пренебрежение к тем, кто работал в Средней Азии до них, некоторая приблизительность и схематичность, следование заранее выбранным моделям и отбрасывание всех фактов, которые ей противоречат.

Эти особенности работы особенно сказываются при характеристике советского периода истории среднеазиатской археологии, но присутствуют они, хотя и в меньшей степени, и при описании более ранних периодов.

При характеристике русской экспансии в Средней Азии авторы следуют обычным объяснениям, которые в конечном счете восходят к Р. Киплингу с его “большой игрой” и тому подобными упрощенными схемами, рассчитанными на западного читателя, априорно убежденного в том, что вся история России – это история экспансии. В действительности же историческая картина была более сложной. Здесь не место описывать ее, я отмечу только один факт, который хорошо знают все специалисты по данному периоду, и который остался, видимо, не известным авторам. Я имею в виду постоянный конфликт между военным министерством и министерством финансов Российской империи в отношении Средней Азии: если первое стремилось к завоеваниям, то второе столь же упорно им противилось, справедливо указывая, что ничего кроме финансовых потерь казны эти завоевания не принесут.

При описании процесса рождения среднеазиатской археологии авторы довольно много (в масштабах их книги) пишут о русских чиновниках, инженерах, военных, которые стояли у начала ее. Эта несколько благодная картина, однако, должна быть дополнена. Для этого авторам стоило бы вспомнить Салтыкова-Щедрина с его замечательными “Господами ташкентцами” – для своего рода уравнивания картины.

Стоит также вспомнить о том, что специальные археологические учреждения (о которых говорят и авторы) – все были добровольными любительскими обществами. Правительство же практически ничего не делало для развития археологии в данном регионе.

Однако наиболее ярко недостатки этой работы становятся заметны, когда С. Горшенина и К. Рапэн излагают историю среднеазиатской археологии советского периода. Исходная позиция здесь обозначена очень четко: противопоставляя советскую Среднюю Азию Афганистану, авторы высказывают следующий тезис: “На юге Амударья составляла политическую границу между советской Трансоксианой, которая с течением времени закрывалась, и афганской Бактрией, которая повернулась к “свободному”, некоммунистическому миру. Река разделяла два археологических подхода, которые исключали друг друга. Мотивации научной любознательности, природа полученной информации и публика, которой она сообщалась, в течение XX века были диаметрально противоположны. Академизм, контролируемый колониальной, а затем тоталитарной системой, доминировал к северу от Окса, оставляя место на юге научному подходу, менее подверженному влиянию политики” (С. 54, 55). Это категорическое противопоставление может произвести впечатление

на западного читателя, но не на специалиста, поскольку оно очень далеко от истины. Я не знаю, чем оно продиктовано, ибо не может быть, чтобы авторы не знали подлинной истории, например Французской археологической делегации в Афганистане (DAFA). Сейчас мы имеем в своем распоряжении документы Министерства иностранных дел Франции, касающиеся, в частности, создания ее. Они опубликованы в книге об истории DAFA. Эти документы не оставляют сомнений в том, что при создании ее (а она на протяжении нескольких десятилетий обладала монополией на археологические исследования в Афганистане) во главу угла были поставлены именно политические соображения.

В официальных французских документах того времени “внутреннего пользования”, когда создавалась DAFA, постоянно подчеркивалось, что французские научные учреждения, действующие за рубежом, должны служить инструментом распространения “французской культуры и французского духа”, французской “интеллектуальной экспансии” во всем мире. В одном из таких документов писалось: “наши университеты и наши зарубежные школы должны стать настоящими очагами пропаганды в пользу Франции, они представляют настоящее оружие в руках наших публичных властей” (Olivier-Utard, 1997. P. 25 sqq.)². Добавлю, что французские зарубежные археологические учреждения иногда действительно являлись достаточно мощным политическим оружием. Нужно только, например, вспомнить ту роль, которую сыграла Французская школа в Афинах в период Первой мировой войны, когда в Греции шла борьба между сторонниками Антанты и Центральных держав. Эта школа была главным центром французской пропаганды в Греции, а директор школы Г. Фюжер в 1917 г., когда было необходимо реорганизовать всю систему французской пропаганды в стране, был официально назначен ее руководителем (Étienne R., 1996. P. 14; Stavrinou, 1996. P. 83–99; Delaunay, 2000. P. 131, 132). Исходя из этого, вряд ли возможно противопоставлять нарождающуюся советскую археологию Средней Азии и западную археологию.

В связи с этим стоит обратить внимание и на то, как характеризуют авторы основные особенности советской археологической науки. Главное внимание здесь уделяется периоду 20–30-х годов, тем дискуссиям, часто переходившим в репрессию, которые тогда велись³. Особое внимание уделяют авторы таким особенностям, как отвержение миграционизма, призыв изучать способ производства и непосредственных производителей и т.д. Все это в известной мере справедливо. Однако в этом изложении имеются три скрытых “подводных камня”. Во-первых, авторы нигде не оговаривают различия между археологией 20–30-х годов (когда, кстати, на территории Средней Азии практически раскопки не велись) и археологией более позднего времени, так что невольно создается впечатление, что подобных вульгарно-социологических воззрений советские археологи придерживались и в 60–80-е годы. Во всяком случае о том, что ситуация коренным образом изменилась, не говорится ни слова. Во-вторых, авторы ни разу не упоминают об очень важном обстоятельстве – все эти вульгарно-социологические схемы касались только интерпретационного уровня исследования и ни в коем случае не затрагивали саму методику раскопок. С точки зрения мето-

² В связи с этим необходимо отметить, что от французских археологов требовали “блестящих открытий”, что явилось бы подтверждением выдающейся роли Франции.

³ Отмечу также в этой связи, что тезис И.В. Сталина о пяти формациях зря определяется как абсурдный. Я не хочу сказать, что он справедлив. Он просто несколько не хуже и не лучше любой другой схемы однолинейной эволюции.

дики, никакого различия между советской школой и западными археологами не было. Города, храмы, некрополи они копали совершенно одинаково⁴. Наконец, нельзя забывать простой вещи – подчеркнутое внимание к процессу производства в древних обществах, изучаемых археологически, – именно эта сторона ранней советской археологии через посредства Г. Чайлда стала своеобразным импульсом для рождения “новой археологии” во всех ее ипостасях.

Все эти замечания не означают, что я считаю, будто советская археология была лишена недостатков. Это не так. Но недостатки были не те, о которых пишут авторы.

Очень упрощенно представляется и организация археологических исследований на территории Средней Азии. В представлении авторов, по единому плану и под руководством единого центра создается ряд экспедиций, хорошо оснащенных и обладающих большими средствами. Характерная особенность их – “комплексный характер”, т.е. участие в экспедиции специалистов самого различного профиля, от археологов до экономистов. Эти экспедиции работают по единому плану, воодушевленные марксистской методикой. О марксистской методике я уже писал. Относительно хорошей оснащенности авторам следовало бы вспомнить то, что писал известнейший среднеазиатский археолог М.Е. Массон о своих работах в Термезе и его округе. Широко известно, какое значение имела эта экспедиция, но основой оснащенности ее был только энтузиазм. Средства выделялись в крайне недостаточных размерах, условия жизни археологов были, даже по скромным советским меркам, тяжелейшими. Это было правилом, а не исключением⁵. На протяжении долгого ряда лет действительно хорошо оснащенной была только одна экспедиция – Хорезмская. Именно она была исключением, объясняемым достаточно просто: С.П. Толстов являлся заместителем главного ученого секретаря Президиума Академии наук СССР.

Ложно и понимание авторами комплексности, которая считается авторами одной из характернейших особенностей марксистской археологии. На протяжении долгого ряда лет только та же самая Хорезмская экспедиция могла похвастаться широким участием ученых – специалистов в естественных науках. Отмечу, кстати, что в официальное название этой экспедиции термин “комплексная” не входил. Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) – наиболее типичный пример комплексной экспедиции, но и здесь он означал только то, что в задачу ее входило изучение памятников различных эпох (и в небольшой степени – этнографические исследования). Как и в ряде дру-

⁴ Я не говорю о таких “эксцессах” археологии, как, например, раскопки Ж. Барту в Хадде, когда один археолог работал с 200 рабочими. В таких условиях, естественно, никакой методики просто не существовало.

⁵ Позволю себе процитировать слова выдающегося исследователя Средней Азии Б.А. Литвинского, описывающего условия работы в 50-е годы: “Денег для исследований выделялось очень мало, старые разбитые машины рейсовых автобаз, которые водили лихие, часто презирающие всякие правила дорожного движения шоферы, ломались буквально на каждом десятке километров, автомобильные дороги во многие районы только прокладывались, и в лучшем случае ездить приходилось по щебенке (дорога от Душанбе до Куляба занимала два дня), а в худшем – машина с трудом разворачивалась на рискованном витке узких перевалов. Ведомые своими начальниками, близкие к ним по возрасту, сотрудники археологических отрядов не думали ни об отдыхе, ни о минимальном комфорте”. Воспоминания не опубликованы, цитирую по: (Масов, Ранов, 2001. С. 51).

гих случаев, схема, предложенная авторами, никак не согласуется с реальностью.

Отмечу также уж совсем анекдотичную подробность. По словам авторов, Хорезмскую экспедицию создали для того, чтобы доказать справедливость гипотезы о “Большом Хорезме”. Как известно, широкое распространение эта гипотеза получила после публикации работы Маркварта в 1938 г. (Marquart, 1938). Однако исследования в Хорезме начались раньше. Открытие памятников древнего Хорезма произошло в 1935 и 1936 гг., а с 1937 г. начала работать Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (Толстов, 1948). Тот факт, что С.П. Толстов часто обращался к этой гипотезе, объясняется просто: он, как и многие другие увлеченные исследователи, преувеличивал значение памятников, которые он открыл и изучал. Это чисто человеческое чувство, а не результат сознательной политики, определяемой государством.

Наконец, еще одна черта, которая мне не нравится в рецензируемой книге. Авторы, в духе традиций двадцатилетней, а то и тридцатилетней давности, четко различают советских и западных исследователей. Подобное объединение советских ученых воедино заставляет западного читателя думать, что их единообразные оценки того или иного явления – результат какой-то скоординированности, чуть ли не проведение в жизнь “линии партии”. Это, конечно, никогда не говорится прямо, но стремление создать такое впечатление явно просматривается. Это происходит при рассказе о многих фактах: о происхождении Амударьинского клада, северных границах Кушанского царства и т.д. Но само дальнейшее изложение заставляет авторов указывать на различие точек зрения этих советских авторов. Зачем же в таком случае объединять их в какую-то серую массу?

Иногда авторы очень изобретательны в придумывании сложных коллизий, связанных с различными предполагаемыми политическими обстоятельствами. Рассказывая о различных вариантах решения вопроса о месте производства знаменитых нисийских ритонов, они указывают, что В.Н. Пилипко поддерживал гипотезу об их импорте в Нису, А. Инверничи вернулся к теории, выдвинутой Г.А. Пугаченковой и М.Е. Массоном, об их местном производстве. Упоминаются также мнения Р. Гиришмана и П. Бернара. В середине этого пассажа вдруг появляется совершенно замечательная фраза относительно теории Г.А. Пугаченковой и М.Е. Массона: “Это мнение рассматривалось русскими учеными “Центра”, как “местный патриотизм”, и они в нем видели националистические тенденции” (С. 91). Интересно, почему автор не называет имен этих “русских ученых”? У кого проявляются туркменские “националистические тенденции”? Может быть у М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой? Мы видим, как одной фразой авторы переводят научную дискуссию, развертывавшуюся среди ученых, в какое-то политическое действие с очень нехорошим душком. Зачем это делается?

Можно найти еще ряд аналогичных недостатков в работе, но и без умножения примеров можно сказать, что данная работа отражает одну общую тенденцию, характеризующую западных исследователей, хлынувших сейчас на просторы стран СНГ. О ней я уже имел возможность говорить несколько лет тому назад (Kochelenko, 2000. P. 293–299). Суть ее заключается в том, что часть этих исследователей склонна рассматривать себя в качестве первооткрывателей, не желая ничего знать о том, что было сделано до них. Непрямую это утверждение к данной книге отнести нельзя. Авторы знают довольно много о том, что было сделано ранее в археологическом изучении Средней Азии. Здесь та же самая тенденция проявляется несколько по-иному – в стремлении принизить то, что было сделано. Очевидно, расчет состоит в

следующем: последующие поколения исследователей будут в своих историографических очерках делить всю историю археологического изучения Средней Азии на два больших

периода: до прибытия сюда К. Рапэна и после. Естественно, первый период – время дикости и варварства, а цивилизованное состояние начинается только во втором.

Институт археологии РАН,
Москва

Кошеленко Г.А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Масов Р.М., Ранов В.А.* Жизнь, отданная науке // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Матер. Междунар. науч. конф., посв. 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, докт. ист. наук, проф. Б.А. Литвинского (Москва, 14–16 октября 1998 г.). М., 2001.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Delaunay J.-M.* La recherche archéologique, une manifestation de puissance? L'archéologie et les archéologues au cœur des relations internationales contemporaines. L'École française d'Athènes, un haut-lieu du nationalisme français? // Les politiques de l'archéologie du milieu du XIXe siècle à l'orée du XXIe. Colloque organisé par l'École française d'Athènes à l'occasion de la célébration du 150e anniversaire de sa fondation / Ed. Étienne R. Paris, 2000.
- Étienne R.* L'École française d'Athènes, 1846–1996 // BCH. Numéro spécial “Cent cinquantaire”. Paris, 1996.
- Étienne R. et F.* La Grèce antique. Archéologie d'une découverte. Paris, 1990.
- Kochelenko G.* Le rôle des missions archéologiques étrangères en Russie // Les politiques de l'archéologie du milieu du XIXe siècle à l'orée du XXIe. Colloque organisé par l'École française d'Athènes à l'occasion de la célébration du 150e anniversaire de sa fondation / Ed. Étienne R. Paris, 2000.
- Marquart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
- Olivier-Utard F.* Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922–1982). Paris, 1997.
- Stavrinou M.* Gustave Fougères, l'École française d'Athènes et la propagande en Grèce durant les années 1917–1918 // BCH. Numéro spécial “Cent cinquantaire”. Paris, 1996.

Е.Г. ДЭВЛЕТ

“ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА: ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ”. М.: Научный мир, 2002. 240 с.

Не менее трех веков прошло со времени первых открытий памятников наскального искусства на территории нашей страны. Особая же активизация их исследований и поисков произошла в последние десятилетия. В результате большинство памятников уже открыты, а районы их концентрации выявлены, но фонд наскальных изображений непрестанно возрастает, пополняя наши представления об их локальных традициях на вновь открытых территориях, расширяющих их ареал (Ангара, Енисей, Алтай и др.). Одновременно производится более углубленное исследование уже известных памятников, также приводящее к новым открытиям (Онежское озеро, Верхняя Лена) и резкому расширению информативности известных ранее изображений и их групп. Последняя практически неисчерпаема, возрастает год от года, превращая наскальные росписи и петроглифы в один из главнейших источников, обуславливающих возможность исследования наиболее сложного феномена существования и развития древнейшего человечества – его духовной культуры. Именно она позволяет судить об общем и особенном в характере и развитии последней, о специфике ее у конкретных человеческих групп, живших в различных экологических, социальных, хозяйственных условиях. Она отражает как сугубо бытовые реалии и явления, принципиально пополняющие свидетельства прочих исторических источников, так – что особенно важно – и собственно духовные достижения подобных групп – корни их мифологии, мировосприятия и миропонимания, натурфилософии, религии. Короче, рассматриваемая категория творчества древнейшего (и не только древнейшего) человечества является важнейшим, неисчерпаемым по многообразию и информативности историческим источником. В значительной мере она способствует расшифровке и осмыслению данных прочих категорий источников – как письменных, так и материальных: от описаний сложнейших

обрядов и ритуалов до функций конкретных орудий, сооружений, культовых изделий.

И в то же время именно эта ценнейшая категория источников является наиболее уязвимой и постоянно подверженной угрозе разрушений как естественного, так и антропогенного характера. Причем при всей пагубности первых (тектонические явления, колебания климатические, почвенные, ландшафтные, подъемы и спады уровней наземных и подземных вод, выветривание и размывание, смены сухих и увлажненных периодов и пр.), все более разрушительный и масштабный характер принимает бездумная, тупо прагматическая, фанатическая, а то и намеренно-антикультурная деятельность человека (вспомним гигантоманию гидросооружений с бесконечными взрывами от Братска до Ассуана, “подвиги” талибов в Афганистане и т.п.).

Все это предопределило многоплановость рецензируемого сочинения, четко осознаваемую автором и отраженную уже в самом заглавии – “Памятники наскального искусства – изучение, сохранение, использование”. Такое совмещение проблем научного исследования и защиты, сохранения, восстановления уникальных сокровищ человеческой культуры, возможности и формы соответствующих мер – юридических, организационных, технических, собственно научных, направленных на их спасение представляется безусловно оправданным и единственно правильным. “За последние десятилетия фонд памятников, – пишет Е.Г. Дэвлет, – которые еще недавно казались столь малоуязвимыми, понес и продолжает нести непоправимый ущерб. Все это заставляет искать решение проблемы сохранения памятников наскального искусства, как части мирового историко-культурного наследия” (С. 9).

При этом в рамках очерченных проблем автором с предельной четкостью рассмотрен целый ряд конкретных во-

просов. Наряду с традиционными вопросами истории изучения, географии распространения и специфики основных скоплений памятников, их исторического содержания и техники исполнения, подробно и профессионально рассмотрены выработанные и выработываемые ныне с применением ряда точных наук методы датировки памятников, техники их нанесения, экологические факторы, представляющие угрозу для них, способы показа памятников в естественной среде и в условиях музейного хранения.

При постановке и разработке этих и многочисленных прочих, но связанных с названными вопросов автор, не ограничиваясь литературными свидетельствами, провела значительную серию наблюдений и практических работ в различных районах как нашей страны, так и ряда зарубежных территорий. Используются также результаты активных и целенаправленных консультаций по вопросам консервации и музеефикации памятников наскального искусства в Швеции, Финляндии, Норвегии, Португалии, Мексики, США и в прочих странах Старого и Нового Света. Результаты всех видов этих работ оперативно вводились Е.Г. Дэвлет в научный оборот.

Специальная глава, посвященная истории изучения памятников наскального искусства, глубоко оригинальна: она носит не столько историографический характер, сколько характеризует представления аборигенов о возникновении памятников и об их творцах. С другой стороны, анализируются восприятие этих же вопросов первооткрывателями соответствующих памятников и попытки, зачастую альтернативные, их интерпретации, что вызывало перекрытие первоначальных композиций новой, чуждой им символикой. Подобные выражения чисто идеологического противоборства весьма выразительно представлены для самых различных регионов как Старого, так и Нового Света – от Онежского побережья до Нижней Калифорнии. Совершенно справедливо подчеркнута многообразие отношения к наскальным рисункам со стороны первых их фиксаторов и исследователей, в том числе просвещенных священников и художников, пытавшихся, помимо прочего, восстановить облик древних творцов. Весьма уместно Е.Г. Дэвлет цитирует А.Я. Шера, подчеркивавшего, что “способностью к созданию изображений, как и сейчас, обладали редкие люди. Им приписывались некоторые сверхъестественные свойства, они становились, подобно позднейшим шаманам, людьми, отмеченными особым даром. Вероятно, это ставило их в особые условия в своем социуме, о достоверных способностях которых можно только догадываться”.

Далее рассматриваются типы памятников наскального искусства. Автор правильно отходит от традиционно принятого ранее схематичного деления на искусство пещер и гротов, с одной стороны, и памятников под открытым небом, с другой, присоединяясь к сторонникам “бесперывной общности местонахождений”. Вместе с тем справедливо утверждается варибельность локальной привязки памятников наскального искусства к особенностям местности – как в пещерах и многообразных гротах, так и на различных участках открытых пространств.

Учитывая наличие наскальных изображений на всех континентах и огромный их хронологический диапазон (не менее 30, а возможно, и 60 тыс. лет), Е.Г. Дэвлет (вслед за Э. Анати) характеризует основные районы их локализаций, главными критериями которых явились особенности изобразительной деятельности при наличии свыше 1000 фигур на площади менее 1000 км². Особые критерии были установлены для ареалов (зон) и, наконец, отдельных памятников, что внесло должную систематизацию при подходе к рассматриваемому материалу. Интересны приведенные автором (по

данным созданного Э. Анати центра) показатели распространения памятников наскального искусства по всем обитаемым континентам. Более всего их зон в Австралии, 38 – зон в Азии, 34 – в Америке, 31 – в Африке, 29 – в Европе, 12 – в Океании. Тем самым достаточно четко документируется глобальный характер рассматриваемого художественного феномена.

Должное внимание уделяет автор разнообразным породам камня, на которых выполнялись наскальные изображения, их долговечности в различном ландшафтном окружении, пригодности для росписи или гравировки, степени подверженности эрозии и выветриванию. И, естественно, подробно и конкретно рассмотрена техника нанесения изображений, причем здесь приведены данные последних опытов как по получению определенного вида выбивки, так и по определению орудий, которыми эта выбивка и прочие соответствующие операции производились. И, быть может, наиболее значительная черта данной части исследования состоит в том, что автор не ограничивается констатацией применяемых приемов и орудий, но и прогнозирует новые возможности их значительно более точного определения (например, методами отечественной трасологической школы). В целом последовательное аналитическое рассмотрение всех факторов гравировки – материал, орудие и его использование, затраты времени и труда, сохранность – является очень сильным, а в значительной мере и новаторским моментом рецензируемого исследования. В полной мере касается это и второй техники нанесения изображений – росписи. Здесь с равной мерой подробности и аналитичности рассматриваются все основные компоненты процесса: использование и подготовка пигментов, цветовая гамма, применение менее стойких природных материалов, приоритетные красители (охра, оксиды железа, киноварь (сульфат ртути), гипс, каолин, гематит и т.п.). В целом раздел, посвященный разнообразным пигментам, крайне многопланов и имеет самодовлеющее значение: здесь автор касается самых различных аспектов их применения вплоть до мифологического осмысления аборигенами различных цветов, их происхождения и сакрального содержания. Вместе с тем исследования состава древних красок, источников сырья, технологии изготовления пигментов и самой росписи крайне важны для разработки методов сохранения, консервации и реставрации памятников наскального искусства конкретных областей. Не менее важно использование красителей для датировки скальных росписей. В работе описаны различные ее методы, как уже применяемые, так и находящиеся в процессе разработки. Приведенные в книге многочисленные примеры, безусловно, доказывают огромную перспективность соответствующих опытов.

Две больших главы посвящены документированию наскальных изображений, факторам их разрушения и консервации. Обе основаны на предшествующем анализе основных их параметров, характера каменной основы, техники нанесения и составе красителей. Представленные здесь как критические, так и позитивные заключения представляются прочно обоснованными и впервые представленными в системном порядке. Осуществление основных их положений явится, несомненно, важнейшей новой ступенью в исследовании данной проблематики в целом.

И, наконец, не менее важный аспект предельно многопланового исследования – организационные меры по охране памятников наскального искусства. Здесь речь идет уже не столько о природных факторах и губительном воздействии времени на эти бесценные памятники, сколько о деятельности человека, ибо, как глубоко справедливо заключает автор, “...на протяжении всей своей истории человечество выступает не только творцом, но и разрушителем” (С. 131) их.

Именно антропогенный фактор нанес и продолжает наносить огромный ущерб памятникам наскального искусства, зачастую приводя к гибели ценнейших его комплексов. Этому должна быть противопоставлена целая серия действенных мер самого различного характера – от государственных, социальных, законодательских, юридических, образовательных, пропагандистских до чисто технических, реставрационных, требующих взаимодействия методов и возможностей ряда научных дисциплин. Все эти меры представлены автором в единой системе, сугубо конкретно, с постоянным учетом особенностей расположения основных групп памятников наскального искусства. Определены и охарактеризованы регионы концентрации последних на территории Рос-

сии, а далее фактически и всех материков ойкумены от Европы до Австралии. И нигде автор не ограничивается констатацией, везде наличествует всесторонний анализ и самих памятников, и их состояния, и конкретных факторов, способствующих их сохранению. Особо отмечу здесь учет психологического и сакрального факторов в отношении аборигенов к наскальному искусству и рассмотрение вопроса о “традиционных собственниках” соответствующих памятников.

В целом считаю многоплановость рецензируемой работы не только полностью оправданной, но и придающей ей особое значение – как исследовательское, так и практическое.

Институт археологии РАН,
Москва

Н.Я. Мерперт

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ”, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА ГЕНИНГА (Киев, 2002)

В Институте археологии Национальной академии наук Украины произошло знаменательное событие – в течение трех дней (с 26 по 28 марта 2002 г.) работала международная научная конференция “Современные проблемы археологии”, посвященная памяти выдающегося археолога, педагога и организатора науки Владимира Федоровича Генинга (10.05.1924–30.10.1993). Конференция была проведена при содействии Представительства в Украине Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел России.

Открывая конференцию, председатель оргкомитета заместитель директора Института археологии член-корреспондент НАН Украины *С.Д. Крыжицкий* отметил, что В.Ф. Генинг вошел в украинскую археологию осенью 1974 г. после защиты докторской диссертации зрелым сформировавшимся ученым, оставив работу в Уральском университете. В Киеве он занял должность заместителя директора Института археологии и заведующего отделом теории и методики, созданного по его инициативе. В.Ф. Генинг сразу же включился в научную жизнь коллектива института, сложившегося задолго до его появления. Тем не менее В.Ф. Генингу удалось занять достойное место ученого-новатора, наставника молодежи, коллеги и друга для многих сотрудников. В Киеве им были подготовлены семь монографий и десятки статей.

Конференция собрала 120 ученых из основных научных центров Франции, Польши, России, Белоруси, Молдовы, с которыми Институт археологии НАН Украины поддерживает постоянные научные связи. Россия была представлена сотрудниками Института археологии (Москва) и Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург) Российской академии наук, университетов, научных центров и музеев Ижевска, Саратова, Уфы, Самары, Екатеринбурга, Сыктывкара. Большая делегация прибыла из Польши, из университетов Люблина и Лодзи. Широко были представлены археологические центры Украины – Запорожье, Одесса, Луганск, Мелитополь, Львов, Луцк, Херсон, Ривно, Переяслав-Хмельницкий, Алчевск. В работе конференции участвовали выдающийся ученый-теоретик, председатель Международной комиссии “Компьютерные методы и теория в археологии” профессор Сорбонны *Ж.-К. Гарден* и профессор *Ф. Джинджан* (Париж). Отрадно отметить, что наряду с такими учеными, пользующимися заслуженной международной известностью, как *В.М. Массон* и *Г.Ф. Коробкова*, активное участие в конференции приняли молодые ученые и аспиранты Украины, России и Польши.

Работа конференции проходила на пленарных и секционных заседаниях. В общей сложности было прослушано 95 докладов и сообщений, в их обсуждении приняли участие многие ученые. Участников научного форума приветствовал *Г.Б. Вышинский* – директор Представительства в Украине Российского центра международного научного и культурного сотрудничества.

Доклады на пленарных заседаниях были посвящены жизни и научной деятельности В.Ф. Генинга, исследованию его творчества, а также теоретическим проблемам археологии. Анализ становления В.Ф. Генинга как ученого, этапы его жизненного пути рассмотрела *К.П. Буняян*. Экспедиционные исследования В.Ф. Генинга были связаны главным образом с Уральским регионом. Он вел большую работу в Прикамье (Удмуртия, Марий-Эл, Татарстан) и на Урале (Челябинская, Курганская, Тюменская и Омская области). Им исследованы сотни памятников различных эпох – от палеолита до средневековья, выделены десятки археологических культур, разработаны культурно-хронологические схемы отдельных регионов. В Зауралье ученый исследовал комплекс памятников Синташта, который оценен как наиболее значительное открытие второй пол. XX века в археологии эпохи бронзы. Одной из задач, возникших в связи со стремительным накоплением археологических источников, В.Ф. Генинг считал автоматизацию отдельных этапов исследования, что предусматривало привлечение к этому процессу ЭВМ. Ученый нацеливал сотрудников на использование статистических методов обработки массового материала, что давало возможность выяснять закономерности распределения признаков, их взаимосвязи. Археологические материалы должны были перейти из разряда иллюстрации исторических схем в систему доказательств. Все это подчинялось реконструкции социальной структуры, этнического состава общностей, оставивших конкретные археологические культуры, и в конечном счете выявлению закономерностей развития древних обществ. Логика решения таких задач включала обязательно теоретическое осмысление объекта исследования, поэтому основные усилия В.Ф. Генинг сосредоточил на теоретико-методологических проблемах: объект и предмет археологии, эмпирическое и историческое содержание археологической культуры, структура археологического познания, опредмечивание сфер социальной деятельности.

С незнакомой для большинства присутствующих сторон был обрисован облик В.Ф. Генинга в докладе дочери – *Л.В. Чижовой* “Учитель и отец”. Отметив, что археология, став его избранницей со студенческих лет, осталась смыслом всей его жизни, докладчица подчеркнула, что его оплотом и тылом всегда была семья, ради которой он мог пожертвовать карьерой и отказаться от заманчивых предложений. В памяти родных, детей и внуков В.Ф. Генинг навсегда остался веселым, любящим, заботливым, хотя и требовательным человеком.

Доклад его ученика *С.Ж. Пустовалова* был посвящен вкладу В.Ф. Генинга в развитие теоретической археологии, превращению археологии из источниковедческой науки в науку историко-социологическую, его заслугам в создании киевской теоретической школы. Одной из центральных тем в творчестве В.Ф. Генинга была разработка теории этноисторического процесса. Ее оценка в контексте современных разработок содержалась в докладе *Ю.В. Павленко*.

Также на пленарных заседаниях прозвучали доклады, посвященные современным методологическим проблемам науки. Прежде всего это доклад *В.М. Массона* “Культурное наследие в историческом познании и политические реалии”, в котором феномен культуры рассматривается как система регулятивов человеческой деятельности, существующей в формах внешней и внутренней предметности. В контексте истории человечества и, в частности, социумов древности проанализирована проблема существования культур отдельных этнических массивов, что восходит к такому свойству культуры, как стереотипизация и стандартизация, когда посредством устойчивых стереотипов происходит приобщение поколений к достигнутым результатам.

Доклад *Ж.-К. Гардена* “Разработка археологических теорий: краткий обзор современных проблем” в значительной степени касался различных подходов к передаче археологической информации. В частности, ученый предложил как один из возможных вариантов сочетания описательного и формализованного характера подачи информации сопровождать “традиционные” публикации CD-ROM, который позволяет представить базу данных и процесс интерпретации в гипертекстовом формате.

Ф. Джинджан в докладе “От теории к практике археологической методологии (1975–2000)”, используя целый ряд примеров для оценки реального вклада археологической теории в повседневную практику археологии, приходит к выводу о необходимости развивать методологию моделирования в археологии. Именно моделирование, характеризующееся жесткими ограничениями и параметрами, по мнению автора, позволит сузить “поле возможных интерпретаций” в соответствии с различными парадигмами.

О.М. Мельникова в докладе “Методологические проблемы историографии археологии (в связи с работами В.Ф. Генинга)”, исходя из того, что “в условиях рефлектирующего состояния наука обращается к своему опыту”, подчеркивает, что этот опыт должен быть исследован в рамках строго научного подхода, методология которого нуждается в уточнениях и специальном обосновании. Историографическое исследование в археологии требует разграничения эмпирического и теоретического уровней, формирования понятийного аппарата, разработки критериев периодизации археологии. Перспективным для изучения истории археологии автор считает науковедческий подход, предложенный Г.С. Лебедевым.

На конференции работали три секции, которые охватывали проблематику практически всех периодов. Одной из самых представительных была секция “**Методика и методология археологических исследований**”. Представленные здесь доклады отражают несколько направлений исследований. Доклады историографического направления свидетельствуют о значительном внимании ученых не только к развитию идей в археологии, но и к истории науки, в частности, к деятельности отдельных ученых. Эта проблематика очень активно разрабатывается в Польше, о чем свидетельствуют работы *М. Бломбергской* и *К. Ежджевчука*. Причины возросшего интереса к истории науки были раскрыты в докладе С.Н. Ляшко “В.Ф. Генинг как историк науки”. Автор подчеркнула, что каждое научное поколение стремится связать новые теории и гипотезы с предшествующими разработками, переоцененными с точки зрения научных течений своего времени. Изучение истории археологических знаний в Украине фактически началось с монографии В.Ф. Генинга “Очерки по истории советской археологии” (1982), которая пока остается единственной в украинской археологии фундаментальной работой по истории науки.

Н.С. Абашина исследовала проблему культурной трансформации в изучении этногенеза славян. Сейчас разработано несколько моделей процесса формирования и распада археологических культур (В.Ф. Генинг, В.М. Массон). Еще в 60-е годы этой проблеме посвятили ряд работ В.П. Петров и М.Ю. Браичевский. Несмотря на то, что оба ученых связывали процесс смены культур с изменением исторической ситуации, принципиально различный подход к проблеме соотношения этноса и археологической культуры обусловил их диаметрально противоположные взгляды на проблему распада черняховской культуры и перехода к послечерняховскому времени. Господствующий ныне в археологической славистике принцип полиэтнизма археологических культур, по мнению автора доклада, привел к тому, что проблема смены культур утратила актуальность, и в центре внимания оказались проблемы генетической преемственности.

Аналізу научного наследия выдающегося украинского ученого был посвящен также доклад *В.Н. Корпусовой* “В.П. Петров: историософия и этногенетические исследования”. Автор убедительно показала, что целый ряд теоретических разработок ученого во многом опередил время. К ним, в частности, относятся выделение этногенетики в отдельную науку и идея дискретности исторического процесса, в котором нет места непрерывному прогрессу, что проявляется в смене эпох как отдельных временных отрезков истории.

Выделяется ряд докладов, с которыми выступили в прошлом участники научного семинара В.Ф. Генинга по проблемам применения формализованно-типологических методов изучения массового материала. Эти исследования в значительной степени демонстрируют возможности методики, разработанной ученым. *С.П. Пачкова* в докладе “К развитию проблемно-целевых программ для керамики, разработанных В.Ф. Генингом” продемонстрировала возможности использования керамики зарубинецких могильников для выяснения процесса формирования территории культуры, географии расселения ее носителей. Переносу гончарных традиций способствовали в том числе и брачные контакты, которыми, как показало исследование, были охвачены все регионы культуры. Удалось проследить появление населения извне, также принявшего участие в формировании культуры.

Применение метода процентного сопоставления керамических комплексов по отдельным мерным признакам и группам признаков, разработанного В.Ф. Генингом, для круговой керамики продемонстрировала *В.А. Петрашенко* в докладе “Изучение древнерусской керамики: методика и основные направления”. Автор предостерегает от использования суммарных характеристик по параметрам и указателю формы, которые совершенно недостаточны для сравнения комплексов, а также не отражают особенности керамического комплекса.

С.Ж. Пустовалов предложил “Программу этносоциального исследования (по материалам погребального обряда)”, которая может быть использована для исследования обществ, возникших в результате контакта цивилизационного центра и первобытной периферии. К ним, по мнению автора, относятся катакомбное, черняховское, хазарское, ранневенгерское. Последовательность процедур предусматривает историко-научный анализ, при котором устанавливается существование различных этнических групп, затем доказываются наличие завоевания, после которого проводится этнический анализ массива. В заключение этнические массивы подвергаются социальному анализу с последующей корреляцией результатов этнического и социального анализа.

Несомненным достоинством применения методики, разработанной В.Ф. Генингом, как продемонстрировали проведенные исследования, является возможность получить не только выводы источниковедческого характера, но и выход на историко-социологические реконструкции.

Оживленной дискуссией сопровождалась доклады, посвященные становлению и развитию древних производств, с которыми выступили *Г.Ф. Коробкова* “Энеолит и бронзовый век как исторические эпохи в свете изучения древних производств (по материалам Южного Туркменистана)”, а также *В.И. Клочко* и *В.И. Маниче* “Древняя металлургия: методы, достижения и перспективы исследований”.

Значительный интерес вызвало сообщение *А.В. Балашовского*, *Р.А. Сингауллиной* и *Ю.А. Царевой* о применении новых информационных технологий при анализе вибро-акустической информации с керамической посуды. С помощью этой методики можно получить фонограммы дыхательной и сердечно-сосудистой системы человека, что позволяет использовать гончарную посуду в качестве информационного материала для анализа физического развития и телосложения, а также пола и возраста производителя.

Значительный интерес вызвали также доклады, посвященные теоретическим проблемам археологии, в частности проблеме выделения археологических культур и их социологической интерпретации. Доклад *Л.В. Вакуленко* “Культурная дифференциация в Восточнокарпатском регионе в позднееримское время” продемонстрировал, что исходя из содержания понятия “археологическая культура”, древности позднееримского времени в Прикарпатье и Закарпатье не могут быть объединены в одну археологическую культуру. Понятие “культура карпатских курганов” следует употреблять исключительно для определения прикарпатских памятников. На территории Закарпатья сложное взаимодействие разноэтничного населения не способствовало созданию одной археологической культуры. *О.М. Приходнюк* в докладе “Формы и содержание археологических общностей финальной стадии первобытности” предлагает обозначать черняховское археологическое образование как протоцивилизацию, что отражает ее более высокую культурную иерархию в сравнении с археологическими культурами, которые отражают социальный и культурный статус моноэтнических обществ первобытности. В социальном отношении черняховская общность была промежуточным звеном между образованиями доклассовой и раннеклассовой эпох. По мнению автора, для обозначения культур раннеклассовых образований вернее пользоваться понятием “цивилизация” в узком значении.

Н.А. Рычков в докладе “Социальный организм и окружающая среда (к вопросу об определении понятия)” сделал вывод о том, что социальным организмом следует считать общность связанных между собой общественными отношениями людей, которая способна реагировать на изменения окружающей среды и перестройкой своей внутренней структуры, и созданием новой.

В.В. Крапивина в докладе “К вопросу о закрытых комплексах в археологии” отметила, что комплекс, сооруженный в толще разновременных слоев (ярусов), следует считать относительно закрытым комплексом. При его датировке необходимо учитывать примесь иного материала. На многослойном памятнике практически всегда преобладают материалы наиболее мощного слоя, который свидетельствует о более активной деятельности населения, что ведет к более интенсивному разрушению нижележащих слоев. В такой ситуации при датировке комплексов определяющими всегда должны быть стратиграфические наблюдения.

Ю.М. Лесман в докладе “Формализованная сериационная хронология: тщета надежд” обосновывает вывод о том, что применение линзо-хронологического или факторного подходов при разработке хронологии может оказаться перспективным только для самой грубой периодизации или для культур самых примитивных обществ. Существенно богаче возможности сериационных моделей, базирующихся на построении сериационных графов. В сочетании с независимо полученными датами они становятся эффективным инструментом изучения древних культур.

В докладе *А.Г. Корвин-Пиотровского* “Палеодемография: проблема структуры”, содержится вывод о том, что все направления демографии (археологическая, историческая и т.д., в том числе и палеодемография) нельзя рассматриваться как отдельные дисциплины, а как разделы своих наук, с которыми неразрывно связан их методический и методологический аппарат.

Результатам применения социологического анализа при исследовании погребальных памятников были посвящены доклады *С.В. Ивановой* и *В.И. Пиоро*. *С.В. Иванова* (“Трудовые затраты: универсальный знак или знаковая система?”) пришла к выводу о слабой связи между элементами погребального ритуала ямной культурно-исторической общности. Следовательно, нестабильность сочетаний различных компонентов обряда относительно традиционна для этих памятников, поэтому в подходе к анализу трудовых затрат наиболее целесообразно рассмотрение отдельных трудоемких элементов, а не их механическое суммирование. *В.И. Пиоро* (“К вопросу о возможности сравнительного анализа социального развития обществ степной Украины позднего энеолита-бронзового века”) высказал предположение, что сходство признаков в погребальных комплексах разных археологических культур, отражает, вероятно, общность мировоззрения скотоводческого населения, обусловленную, в первую очередь, общими путями адаптации к окружающей среде.

С.В. Конча в докладе “К проблеме общеевропейского культурного состояния” поставил под сомнение тезис о принадлежности общеиндоевропейской культуры к кругу скотоводческо-земледельческих культур вообще, исходя из небольшого количества лексем, характеризующих экономику, и способности большей части явлений, которые они определяют, быстро распространяться и заимствоваться.

Исследованию сюжетов изобразительного искусства древности были посвящены доклады *М.С. Сергеевой* “Животное как социокультурный образ в искусстве ранних стратифицированных обществ: к постановке проблемы”, *Б.Д. Михайлова* “Сцены “священного брака” на петроглифах Каменной Могилы” и *Л.А. Яковлевой* “Исследование палеолитического искусства как археологического источника (база данных и методики исследования)”.

На секции “Первобытная археология” преобладала проблематика, связанная с историко-социологической реконструкцией древних обществ. В изучении каменного века это прежде всего касается выделения конкретных общностей по археологическим признакам и их характеристики. *Л.Л. Зализняк* в докладе “Многовариантность развития человечества в эпоху камня” подчеркнул, что во второй пол. XX в. произошли принципиальные изменения в понимании древнейшего прошлого человечества. На смену эволюционно-стадиальному подходу к историческому процессу в палеолите пришло осознание поливариантных путей развития, что проявляется в хозяйственно-культурной дифференциации охотничьих сообществ каменного века, среди которых в зависимости от природно-ландшафтной специфики можно выделить 10 моделей хозяйственной адаптации. *М.П. Оленковский* в докладе “Проблема позднепалеолитических археологических культур” от-

мечает, что эти культуры формируются за счет объединения памятников, оставленных родовой общиной. Территория культуры в позднем палеолите – это территория передвижения общины или ее составных за время существования самой культуры. *Л.Г. Мацкевой* (“Мезолит запада Украины: синтез источников”) выделяет в регионе пять этнокультурных общностей: Нобель-Кунин, Незвиско-Оселивка, Вороцив-Старуя, Камьяница-Баранное, Кукрекская. *Ю.В. Панченко* считает наиболее вероятным формирование культур ямочно-гребенчатой керамики на местной мезолитической основе.

Значительное внимание в Институте археологии НАН Украины уделяется изучению трипольской культуры, о чем свидетельствует целый блок докладов, с которыми выступили сотрудники института. *Т.Г. Мовша*, проанализировав систему основных признаков томашевской культуры Трипольско-Кукутенской общности, пришла к выводу о том, что эта культура соотносится генетическими истоками с этносом петренской культуры. Наиболее яркое проявление связано с материалами владимировской группы. Финал развития этноса этой группы совпадает с такими позднейшими памятниками, как Томашевка. *Е.В. Цвек* в докладе “Восточное Триполье и некоторые аспекты археологической культуры” отмечает, что сравнительный анализ признаков, характеризующих кукутенскую и восточнотрипольскую культуры показывает значительные отличия в их материальной и духовной жизни и еще раз подчеркивает самостоятельность восточнотрипольской культуры. *А.В. Николова* (“Заметки к палеоэкономическим реконструкциям ранних форм земледелия (на примере Трипольской культуры)”) продемонстрировала, что существующие реконструкции хозяйственной деятельности трипольцев нуждаются в корректировке, и, в первую очередь, это касается реконструкции аграрнохозяйственных зон поселений-гигантов. *Э.В. Овчинников* в сообщении “Пластика с реалистическими головами как антропологический идентификатор трипольского населения” выдвигает предположение о том, что реалистические головки с арменоидными чертами не только отражают присутствие арменоидов в среде этого населения, но и представляют антропологический тип достаточно влиятельной социальной и этнической группы.

Доклады, связанные с изучением культур энеолита-бронзы в основном были посвящены проблемам реконструкции социальной структуры обществ и хозяйственной деятельности населения. *В.В. Отрощенко* в докладе “К генезису харизматических кланов”, приводит развернутую аргументацию оригинальной гипотезы о южноуральском происхождении харизматических кланов. Именно в ареале “Страны городов”, представленной укрепленными поселениями и могильниками синташтинской культуры, на могильниках возле крепостных стен известны наиболее ранние случаи установки в погребальной камере колесницы с телом воина.

К.П. Бунятян посвятила свой доклад “К реконструкции способа жизни скотоводов степной полосы Северного Причерноморья” поискам ответа на вопрос, можно ли его назвать кочевым. Комплексный характер хозяйства этому противоречит. Однако диспропорция между погребальными памятниками и поселениями, несовпадение территории их распространения сближают энеолитическое население с кочевниками. Автор считает, что подвижность эта была ограниченной, с точки зрения ее динамики и осваиваемого пространства. Дальнейшее развитие земледелия в эпоху бронзы показывает, что у кочевничества тогда не было перспектив.

А.Л. Нечитайло в докладе “Единство культур и вмещающего ландшафта” подчеркивает, что степь в эпоху энеолита была не только проводником новых идей с новыми людьми, она впитывала их, синтезируя и адаптируя к определенным условиям. Именно поэтому отмечается унифицированность

как в идеологических представлениях, так и в сфере производства у носителей степных культур.

В докладе *Ю.М. Бровендера* “Хозяйство населения срубной культурно-исторической общности Среднего Подончья” содержится вывод о том, что металлургическое производство этой общности было по своему характеру ремесленным. О тесных связях с донбасскими горняками свидетельствует не только близость инструментария и керамических комплексов, но и синхронность Бахмутских медных рудников и поселений Доно-Донецкого региона.

Рассматривались также проблемы смены археологических культур, связанные с расселением и миграциями племен. *И.И. Дремов* и *И.В. Семенова* в докладе “Смена культурных традиций в степном Поволжье между финальной бронзой и началом РЖВ” предложили свою версию разгадки вопроса об исчезновении срубников и ухода носителей поздневаликовской культуры. Высказано предположение, что Ригведа, памятник, созданный воинственными кочевниками, заселившими древнюю Индию, оставлена потомками скотоводческих срубных и андроновских племен, а более поздняя Авеста отражает мировоззрение древних иранцев – оседлых земледельцев и скотоводов, потомков культур валиковой керамики.

С.Д. Лысенко в докладе “К вопросу о пространственно-временной структуре тшинецкого культурного круга” рассматривает тшинецкий культурный круг как следствие волн “карпатизации”, шедших из Карпатского очага культурогенеза. Совпадение ареала распространения кремаций тшинецкого культурного круга с ареалом древнейших славянских гидронимов позволяет искать протославян не во всем массиве древностей, а только в группах Тшинецкой (Лесной) линии развития, в первую очередь в Припятской и Киево-Житомирской.

Ряд докладов и сообщений был посвящен результатам исследования отдельных категорий материала и конкретных памятников: *Л.В. Кулаковская* “Индустрия с Keilmesser в Королево”; *Г.Т. Обыденнова*, *И.А. Шутелева*, *Н.Б. Щербакова* “Мурадымовское поселение – памятник бронзового века Башкирского Приуралья”; *С.Н. Рыжова* “Исследования трипольского поселения возле г. Ржищев”; *С.С. Лысенко* проанализировала 33 подвески “белогрудовского типа”, предложила их типологию и обосновала вывод о том, что эти подвески являлись украшением височных частей женского головного убора, возможно крепившимся на лентах. *Л.А. Спицына* пришла к выводу о своеобразии керамики среднего слоя поселения Михайловка, что дает основания для выделения отдельной археологической культуры.

Многочисленные вопросы вызвали доклады, в которых рассматривались проблемы хронологии (*В.А. Манько* “Абсолютное датирование неолитических памятников Среднего Подончья”, *В.К. Пясецкого* “Геологическая стратиграфия палеолита как фактор времени”), древней металлургии (*Л.А. Черных* “Проблемы изучения металлопроизводства степных культур Украины (эпоха энеолита-средней бронзы)”).

Наиболее многочисленная секция “Археологии раннего железного века и средневековья” объединила работу специалистов по скифской, античной, сарматской, славянской и средневековой археологии. Доклады отличались разнообразием тематики и применяемой методикой исследования. Как всегда, обратили на себя внимание и вызвали вопросы доклады по скифо-античной тематике. *А.С. Руслева* в докладе “Образование – основа духовной культуры Ольвии Понтийской” обосновывает вывод о том, что только благодаря образованности, несмотря на все перипетии и чужеродные вторжения в сферу языка, письменности и религии, ольвиополиты до конца своей истории сумели сохранить основу

своей духовной культуры, постоянно служившей связующим звеном со всей античной цивилизацией. *М.В. Скржинская* в докладе “Древнегреческие праздники в Северном Причерноморье” рассматривает их как структурообразующий фактор общественной жизни. Граждане, некогда все активно участвовавшие в праздниках, постепенно разделяются на исполнителей, среди которых все больше становится профессионалов, и зрителей. О развитии этой тенденции и на северном краю греческой ойкумены косвенно свидетельствует наличие в Причерноморье театров и стадионов.

В.В. Назаров в докладе “К вопросу о том, кто и зачем основал Неаполь Скифский (вариант исторической реконструкции)” обосновывает свою гипотезу об основании города в середине II в. до н.э. группой ольвиополитов, в соответствии с замыслом царя Скилура. Антихерсонесская экспансия скифов как нельзя лучше отвечала интересам Ольвии и открывала перед ней по сути последнюю возможность захвата ключевых позиций в морской торговле. По-видимому, название города возникло в среде переселенцев, а может быть, и жителей самой Ольвии и отражало факт основания “нового” города в отличие от “старого” – Ольвии.

Ю.В. Болтрик в докладе “Подземные святилища скифов” предлагает интерпретировать загадочные подкурганые подземные ходы, лазы, своего рода пещеры именно как культовые сооружения. Подтверждение этому он находит в индоевропейской мифологической традиции. В докладе *Е.Е. Фиалко* содержится типология местной и импортной керамики из раскопок оборонительного сооружения Трахтемировского городища. Доклад *Л.С. Клочко, З.А. Васиной* был посвящен реконструкции женского костюма населения Лесостепного Правобережья в скифское время (Киево-Черкасский регион). В частности, авторы показали, что типы головных уборов, одежды, обуви периода скифской архаики подобны тем, которые бытовали в предскифское время (чернолесская культура). Впоследствии (V–IV вв. до н.э.) аристократический костюм становится похож на тот, который носили скифянки, но ряд аксессуаров указывает на взаимодействие местных и “иранских” элементов, а также на влияние эллинских. Новые антропологические материалы, представленные в докладе *Л.В. Литвиновой* “Население Европейской Скифии по антропологическим данным”, подтверждают точку зрения об автохтонном происхождении населения Степи и Лесостепи скифского времени и формировании его на основе населения культуры многоваликовой керамики, срубной и белозерской культур как с территории причерноморской степи, так и с западных и восточных регионов.

Выделяется большая группа докладов, посвященных древностям I тыс. н.э., связанных с проблемой происхождения славян. Фаворитом среди них традиционно является черняховская тематика. Она представлена различными направлениями. Проблеме формирования и этнической идентификации культуры посвящен доклад *И.С. Винокура* “Субстратные археологические культуры в истории восточных славян”. Автор считает, что доминирующую роль в сложении восточнославянских древностей сыграли местные субстратные памятники, которые фиксируют поступательное развитие коренной этнической общности и свидетельствуют о длительном оседлом земледельческом характере населения лесостепи Украины. Вместе с тем определенную роль сыграли сарматские и гото-гепидские племена, а позднее гунны и авары.

Б.В. Магомедов в докладе “Поздний этап истории “поздних скифов” рассматривает эту общность как полуварварскую общность греко-римского мира с эллинизированной культурой. После скифских войн (конца III–IV вв.) часть жителей Нижнего Днепра расселяется в основном в Центральную Украину, о чем свидетельствуют смешанные некрополи

гото-скифского населения (Журавка, Данилова Балка, Канев, Курники). Погребения середины V в. на могильнике Тисадоб (Венгерская низменность) дают основания предположить, что после перенесения Атиллой ставки на Средний Дунай сюда же переселяются и союзники гуннов – остготы вместе с “поздними скифами”.

Скрупулезному изучению различных категорий археологического материала с целью уточнения культурно-хронологических характеристик посвящены доклады *Р.Г. Шишкина* “Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры” и *О.В. Петраускаса, В.В. Пастернака* “Стеклянные сосуды могильника черняховской культуры Великая Бугаевка в Среднем Поднепровье”.

В докладе *О.В. Бобровской* “Опыт применения методики палеосоциологических исследований в черняхововедении” рассматривается проблема определения пола погребенного по составу инвентаря, которая является весьма острой, в связи с обычаем “ритуального разрушения могил”, при котором основной набор предметов инвентаря сохраняется, но проведение антропологического анализа невозможно. Автору удалось выделить полодифференцирующие признаки по устойчивому сочетанию типов инвентаря.

Не исключено, что в незатухающих спорах об этническом составе черняховской культуры решающее слово также скажут антропологи. Весьма важные выводы в этом плане изложены в докладе *Т.А. Рудич* “Население черняховской культуры Украины. Антропологический аспект”. Материалы могильников свидетельствуют об этнической неоднородности населения и указывают на разную направленность связей.

Большой интерес вызвали доклады польских археологов о древностях, синхронных черняховским. Это доклад *К. Валенты* о поселениях вельбарской культуры на Поморье и сообщение *Б. Незабитовской* об изучении могильников римского времени в Юго-Восточной Польше, доклад *М. Жучинского* о гребнях масломенцкой группы.

Практически единственным исследованием по заруби-нецкой тематике был доклад *Р.В. Терпиловского*, посвященный керамике рубежа нашей эры с поселения Оболонь, раскопанного А.М. Шовкопляс. Обращают на себя внимание также доклады *Д.А. Сташенкова* из Самары о ранних памятниках именьковской культуры в Среднем Поволжье и *Л.И. Ашихминой* о курганных могильниках эпохи Великого переселения народов Европейского Северо-Востока.

Проблемы интерпретации археологических материалов в свете новых разработок по языкознанию и фольклористике рассматривали *Л.М. Рутковская* (“К происхождению этнического термина “славяне”) и *Г.Д. Кравчук* (“Имя и этнос (по данным древнерусской антропонимии)”).

Ряд докладов посвящен изучению технологических особенностей орудий труда. *Д.П. Недопако* и *С.В. Паньков* в докладе “Технико-технологические исследования остатков древней черной металлургии и металлообработки в окрестностях с. Синица” обосновывают вывод о том, что рабочие площадки, как и весь производственно-поселенческий комплекс, датируются середины I в. до н.э. – I в.н.э. Поселение имело ремесленную направленность деятельности, а не сельскохозяйственную. *В.И. Завьялов* в докладе “Технологические особенности древнеудмуртских кузнечных поковок (поломская культура)” отметил, что в конце VIII – начале IX вв. ломские кузнецы получают мощный технологический импульс, перерабатывают его в соответствии со своими знаниями, навыками и традициями и широко внедряют в свою практику новую технологическую схему. Задачей дальнейших археометаллографических исследований является выделение регионов, откуда мог исходить этот импульс. В докладе *Л.С. Розановой* и *Н.Н. Тереховой* “Появление первых

железных изделий у финно-угров Среднего Поволжья и становление местной металлообработки” содержится вывод о том, что наряду с поступлением в Волго-Камье в конце VIII–VII вв. до н.э. готовых изделий с Кавказа, часть изделий изготавливались на месте пришлыми мастерами. Освоение местными мастерами способов железообработки относится к VI в. до н.э. При этом финно-угорские кузнецы не использовали кавказские технологические традиции.

Значительно больше докладов было связано с археологическими исследованиями памятников средневековья. Они посвящены результатам раскопок древнерусских городов. *Л.И. Виноградская* в докладе “Замок в социально-пространственной структуре городов и местечек Правобережной Украины XIII–XVII вв.” выделила три основных этапа, неразрывно связанные с военно-политической историей страны вплоть до XVIII в., когда замок перестает играть решающую роль. *Б.А. Прищеп* рассматривает сожженные крепости, как и многочисленные клады Волыни XI–XII вв., как свидетельство борьбы волынских князей с великокняжеской властью. *С.И. Климовский* в сообщении “Жертвенные ямы древнерусского Киева”, основываясь на ограниченном времени существования анализируемых объектов – X в., составе материалов и не имеющей аналогов структуре заполнения, интерпретирует их как объекты, связанные с языческим культом. Возможно, они являются разновидностью закладных ям, оставленных полиэтническим населением города.

Выделяются доклады, посвященные исследованию различных аспектов развития средневековых ремесел и промыслов: *С.В. Павленко* “Информационные формализовано-статистические подходы в исследовании производства пиррофилитовых пряслиц и украшений”, *О.В. Филлюк* “Лесохимические промыслы как археологический объект исследования на сельских поселениях IX–XIII вв.”. *П.С. Михайлов* в сообщении “Технология производства изделий с перегородчатой эмалью в Киевской Руси XII–XIII вв.”, отмечает, что перегородчатая эмаль как совершенно самостоятельное, независимое от традиционного ювелирного, ремесло является последним из ремесел, импортированных из Византии в домонгольский период. Первые мастерские являлись греко-русскими по составу и принадлежали к княжескому и монастырскому хозяйству.

Ряд докладов был посвящен степным соседям славян. *Л.И. Красильникова* в докладе “Конструктивные признаки и

типология жилищ степного Подонцовья в салтовский период” подчеркивает, что праболгары, оседавшие на земли, осваивая комплексные хозяйства, отстраивали жилища, характерные для оседлых народов. Постройки постоянного проживания возникали там, где активно протекал процесс оседания самостоятельно, но никак не из-за влияния славян, хотя признаки их проживания в среде праболгар известны.

Историю степей Подонцовья в постмонгольский период исследовал *К.И. Красильников*. Анализ погребальных памятников и обряда показал, что племена кочевников, относящиеся к тюркскому этносу, в основном к кыпчакской группе тюркских языков, из Заволжья и Приуралья перемещались в европейские степи как в период массовых движений монголо-татар, так и позднее. Небольшие группы этномигрантов существенно не изменяли этническую и историческую ситуацию в Восточноевропейской степи.

М.В. Ельников в докладе “К вопросу о миграциях во времена Золотой Орды в Нижнем Поднепровье” отмечает, что в XIII–XIV вв. в регионе проживало неоднородное оседлое “христианское” население, включающее славян, алан и болгар. Возможно, памятники оседлого “нехристианского” населения левобережья Днепра вокруг Кучугурского городища маркируют территорию центра орды Мамай, которая продвинулась в этот регион после битвы 1362 г. на Синих Водах. Могильник XIV в. на территории комплекса Мамай-Гора позволяет говорить об “обратной кыпчакской колонизации” из Крыма после введения ислама в Золотой Орде.

К сожалению, не все, приславшие заявки на доклады и тезисы, смогли приехать в это сложное время на конференцию. И тем не менее проведенная конференция свидетельствует о необходимости таких научных форумов для свободного обмена мнением, обсуждения дискуссионных идей. Количество и разнообразие тематики прочитанных докладов, острые дискуссии, вся атмосфера конференции как нельзя лучше соответствовали памяти об ученом, отдавшем свой талант и вдохновение, посвятившем всю жизнь этой романтической профессии.

К открытию конференции в музее археологии была подготовлена выставка, посвященная В.Ф. Генингу, а в библиотеке института – выставка его работ, издан сборник “Сучасні проблеми археології” (Київ; Ін-т археології НАН України, 2002. 259 с.), благодаря чему все желающие могут детальнее ознакомиться с докладами.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

Н.С. Абашина, С.П. Пачкова

КОНФЕРЕНЦИЯ “НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.Е. АЛИХОВОЙ И АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ” (Пенза, 2002)

11–14 ноября 2002 г. в г. Пенза состоялась конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А.Е. Алиховой. Организаторами конференции явились Пензенский государственный объединенный краеведческий музей, Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского и администрация железнодорожного района г. Пенза. В работе конференции приняли участие 50 человек из 15 городов России. На пленарном заседании своими воспоминаниями о А.Е. Алиховой поделилась *Р.Ф. Воронина* (Москва). *Ю.А. Зеленевым* (Йошкар-Ола) был сделан доклад, посвященный исследованиям А.Е. Алиховой, в кото-

ром он высоко оценил вклад Анны Епифановны в изучение этнокультурной истории средневекового Поволжья.

На секции “Каменный и бронзовый век” был заслушан 21 доклад. По своей тематике они подразделялись на два основных направления. Это новые исследования археологических памятников и доклады, в которых затрагивались проблемные темы. *А.А. Бессуднов* (Липецк) рассказал об исследованиях стоянки финального палеолита Замятино 14, *И.В. Федюнин* (Воронеж) – о раннемезолитической стоянке с кварцевой индустрией Ильмень-Голова, *Н.С. Березина* и *А.Ю. Березин* (Чебоксары) – о раннеолитических Мукшумских стоянках, *А.В. Сурков* (Воронеж) – о неолитичес-

ких стоянках бассейна р. Савала, *Р.О. Смольянинов* и *К.О. Надов* (Липецк) – о неолитических стоянках, расположенных у с. Карамышево, *А.А. Выборнов*, *А.И. Королев* (Самара), *В.В. Ставицкий* (Пенза) и *В.П. Челяпов* (Рязань) – о раскопках многослойного поселения Городок 1 на р. Рано-ва, *А.В. Вискалин* (Ульяновск) – о раннеолитической стоянке Елшанка 10 на р. Свяга и энеолитическом поселении Ховрино на р. Барыш, *В.П. Челяпов* (Рязань) – о новых стоянках имеркской культуры Рязанского Поочья, *В.В. Сидоров* (Москва) – о материалах из раскопок Б.А. Куфтина энеолитического поселения Ибердус, *В.В. Гришаков* (Саранск) и *В.В. Ставицкий* (Пенза) – о поселении раннего бронзового века Широмаково 1 на Нижней Мокше, *М.В. Ивашов* (Липецк) – о катакомбных постройках поселения Замятно 10.

В докладе *В.В. Сидорова* (Москва) и *В.В. Ставицкого* (Пенза) рассмотрена проблема выделения локальных вариантов льяловской культуры в бассейне р. Ока. Льяловские древности данного региона подразделяются ими на рязанский, западнотатарский, восточнотатарский и балахнинский локальные варианты. *А.И. Юдиным* (Саратов) проанализирована мелкая скульптурная пластика Варфоломеевской стоянки. В качестве женских изображений им были интерпретированы находки путовых костей лошадей, имеющие поперечные нарезки. Во втором докладе им рассмотрены вопросы развития каменной индустрии орловской культуры. В докладе *А.А. Хрекова* (Балашово) и *В.В. Ставицкого* (Пенза) пересмотрена хронология памятников дронинского типа, происхождение которых они связывают с проникновением в конце V – начале IV тыс. до н.э. носителей каиршакских традиций украшения посуды в Прихоперье. Доклад *А.В. Воронина* (Самара) посвящен сравнительному анализу памятников средневожской культуры. В докладе *С.Н. Гапочки* (Воронеж) рассмотрены вопросы синхронизации памятников среднедонской неолитической культуры с древностями сопредельных регионов. *В.В. Ставицкий* (Пенза) сделан доклад, посвященный дискуссионным вопросам изучения раннеэнеолитической воротничковой керамики. По его мнению, формирование воротничковых культурных традиций происходит на территории степной зоны без заметного влияния со стороны населения лесных культур. В докладе *А.А. Хрекова* (Балашов) проанализированы материалы прихоперских памятников с ямчато-жемчужной керамикой, которые были отнесены им к финалу бронзового века. Доклад *Д.В. Кормилицына* (Самара) посвящен детским погребениям раннего и среднего бронзового века лесостепного Заволжья.

На секции “Раннего железного века и средневековья” заслушано 32 доклада, среди которых были представлены выступления по проблемам городецко-дьяковских культур и скифов, раннего и развитого средневековья Поволжья и Сибири. Особый интерес вызвали доклады *Ю.А. Зеленева* (Йошкар-Ола), *Е.М. Пигарева* (Астрахань), посвященные проблемам охраны и реставрации золотоордынских городов в современных условиях и *Р.А. Сингаулина* (Саратов) о применении инфракрасной стереофотограмметрической системы видения при изучении археологических объектов.

По вопросам раннего железного века в докладе *В.В. Сидорова* (Москва) поднимались проблемы южной границы дьяковской культуры, *А.И. Пузикова* (Москва) рассмотрела городища и поселения скифского времени в Курском Посеймье, *Т.В. Морозова* (Липецк) рассказала о городецких жилых и хозяйственных комплексах лесостепного Подонья. Среди проблем раннего средневековья большой интерес вызвал доклад *Г.И. Матвеевой* (Самара) о латенских элементах в Андреевском кургане. При этом было отмечено, что неправомерно выделять сарматские черты и необходимо признать западные черты в погребальном комплексе кургана. Выступления *А.В. Павлихина* (Пенза) и *И.В. Нефедова* (Самара) посвящены вопросам вооружения населения III–V вв. н.э. сурско-окского междуречья. В большинстве до-

кладов рассматривались вопросы развитого средневековья. В докладах *Н.А. Лифанова* (Самара) и *А.В. Расторопова* (Самара) рассказано об уграх в Поволжье, девять выступлений были посвящены мордве, восемь – булгарам и аскизско-булгарским контактам, пять – Золотой Орде.

Р.Ф. Воронина (Москва) рассказала о погребальном обряде мордвы, где особо выделила роль бога-солнца в расположении ямы и ориентировке погребенных, а также о последних исследованиях Ядинского могильника, где были выявлены разные типы погребений, *С.В. Святкин*, *Р.М. Чадин* (Саранск) – о связи погребений мордвы с положением солнца, *А.В. Лунатов* (Саранск) – о боевых топорах у мордвы VIII–XI вв., *А.Н. Тишкина* (Саранск) – о бусах Степановского могильника (на Ляче), *О.В. Седышев* (Саранск) – о погребении мордовского всадника из II Журавкинского могильника, *Т.В. Осипова* (Пенза) – об обряде обезвреживания в сурско-окском междуречье, *А.А. Губанов* (Пенза) – о мордовском могильнике Татарская Лака II.

Среди докладов по булгарам и аскизской культуре были выступления *И.Л. Кызласова* (Москва) – о связях мечей Южной Сибири и Восточной Европы, в котором он проследил эволюцию отдельных деталей сабли и пути распространения инноваций, а также тактику сражений в Южной Сибири, *К.А. Руденко* (Казань) – о происхождении и развитии элементов аскизской культуры в Поволжье и Примокшанье, *Г.Н. Белорыбкина* (Пенза) – о Золотаревском поселении, где собраны новые материалы, убедительно свидетельствующие о присутствии предметов аскизской культуры и их подражаний, а также многочисленные предметы вооружений, среди которых собрано более тысячи наконечников стрел, *А.М. Губайдуллина* (Казань) – о реконструкции крепостных сооружений средневековых городищ Пензенского края в зависимости от места и типа крепости, где сочетались разные типы укреплений, *Е.В. Погорелова* (Пенза) – о находке сабли XII–XIII вв. у г. Пенза, *Д.Ф. Мадурова* (Москва) – о постсасанидском стиле Волжской Булгарии, на примере многочисленных ювелирных изделий, *В.А. Винничека* (Пенза) – о ременных накладках из цветных металлов с верхнесурских средневековых поселений, *Н.Н. Грибов* (Н. Новгород) – о цветном металле Саровского городища, ассортименте изделий, химическом составе и производстве, *М.М. Кавеев* (Казань) – о булгарских селищах.

По археологии Золотой Орды были сделаны доклады *А.Ф. Кочкиной* (Самара) – о новых золотоордынских материалах Самарского Поволжья, *К.Ю. Моржерина* (Саратов) – о раскопках мавзолея у с. Царевщино, *Д.А. Кубанкина* (Саратов) – о находке на Увеке печати князя Михаила, *Е.М. Григорьева* (Йошкар-Ола), *К.А. Руденко* (Казань) – о ювелирных изделиях с Селитренного городища, *И.В. Семеновой* (Саратов) – о двух кочевнических погребениях с наборными поясами.

Практически по всем вопросам возникали оживленные дискуссии, в которых приняли участие *И.Л. Кызласов*, *Г.И. Матвеева*, *А.Ф. Кочкина*, *Ю.А. Зеленева*, *С.В. Святкин*, *К.А. Руденко*, *Н.Н. Грибов*. Было отмечено наличие множества нерешенных проблем и новаторский характер решения некоторых из них, правда, не всегда убедительно. Живо обсуждались проблемы распространения аскизских древностей в Восточной Европе, и было предложено организовать совместные исследования по связям Поволжья с Южной Сибирью. В резолюции конференции также был подчеркнут значительный вклад *А.Е. Алиховой* в археологию Восточной Европы и необходимость публикации ее научного наследия.

В рамках программы конференции был организован выезд на Золотаревское поселение, где участники конференции визуально познакомились с территорией памятника и особенностями фортификации городища.

В настоящий момент материалы конференции готовятся к изданию в виде сборника статей, куда планируется включить неопубликованную работу *А.Е. Алиховой* об алачах.

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР “ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКЕ”

9–14 сентября 2002 г. в Ханты-Мансийске в рамках I Северного археологического конгресса был проведен X международный научный семинар “Интеграция археологических и этнографических исследований”, посвященный 290-летию со дня рождения С.П. Крашенинникова. Его организаторами были Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Ассоциация антропологов и этнологов России, Институт истории и археологии УРО РАН, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова НАН Казахстана, Омский государственный университет, Уральский государственный университет, Сибирский филиал Российского института культурологии МК РФ.

Это был десятый, юбилейный семинар, организованный омским коллективом археологов и этнографов, занимающихся разработкой этноархеологического направления. За эти годы ими были организованы и проведены семинары в разных концах нашего государства: Дальний Восток (Владивосток) и Северный Кавказ (Нальчик), Башкирия (Уфа) и Западная Сибирь (Омск, Новосибирск), Санкт-Петербург и Москва. Проведение семинара в разных регионах России позволяет установить контакты с учеными столичных и местных научных центров, апробировать новые научные концепции, ознакомиться с новыми материалами и новейшими результатами исследований коллег.

В настоящее время в Омске сложилась уникальная база данных о научных центрах России и отдельных ученых, занимающихся проблемами интеграции археологических и этнографических исследований. Значение этой информации трудно переоценить. Можно считать, что в отечественной науке складывается сообщество ученых разных специализаций, постоянно занимающихся вопросами интеграции археологии и этнографии и способных решать глобальные задачи исторической науки.

Для участия в семинаре подали доклады 86 исследователей из 27 городов России, а также Японии и Германии. Сборник научных докладов этих ученых опубликован: “Интеграция археологических и этнографических исследований”. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. 264 с. / Отв. ред. Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Томилов Н.А.

К сожалению, почти половина ученых по разным причинам в Ханты-Мансийск приехать не смогли. В X семинаре приняли участие специалисты из Анадыря, Барнаула, Екатеринбурга, Ижевска, Казани, Кемерово, Москвы, Новосибирска, Омска, Северска, Сургута, Тобольска, Томска, Тюмени, Улан-Удэ. Всего было заслушано 40 докладов. Участники семинара ответили на многочисленные вопросы коллег, состоялось несколько дискуссий по разным проблемам археологии и этнографии.

Семинар открыл *Н.А. Томилов* (Омск), который в докладе “Российский международный научный семинар “Интеграция археологических и этнографических исследований” (к 10-летию со дня основания)” осветил историю проведения семинара и формирования основных направлений научных исследований в этой области.

Затем были заслушаны доклады *in memoriam*. *Н.А. Томилов* (Омск) в выступлении “Степан Петрович Крашенинников и его вклад в этнографическое сибиреведение” описал работы этого исследователя и их оценку академиком А.П. Окладниковым. *Д.О. Плахута* (Омск) в сообщении “Археологическая деятельность В.Н. Чернецова и изучение

древнего рыболовства Обь-Иртышья в 1930-е – начале 50-х гг.” остановился на процессе накопления источниковой базы и оформления концепции формирования рыболовческого уклада аборигенов Сибири в работах В.Н. Чернецова. *А.Ю. Борисенко* и *Ю.Б. Худяков* (Новосибирск) рассмотрели результаты историографических работ ученых Новосибирского государственного университета, касающихся деятельности немецких ученых по изучению Сибири в докладе “Изучение научного наследия немецких ученых XVIII–XIX вв. – исследователей сибирских древностей – в Новосибирском государственном университете”.

Серия докладов была посвящена теоретическим, методологическим и методическим проблемам интеграции археологии и этнографии. *Н.А. Томилов* (Омск) в обобщающем докладе “Некоторые направления этноархеологии в Омском научном центре России” показал некоторые результаты работ по направлениям: история и периодизация этнографо-археологических исследований; формирование российской этноархеологии; методика этноархеологических исследований; разработка проблем этнографо-археологических комплексов.

Тихонов С.С. познакомил исследователей с методикой и результатами картографирования поселений, описанных академиком Г.Ф. Миллером в 1734–1741 годах, в докладе “Изучение этнографо-археологических комплексов народов Сибири и метод картографирования”.

Проблемам использования ГИС-технологий и ЭВМ в этноархеологических работах были посвящены доклады ученых *А.М. Пуртова* и *С.Ф. Татаурова* из Омска (“Технология создания ГИС археологических памятников”), *А.Ф. Шорина* и *М.Ю. Баранова* из Екатеринбурга (“Опыт реконструкции сакрального пространства хантыйских жилищ начала XIX в. на основании сопоставления археологического и этнографического материала”).

Т.Н. Глушкова (Сургут) в докладе “Декор технологии ткачества: диалектика перехода (взаимосвязи)” рассмотрела семантику и формирование некоторых керамических орнаментов и показала их взаимосвязь с приемами плетения сосудов из растительных материалов. Возможности и результаты классического этноархеологического изучения стойбищ селькупов продемонстрировал *А.В. Кениг* (Ханты-Мансийск) в докладе “Концентрация предметов на селькупских стойбищах как признак хозяйственной направленности поселения”.

Большой интерес вызвал доклад *О.И. Новиковой* (Новосибирск) и *К. Шнеевайса* (Германия) “К проблеме типологии и интерпретации жертвенных комплексов (по материалам памятников бронзового и раннего железного века Западной Сибири)”. Эти исследователи доложили участникам семинара о результатах геофизических работ на поселении Чича и их интерпретации.

К.Н. Тихомиров (Омск) в докладе “К вопросу о возможной скорости движения мигрантов” проанализировал скорость передвижения мигрирующего населения в южнотаежной и северолесостепной местности.

С.Ф. Татауров (Омск) в докладе “Археолого-этнографические исследования в историческом контексте” показал возможность сопряжения археологических материалов XVII–XVIII веков с некоторыми сюжетами письменной истории.

Часть докладов содержала результаты конкретных исследований в рамках археолого-этнографической интегра-

ции и их методологическое и методическое обоснование. А.А. Бурханов (Казань) в докладе “Этнокультурная ситуация в среднеамударьинском регионе в эпоху средневековья (к проблеме изучения этнокультурных процессов в контактных зонах Центральной Евразии)” рассмотрел историю этого региона с III по XVIII в. и показал важность изучения контактных зон. Он же в докладе “Новые археологические исследования в Закавказском регионе Татарстана (предварительные итоги работ 2001 г.)” сообщил о результатах работ по истории средневекового Татарстана.

А.А. Тишкин (Барнаул) в докладе “Особенности погребальной практики у населения лесостепного Алтая в монгольское время (по материалам памятника Телеутский взвоз)” рассказал об изучении памятников монгольского времени на Алтае и познакомил ученых с некоторыми реконструкциями внутримогильных сооружений.

И.И. Романова (Анадырь) рассказала о формировании музея в Анадыре выделила несколько этапов формирования коллекций в докладе “История создания археологических и этнографических коллекций Чукотского автономного округа”.

Б.Б. Дашибалов (Улан-Удэ) в докладе “О самодийском субстрате в саянгульской культуре (X–XIV вв.) юго-восточной Сибири и в материальной культуре бурят” описал черты урало-саянского облика в культуре средневекового населения Забайкалья, которые он связывает с самодийским субстратом.

Н.И. Шутова (Ижевск) сделала доклад “Роль гребней в обрядовой жизни традиционного удмуртского общества”. Она считает, что гребни в традиционном удмуртском обществе выполняли утилитарную, эстетическую и религиозную функции, что и продемонстрировала на археологических, этнографических и фольклорных материалах.

А.М. Илюшин (Кемерово) в докладе “Саратовская археологическая культура” описал указанный археологический феномен эпохи раннего и развитого средневековья в Кузнецкой котловине. Он сообщил, что характерными чертами этой культуры являются погребальный обряд, отсутствие городищ и укрепленных поселений, керамическая посуда и отдельные предметы материальной культуры.

В.А. Могильников (Москва) описал верхнеобский, барабинский, кулундинский и восточно-казахстанский варианты сротскинской культуры в докладе “К этническому составу и генезису сротскинской культуры”. Затем он перешел к анализу субстрата и суперстрата этих вариантов и их особенностей.

Ю.С. Худяков (Новосибирск) в докладе “Функциональные свойства защитного вооружения nomadов Центральной Азии” проанализировал функции защитных доспехов по археологическим и письменным источникам. Однако исследователь считает необходимым применять экспериментальные и математические методы для более точной оценки свойств доспехов.

Л.М. Плетнева (Томск) сообщила о результатах раскопок русских погребальных комплексов в докладе “Погребения русских в курганных могильниках у дд. Астраханцево и Козюлино”. Об особенностях погребального обряда русских говорила и Л.В. Татаурова (Омск) в докладе “Об одном из элементов погребального обряда русских по данным археологии”. Она детально описала материалы раскопок могильника XVII–XVIII веков Изюк I, который она исследует в течение 3 лет. Продолжил серию докладов о поздних погребальных памятниках М.А. Корусенко (Омск). В докладе “Варианты устройства могильной камеры в погребениях тарских татар (XIX–XX вв.) (опыт анализа культурных взаимодействий)” он описал несколько способов устройства мо-

гильной ямы. По его мнению они отражают последовательные культурные напластования, связанные с влиянием сартов и поволжско-приуральских татар. С материалами о специфичном виде погребений познакомил Ю.И. Ожередов (Томск), сделавший доклад “К вопросу о погребениях в лодках у нарымских селькупов по археологическим материалам”. А.И. Боброва (Томск) в докладе “Палеоэтнографические материалы о погребальном обряде васюганских хантов” проанализировала данные раскопок памятников XVIII–первой пол. XX века и сравнила их с данными современного погребального обряда. К серии докладов о погребальной обрядности относился и доклад Е.М. Данченко и М.А. Грачева (Омск) “К характеристике погребального обряда населения южнотаежного Прииртышья эпохи позднего средневековья (по материалам Красноярского археологического комплекса)”. На этом памятнике были исследованы позднесредневековые татарские погребения, имеющие черты сходства с материалами других синхронных им комплексов. Комплекс памятников этого района Е.М. Данченко сопоставляет с известной по письменным источникам Кызыл-турой.

Ф.Х. Гильфанова (Тюмень) сделала доклад “Особенности этнического состава тарских татар”. Она говорила об этнических компонентах этой группы татар, и считает, что в ее состав вошли кыпчаки, ханты, башкиры, казахи. Этнический состав одной из сибирских деревень проанализировали М.Л. Бережнова и С.Н. Корусенко (Омск) в докладе “Евгашина, она же Елгашина, она же Изюк: ранний период истории старинного сибирского села”. Они использовали материалы “Дозорной книги Тарского уезда” и сумели восстановить пофамильный состав крестьян этого села и поставить вопрос об их этнической принадлежности.

Р.М. Валеев и А.А. Бурханов в докладе (Казань) “Некоторые проблемы изучения и сохранения памятников истории и культуры Татарстана и татарского народа: опыт их решения” поставили проблемы сохранения культурного наследия народов России и рассказали об опыте их решения.

С.В. Сотникова (Тобольск) рассмотрела семантику образа медведя у таежных народов Западной Сибири в докладе “Застежечный зверь”. По представлениям местного населения, медведь и человек взаимопревращаемы, а медвежья шкура, какой бы облик она ни скрывала, была знаком благополучия и возрождения жизни.

М.Н. Тихомирова (Омск) в докладе “Поминальная пища курдако-саргатских татар (по полевым материалам)” проанализировала материалы полевых экспедиций омских этнографов. Она считает, что на примерах, связанных с поминальной пищей, можно проследить процессы формирования этноса и культуры у татар Западной Сибири.

А.А. Ярзуткина (Абрамова) (Омск) в докладе “Традиционный праздник кошура байрам и его легендарно-мифологическое содержание (к изучению религиозного синкретизма курдако-саргатских татар)” рассмотрела народные легенды об этом празднике. В коллективном докладе А.А. Ярзуткиной (Абрамовой), А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой (Омск) “Хазыр Илйас в Сибири” были рассмотрены один из элементов религиозного комплекса тюрок Западной Сибири и трансформация мусульманской книжной традиции в этнографической среде.

В докладе “Местное право и информационная функция права” А.В. Червяковский (Омск) проанализировал явления правовой реальности и проблемы приоритетов местного и государственного права.

В заключение прозвучал доклад “История семинара “Интеграция археологических и этнографических исследований” на сайте кафедры этнографии ОмГУ” М.Л. Бережновой (Омск). Она рассказала о работах по созданию специализиро-

ванного сайта по этнографии, его структуре и материалах по этнографо-археологическим исследованиям, размещенным на нем.

Состоялось обсуждение ряда проблем археологии и этнографии. В частности, участники семинара обменялись мнениями по теоретическим и методологическим проблемам этноархеологии и интеграции археологии и этнографии. В обсуждении данной проблемы приняли участие Н.А. Томилов (Омск), А.М. Илюшин (Кемерово), Л.М. Плетнева (Томск), С.С. Тихонов (Омск), А.А. Тишкин (Барнаул), К.Н. Тихомиров (Омск) и другие ученые. Выступавшие в дискуссии отметили, что работа по интеграции археологии и этнографии может проводиться на самом разнообразном материале и с помощью многочисленных методик. К настоящему времени многими научными коллективами и отдельными учеными накоплен положительный опыт проведения работ в области интеграции археологии и этнографии и проведения комплексных исследований.

Для дальнейшего улучшения качества работ необходимо построить модели изучаемых феноменов, подготовить обобщающие исследования обзорные доклады. Положительным моментом является широкое использование информационных технологий, методов математических и естественных наук. Исследователи отметили, что некоторые доклады, безусловно интересные и важные, не полностью совпадали с проблематикой и тематикой семинара.

Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Омск

С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов

К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.В. ЦИРКИНА

В марте 2003 г. исполнится 75 лет со дня рождения профессора, доктора исторических наук, Заслуженного работника культуры Российской Федерации Циркина Алексея Васильевича, научная деятельность которого неразрывно связана, в течение сорока лет, с отечественной археологией в двух крупнейших регионах России: Среднем Поволжье и Южной Сибири.

В Среднем Поволжье сформировалась его научная специализация в области финно-угорской проблематики под непосредственным воздействием московской школы археологов и, в частности, под влиянием профессора А.В. Арциховского и А.П. Смирнова. Последний был его учителем и до конца своей жизни активно поддерживал его научные устремления. В Южной Сибири научная деятельность юбиляра сложилась не менее успешно, благодаря постоянной поддержке академика А.П. Окладникова и профессоров В.Е. Ларичева, А.И. Мартынова. Именно здесь, он сравни-

Подводя итог проведенному научному симпозиуму, необходимо подчеркнуть постоянно возрастающий интерес к проблеме интеграции археологических и этнографических исследований, расширение круга проблем методического и методологического характера, которые стали предметом исследования ученых, и постоянное расширение географии участников. Основные направления работы: “этноархеология как научное направление”, “история комплексных археолого-этнографических исследований”, “методика изучения интегрированных археолого-этнографических комплексов”, “исследование поздних археологических памятников”, “экспериментальная археология и этнография”, “интеграция археологии и этнографии с другими науками”.

Нельзя не отметить отличную подготовку I Северного археологического конгресса, в рамках которого проводился семинар. Гостеприимные хозяева великолепно организовали работу секций конгресса, решили вопросы проживания и питания участников конгресса, провели ряд экскурсий по г. Ханты-Мансийск и его окрестностям, организовали посещение научных и культурных центров города.

XI Международный научный семинар “Интеграция археологических и этнографических исследований” пройдет в Омске в начале июня 2003 г. в рамках V конгресса этнографов и антропологов России.

тельно быстро вошел в сибирскую тематику и стал трудиться в области “Историко-культурного возрождения народов Южной Сибири”, участвуя в различных региональных конференциях в Сибири, публикуя научные статьи в сборниках и научных журналах.

Более сорока лет профессор А.В. Циркин работает в высших учебных заведениях, читая студентам курсы по археологии, по истории России, ведя семинары и руководя курсовыми и дипломными работами. Важное место в вузовской деятельности юбиляра имело его постоянное руководство научной работой студентов, а позднее аспирантов. В итоге им подготовлена группа молодых ученых. Сочетая научную и педагогическую работу, им опубликовано 11 монографий и 250 научных, научно-популярных и методических статей. Мы от всей души поздравляем А.В. Циркина с юбилеем и желаем ему творческих удач.

Коллектив авторов